Основан в январе 1990 г.
Выходит один раз в квартал

2014. № 4

DOI: 10.15507/VMU.024.201404

Серия «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

Founder – Federal state-financed academic institution of higher education «Ogarev Mordovia State University»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. М. Вдовин – главный редактор, кандидат экономических наук

С. В. Полутин – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор

С. В. Гордина – ответственный секретарь, кандидат педагогических наук

П. В. Сенин – научный руководитель серии «Естественно-технические науки», доктор технических наук, профессор

А. Ю. Маслова – научный руководитель серии «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки», доктор филологических наук, профессор

Н. Ш. Ватолкина – координатор международного совета, кандидат экономических наук, доцент

EDITORIAL BOARD

S. M. Vdovin – *Editor in chief*, Kandidat Nauk degree holder (PhD) in Economic sciences

S. V. Polutin – *Deputy editor in chief*, Doktor nauk degree holder in Sociological sciences, professor

S. V. Gordina – *Executive editor*, Kandidat Nauk degree holder (PhD) in Pedagogic sciences

P. V. Senin – *scientific supervisor of «Engineering and Natural Sciences» series,* Doktor Nauk degree holder in Engineering sciences, professor

A. Ju. Maslova – *scientific supervisor of «Humanitarian, Economic and Social Sciences»* series, Doktor Nauk degree holder in Philologic sciences, professor

N. Sh. Vatolkina – *international counsil coordinator,* Kandidat Nauk degree holder (PhD) in Economic sciences, associate professor

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), свидетельство ПИ № ФС77-54869 от 26 июля 2013 г.

Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» **70539**

Адрес редакции:
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68.
Телефон, факс: +7 (8342) 48-14-24.

Editors office address:
68 Bolshevistskaya Str., 430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia.
Telephone, fax: +7 (8342) 48-14-24.

E-mail: vestnik_mrsu@mail.ru, inted@mail.ru
http://vestnik.mrsu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Серия «Естественные и технические науки»

Ф. Т. Агеев – д.мед.н, профессор (Москва, Россия) • **Е. И. Алексеева** – д.мед.н., профессор (Москва, Россия)
В. Н. Анисимов – д.мед.н., профессор (Москва, Россия) • **Л. А. Балыкова** – д.мед.н., профессор (Саранск, Россия)
Е. М. Дианов – д.ф.-м.н., профессор, действ. чл. РАН (Москва, Россия) • **В. Т. Ерофеев** – д.т.н., профессор (Саранск, Россия)
О. Е. Железникова – к.т.н., доцент (Саранск, Россия) • **Л. А. Игумнов** – д.ф.-м.н., профессор (Н. Новгород, Россия)
В. И. Калашников – д.т.н., профессор (Пенза, Россия) • **А. П. Калинин** – д.мед.н., профессор, чл.–кор. РАМН (Москва, Россия)
В. Н. Кечемайкин – к.э.н., доцент (Саранск, Россия) • **А. А. Котляров** – д.мед.н., профессор (Обнинск, Россия)
А. В. Котин – д.т.н., профессор (Саранск, Россия) • **Ю. Б. Лишманов** – д.мед.н., профессор, чл.–кор. РАМН (Томск, Россия)
В. И. Мидленко – д.мед.н., профессор (Ульяновск, Россия) • **Л. М. Макаров** – д.мед.н., профессор (Москва, Россия)
В. А. Маргулис – д.ф.-м.н., профессор (Саранск, Россия) • **С. А. Микаева,** д.т.н., профессор (Москва, Россия)
К. Н. Нищев – к.ф.-м.н., доцент (Саранск, Россия) • **Ю. Н. Прытков** – д.с.-х.н., профессор (Саранск, Россия)
В. А. Скрябин – д.т.н., профессор (Пенза, Россия) • **И. И. Чучаев** – к.ф.-м.н., доцент (Саранск, Россия)
А. А. Ямашкин – д.г.н., профессор (Саранск, Россия)

Серия «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»

Н. М. Арсентьев – д.и.н., профессор, чл.-кор. РАН (Саранск, Россия) • **Н. В. Буренина** – к.фил.н., доцент (Саранск, Россия)
Е. Я. Бурлина – д.филос.н., профессор (Самара, Россия) • **П. А. Гагаев** – д.п.н., профессор (Пенза, Россия)
Н. Д. Гуськова – д.э.н., профессор (Саранск, Россия) • **Г. В. Ившина** – д.п.н., профессор. (Казань, Россия)
Г. Б. Кошарная – д.соц.н., профессор (Пенза, Россия) • **В. И. Крусс** – д.ю.н., профессор (Тверь, Россия)
М. И. Ломшин – д.п.н., к.фил.н., профессор. (Саранск, Россия) • **Н. П. Макаркин** – д.э.н., профессор (Саранск, Россия)
В. Г. Маралов – д.псх.н., профессор (Череповец, Россия) • **Ю. А. Мишанин** – д.фил.н., профессор (Саранск, Россия)
С. Г. Пилипенко к.ю.н., доцент (Саранск, Россия) • **И. Е. Поверинов** – к.соц.н.,доцент (Саранск, Россия)
О. Ю. Рыбаков – д.ю.н., профессор (Москва, Россия) • **Т. А. Салимова** – д.э.н., профессор (Саранск, Россия)
Ф. А. Селезнев – д.и.н., профессор (Нижний Новгород, Россия) • **Т. Н. Сидоркина** – кандидат культурологии, доцент (Саранск, Россия)
Ю. Н. Сушкова – д.и.н., доцент (Саранск, Россия) • **Л. В. Табаченко** – д.фил.н., доцент (Ростов-на-Дону, Россия)
Е. М. Тужилова-Орданская – д.ю.н., профессор (Уфа, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Аллахвердиев Сурхай Рагим оглы, профессор кафедры лесной индустрии Бартынского государственного университета, доктор биологических наук, профессор (Бартын, Турция)
Бобрышев Юрий Вениаминович, старший научный сотрудник кафедры анатомии медицинского факультета Университета Нового Южного Уэльса, доктор биологических наук, профессор (Сидней, Австралия)
Буквич Райко, профессор Географического института «Jovan Cvijic» Сербской академии наук и искусств, доктор экономических наук, профессор (Белград, Сербия)
Булгаков Алексей Григорьевич, профессор Института строительного дела Дрезденского технического университета, доктор технических наук, профессор (Дрезден, Германия)
Бурбулис Наталия, директор Института биологии и биотехнологии растений, научный руководитель лаборатории Агробиотехнологии при Университете им. Александра Стулгинскиса, доктор биомедицинских наук, профессор (Каунас, Литва)
Ганс Гуски, член сообщества патологии г. Потсдама, доктор наук, профессор (Берлин, Германия)
Духовскис Повилас, заведующий лабораторией физиологии растений Института садоводства и овощеводства Литовского научного центра аграрных и лесных наук, действительный член АН Литвы, хабилитированный доктор, профессор (Бабтай, Литва)
Кусмарцев Федор Васильевич, декан физического факультета Университета Лафборо, кандидат физико-математических наук (Лафборо, Великобритания)
Лайко Ирина Михайловна, старший научный сотрудник, заведующий отделом селекции и семеноводства конопли опытной станции лубяных культур Института сельского хозяйства Северо-востока Национальной академии аграрных наук Украины, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Глухов, Украина)
Сосунов Александр Алексеевич, Колумбийский университет, департамент нейрохирургии, доктор медицинских наук, профессор (Нью Йорк, США)
Яновский Олег Антонович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

EDITORIAL BOARD

«Engineering and Natural Sciences» series

F. T. Ageev – d.med.sc., professor (Moscow, Russia) • **E. I. Alekseeva** – d.med.sc., professor (Moscow, Russia)
V. N. Anisimov – d.med.sc., professor (Moscow, Russia) • **L. A. Balykova** – d.med.sc., professor (Saransk, Russia)
E. M. Dianov – d.ph.-m.sc., professor, member-corr. of RAS (Moscow, Russia) • **V. T. Erofeev** – d.t.sc., professor (Saransk, Russia)
O. E. Zheleznikova – k.t.sc., docent (Saransk, Russia) • **L. A. Igumnov** – d.ph.-m.sc., professor (N. Novgorod, Russia)
V. I. Kalashnikov – d.t.sc., professor (Penza, Russia) • **A. P. Kalinin** – d.med.sc., professor, member-corr. of RAMS (Moscow, Russia)
V. N. Kechemajkin – k.nat.sc., docent (Saransk, Russia) • **A. A. Kotljarov** – d.med.sc., professor (Obninsk, Russia)
A. V. Kotin – d.t.sc., professor (Saransk, Russia) • **Ju. B. Lishmanov** – d.med.sc., professor, member-corr. of RAMS (Tomsk, Russia)
V. I. Midlenko – d.med.sc., professor (Ul'janovsk, Russia) • **L. M. Makarov** – d.med.sc., professor (Moscow, Russia)
V. A. Margulis – d.ph.-m.sc., professor (Saransk, Russia) • **S. A. Mikaeva**, d.t.sc., professor (Moscow, Russia)
K. N. Nishhev – k.ph.-m.sc., docent (Saransk, Russia) • **Ju. N. Prytkov** – d.agr.sc., professor (Saransk, Russia)
V. A. Skrjabin – d.t.sc., professor (Penza, Russia) • **I. I. Chuchaev** – k.ph.-m.sc., docent (Saransk, Russia)
A. A. Jamashkin – d.g.sc., professor (Saransk, Russia)

«Humanitarian, Economic and Social Sciences» series

N. M. Arsent'ev – d.h.sc., professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) • **N. V. Burenina** – k.phil.sc., docent (Saransk, Russia)
E. Ja. Burlina – d.filos.sc., professor (Samara, Russia) • **P. A. Gagaev** – d.p.sc., professor (Penza, Russia)
N. D. Gus'kova – d.econ.sc., professor (Saransk, Russia) • **G. V. Ivshina** – d.p.sc., professor (Kazan', Russia)
G. B. Kosharnaja – d.soc.sc., professor (Penza, Russia) • **V. I. Kruss** – d.ju.sc., professor (Tver', Russia)
M. I. Lomshin – d.p.sc., c.phil.sc., professor (Saransk, Russia) • **N. P. Makarkin** – d.je.sc., professor (Saransk, Russia)
V. G. Maralov – d.ps.sc., professor (Cherepovec, Russia) • **Ju. A. Mishanin** – d.phil.sc., professor (Saransk, Russia)
S. G. Pilipenko – k.ju.sc., docent (Saransk, Russia) • **I. E. Poverinov** – k.soc.sc.,docent (Saransk, Russia)
O. Ju. Rybakov – d.ju.sc., professor (Moscow, Russia) • **T. A. Salimova** – d.econ.sc., professor (Saransk, Russia)
F. A. Seleznev – d.i.sc., professor (N. Novgorod, Russia) • **T. N. Sidorkina** – k.cult., docent (Saransk, Russia)
Ju. N. Sushkova – d.h.sc., docent (Saransk, Russia) • **L. V. Tabachenko** – d.phil.sc., docent (Rostov-na-Donu, Russia)
E. M. Tuzhilova-Ordanskaja – d.ju.sc., professor (Ufa, Russia)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Allahverdi Surhay, head of Forest Industry chair of Bartin University, doktor nauk degree holder in biology, professor (Bartin, Turkey)
Bobryshev Jurij Veniaminovich, senior research associate of School of Medical Sciences, Faculty of Medicine, University of New South Wales, doktor nauk degree holder in biology, professor (Sydney, Australia)
Bukvich Rajko, professor of Geographic institute «Jovan Cvijic» of Serbian academy of sciences and arts, doktor nauk degree holder in economy, professor (Belgrad, Serbia)
Bulgakov Aleksej Grigor'evich, professor of Faculty of Architecture of Dresden University of Technology, doktor nauk degree holder in engineering, professor (Dresden, Germany)
Burbulis Natalija, director of Institute of Rural Culture, research adviser of Agrobiotechnology laboratories of Aleksandras Stulginskis University, doktor nauk degree holder in medicine, professor (Kaunas, Lithuania)
Guski Gans, Potsdam Pathology community member, doktor nauk degree holder in medicine, professor (Berlin, Germany)
Duchovskis Pavelas, head of Plant Physiology Laboratories of Lithuanian Research Centre for Agriculture and Forestry, fellow of Lithuanian Academy of Sciences, Dr. habil., professor (Babtai, Lithuania)
Kusmartsev Fedor Vasil'evich, dean of Institute Physics Loughborough University, kandidat nauk in physico-mathematical sciences (Loughborough, Great Britain)
Lajko Irina Mihajlovna, senior research associate, head of Hemp Breeding and Seedage of experimental station of textile plants of Institute of Bast Crops of the National Academy of Agrarian Sciences of Ukraine, doktor nauk degree holder in agriculture, professor (Gluhov, Ukraine)
Sosunov Aleksandr Alekseevich, Columbia University, department of neurosurgery, doktor nauk degree holder in medicine, professor (New York, USA)
Janovskij Oleg Antonovich, kandidat nauk degree holder in history, professor, head of Russian history chair of Belorussia State University (Minsk, Belarus)

ИНСТИТУТ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ПУБЛИКАЦИЙ

Серия «Естественные и технические науки»

Медицина

Балашов Владимир Павлович, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия)
Бебнева Тамара Николаевна, кандидат медицинских наук (Москва, Россия)
Блинов Дмитрий Сергеевич, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия)
Власов Алексей Петрович, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия)
Герасимова Наталья Геннадьевна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия)
Давыдкин Василий Иванович, кандидат медицинских наук, доцент (Саранск, Россия)
Еремина Елена Юрьевна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия)
Инчина Вера Ивановна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия)
Камаев Игорь Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
Кораблева Наталья Николаевна, кандидат медицинских наук, доцент (Сыктывкар, Россия)
Лещанкина Нина Юрьевна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия)
Мозеров Сергей Алексеевич, доктор медицинских наук, профессор (Обнинск, Россия)
Моисеева Инесса Яковлевна, доктор медицинских наук, профессор (Пенза, Россия)
Мосина Лариса Михайловна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия)
Новикова Людмила Владимировна, кандидат медицинских наук, профессор (Саранск, Россия)
Павелкина Вера Федоровна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия)
Пиксин Иван Никифорович, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия)
Плотникова Надежда Алексеевна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия)
Ураков Александр Ливиевич, доктор медицинских наук, профессор,
заслуженный изобретатель Российской Федерации (Ижевск, Россия)

Биология

Девяткин Аркадий Анатольевич, кандидат биологических наук, доцент (Саранск, Россия)
Кадималиев Давуд Али оглы, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия)
Кузнецов Вячеслав Александрович, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия)
Лукаткин Александр Степанович, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия)
Силаева Татьяна Борисовна, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия)
Трофимов Владимир Александрович, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия)
Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биологических наук, профессор (Саратов, Россия)

Математика

Андреев Александр Сергеевич, доктор физико-математических наук, профессор (Ульяновск, Россия)
Смольянов Андрей Григорьевич, кандидат физико-математических наук, доцент (Саранск, Россия)
Щенников Владимир Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор (Саранск, Россия)

Физика и химия

Васин Виктор Алексеевич, доктор химических наук, профессор (Саранск, Россия)
Зюзин Александр Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор (Саранск, Россия)
Курков Андрей Семенович, доктор физико-математических наук, профессор (Москва, Россия)
Логунов Михаил Владимирович, доктор физико-математических наук, профессор (Саранск, Россия)
Рябочкина Полина Анатольевна доктор физико-математических наук, доцент (Саранск, Россия)
Томилин Олег Борисович, кандидат химических наук, доцент (Саранск, Россия)
Шорохов Алексей Владимирович, доктор физико-математических наук, доцент (Саранск, Россия)

Технические науки

Амелькина Светлана Анатольевна, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия)
Ашрятов Альберт Аббясович, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия)
Богатов Андрей Дмитриевич, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия)
Горбунов Алексей Алексеевич, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия)
Животовский Григорий Альбертович, доктор технических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
Ивлиев Сергей Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия)
Коваленко Ольга Юрьевна, доктор технических наук, доцент (Саранск, Россия)
Кокинов Андрей Михайлович, доктор технических наук, профессор (Саранск, Россия)
Кудаев Сергей Петрович, кандидат физико-математических наук, доцент (Саранск, Россия)
Митин Эдуард Валерьевич, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия)
Панфилов Степан Александрович, доктор технических наук, профессор (Саранск, Россия)
Римшин Владимир Иванович, доктор технических наук, профессор (Москва, Россия)
Федоренко Анатолий Степанович, доктор технических наук, профессор (Саранск, Россия)
Чугунов Михаил Владимирович, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия)

Науки о Земле

Каверин Александр Владимирович, кандидат географических наук,
доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия)
Масляев Валерий Николаевич, кандидат географических наук, доцент (Саранск, Россия)
Носонов Артур Модестович, доктор географических наук, доцент (Саранск, Россия)

Сельскохозяйственные науки

Вельматов Анатолий Павлович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия)

Емельянов Сергей Владимирович, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент (Саранск, Россия)
Еряшев Александр Павлович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия)
Зенкин Сергей Александрович, доктор ветеринарных наук, профессор (Саранск, Россия)
Ивойлов Александр Васильевич, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия)
Матяев Владимир Иванович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия)
Смолин Николай Васильевич, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия)
Тельцов Леонид Петрович, доктор естественных наук, профессор (Саранск, Россия)

Серия «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»

Экономика

Ананьев Михаил Александрович, доктор экономических наук, профессор (Саранск, Россия)
Артемьева Светлана Степановна, доктор экономических наук, профессор (Саранск, Россия)
Кормишкина Людмила Александровна, доктор экономических наук, профессор (Саранск, Россия)
Краковская Ирина Николаевна, доктор экономических наук, доцент (Саранск, Россия)
Неретина Евгения Алексеевна, доктор экономических наук, профессор (Саранск, Россия)
Осипов Владимир Иванович, доктор экономических наук, профессор (Саранск, Россия)
Полушкина Татьяна Михайловна, доктор экономических наук, доцент (Саранск, Россия)
Федоськина Людмила Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Саранск, Россия)

Юриспруденция

Дудко Игорь Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор (Саранск, Россия)
Емелькина Ирина Александровна, доктор юридических наук, доцент (Саранск, Россия)
Еремин Алексей Роальдович, доктор юридических наук, профессор (Саранск, Россия)
Калинкина Любовь Даниловна, кандидат юридических наук, доцент (Саранск, Россия)
Фомина Лилия Юрьевна, кандидат юридических наук (Саранск, Россия)
Худойкина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор (Саранск, Россия)

История, социология и философия

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук (Саранск, Россия)
Богатырев Эдуард Дмитриевич, доктор исторических наук доцент (Саранск, Россия)
Гагаев Андрей Александрович, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия)
Елдин Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент (Саранск, Россия)
Емелькина Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия)
Изергина Нина Ивановна, доктор политических наук, профессор (Саранск, Россия)
Кистанов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Саранск, Россия)
Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор (Саранск, Россия)
Мочалов Евгений Владимирович, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия)
Новикова Надежда Львовна, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия)
Сергеенкова Вера Васильевна, кандидат исторических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь)
Трифонов Геннадий Федорович, кандидат геолого-минералогических наук, доктор философских наук, профессор (Чебоксары, Россия)
Шапошников Лев Евгеньевич, доктор философских наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Педагогика и психология

Андронов Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор (Саранск, Россия)
Винтин Игорь Анатольевич, доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор (Саранск, Россия)
Мешков Николай Иванович, доктор психологических наук, профессор (Саранск, Россия)
Романов Константин Михайлович, доктор психологических наук, профессор (Саранск, Россия)

Филология

Акимова Эльвира Николаевна, доктор филологических наук, доцент (Саранск, Россия)
Анашкина Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор (Саранск, Россия)
Антонов Юрий Григорьевич, доктор филологических наук, доцент (Саранск, Россия)
Гудкова Светлана Петровна, доктор филологических наук, доцент (Саранск, Россия)
Демин Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор (Саранск, Россия)
Ивлева Алина Юрьевна, доктор философских наук, доцент (Саранск, Россия)
Киржаева Вера Петровна, доктор педагогических наук, доцент (Саранск, Россия)
Клементьева Елена Филипповна, кандидат филологических наук, доцент (Саранск, Россия)
Конкина Лариса Семеновна, доктор филологических наук, профессор (Саранск, Россия)
Кудрявцева Раисия Алексеевна, доктор филологических наук, профессор (Йошкар-Ола, Россия)
Ракин Анатолий Николаевич, старший научный сотрудник института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
Свойкин Константин Бертольдович, доктор филологических наук, доцент (Саранск, Россия)
Филиппова Ольга Викторовна, доктор педагогических наук, доцент (Саранск, Россия)
Фурманова Валентина Павловна, доктор педагогических наук, профессор (Саранск, Россия)

Искусствоведение и культурология

Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия)
Логинова Марина Васильевна, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия)
Прокаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук (Саранск, Россия)

INSTITUTE OF PUBLICATIONS PEER REVIEWING
«Engineering and Natural Sciences» series

Medicine

Balashov Vladimir Pavlovich, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)
Bebneva Tamara Nikolaevna, kandidat nauk (PhD) degree holder in medical sciences (Moscow, Russia)
Blinov Dmitrij Sergeevich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia)
Vlasov Aleksej Petrovich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia)
Gerasimova Natal'ja Gennad'evna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia)
Davydkin Vasilij Ivanovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in medical sciences, docent (Saransk, Russia)
Eremina Elena Jur'evna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia)
Inchina Vera Ivanovna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia)
Kamaev Igor' Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Nizhnij Novgorod, Russia)
Korableva Natal'ja Nikolaevna, kandidat nauk (PhD) degree holder in medical sciences, docent (Syktyvkar, Russia)
Leshhankina Nina Jur'evna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia)
Mozerov Sergej Alekseevich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Obninsk, Russia)
Moiseeva Inessa Jakovlevna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Penza, Russia)
Mosina Larisa Mihajlovna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia)
Novikova Ljudmila Vladimirovna, kandidat nauk (PhD) degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia)
Pavelkina Vera Fedorovna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia)
Piksin Ivan Nikiforovich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia)
Plotnikova Nadezhda Alekseevna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia)
Urakov Aleksandr Livievich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor, honorary inventor of Russian Federation (Izhevsk, Russia)

Biology

Devjatkin Arkadij Anatol'evich, kandidat nauk (PhD) degree holder in biological sciences, docent (Saransk, Russia)
Kadimaliev Davud Ali-ogly, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)
Kuznecov Vjacheslav Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)
Lukatkin Aleksandr Stepanovich, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)
Silaeva Tat'jana Borisovna, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)
Trofimov Vladimir Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)
Shljahtin Gennadij Viktorovich, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saratov, Russia)

Mathematics

Andreev Aleksandr Sergeevich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, professor (Ul'janovsk, Russia)
Smol'janov Andrej Grigor'evich, kandidat nauk (PhD) degree holder in physico-mathematical sciences, docent (Saransk, Russia)
Shhennikov Vladimir Nikolaevich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, professor (Saransk, Russia)

Physics and chemistry

Vasin Viktor Alekseevich, doktor nauk degree holder in chemical sciences, professor (Saransk, Russia)
Zjuzin Aleksandr Mihajlovich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, professor (Saransk, Russia)
Kurkov Andrej Semenovich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, professor (Moscow, Russia)
Logunov Mihail Vladimirovich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, professor (Saransk, Russia)
Rjabochkina Polina Anatol'evna, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, docent (Saransk, Russia)
Tomilin Oleg Borisovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in chemical sciences, docent (Saransk, Russia)
Shorohov Aleksej Vladimirovich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, docent (Saransk, Russia)

Engineering science

Amel'kina Svetlana Anatol'evna, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Ashrjatov Al'bert Abbjasovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Bogatov Andrej Dmitrievich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Gorbunov Aleksej Alekseevich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Zhivotovskij Grigorij Al'bertovich, doktor nauk degree holder in engineering sciences, docent (Nizhnij Novgorod, Russia)
Ivliev Sergej Nikolaevich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Kovalenko Ol'ga Jur'evna, doktor nauk degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Kokinov Andrej Mihajlovich, doktor nauk degree holder in engineering sciences, professor (Saransk, Russia)
Kudaev Sergej Petrovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in physico-mathematical sciences, docent (Saransk, Russia)
Mitin Jeduard Valer'evich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Panfilov Stepan Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in engineering sciences, professor (Saransk, Russia)
Rimshin Vladimir Ivanovich, doktor nauk degree holder in engineering sciences, professor (Moscow, Russia)
Fedorenko Anatolij Stepanovich, doktor nauk degree holder in engineering sciences, professor (Saransk, Russia)
Chugunov Mihail Vladimirovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)

Earth science

Kaverin Aleksandr Vladimirovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in geographical sciences, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)
Masljaev Valerij Nikolaevich, kandidat geograficheskih nauk, docent (Saransk, Russia)
Nosonov Artur Modestovich, doktor nauk degree holder in geographical sciences, docent (Saransk, Russia)

Agricultural science

Vel'matov Anatolij Pavlovich, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)

Emel'janov Sergej Vladimirovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in agricultural sciences, docent (Saransk, Russia)
Erjashev Aleksandr Pavlovich, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)
Zenkin Sergej Aleksandrovich, doktor veterinarnyh nauk, professor (Saransk, Russia)
Ivojlov Aleksandr Vasil'evich, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)
Matjaev Vladimir Ivanovich, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)
Smolin Nikolaj Vasil'evich, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)
Tel'cov Leonid Petrovich, doktor estestvennyh nauk, professor (Saransk, Russia)

«Humanitarian, Economic and Social Sciences» series

Economics

Anan'ev Mihail Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in economic sciences, professor (Saransk, Russia)
Artem'eva Svetlana Stepanovna, doktor nauk degree holder in economic sciences, professor (Saransk, Russia)
Kormishkina Ljudmila Aleksandrovna, doktor nauk degree holder in economic sciences, professor (Saransk, Russia)
Krakovskaja Irina Nikolaevna, doktor nauk degree holder in economic sciences, docent (Saransk, Russia)
Neretina Evgenija Alekseevna, doktor nauk degree holder in economic sciences, professor (Saransk, Russia)
Osipov Vladimir Ivanovich, doktor nauk degree holder in economic sciences, professor (Saransk, Russia)
Polushkina Tat'jana Mihajlovna, doktor nauk degree holder in economic sciences, docent (Saransk, Russia)
Fedos'kina Ljudmila Aleksandrovna, kandidat nauk (PhD) degree holder in economic sciences, docent (Saransk, Russia)

Jurisprudence

Dudko Igor' Gennad'evich, doktor nauk degree holder in juridical sciences, professor (Saransk, Russia)
Emel'kina Irina Aleksandrovna, doktor nauk degree holder in juridical sciences, docent (Saransk, Russia)
Eremin Aleksej Roal'dovich, doktor nauk degree holder in juridical sciences, professor (Saransk, Russia)
Kalinkina Ljubov' Danilovna, kandidat nauk (PhD) degree holder in juridical sciences, docent (Saransk, Russia)
Fomina Lilija Jur'evna, kandidat nauk (PhD) degree holder in juridical sciences (Saransk, Russia)
Hudojkina Tat'jana Viktorovna, doktor nauk degree holder in juridical sciences, professor (Saransk, Russia)

History, sociology and philosophy

Bogatova Ol'ga Anatol'evna, doktor nauk degree holder in sociological sciences (Saransk, Russia)
Bogatyrev Jeduard Dmitrievich, doktor nauk degree holder in historical sciences, docent (Saransk, Russia)
Gagaev Andrej Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)
Eldin Mihail Aleksandrovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in philosophical sciences, docent (Saransk, Russia)
Emel'kina Irina Vladimirovna, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)
Izergina Nina Ivanovna, doktor nauk degree holder in political sciences, professor (Saransk, Russia)
Kistanov Sergej Vasil'evich, kandidat nauk (PhD) degree holder in historical sciences, docent (Saransk, Russia)
Kornishina Galina Al'bertovna, doktor nauk degree holder in historical sciences, professor (Saransk, Russia)
Mochalov Evgenij Vladimirovich, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)
Novikova Nadezhda L'vovna, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)
Sergeenkova Vera Vasil'evna, kandidat nauk (PhD) degree holder in historical sciences, docent (Minsk, Respublika Belarus')
Trifonov Gennadij Fedorovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in geologcal and mineralogical sciences, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Cheboksary, Russia)
Shaposhnikov Lev Evgen'evich, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Nizhnij Novgorod, Russia)

Pedagogics and psychology

Andronov Vladimir Petrovich, doktor nauk degree holder in psychological sciences, professor (Saransk, Russia)
Vintin Igor' Anatol'evich, doktor nauk degree holder in pedagogical sciences, kandidat nauk (PhD) degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)
Meshkov Nikolaj Ivanovich, doktor nauk degree holder in psychological sciences, professor (Saransk, Russia)
Romanov Konstantin Mihajlovich, doktor nauk degree holder in psychological sciences, professor (Saransk, Russia)

Philology

Akimova Jel'vira Nikolaevna, doktor nauk degree holder in philological sciences, docent (Saransk, Russia)
Anashkina Irina Aleksandrovna, doktor nauk degree holder in philological sciences, professor (Saransk, Russia)
Antonov Jurij Grigor'evich, doktor nauk degree holder in philological sciences, docent (Saransk, Russia)
Gudkova Svetlana Petrovna, doktor nauk degree holder in philological sciences, docent (Saransk, Russia)
Demin Vasilij Ivanovich, doktor nauk degree holder in philological sciences, professor (Saransk, Russia)
Ivleva Alina Jur'evna, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, docent (Saransk, Russia)
Kirzhaeva Vera Petrovna, doktor nauk degree holder in pedagogical sciences, docent (Saransk, Russia)
Klement'eva Elena Filippovna, kandidat nauk (PhD) degree holder in philological sciences, docent (Saransk, Russia)
Konkina Larisa Semenovna, doktor nauk degree holder in philological sciences, professor (Saransk, Russia)
Kudrjavceva Raisija Alekseevna, doktor nauk degree holder in philological sciences, professor (Joshkar-Ola, Russia)
Rakin Anatolij Nikolaevich, senior research associate of institute of language, literature and history of Komi of RAS (Syktyvkar, Russia)
Svojkin Konstantin Bertol'dovich, doktor nauk degree holder in philological sciences, docent (Saransk, Russia)
Filippova Ol'ga Viktorovna, doktor nauk degree holder in pedagogical sciences, docent (Saransk, Russia)
Furmanova Valentina Pavlovna, doktor nauk degree holder in pedagogical sciences, professor (Saransk, Russia)

Art criticism and culturology

Voronina Natal'ja Ivanovna, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)
Loginova Marina Vasil'evna, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)
Prokaeva Ol'ga Nikolaevna, kandidat nauk (PhD) degree holder in philosophical sciences (Saransk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, МЕЖДУНАРОДНОЕ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Бурдина Е. В., Бурдин Д. А. Международно-правовые стандарты системы формирования судейского корпуса....12

Дудко И. Г., Алехин А. Е., Томилин О. О., Жгучев П. Б. Правовое регулирование контроля в субъектах Российской Федерации (на примере Приволжского федерального округа)....21

Купцова О. В., Здоровинина Н. В. Медиатор в урегулировании юридических конфликтов: от исходных начал к функциональному анализу....34

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ

Малышкин П. В. Способы сокрытия преступлений, совершаемых с применением информационных компьютерных технологий....42

Агеева О. Н. Противодействие коррупционной преступности в сфере бизнеса в Республике Мордовия....48

Анощенкова С. В. Охрана культурных ценностей Российской Федерации уголовно-правовыми средствами....54

Помнина С. Н. Некоторые вопросы определения предмета служебного подлога....60

ГРАЖДАНСКОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Жочкина И. Н. Экологический референдум на региональном уровне как конституционная правовая форма участия общественности в охране окружающей среды....67

Родионова О. М. К вопросу о регулирующей силе односторонних сделок....73

ЭКОНОМИКА УПРАВЛЕНИЯ

Мальгина И. В. Эволюция государственного управления малым и средним предпринимательством в Республике Беларусь....82

Дикинов А. Х., Хончукаева Л. В. Проблемы развития логистического аутсорсинга в Российской Федерации....94

Богоутдинов Б. Б., Цветков В. Я. Применение модели комплементарных ресурсов в инвестиционной деятельности....103

Денисенков Н. А., Краковская И. Н. Исследование конкурентоспособности инновационных кластеров в Республике Мордовия....117

Зинина Л. И., Глухова Т. В. Организационно-экономические и информационные аспекты развития региональной системы продовольственного обеспечения....129

Мартынов К. П. Демографическая ситуация в сельской местности Республики Мордовия и меры по ее улучшению....137

Володин В. М., Питайкина И. А. Проектный подход в реализации социальных программ....146

ЭКОНОМИКА

Подзоров Н. Г., Кузьмина В. О. Статистическая оценка дифференциации потребления населением услуг в регионах Приволжского федерального округа.....155

Колчина Н. О. Тенденции развития общественного питания Республики Мордовия за 2008–2013 гг.....162

Колчина Н. О. Прогноз развития системы общественного питания Республики Мордовия на 2013–2018 гг.....174

Долгов Д. И. Методика оценки конкурентоустойчивости услуг в сфере железнодорожного транспорта.....180

Куляшова Н. М., Карпюк И. А. Применение математической теории в экономической практике..185

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Воронина Н. И. Культурная политика в пространстве современной провинции.....192

Исаева С. А. Россия первой половины XIX в.: романтическая концепция музыкального искусства.....200

Логинова М. В. Онтология выразительных форм в культуре.....207

Новикова Н. Л. Понимание своего «я» в общении с другими.....216

Прокаева О. Н. Влияние глобализации на финно-угорские народы России.....224

Ломшина Е. Н. Некоторые аспекты исследования нравственной культуры мордовского этноса...231

Лысова Н. Ю., Сиротина И. Л. Трансформация народного финно-угорского костюма в современном социуме.....238

Воронина Н. И. Н. П. Огарев и его единомышленники.....246

Редактор – *Л. А. Пудовкина*
Перевод *О. Ю. Малышева, Н. Н. Плеханковой*
Компьютерная верстка *А. С. Полутина*
Информационная поддержка *Р. В. Карасева*

Подписано в печать 26.12.14. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 20,93.
Тираж 200 экз. Заказ № 1675. Свободная цена.

Типография Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW, INTERNATIONAL AND CONSTITUTIONAL LAW

Burdina E. V., Burdin D. A. International legal standards of formation of the judiciary.....12

Doudko I. G., Alekhin A. E., Tomilin O. O., Zhguchev P. B. The legal regulation of control in subjects of the Russian Federation (the case of Privolzsky federal district).....21

Kuptsova O. V., Zdorovinina N. V. Mediator in arrangement of juridical conflicts: from initial origins to functional analysis.....34

CRIMINAL LAW, CRIMINAL INVESTIGATION AND CRIMINAL SCIENCE

Malyshkin P. V. Measures of crime concealing with use of information technologies.....42

Ageeva O. N. Measures against the corruption crime in the sphere of business in the Republic of Mordovia.....48

Anoshenkova S. V. Protection of cultural property of the Russian Federation with criminal law means...54

Pomnina S. N. Some issues of defining the subject of forgery.....60

CIVIL AND ENVIRONMENTAL LAW

Zhochkina I. N. Ecological referendum at a regional level as a constitutional legal way of public participation in environment control.....67

Rodionova O. M. On the regulatory power of unilateral transactions.....73

ECONOMY OF MANAGEMENT

Mal'gina I. V. Evolution of public administration in small and medium business in Belarus...82

Dikinov A. Kh., Honchukaeva L. V. Development issues of logistical outsourcing of transport sector in Russia.....94

Bogoutdinov B. B., Tsvetkov V. Ya. Application of the model of complementary resources in investing activities.....103

Denisenkov N. A., Krakovskaya I. N. Research of competitiveness of innovative clusters in the Republic of Mordovia.....117

Zinina L. I., Gluhova T. V. Business and informational aspects of development of regional food systems.....129

Martynov K. P. Demographic situation in rural areas of the Republic of Mordovia and measures for its improvement.....137

Volodin V. M., Pitajkina I. A. Project-based approach in implementation of social programs.....146

ECONOMICS

Podzorov N. G., Kuz'mina V. O. Statistical assessment of differentiation consumption by the population of services in regions of Volga federal district.....155
Kolchina N. O. Trends in the catering industry development in the Republic of Mordovia over the period of 2008–2013.....162
Kolchina N. O. Forecast for the foodservice industry in the Republic of Mordovia for the period of 2013–2018.....174
Dolgov D. I. Methods of evaluation of competitive resilience in rail transport sector.....180
Kuljashova N. M., Karpjuk I. A. Application of mathematical theory in the economic practice....185

CULTUROLOGY

Voronina N. I. Cultural policy in the space of modern province.....192
Isaeva S. A. Russia in the first half of the XIX th century: romantic concept of musical arts.....200
Loginova M. V. Ontology of expressive forms in culture.....207
Novikova N. L. Person's sense of "self" in his communication to others.....216
Prokaeva O. N. Effect of globalization on Finno-Ugric peoples of Russia.....224
Lomshina E. N. Some aspects of the study of moral culture of Mordvinian ethnos.....231
Lysova N. Ju., Sirotina I. L. Transformation of folk Finno-Ugric costume in contemporary society...238
Voronina N. I. N. P. Ogarev and his co-thinkers.....246

Editor – *L. A. Pudovkina*
Translation *O. Ju. Malyshev, N. N. Plekhankova*
Desktop publishing *A. S. Polutin*
Informational support *R. V. Karasjov*

Signed to print 26.12.14. Sheet size 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Conventional printed sheets 20,93.
Number of copies 200. Order no. 1675.

Publishing House of Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., 430005 Saransk, Republic of Mordovia

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, МЕЖДУНАРОДНОЕ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 347.7:347.9 DOI: 10.15507/VMU.024.201404.012

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ СИСТЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА

Е. В. Бурдина, Д. А. Бурдин

Право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, предопределяет особые требования к кандидатам на судейские должности и порядок формирования судейского корпуса. С учетом значения системы замещения судейских должностей для обеспечения судейской независимости в работе анализируются основные стандарты в сфере формирования судейского корпуса, закрепленные в международно-правовых актах. В статье рассматриваются принципы и способы отбора кандидатов в судьи; требования, предъявляемые к кандидатам в судьи; участие независимого органа судейского сообщества в системе назначения судей. На основе проведенного анализа сделан вывод о незавершенности имплементации международно-правовых норм в национальную модель формирования судейского корпуса, сформулированы предложения по устранению имеющихся в национальной практике комплектования кадров несоответствий, снижающих уровень компетентности и независимости судей.

Ключевые слова: кандидат в судьи, отбор кандидатов, система формирования судейских кадров, орган судейского сообщества, экзаменационная комиссия, стандарт.

INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS OF FORMATION OF THE JUDICIARY

E. V. Burdina, D. A. Burdin

Everyone's right to a fair and public hearing within a reasonable time by an independent and impartial tribunal established by law determines the specific requirements for candidates for judicial positions and principles of formation of the judiciary. The authors show the importance of recruitment to judge positions and to ensure judicial independence in the paper analyzes the basic standards for the formation of the judiciary established in the international legal acts. The author examines the principles and methods of selection of judges, requirements for candidates to judges, participation of an independent body of the judiciary system in the appointment of judges. On the basis of analysis the authors conclude that the implementation of international legal norms in the national model of the judiciary has not been completed. Authors propose to remove the existing shortcomings in national practice forming judicial training, which reduce the level of competence and independence of the judiciary.

Keywords: candidate for judge, judicial selection and training, system of judicial recruitment, council for the judiciary, examination boards, standards.

Рассматривая судебную власть в государственном механизме разделения властей в качестве приоритетного элемента системы сдерживания законодательной и исполнительной властей для обеспечения гражданских прав и свобод как непосредственно действующих, в теории, практике и на уровне нормативно-правовых актов (в том числе на уровне международных документов),

© Бурдина Е. В., Бурдин Д. А., 2014

исследователи неоднократно подчеркивали исключительную важность такого свойства суда как независимость [5, с. 49–58; 8; 15, с. 11–12;]. Она предполагает, что судья, принимая решение по делу, не испытывает чьего-либо влияния, является беспристрастным и объективным. Однако с практической точки зрения, давление и влияние на судей не подлежит сомнению и может негативно сказаться на их деятельности [9, с. 295].

Существует большое количество способов и форм оказания влияния на судью: прямое давление в рамках рассматриваемого дела и непрямые формы воздействия, не связанные с производством по конкретному делу (например, влияние на судью органов законодательной/исполнительной власти и других политических структур в сфере организационно-административных, не процессуальных отношений).

Независимость судебной власти (суда) включает в себя как внутренние, так и внешние элементы. Первые предполагают формирование внутренних механизмов независимости (материальное вознаграждение и карьерный рост судей, недискриминационность в организации работы); ко второму виду элементов относятся те, которые обеспечивают внешние признаки независимости (например, способ и сроки назначения судей) [10, с. 15].

Закрепленное в ст. 6 Европейской Конвенции [1] право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, предопределяет особые требования к кандидатам на судейские должности и порядок формирования судейского корпуса.

С учетом значения системы замещения судейских должностей для обеспечения судейской независимости в международно-правовых актах и зарубежном законодательстве сформулированы основные стандарты в сфере формирования судейского корпуса. Они определяют идею совершенного суда и являются инструментами оценки эффективности национальных судоустройственных моделей [2; 11, с. 6].

В международном праве закреплены принципы и основные начала отбора, назначения судей и их карьерного роста. Они же относятся к числу наиболее значимых гарантий независимости судебной власти. Так, Рекомендация Комитета Министров Совета Европы CM/Rec (2010) 12 «О независимости, эффективности и ответственности судей» от 17 ноября 2010 г. [7, с. 18–28] связывает процедуры подбора и продвижения судей в карьере с гарантиями независимости судей.

Заключением № 10 (2007) Консультативного Совета европейских судей (КСЕС) «О совете судебной власти на службе общества» [3] рекомендовано участие судебного совета, а не органов законодательной или исполнительной власти в отборе, назначении и продвижении по службе судей, что рассматривается в рамках системы укрепления независимости судебной власти (п. 48).

Вопросы отбора и назначения судей находят также отражение в Основных принципах, касающихся независимости судебных органов, принятых VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (г. Милан, 26 августа – 6 сентября 1985 г.), и одобренных резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 г.; Европейской хартии о статусе судей (г. Страсбург, 8–10 июля 1998 г.); Заключении Венецианской комиссии № 403/2006 о назначении судей (г. Венеция, 16–17 марта 2007 г.) и др.

Анализ вышеуказанных документов показал, что стандартом независимого суда признается надлежащая система формирования судейского корпуса, включающая принципы и способы отбора кандидатов в судьи; требования, предъявляемые к кандидатам в судьи; участие независимого органа судейского сообщества в системе назначения судей.

На межгосударственном уровне, опираясь на основные стандарты организации и деятельности судебных систем, формируются критерии измерения реализации указанных параметров, совокупность которых призвана наиболее полно отразить уровень организации суда. Так, для оценки состояния судебной системы стран Центральной и Восточной Европы и СНГ применяется индекс судебной реформы (judicial reform index – JRI), разработанный Американской ассоциацией юристов, где 1 из 30 показателей включает в себя достойное качество образования судей и представительство меньшинств в судейском корпусе [13, с. 163].

Образование надгосударственных организаций и содружеств (Совет Европы, СНГ, ЕврАзЭС), выстраивание единого экономического и таможенного пространства предопределяют общность принципов построения национальных судебных систем. Для этого требуется как четкое представление о стандартах их организации и деятельности, так и разработка критериев, указывающих на полноту реализации названных стандартов.

Необходимость повышения уровня профессиональной подготовки кандидатов в судьи, потребность в создании высокопрофессиональной судейской корпорации обусловливают на современном этапе актуальность научного обоснования принципов формирования судейского корпуса, содержащихся в международно-правовых актах, выявления правового смысла и содержания данных принципов, а также проблемных моментов, связанных с их действием в национальной практике.

По нашему мнению, четких критериев того, какие факторы формирования судейского корпуса обеспечивают признание суда независимым, в международном праве не сформулированы. Вместе с тем на уровне международно-правовых документов, а также благодаря прецедентной практике Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) определены основные начала системы отбора кандидатов в судьи, гарантирующие достижение целей надлежащего правосудия.

Так, по делу «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного королевства» ЕСПЧ принимает во внимание следующие факторы: процедуру назначения членов суда; продолжительность их службы в этом качестве; существование гарантий, препятствующих оказанию давления на них, а также то, имеет ли данный орган внешние атрибуты независимости [6, с. 448]. ЕСПЧ указал, что назначение судей органами исполнительной власти само по себе не является свидетельствованием зависимости суда. В противном случае это означало бы, что судьи, назначенные или рекомендованные на этот пост соответствующим министром, несущим ответственность за деятельность судебных органов, не являются «независимыми», хотя инструкции министерств в части выполнения судьями своих полномочий не относятся к их решениям судебного характера [Там же]. Конвенция может быть признана нарушенной в том случае, если заявитель сможет продемонстрировать, что процедура назначения членов судебного органа в целом носила неудовлетворительный характер или что учреждение специального органа для разбирательства дела было продиктовано мотивами, связанными с попыткой повлиять на его исход (Занд против Австрии) [12, с. 45].

При оценке такого элемента независимого суда как процедура назначения его членов ЕСПЧ важное значение придает внешним атрибутам независимости. Так, в деле Белилос против Швейцарии, несмотря на то что местная «Полицейская Комиссия», занимавшаяся разбирательством мелких правонарушений, не подчинялась указаниям властей, однако полицейский чиновник, олицетворявший указанную комиссию, должен быть служащим высокого ранга из Дирекции полиции. При указанных обстоятельствах «участники разбирательства склонны видеть в нем представителя

полиции, подчиняющегося ее руководству и солидарного со своими коллегами. Такая ситуация может подорвать доверие, которым должны обладать суды в демократическом обществе». ЕСПЧ сделал вывод о том, что имели место обоснованные сомнения относительно независимости и организационной беспристрастности Полицейской Комиссии, которая в этом плане не отвечала требованиям ч. 1 ст. 6 Европейской Конвенции [6, с. 576–577].

В силу того что критерии независимости и беспристрастности суда, изложенные в ст. 6 Европейской Конвенции, тесно взаимосвязаны, ЕСПЧ рассматривает их одновременно, в единстве объективного и субъективного аспектов. ЕСПЧ по ряду своих дел неоднократно поддерживал позицию, названную доктриной двух аспектов требования к беспристрастности [14, с. 46–57], которая сводится к тому, что суд должен быть беспристрастным как с субъективной, так и объективной точки зрения.

Субъективный аспект беспристрастности означает отсутствие какого-либо предубеждения судьи, если не доказано иное. Суд признается беспристрастным с объективной точки зрения при условии, что в данных обстоятельствах имеются достаточные гарантии, чтобы исключить какие-либо объективно оправданные или законные сомнения в беспристрастности суда [16].

На основе закрепленных в международно-правовых документах минимальных стандартов к отбору и назначению судебных работников сформулируем основные правила отбора.

1. Отбор и рекомендация к назначению должны основываться на заслугах и способностях кандидата. Идея объективного отбора на основании заслуг соискателя преобладает в национальных практиках формирования судейского корпуса. Закрепленные в законе требования к соискателям в странах континентальной правовой семьи, как правило, включают условия относительно гражданства, уровня образования кандидата в судьи, стажа практической работы, состояния здоровья, отсутствия судимости и др.

2. Отбор соискателей в судьи должен осуществляться при участии в разных формах независимого органа, большинство членов которого составляют сами судьи. Необходимость такого органа обусловлена потребностью учитывать наряду с законодательно определенными требованиями к судьям морально-нравственные правила, основанные на ценностях авторитета судебной власти и ее независимости.

3. Перечень факторов, определяющих выбор соискателей, необходимо четко определить в актах судейского сообщества и опубликовать. При этом высшие органы судейского сообщества – Совет судей и Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации должны играть основополагающую роль в определении указанных критериев оценки, включая требования к кандидатам в судьи в связи с деятельностью родственников-юристов и занимаемыми ими должностями. В связи с формированием объединенного Верховного Суда Российской Федерации как высшей судебной инстанции Специальной квалификационной коллегией по отбору кандидатов на должности судей указанного суда, а затем и Высшей квалификационной коллегией судей применялись критерии, не закрепленные ни в законодательстве, ни в актах органов судейского сообщества. Подобное создает неопределенность в доступе к судейской профессии, создает благодатную почву для произвольного усмотрения, что недопустимо в гражданском обществе.

4. Выработанные критерии должны определять процесс отбора кандидатов в судьи на всех стадиях формирования кадрового корпуса.

5. На уровне закона должна быть установлена система формирования судейских кадров, включающая соответствующие процедуры отбора кандида-

тов в судьи и способ их наделения полномочиями.

Способы наделения кандидатов в судьи полномочиями являются различными в разных странах. Более того, они могут варьироваться в рамках одной правовой системы применительно к судьям судов разных уровней и компетенций [4, с. 136–138]. Несмотря на все особенности, в международно-правовой доктрине выделяются 2 основных типа формирования судейского корпуса: выборная система и система назначения, которые в свою очередь имеют разные модели.

Выборная система предполагает выборы непосредственно населением или парламентом. Положительными моментами использования выборной системы считается предоставление большей демократической легитимности избранным судьям, укрепление доверия к ним со стороны населения. Однако выборная система может приводить к возникновению политических кампаний с участием судей и политизации избирательного процесса. Выборы населением не предполагают наличие профессионально компетентных выборщиков, которые способны осуществить отбор кандидатов в судьи по их профессиональным качествам. Считаем закономерностью тот факт, что выборные системы широко применялись в зарубежной и национальной практике в условиях недостаточности профессионально подготовленных юристов.

Формирование судейского корпуса по назначению различается в зависимости от субъекта назначения и базисных черт самой процедуры. Так, могут быть выделены системы назначения судей, где в качестве центральной власти, осуществляющей назначение, выступает президент, парламент или правительство. Назначение судей президентом страны считается наиболее соответствующим гарантиям независимости судей. Президент менее, чем другие органы центральной государственной власти, зависит от партийной политики, и поэтому судебная система будет менее подвержена политическому влиянию.

В некоторых странах, исходя из необходимости оградить процесс назначения судей от политических влияний, закреплены модели назначения органами судейского сообщества, что, несомненно, является допустимым вариантом (Италия, Португалия, Хорватия, Македония, Венгрия, Турция).

В зависимости от критерия отбора кандидатов в судьи выделяются назначение по конкурсу и назначение путем отбора из опытных практиков. В правовых системах континентального права, где судьями становятся, как правило, в начале профессиональной карьеры, более предпочтительным видится использование конкурсного отбора претендентов на судейские должности. В системе общего права, где судейская должность рассматривается в качестве венца карьеры, традиционно использование отбора из наиболее опытных, профессионально состоявшихся юристов. Проблемными моментами указанных методов отбора являются сложности выявления всех необходимых для замещения судейской должности качеств: не только высокой квалификации в области права, но и иных профессиональных и личных качеств, необходимых для судейской работы: независимости и справедливости, гуманности, коммуникативных качеств и др.

В Российской Федерации закреплена система назначения федеральных судей по конкурсу, что соответствует европейской континентальной традиции. Международно-правовые принципы формирования судейского корпуса закреплены в Конституции Российской Федерации и российских нормативных актах. Вместе с тем имплементация международно-правовых норм в национальную модель формирования судейского корпуса не завершена, в национальной практике комплектования кадров требуется устранить имеющиеся несоответствия и неопределенности.

Во-первых, при отборе кандидатов на основании их объективных заслуг (квалификации, опыта, интеллектуальных, деловых и морально-нравственных качеств) значительную сложность представляет вопрос: как, помимо уровня квалификации, определяемого путем сдачи квалификационного экзамена, выявить иные деловые и личностные качества соискателей?

В настоящий момент у органов судейского сообщества существуют установленные законом инструменты конкурсного отбора: проведение экзаменационной комиссией квалификационного экзамена; заседание квалификационной коллегии судей, на котором присутствует соискатель и имеет право устного выступления; письменные документы, подтверждающие личные заслуги кандидата, а также устные рекомендации председателей соответствующих судов и представителя совета судей. Других средств, позволяющих органам судейского сообщества выявлять, помимо формально-анкетных данных и оценок экзаменационной комиссии, такие качества кандидатов как навыки общения, профессиональная этика, общекультурный уровень развития, аналитические способности и способности к самостоятельным суждениям, не существует.

Следует не только более четко прописать требования, предъявляемые к кандидатам в судьи (в части уровня высшего юридического образования, состояния здоровья), но и расширить и совершенствовать перечень правовых средств органов судейского сообщества, позволяющих выявлять деловые и морально-нравственные качества претендентов. Следовало бы обсудить возможности досудебной подготовки кандидатов в судьи, в том числе проведение учебных курсов по подготовке кандидатов в судьи, их стажировки в свободное от основной работы время (в том числе в период их отпуска) в соответству-ющих судах сроком, например, до одного месяца. Это позволило бы лучше узнать такого юриста и более осознанно его характеризовать в условиях конкурса.

Во-вторых, отсутствует необходимая четкость регулирования и полнота информации по вопросам о квалификационном экзамене на должность судьи, что не позволяет надлежащим образом заинтересованным лицам подготовиться к успешной его сдаче. Кроме размещенной на сайтах органов судейского сообщества программы (вопросника) теоретической части экзамена, другой информации о содержании экзамена не содержится.

По нашему мнению, следует размещать образцы задач, содержащихся в билетах, а также определять, какие процессуальные акты потребуется составить, для того чтобы претенденты могли судить об уровне их сложности, глубине освоения материала и подготовки. Неопределенным является письменное задание, основанное на макете дела. При отсутствии стадии предсудебной подготовки кандидатов в судьи и дефиците методической базы по подготовке разноплановых процессуальных актов следует предположить, что данное испытание в условиях неизвестности вида составляемого процессуального акта может успешно выдержать только работник аппарата суда, который ежедневно сталкивается с указанными документами.

Таким образом, проблемным аспектом в контексте доступа к судейской профессии является неопределенность содержания квалификационного экзамена и оценки его результатов, что требует нормативной ясности и доступа к информации по указанным вопросам. Существующее положение создает необоснованные препятствия в доступе кандидатов к судейской профессии, неправомерные преимущества для лиц, работающих в аппарате судов и, напротив, лишает юристов иных профессий возможности войти в судебный корпус.

Подытоживая сказанное, приходим к следующим выводам. Принципы фор-

мирования совершенного суда являются гарантиями судейской независимости, закреплены в международно-правовых актах в качестве стандартов формирования судейского корпуса. Указанные принципы воспроизведены в российском законодательстве, что является важной предпосылкой для их реализации. Вместе с тем необходимо выявлять разноплановое содержание и правовой смысл основных начал формирования судейского корпуса, что требует теоретико-правовых исследований и дальнейшего совершенствования правового регулирования системы замещения судейских вакансий. Без этого имеющиеся проблемы кадрового замещения не могут быть решены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 5 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

2. Рекомендация Консультативного Совета европейских судей о судейской хартии (основных принципах) CM (2010) 169 от 19 января 2011 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://wcd.coe.int.

3. Заключение № 10 (2007) Консультативного Совета европейских судей (КСЕС) «О совете судебной власти на службе общества» : принято Консультативным советом на 8-м заседании (Страсбург, 23 ноября 2007 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://wcd.coe.int.

4. **Бурдин, Д. А.** Формирование судейского корпуса : международно-правовые основы и национальное регулирование / Д. А. Бурдин // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 1. – С. 136–138.

5. **Бурдина, Е. В.** Судебная власть : учебник / Е. В. Бурдина. – Саранск : Мордов. книж. изд-во, 2006. – 248 с.

6. Европейский Суд по правам человека : Избранные решения : в 2 т. / Под ред. В. А. Туманова. – Москва : Норма, 2000. – Т. 1.

7. **Зимненко, Б. Л.** Новая Рекомендация Комитета Министров Совета Европы «О независимости, эффективности и ответственности судей» / Б. Л. Зимненко // Российское правосудие. – 2011. – № 4. – С. 17–28.

8. **Киминчижи, Е. Н.** Судебная власть в зеркале реформ / Е. Н. Киминчижи. – Белгород : Везелица, 2006. – 39 с.

9. **Люшер, Ф.** Конституционная защита прав и свобод личности / Ф. Люшер ; пер. с франц. – Москва : Прогресс-Универс, 1993. – 384 с.

10. Модернизация статуса судьи : современные международные подходы / Отв. ред. Т. Н. Нешатаева. – Москва : Норма ; Инфра-М, 2011. – 336 с.

11. **Москвич, Л. Н.** Стандарты эффективности судебной системы / Л. Н. Москвич // Российский судья. – 2013. – № 4. – С. 6–8.

12. **Моул, Н.** Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод : Статья 6 : Право на справедливое судебное разбирательство : прецеденты и комментарии / Н. Моул, К. Харби, Л. Б. Алексеева. – Москва : Рос. академия правосудия, 2001.

13. Правосудие в современном мире : монография / Под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. – Москва : Норма ; Инфра-М, 2012. – 704 с.

14. **Шугуров, М. В.** Вопросы этики судей в деятельности Европейского суда по правам человека / М. В. Шугуров // Закон. – 2013. – № 11. – С. 46–57.

15. **Ярошенко, Н. И.** Место судебной власти в системе разделения властей в России / Н. И. Ярошенко // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2010. – № 3. – С. 11–19.

16. Case of Piersack v. Belgium (Application no. 8692/79) : European Court of Human Rights [Электронный ресурс]. – URL: http://hudoc.echr.coe.Int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57557.

Поступила 14.03.2014 г.

Об авторах:

Бурдина Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доцент, elenburdina@yandex.ru

Бурдин Дмитрий Александрович, аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), bdalou@mail.ru

Для цитирования: Бурдина, Е. В. Международно-правовые стандарты системы формирования судейского корпуса / Е. В. Бурдина, Д. А. Бурдин. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 12–20. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.012

REFERENCES

1. Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod ETS no. 5 (Rim, 4 nojabrja 1950 g. ; s izmenenijami i dopolnenijami) [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms ETS no. 5 (Rome, 1950, November 4)]. *SZ RF* – CL RF. 2001, no. 2, p. 163.

2. Magna Carta of Judges (fundamental principles) of the Consultative Council of European Judges (CCJE) CM (2010) 169 to the attention of the Committee of Ministers of the Council of Europe, 19 January 2011. Available at: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1707925.

3. Opinion no. 10 (2007) of the Consultative Council of European Judges (CCJE) to the attention of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the Council for the Judiciary at the service of society, this Opinion has been adopted by the CCJE at its 8th meeting (Strasbourg, 23 November 2007). Available at: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1221839.

4. Burdin D. A. Formirovanie sudejskogo korpusa: mezhdunarodno-pravovye osnovy i nacional'noe regulirovanie [Judicial selection: international legal basis and national legislation]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* – Eurasian Law Journal. 2014, no. 1.

5. Burdina E. V. Sudebnaja vlast': uchebnik [The judiciary: the textbook]. Saransk, Mordovian Book Publ., 2006.

6. Evropejskij Sud po pravam cheloveka: Izbrannye reshenija: v 2 t. [The European Court of Human Rights. Selected solutions] in 2 volumes, vol. 1, ed. by V. A. Tumanov. Moscow, Norma Publ., 2000.

7. Zimnenko B. L. Novaja Rekomendacija Komiteta Ministrov Soveta Evropy "O nezavisimosti, jeffektivnosti i otvetstvennosti sudej" [New Recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Europe On Independence, Efficiency and Responsibilities of Judges]. *Rossijskoe pravosudie* – Russian Justice. 2011, no. 4, pp. 17–28.

8. Kiminchizhi E. N. Sudebnaja vlast' v zerkale reform [The judiciary in the mirror of reforms]. Belgorod, Vezelitsa Publ., 2006, 39 p.

9. Lüscher F. Konstitucionnaja zashhita prav i svobod lichnosti [Constitutional protection of individual rights and freedoms], translated from French. Moscow, Progress-Univers Publ., 1993, 384 p.

10. Modernizacija statusa sud'i : sovremennye mezhdunarodnye podhody [Modernization of the status of judges: the modern international approaches], ed. by T. N. Neshataev. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2011, 336 p.

11. Moskvich L. N. Standarty jeffektivnosti sudebnoj sistemy [Judicial performance standards]. *Rossijskij sud'ja* – Russian Judge. 2013, no. 4, pp. 6–8.

12. Mole N., Harby K., Alexeeva L. B. Evropejskaja Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod: Stat'ja 6: Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: precedenty i kommentarii [European Convention on Human Rights. Article 6: Right to a fair trial: precedents and commentaries]. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 2001.

13. Pravosudie v sovremennom mire: monografija [Justice in the Modern World: monograph], ed. by Lebedev V. M. and Khabrieva T. Y. Moscow., Norma Publ., Infra-M Publ., 2012.

14. Shugurov M. V. Voprosy jetiki sudej v dejatel'nosti Evropejskogo suda po pravam cheloveka [Ethics of judges in the European Court of Human Rights]. *Zakon* – Law. 2013, no.11, pp. 46–47.

15. Yaroshenko N. Mesto sudebnoj vlasti v sisteme razdelenija vlastej v Rossii [Place of the judiciary in a system of separation of powers in Russia]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2010, no. 3, pp. 11–19.

16. Case of Piersack v. Belgium (Application no. 8692/79). European Court of Human Rights. Strasbourg, 1 October 1982. Available at: http://hudoc.echr.coe.Int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57557.

About the authors:

Burdina Elena Vladimirovna, Associate professor of Civil Law and Procedure chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Law, elenburdina@yandex.ru

Burdin Dmitrij Aleksandrovich, post-graduate student Civil Law and Procedure chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), bdalou@mail.ru

For citation: Burdina E. V., Burdin D. A. Mezhdunarodno-pravovye standarty sistemy formirovanija sudejskogo korpusa [International legal standards of formation of the judiciary]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 12–20. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.012

УДК 340.132.8(470+571) DOI: 10.15507/VMU.024.201404.021

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНТРОЛЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (на примере Приволжского федерального округа)

И. Г. Дудко, А. Е. Алехин, О. О. Томилин, П. Б. Жгучев

Результаты проведенного исследования показывают, что в субъектах Российской Федерации наиболее разработанными направлениями контроля в области правового обеспечения являются парламентский, административный и финансовый. Наименьшую нормативную обеспеченность имеет общественный контроль. Однако в целом в регионах, входящих в состав Приволжского федерального округа, к настоящему времени не сложилось системного регулирования ни по одному из его направлений, что объясняется отсутствием в российских регионах общей модели развития государственного и общественного контроля. В основном формирование регионального законодательства о контроле обусловлено изменением федерального. По нашему мнению, в этой области требуется упорядоченность нормативного массива, обеспечивающего реализацию парламентского, административного, финансового и общественного контроля.

Анализ законодательства показал, что развитие административного контроля связано с проблемой разграничения компетенции между федеральными и региональными органами власти по вопросам реализации административного контроля. На уровне субъектов РФ предлагается принять специальные законы, всесторонне регулирующие формы и методы проведения парламентского и финансового контроля, определяющие процедуры взаимодействия с органами институционально взаимосвязанных в рамках этой функции. Для развития общественного контроля в субъектах РФ необходимо принять федеральный закон, в котором должна быть отражена его концепция, а также установлен перечень принципов организации и реализации, определены формы и круг его субъектов.

Ключевые слова: контроль, административный контроль, общественный контроль, парламентский контроль, финансовый контроль, управление, законодательство, субъект Российской Федерации.

THE LEGAL REGULATION OF CONTROL IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION (the case of Privolzsky federal district)

I. G. Doudko, A. E. Alekhin, O. O. Tomilin, P. B. Zhguchev

According to the results of the research it was established that the development of administrative control is connected with the problem of the delimitation of competence between federal and regional authorities on the issues of implementation of administrative control. For develop the parliamentary and financial control at the level of subjects of the Russian Federation the authors propose adoption of to adopt special laws that comprehensively regulate all forms and methods of conducting the parliamentary and financial control, establish the procedures for interaction with the bodies institutionally inherent in these functions. For development of the public control in the subjects of the Russian Federation it is necessary to adopt the Federal law, which should reflect the concept of it point out a list of principles of organization and impiementation, and define the form and the range of subjects of public control.

Keywords: control, administrative control, social control, parliamentary control, financial control, management, law, subject of the Russian Federation.

© Дудко И. Г., Алехин А. Е., Томилин О. О., Жгучев П. Б., 2014

Динамичное развитие регионального законодательства в области контроля обусловлено, с одной стороны, стремлением субъектов РФ развить и усилить различные формы контроля, а с другой – активным изменением федерального законодательства. И все же нормативное регулирование контроля следует признать недостаточно системным. Проведенное исследование правового регулирования государственного (парламентского, административного, финансового) и общественного контроля в субъектах РФ (на примере ПФО) выявило целый комплекс проблем, связанных с содержанием и развитием федерального и регионального законодательства в данных сферах государственного управления.

1. Парламентский контроль.

Результаты исследования в области правового регулирования парламентского контроля в субъектах РФ позволяют заключить, что данный вид контроля является обязательной функцией законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Очевидно, что круг обязанностей региональных парламентов не может быть сведен исключительно к законодательным и представительским. В современных условиях, когда многократно возросло влияние исполнительной власти, усилилась ее бюрократическая составляющая (при одновременном развитии «скрытых» форм деятельности). Именно парламент в силу своей представительной природы и непосредственной связи с избирателями должен обеспечивать конституционно установленные цели развития российской государственности (демократическое, федеративное, правовое, социальное, светское государство) и осуществлять наблюдение, а также проверку деятельности всей системы публичных органов власти региона. Контрольные полномочия дают возможность высшему представительному органу государственной власти субъекта РФ оказывать существенное влияние на функционирование всей ее системы.

В Федеральном законе от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [18] установлено, что законодательные органы вправе контролировать соблюдение и исполнение законов субъектов РФ. Кроме этого, они осуществляют контроль за исполнением регионального бюджета, а также бюджетов региональных территориальных государственных внебюджетных фондов; за соблюдением установленного порядка распоряжения собственностью субъекта РФ (п. 4 ст. 5). Кроме того, законодательный орган власти вправе осуществлять контроль за реализацией программ социально-экономического развития региона (пп. «в» п. 2 ст. 21).

Из сказанного следует, что федеральный законодатель, во-первых, определил контроль неотъемлемой функцией региональных парламентов, что соответствует их политической природе как представительных органов; во-вторых, выделил ряд важных направлений по осуществлению парламентского контроля, которые охватывают как предметы ведения (совместного и субъектов РФ), так и определенные сферы (бюджет, собственность, экономика, социальная сфера и др.); в-третьих, допускает применение различных форм и методов осуществления контроля.

Расширение сферы контрольных полномочий региональных парламентов произошло в силу изменения ст. 5 и 18 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Федеральным законом № 29-ФЗ от 29 марта 2010 г. [21]. Им было закреплено право законодательного органа субъекта РФ заслушивать ежегодные отчеты высшего должностного лица субъекта РФ о результатах деятельности соответствующего высшего исполнительного органа государственной власти.

Мы полагаем, что эта позиция региональных парламентов существенно укрепилась бы, если были бы определены: 1) механизм проверки представляемых сведений; 2) меры ответственности высшего должностного лица в случае отрицательной оценки его деятельности.

Таким образом, федеральный законодатель определил направления осуществления парламентского контроля и, несомненно, способствовал его развитию в субъектах РФ. При этом следует подчеркнуть, что в полной мере не установлено региональное правовое регулирование парламентского контроля. Субъекты РФ самостоятельно избирают его форму, определяют методы контроля, устанавливают механизм его осуществления, объекты контроля и т. д.

В настоящее время правовое регулирование контрольных полномочий парламентами осуществляется во всех субъектах РФ, входящих в ПФО.

Конституции и уставы субъектов РФ, как правило, закрепляют природу законодательных (представительных) органов как осуществляющих законодательную и представительскую функции. Однако в ряде основных законов установлено, что законодательный орган имеет также контрольные полномочия (например, Чувашская Республика, Республика Марий Эл, Рязанская область и др.). Мы считаем, что в конституциях и уставах субъектов контрольная функция должна получить четкое выражение. Например, может быть использована следующая формула: «(наименование законодательного органа) осуществляет контрольные полномочия в пределах и формах, установленных конституцией (уставом) (наименование субъекта РФ) и законом (наименование субъекта РФ)».

Нормирование контрольной деятельности региональных парламентов не исчерпывается исключительно конституционным (уставным) уровнем. Так, в одних субъектах РФ приняты специальные законы о контрольных полномочиях парламента (например, Республика Мордовия, Вологодская область, Санкт-Петербург); в других регулируется деятельность законодательных органов по контролю за соблюдением и исполнением законов (Республика Алтай). Широко распространено принятие региональных законов о парламентском контроле в финансовой сфере (например, Калининградская, Свердловская области). Такое разнообразие подходов к регулированию парламентского контроля является адекватным, позволяет учитывать особенности регионов.

Наиболее удачным, по нашему мнению, является подход регионального законодателя, при котором в специальном законе наиболее полно отражены все контрольные полномочия парламента. Такой закон может называться следующим образом: «О контрольных полномочиях (наименование органа)». С точки зрения содержания, он должен исчерпывающим образом регулировать все формы и методы осуществления парламентского контроля, устанавливать процедуры взаимодействия с органами, институционально сопряженными в выполнении данной функции (например, контрольно-счетным органом, создаваемым парламентом субъекта РФ), а также другими, осуществляющими контрольные полномочия в регионе. Разумеется, детально процедуры должны быть закреплены в регламенте соответствующего парламента.

Парламентский контроль, его формы, объем и пределы осуществления, обусловлены в каждом субъекте РФ рядом обстоятельств: полномочиями парламента, реальным балансом властей, этапом развития, традициями и др. При этом не последнюю роль играет уровень парламентской культуры, которая включает в себя способность депутатов адаптировать «внешний» опыт (других регионов России, зарубежный опыт) и опыт предшествующей деятельности. Развитие современных форм парламентского контроля в регионах демонстрирует как новелляции, так и обращение к тради-

ционным (выработанным, в частности, практикой советов народных депутатов) механизмам его осуществления.

Наиболее общими формами парламентского контроля в субъектах РФ: 1) парламентские слушания; 2) заслушивание доклада правительства; 3) заслушивание информации членов правительства; 4) запрос депутатов, депутатских объединений, комитетов; 5) парламентские расследования. Это, в основном, процедурно-обеспечительные формы контроля. В настоящее время субъекты РФ во многом ориентируются на положения Федерального закона от 7 мая 2013 г. «О парламентском контроле» [19].

В законодательстве субъектов РФ закрепляются также другие формы парламентского контроля. Например, в Законе РМ «О контрольных полномочиях Государственного Собрания Республики Мордовия» [10] наряду с указанными выше имеются такие формы как обращение депутата, комитета Государственного Собрания в органы государственной власти РМ, органы местного самоуправления, коммерческие и некоммерческие организации, расположенные на территории РМ, по вопросам контроля; конференции, круглые столы, семинары и другие мероприятия. При этом перечень форм остается открытым: «иные формы, предусмотренные федеральными законами и законами Республики Мордовия» (п. 1 ст. 2).

Каждая из форм парламентского контроля является востребованной в разной степени. Наиболее применяемые из них: заслушивание доклада правительства, заслушивание информации членов правительства и запрос депутатов (депутатских объединений, комитетов). В некотором смысле они являются «устоявшимися». При этом следует отметить, что эффективность данных процедур (форм), обеспечивающих реализацию контрольных полномочий законодательных органов, находится на сравнительно низком уровне.

Парламентский контроль, будучи неотъемлемой частью парламентской деятельности, должен гарантировать реализацию наиболее общего принципа «ответственного правления», составляющего суть парламентаризма, а закрепляемые на региональном уровне формы и методы парламентского контроля должны быть наполнены реальным содержанием, стать действительными и эффективными.

2. Административный контроль.

Изучение вопроса правового регулирования административного контроля в субъектах РФ (на примере ПФО), показало, что в настоящее время он осуществляется как федеральными, так и органами исполнительной власти субъектов РФ. При этом законодатель по-разному подходит к решению вопроса о разграничении их компетенции.

Отсутствие единого подхода объясняется особенностями соответствующих общественных отношений (сферой возникновения и составом участников), а также другими факторами: политической целесообразностью, экономическими затратами и т. д. Проведенный анализ показал, что одновременное функционирование федеральных и региональных органов исполнительной власти, наделенных различными контрольными полномочиями (по объему, целям и т. д.), является возможным. Это характерно, например, для осуществления контроля в таких областях как борьба с катастрофами, стихийными бедствиями, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

При осуществлении контроля возможно функциональное подчинение исполнительных органов субъекта РФ соответствующим федеральным органам. Такая модель реализуется в процессе контроля за соблюдением законодательства, действующего в электроэнергетике. Контролирующими органами являются Федеральная служба по тарифам (ФСТ), а также органы исполнительной власти субъектов РФ (в РМ – Министерство энергетики и тарифной политики, в Пензенской области – Управле-

ние по регулированию тарифов и энергосбережению, в Нижегородской области – Региональная служба по тарифам, в Самарской области – Министерство промышленности, энергетики и технологий). Федеральные и региональные органы имеют различные объем полномочий, предмет контроля и его формы. ФСТ вправе отменять решения органов исполнительной власти субъектов РФ в области государственного регулирования тарифов в электроэнергетике, принятые с превышением их полномочий.

В других случаях контрольные полномочия могут быть схожими, но осуществляются они в отношении различных объектов (сооружений, промышленных комплексов, территорий). В качестве примера приведем надзор в области природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Данный вид контроля осуществляется территориальными органами соответствующих федеральных структур и исполнительными органами субъектов РФ. Так, Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору контролирует хозяйствующих субъектов, а также исполнительные органы субъектов РФ, осуществляющих данный вид надзора (в РМ – Республиканская ветеринарная служба, в Ульяновской и Саратовской областях – Управления ветеринарии, в Нижегородской области – Комитет государственного ветеринарного надзора).

Аналогичным образом распределяются контрольные полномочия и в области строительства. На территории Мордовии, Нижегородской, Пензенской, Ульяновской областей данный вид надзора осуществляется Волжско-Окским управлением Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору, а также исполнительными органами субъектов РФ: Инспекцией государственного строительного надзора (РМ, Нижегородская, Саратовская, Ульяновская области), Управлением государственной инспекции в жилищной, строительной сферах и по надзору за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники (Пензенская область).

Как видно из приведенных примеров, в региональном законодательстве активно используется термины «контроль» и «надзор» при обозначении данного вида властной деятельности. При этом четкое разграничение этих понятий не проводится, что обусловлено отсутствием единства в их понимании в научной среде и частичным отождествлением с федеральным законодательством.

В законодательстве субъектов РФ предусмотрена ответственность за нарушения, выявляемые в процессе осуществления контроля. С учетом существующей модели разграничения предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами такая ответственность является административной. Например, за нарушения требований сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия регионального и местного значения (Самарская область, Республика Татарстан).

3. Финансовый контроль.

Исследование в области правового регулирования, организации и осуществления финансового контроля в субъектах РФ позволяет нам сделать вывод об отсутствии системного подхода в регулировании данного вопроса. Финансовый контроль в субъектах РФ ограничивается только одним его направлением – бюджетным контролем. Поэтому региональная нормативно-правовая база о финансовом контроле, кроме Бюджетного кодекса РФ, в основном состоит из законов о бюджетном процессе (например, Закон РМ от 14 июля 2008 г. «О бюджетном процессе в Республике Мордовия» [7]; Закон Пензенской области от 7 апреля 2003 г. «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Пензенской области» [5] и т. д.) и о контрольно-счетных органах субъектов РФ (например, Закон РМ от 28 декабря 2011 г. «О Счетной палате Республики Мордовия» [9]; Закон РТ от 7 июня 2004 г. «О Счетной палате Республики Татарстан» [11];

Закон УР от 10 октября 2011 г. «О Государственном контрольном комитете Удмуртской Республики» [14] и т. д.), а также ряда подзаконных актов регионального правительства и министерства финансов об организации ведомственного финансово-бюджетного контроля (например, Постановление Правительства Пермского края от 28 октября 2008 г. «Об утверждении единых требований (стандартов) к порядку организации и осуществления финансового контроля исполнительными органами государственной власти Пермского края» [15]; Приказ Министерства финансов Пермского края от 19 июля 2010 г. «Об утверждении Регламента осуществления последующего государственного финансового контроля исполнительными органами государственной власти Пермского края» [17] и т. д.). Специальный закон о государственном финансовом контроле в настоящее время принят только в трех субъектах РФ (один из которых – в рамках ПФО), а именно в Республике Саха (Якутия), Волгоградской и Нижегородской областях (Закон Республики Саха (Якутия) от 22 марта 2006 г. «О государственном финансовом контроле в Республике Саха (Якутия)») [6]; Закон Волгоградской области от 4 декабря 2008 г. «О финансовом контроле на территории Волгоградской области» [2]; Закон Нижегородской области от 9 марта 2010 г. «О государственном финансовом контроле в Нижегородской области» [3]). В Законе Алтайского края от 3 сентября 2007 г. «О бюджетном устройстве, бюджетном процессе и финансовом контроле в Алтайском крае» [1] данному вопросу посвящено всего 4 статьи. В основном указанные законы регулируют общие положения о финансовом контроле: цель, понятия (термины), принципы, направления контроля; устанавливают систему контрольных органов и их полномочия, права, ответственность, методологические основы и ряд других вопросов. Данное обстоятельство подтверждает общий вывод о большой значимости таких законов для унификации организации и осуществления финансового контроля в регионе. Однако сравнительный анализ законов обнаруживает ряд проблем.

Во-первых, это выражается в различном понимании и определении региональным законодателем понятий (терминов), используемых в правовом регулировании финансового контроля, например, *эффективность, результативность, экономичность, форма, вид, метод, финансовая экспертиза, объект контроля, внутренний, ведомственный, административный, финансовый контроль* и т. д. Это негативно влияет на полноту и согласованность правового регулирования методического обеспечения организации и проведения контрольных мероприятий. Во-вторых, отличается система органов финансово-бюджетного контроля в регионах. В-третьих, – способы обеспечения согласованности (координации) деятельности органов финансового-бюджетного контроля как в самом субъекте, так и на федеральном уровне (Счетная палата РФ, Федеральная служба финансово-бюджетного надзора и т. д.). Например, в Нижегородской области эта ответственность возложена на Координационный совет по вопросам государственного и муниципального финансового контроля, а в Республике Саха (Якутия) – на вице-президента. При этом, принимая во внимание то обстоятельство, что основная роль в организации и осуществлении независимого внешнего финансово-бюджетного контроля отводится контрольно-счетным органам субъектов РФ, по нашему мнению, координационную функцию должны реализовывать именно они.

Таким образом, система органов финансового контроля субъекта РФ обобщенно включает в себя: 1) законодательный (представительный) орган государственной власти; 2) контрольно-счетный орган; 3) министерство финансов; 4) контрольные органы, создаваемые высшим должностным лицом (высшим

исполнительным органом государственной власти) (например, Постановление Правительства Самарской области от 19 июня 2012 г. «О формировании службы государственного финансового контроля Самарской области и реорганизации аппарата Правительства Самарской области» [16]); 5) главные распорядители, распорядители бюджетных средств; 6) контрольно-счетные органы муниципальных образований. Последние включены в данную систему в связи с возможным осуществлением ими финансово-бюджетного контроля за расходами средств регионального бюджета и по договоренности с контрольно-счетным органом субъекта РФ (например, Закон Оренбургской области от 15 декабря 2011 г. «О регулировании отдельных вопросов организации и деятельности контрольно-счетных органов муниципальных образований, расположенных на территории Оренбургской области» [4]; Закон Самарской области от 30 сентября 2011 г. «О Счетной палате Самарской области и отдельных вопросах деятельности контрольно-счетных органов муниципальных образований, расположенных на территории Самарской области» [13]).

В данный перечень мы не включили органы общественного контроля (например, Общественную палату субъекта РФ), поскольку их роль в осуществлении финансово-бюджетного контроля по-прежнему незначительна. В основном это связано с отсутствием в их составе соответствующих специалистов и с возможностью участия субъектов общественного контроля только на стадии предварительной оценки законопроекта о бюджете. Также не совсем ясна роль избирательных комиссий субъектов РФ в осуществлении финансового контроля. Данные комиссии в соответствии с избирательным законодательством контролируют расходы бюджетных средств участниками избирательного процесса.

Решение данных проблем мы видим в разработке и принятии единой программы развития государственного финансового контроля на региональном уровне. Кроме этого, необходимо принять Федеральный закон «О финансовом контроле в Российской Федерации» и аналогичные законы в субъектах РФ. Это позволит унифицировать разрозненные правовые нормы в области финансового контроля.

Новый этап развития финансово-бюджетного контроля в субъектах РФ связан с принятием Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [20]. Он позволил внедрить единый подход в организацию и деятельность контрольно-счетных органов во всех субъектах РФ, однако создал ряд проблем. Так, например, закон неоднозначно определил роль высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) в процедуре формирования состава контрольно-счетного органа (ст. 6). Например, в РМ это привело к ситуации, когда кандидатуры аудиторов Счетной палаты РМ вводились в Государственное Собрание только после их согласования с Главой РМ, что, по нашему мнению, недопустимо. Кроме этого, остается неясной позиция федерального законодателя, который допускает возможность занять государственную должность в субъекте РФ ранее судимому лицу, пусть даже со снятой или погашенной судимостью (ст. 7) [9].

Также требует уточнения норма ст. 14, которая предоставляет право контрольно-счетным органам составлять протоколы об административных правонарушениях, если такое право предусмотрено законодательством РФ. Возможно, речь должна идти о законодательстве субъектов РФ или законодательстве об административных правонарушениях. По-прежнему остается актуальным вопрос качества кадрового обеспечения органов финансового контроля. В решении данного вопроса необходима помощь Счетной палаты РФ.

Недостатком деятельности контрольно-счетных органов остается отсутствие законодательно закрепленной обязанности правоохранительных органов сообщать контрольно-счетному органу о результатах проверки переданных им материалов по выявленным нарушениям финансового законодательства. В перспективе органам финансового контроля необходимо осваивать такое направление как аудит реализуемости и результативности достижения стратегических целей социально-экономического развития региона (аудит эффективности).

Таким образом, мы пришли к выводу, что для развития регионального законодательства в области финансового контроля необходимо разработать и принять единую программу развития государственного финансового контроля на федеральном и региональном уровнях; разработать и принять программу повышения квалификации сотрудников контрольно-счетных органов субъектов РФ, и обеспечить ее законодательное регулирование; принять Федеральный закон «О финансовом контроле в Российской Федерации» и аналогичные законы в субъектах РФ. Методологическое обеспечение организации и проведения контрольных мероприятий, по нашему мнению, лучше всего осуществлять централизованно, на федеральном уровне.

Также, нам представляется перспективным повышение роли органов общественного контроля в осуществлении предварительного финансового контроля.

Кроме того, в целях устранения противоречий в федеральном законодательстве необходимо внести изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [20].

4. Общественный контроль.

Исследование правового регулирования общественного контроля в субъектах РФ (на примере ПФО) свидетельствует о несовершенстве существующей в них правовой базы.

Следует признать недостаточную системность законодательного регулирования общественного контроля. На данный момент в федеральном законодательстве отсутствуют общие критерии построения системы его органов. Таким образом, огромный перечень подлежащих правовому регулированию вопросов отдан на усмотрение регионального законодателя. Законодательство об общественном контроле во входящих в ПФО субъектах РФ отличается разнообразием подходов к предмету правового регулирования, является, на наш взгляд, хаотичным и противоречивым. Однако существует ряд проблемных аспектов и тенденций, характерных для всех субъектов, входящих в ПФО.

Анализ законодательства показал, что на данном этапе в большинстве из них ключевой является задача нормативного закрепления перечня действующих органов общественного контроля. Особое внимание следует уделить порядку формирования органов общественного контроля, который должен соответствовать принципу их независимости от органов государства. На формирование органов общественного контроля не должны оказывать влияния субъекты, деятельность которых подвержена общественному контролю. Порядок формирования таких органов должен быть как можно более демократичным. В формировании должны принимать как можно более активное участие граждане РФ, заинтересованные в осуществлении общественного контроля, для чего им должна быть предоставлена соответствующая возможность. Субъекты общественного контроля должны быть независимы от государства в лице его органов в организационном плане, то есть иметь аппарат, обеспечивающий их деятельность, формируемый соответствующим органом общественного контроля и финансируемый за счет средств органа общественного контроля. Особое внимание следует уделить финан-

совой независимости органов общественного контроля. На наш взгляд, их финансирование должно быть предусмотрено в региональном бюджете. То есть, например, общественный совет, сформированный при каком-либо органе исполнительной власти субъекта РФ, не должен финансироваться за счет средств, выделенных в бюджете на содержание данного органа исполнительной власти. Финансовые средства должны поступать в такой общественный совет напрямую, а не через контролируемый им орган. Таким образом, подверженные общественному контролю органы государственной власти и органы местного самоуправления не должны принимать участия в финансировании осуществляющих этот контроль субъектов. Мы считаем, что указанные критерии независимости органов общественного контроля от органов государства целесообразно закрепить на уровне федерального закона в качестве обязательных для всех субъектов РФ.

Важным органом общественного контроля является общественная палата субъекта РФ. Нам представляется недопустимым порядок, при котором она формируется не как независимый орган общественного контроля, а как действующий при высшем должностном лице субъекта РФ, его законодательном органе или правительстве. Предусмотренный законами многих субъектов РФ (Законом РМ от 20 февраля 2006 г. №7-З «Об Общественной палате Республики Мордовия» [8], Законом РТ от 14 октября 2005 г. №103-ЗРТ «Об Общественной палате Республики Татарстан» [12]) порядок формирования общественной палаты, при котором часть членов формально независимой общественной палаты назначается высшим должностным лицом субъекта РФ, мы также считаем неприемлемым. Назначение части членов общественной палаты субъекта РФ решением законодательного органа субъекта, как это установлено в РТ, на наш взгляд, тоже недопустимо. Полагаем, что общие требования к порядку формирования и деятельности общественных палат субъектов РФ, а также обязательность их создания следует закрепить на уровне федерального закона. При этом общественная палата должна формироваться в субъекте на общем собрании региональных и местных общественных объединений из числа их представителей путем проведения рейтингового голосования. Функции назначения даты, времени и места общего собрания представителей общественных объединений и некоммерческих организаций, а также контроль за соблюдением порядка проведения собрания следует возложить не на администрацию высшего должностного лица субъекта РФ (как это установлено в РМ), а на избирательную комиссию субъекта РФ. Количество членов общественной палаты субъекта РФ целесообразно определять законом субъекта РФ, но в рамках, установленных федеральным законом.

Кроме этого, важным является организовать в регионах обсуждение с максимальным привлечением общественности подготовленного Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека проекта Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Также необходимо принятие региональных законов об общественном контроле, в которых, в соответствии с федеральным законодательством, должен быть закреплен перечень принципов общественного контроля, его субъектов и объектов, а также формы и способы осуществления (до настоящего времени пор субъекты РФ, как правило, ограничивались принятием законов, посвященных отдельным органам или отдельным направлениям общественного контроля).

Кроме этого, необходимо провести подготовку и внедрение региональных программ по содействию развитию общественного контроля за избирательным процессом; соблюдением законных прав и интересов работников в области

охраны труда, потребителей; экологической безопасностью, в связи с высокой вероятностью совершения правонарушений в данных сферах.

В результате анализа состояния общественного контроля в исследуемых субъектах РФ нами был сделан вывод о необходимости добиться большей прозрачности деятельности региональных органов государственной власти, содействовать развитию так называемой «электронной демократии» (совершенствованию работы интернет-приемных, ускорению рассмотрения обращений граждан через интернет и т. д.).

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить актуальность и важность дальнейшей проработки данной проблематики с целью совершенствования законодательства, регламентирующего различные направления государственного и общественного контроля.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Закон Алтайского края от 3 сентября 2007 г. № 75-ЗС «О бюджетном устройстве, бюджетном процессе и финансовом контроле в Алтайском крае» // Алтайская правда. – 2007. – 5 сентября.

2. Закон Волгоградской области от 4 декабря 2008 г. № 1800-ОД «О финансовом контроле на территории Волгоградской области» // Волгоградская правда. – 2008. – 10 декабря.

3. Закон Нижегородской области от 9 марта 2010 г. № 36-З «О государственном финансовом контроле в Нижегородской области» // Правовая среда. – 2010. – 12 марта.

4. Закон Оренбургской области от 15 декабря 2011 г. № 653/174-V-ОЗ «О регулировании отдельных вопросов организации и деятельности контрольно-счетных органов муниципальных образований, расположенных на территории Оренбургской области» // Оренбуржье. – 2011. – 29 декабря.

5. Закон Пензенской области от 7 апреля 2003 г. № 463-ЗПО «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Пензенской области» // Пензенские губернские ведомости. – 2003. – 24 апреля.

6. Закон Республики Саха (Якутия) от 22 марта 2006 г. 320-З № 653-III «О государственном финансовом контроле в Республике Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. – 2006. – 12 мая.

7. Закон РМ от 14 июля 2008 г. № 56-З «О бюджетном процессе в Республике Мордовия» // Известия Мордовии. – 2008. – 16 июля.

8. Закон РМ от 20 февраля 2006 г. № 7-З «Об Общественной палате Республики Мордовия» // Известия Мордовии. – 2006. – 21 февраля.

9. Закон РМ от 28 декабря 2011 г. № 82-З «О Счетной палате Республики Мордовия» // Известия Мордовии. – 2011. – 30 декабря.

10. Закон РМ от 30 октября 2008 г. № 103-З «О контрольных полномочиях Государственного Собрания Республики Мордовия» // Известия Мордовии – 2008. – 31 октября.

11. Закон РТ от 7 июня 2004 г. № 37-ЗРТ «О Счетной палате Республики Татарстан» // Республика Татарстан. – 2011. – 14 октября.

12. Закон РТ от 14 октября 2005 г. № 103-ЗРТ «Об Общественной палате Республики Татарстан» // Республика Татарстан – 2005. – 18 октября.

13. Закон Самарской области от 30 сентября 2011 г. № 86-ГД «О Счетной палате Самарской области и отдельных вопросах деятельности контрольно-счетных органов муниципальных образований, расположенных на территории Самарской области» // Волжская коммуна. – 2011. – 4 октября.

14. Закон УР от 10 октября 2011 г. № 51-РЗ «О Государственном контрольном комитете Удмуртской Республики» // Известия Удмуртской Республики. – 2011. – 1 ноября.

15. Постановление Правительства Пермского края от 28 октября 2008 г. № 578-п «Об утверждении единых требований (стандартов) к порядку организации и осуществления финансового контроля исполнительными органами государственной власти Пермского края» // Бюллетень правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. – 2008. – № 18.

16. Постановление Правительства Самарской области от 19 июня 2012 г. № 283 «О формировании службы государственного финансового контроля Самарской области и реорганизации аппарата Правительства Самарской области» // Волжская коммуна. – 2012. – 21 июня.

17. Приказ Министерства финансов Пермского края от 19 июля 2010 г. № СЭД-39-01-03-125 «Об утверждении Регламента осуществления последующего государственного финансового контроля исполнительными органами государственной власти Пермского края» // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. – 2010. – № 29.

18. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

19. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2304.

20. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 903.

21. Федеральный закон от 29 марта 2010 г. № 29-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 18 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 14. – Ст. 1549.

Поступила 04.03.2014 г.

Об авторах:

Дудко Игорь Геннадьевич, заведующий кафедрой государственного и административного права юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор юридических наук, профессор, idu2000@yandex.ru

Алехин Александр Ефимович, доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат юридических наук, ae-alehin@yandex.ru

Томилин Олег Олегович, доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат юридических наук, oo-tomilin@yandex.ru

Жгучев Павел Борисович, преподаватель кафедры государственного и административного права юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), Pawell-11-9@mail.ru

Для цитирования: Правовое регулирование контроля в субъектах Российской Федерации (на примере Приволжского федерального округа) / И. Г. Дудко [и др.]. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 21–33. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.021

REFERENCES

1. Zakon Altajskogo kraja ot 03 sentjabrja 2007 g. no. 75-ZS “O bjudzhetnom ustrojstve, bjudzhetnom processe i finansovom kontrole v Altajskom krae” [Altai krai on September 3, 2007 no. 75-ZS “About the budgetary device and budgetary process and financial control in Altai krai”]. *Altajskaja pravda* – Altai Pravda. 2007, September 5.

2. Zakon Volgogradskoj oblasti ot 04 dekabrja 2008 g. № 1800-OD “O finansovom kontrole na territorii Volgogradskoj oblasti” [The law of the Volgograd region on 4 December 2008, no. 1800-OD “On financial control on the territory of the Volgograd region”]. *Volgogradskaya Pravda* – Volgograd Pravda. 2008, December 10.

3. Zakon Nizhegorodskoj oblasti ot 09 marta 2010 g. № 36-Z “O gosudarstvennom finansovom kontrole v Nizhegorodskoj oblasti” [The law of the Nizhniy Novgorod region on March 9, 2010 no. 36-C “On state financial control in the Nizhniy Novgorod region”]. *Pravovaja sreda* – The Legal Environment. 2010, March 12.

4. Zakon Orenburgskoj oblasti ot 15 dekabrja 2011 g. № 653/174-V-OZ “O regulirovanii otdel’nyh voprosov organizacii i dejatel’nosti kontrol’no-schetnyh organov municipal’nyh obrazovanij, raspolozhennyh

na territorii Orenburgskoj oblasti" [The law of Orenburg oblast of December 15, 2011 no. 653/174-V-OZ "On regulation of certain issues of organization and activity of the audit bodies of municipal entities located on the territory of the Orenburg region"]. *Orenburzh'e* – The Orenburg Region. 2011, December 29.

5. Zakon Penzenskoj oblasti ot 07 aprelja 2003 g. № 463-ZPO "O bjudzhetnom ustrojstve i bjudzhetnom processe v Penzenskoj oblasti" [The law of the Penza region on April 7, 2003 no. 463-ЗПО "About the budgetary device and budgetary process in the Penza region"]. *Penzenskie gubernskie vedomosti* – Penza provincial sheets. 2003, April 24.

6. Zakon Respubliki Saha (Jakutija) ot 22 marta 2006 g. 320-Z № 653-III "O gosudarstvennom finansovom kontrole v Respublike Saha (Jakutija)" [The law of the Republic of Sakha (Yakutia) from 22 March 2006, 320 C no. 653-III "On state financial control in the Republic of Sakha (Yakutia)"]. *Jakutskie vedomosti* – The Yakut Vedomosti. 2006, May 12.

7. Zakon RM ot 14 ijulja 2008 g. no. 56-Z "O bjudzhetnom processe v Respublike Mordovija" [The law of RM from July 14, 2008 no. 56-C "On budget process in the Republic of Mordovia"]. *Izvestija Mordovii* – Mordovia News. 2008, July 16.

8. Zakon RM ot 20 fevralja 2006 g. no. 7-Z "Ob Obshhestvennoj palate Respubliki Mordovija" [The law of RM of February 20, 2006 no. 7-C "On the Public chamber of Republic Mordovia"]. *Izvestija Mordovii* – Mordovia News. 2006, February 21.

9. Zakon RM ot 28 dekabrja 2011 g. no. 82-Z "O Schetnoj palate Respubliki Mordovija" [The law of RM of December 28, 2011 no. 82-C "On the accounts chamber of the Republic of Mordovia"]. *Izvestija Mordovii* – Mordovia News. 2011, December 30.

10. Zakon RM ot 30 oktjabrja 2008 g. no. 103-Z "O kontrol'nyh polnomochijah Gosudarstvennogo Sobranija Respubliki Mordovija" [The law of RM of October 30, 2008 no. 103-C "On control powers of the State Assembly of Republic Mordovia"]. *Izvestija Mordovii* – Mordovia News. 2008, October 31.

11. Zakon RT ot 07 ijunja 2004 g. no. 37-ZRT "O Schetnoj palate Respubliki Tatarstan" [The law of RT of June 07, 2004 no. 37-ZRT "On the Accounts Chamber of the Republic of Tatarstan"]. *Respublika Tatarstan* – The Republic of Tatarstan, 2011, October 14.

12. Zakon RT ot 14 oktjabrja 2005 g. no. 103-ZRT "Ob Obshhestvennoj palate Respubliki Tatarstan" [The law of the RT, October 14, 2005 no. 103-ZRT "On the Public chamber of the Republic of Tatarstan"]. *Respublika Tatarstan* – The Republic of Tatarstan, 2005, October 18.

13. Zakon Samarskoj oblasti ot 30 sentjabrja 2011 g. № 86-GD "O Schetnoj palate Samarskoj oblasti i otdel'nyh voprosah dejatel'nosti kontrol'no-schetnyh organov municipal'nyh obrazovanij, raspolozhennyh na territorii Samarskoj oblasti" [The law of Samara region on September 30, 2011 no. 86-GD "On the Accounts Chamber of the Samara region and some issues of activity of the control-accounting bodies of municipal entities located on the territory of Samara region"]. *Volzhskaja kommuna* - Volga Commune. 2011, October 4.

14. Zakon UR ot 10 oktjabrja 2011 g. № 51-RZ "O Gosudarstvennom kontrol'nom komitete Udmurtskoj Respubliki" [The law UR from October 10, 2011 no. 51-RZ "On the state control Committee of the Udmurt Republic"]. *Izvestija Udmurtskoj Respubliki* – News of the Udmurt Republic. 2011, November 1.

15. Postanovlenie Pravitel'stva Permskogo kraja ot 28 oktjabrja 2008 g. № 578-p "Ob utverzhdenii edinyh trebovanij (standartov) k porjadku organizacii i osushhestvlenija finansovogo kontrolja ispolnitel'nymi organami gosudarstvennoj vlasti Permskogo kraja" [Resolution of the Government of the Perm territory of October 28, 2008, no. 415-p "On approval of unified requirements (standards) to the order of organization and financial control of Executive bodies of state power of the Perm region"]. *Bjulleten' pravovyh aktov gubernatora Permskogo kraja, Pravitel'stva Permskogo kraja, ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti Permskogo kraja* – Bulletin of acts and decrees of the Governor of Perm region, Perm territory Government, Executive bodies of state power of the Perm region. 2008, no. 18.

16. Postanovlenie Pravitel'stva Samarskoj oblasti ot 19 ijunja 2012 g. № 283 "O formirovanii sluzhby gosudarstvennogo finansovogo kontrolja Samarskoj oblasti i reorganizacii apparata Pravitel'stva Samarskoj oblasti" [Resolution of the Government of the Samara region dated 19 June 2012 no. 283 "On forming services of the state financial control of the Samara region and the reorganization of the office of the Government of the Samara region"]. *Volzhskaja kommuna* – Volga Commune. 2012, June 21.

17. Prikaz Ministerstva finansov Permskogo kraja ot 19 ijulja 2010 g. № SJeD-39-01-03-125 "Ob utverzhdenii Reglamenta osushhestvlenija posledujushhego gosudarstvennogo finansovogo kontrolja

ispolnitel'nymi organami gosudarstvennoj vlasti Permskogo kraja" [Order of the Ministry of Finance of the Perm krai of July 19, 2010 no. SED-39-01-03-125 "On approval of the Regulations further state financial control of the Executive organs of state power of the Perm krai"]. *Bjulleten' zakonov Permskogo kraja, pravovyh aktov gubernatora Permskogo kraja, Pravitel'stva Permskogo kraja, ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti Permskogo kraja* – Bulletin of the laws of the Perm region, legal acts of the Governor of Perm region, Perm territory Government, Executive bodies of state power of the Perm region. 2010, no. 29.

18. Federal'nyj zakon ot 06 oktjabrja 1999 g. no. 184-FZ "Ob obshhih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii" [Federal law of October 6, 1999 no. 184-FZ "On General principles of organization of legislative (representative) and Executive state authorities of constituent entities of Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* – Collected legislation of the Russian Federation. 1999, no. 42, p. 5005.

19. Federal'nyj zakon ot 07 maja 2013 g. no. 77-FZ "O parlamentskom kontrole" [Federal law of May 7, 2013 no. 77-FZ "On the parliamentary control"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* – Collected legislation of the Russian Federation. 2013, no. 19, p. 2304.

20. Federal'nyj zakon ot 07 fevralja 2011 g. no. 6-FZ "Ob obshhih principah organizacii i dejatel'nosti kontrol'no-schetnyh organov sub'ektov Rossijskoj Federacii i municipal'nyh obrazovanij" [Federal law of February 7, 2011 no. 15-FZ "On General principles of organization and activity of the audit bodies of subjects of the Russian Federation and municipal formations"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* – Collected legislation of the Russian Federation. 2011, no. 7, p. 903.

21. Federal'nyj zakon ot 29 marta 2010 g. no. 29-FZ "O vnesenii izmenenij v stat'i 5 i 18 Federal'nogo zakona "Ob obshhih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii"" [The Federal law of March 29, 2010 no. 29-FZ "On amending articles 5 and 18 of the Federal law "On General principles of organization of legislative (representative) and Executive state authorities of constituent entities of Russian Federation""]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* – Collected legislation of the Russian Federation. 2010, no. 14, p. 1549.

About the authors:

Doudko Igor' Gennad'evich, head of State and Administrative Law chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Doctor of Sciences degree holder in Law, professor, idu2000@yandex.ru

Alekhin Aleksandr Efimovich, Associate professor of State and Administrative Law chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Law, ae-alehin@yandex.ru

Tomilin Oleg Olegovich, Associate professor of State and Administrative Law chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Law, oo-tomilin@yandex.ru

Zhguchev Pavel Borisovich, lecturer of State and Administrative Law chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Pawell-11-9@mail.ru

For citation: Doudko I. G., Alekhin A. E., Tomilin O. O., Zhguchev P. B. Pravovoe regulirovanie kontrolja v sub'ektah Rossijskoj Federacii (na primere Privolzhskogo federal'nogo okruga) [The legal regulation of control in subjects of the russian federation (the case of Privolzsky federal district)]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 21–33. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.021

УДК 346.91 DOI: 10.15507/VMU.024.201404.034

МЕДИАТОР В УРЕГУЛИРОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ: ОТ ИСХОДНЫХ НАЧАЛ К ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ АНАЛИЗУ

О. В. Купцова, Н. В. Здоровинина

В статье рассматриваются теоретические вопросы юридической конфликтологии, правового положения медиатора и его роли в альтернативном разрешении конфликтов, а также правовые вопросы реализации процедуры медиации в Российской Федерации. Объектом исследования являются возможности медиатора в оказании квалифицированной юридической помощи. Предмет исследования составляют теоретические представления о сущности способов альтернативного разрешения споров, примирительных процедур, роли медиатора при оказании квалифицированной юридической помощи доверителям, а также нормы национального и международного права, регламентирующие вопросы подготовки квалифицированных специалистов в области медиации и деятельностью медиатора в урегулировании юридических конфликтов.

Также в статье анализируются принципы его деятельности в законодательном и доктринальном выражении; подчеркивается неоднозначность подходов в определении их системы в российском и европейском законодательстве и в научной литературе; более подробно характеризуются принципы добровольности, конфиденциальности, независимости и беспристрастности медиатора, его профессионализма; отмечается целесообразность выделения принципа ответственности в медиации с ее пониманием как в позитивном, так в негативном аспектах.

Принципы медиации выступают в качестве исходных факторов статуса медиатора, в том числе в его функциональном выражении. Характеристика функций медиатора приводится в статье на основе анализа конфликтологической литературы, поскольку легально они не получили четкого оформления. В статье освещаются следующие функции: организационная, аналитическая, контрольная, а также активного слушания, генерации идей, расширения ресурсов, сохранения психологического климата и обучения; отмечается возможность обособления побуждающей (стимулирующей) функции медиатора. На основании результатов проведенного анализа авторами предпринимается попытка конкретизации положения медиатора в процедуре урегулирования юридических конфликтов.

Ключевые слова: медиация, медиатор, принципы медиации, функции медиатора, переговоры.

MEDIATOR IN ARRANGEMENT OF JURIDICAL CONFLICTS: FROM INITIAL ORIGINS TO FUNCTIONAL ANALYSIS

O. V. Kuptsova, N. V. Zdorovinina

The theme of the present article covers the theoretical issues of legal conflicts, alternative dispute resolution, the legal position of a mediator and its role in conflict resolution, as well as legal issues in the implementation of Russian mediation procedure.

The investigation is concerned with mediator possibilities in providing of qualified legal assistance. Theoretical concepts of the nature of ways of alternative dispute resolution, mediation procedures, the role of mediator in providing of qualified legal assistance principals are a subject of research. In addition, the study also regards the norms of national and international law regulating issues related to the preparation of qualified specialists in the field of mediation and the mediator in resolving of legal conflicts.

© Купцова О. В., Здоровинина Н. В., 2014

The article analyzes the principles of the main activities of the mediator in their legislative and doctrinal terms, emphasizes ambiguous approaches in determining its system in Russian and European legislation and in scientific literature, characterized in detail the principles of voluntarism, privacy, independence and impartiality of a mediator, his professionalism. Practicability of allocating of responsibility principle in mediation with understanding of it in positive and negative aspects are noted.

Principles of mediation serve the initial beginnings of mediator status, including its functional expression. Mediator characteristic functions are given in the article basing on the analysis of conflictological literature since by legal means they did not receive distinct formalization. The article highlights the organizational, analytical, control functions, the functions of active listening, generate ideas, expand resources, preservation of the psychological climate of learning. The possibility of separation of motivating (stimulating) mediator function is mentioned.

The authors attempted by means of analysis specifying position mediator in the process of settlement of legal conflicts.

Keywords: mediation, mediator, principles of mediation, mediator functions, negotiations.

Согласно ст. 2 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. [10] (далее – Закон), процедура медиации – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Обладая хорошей репутацией в зарубежных странах, в настоящее время институт медиации вызывает широкий интерес в России. Особого внимания в данном случае заслуживает сам медиатор, его положение и значение в урегулировании юридических конфликтов.

Однако прежде чем приступить к его характеристике, необходимо осветить принципы медиации, поскольку именно они определяют статус и функции лиц, участвующих в данной процедуре.

Согласно содержанию Закона (ст. 3), к основным началам медиации относятся принципы добровольности, конфиденциальности, равноправия и сотрудничества сторон, а также беспристрастности и независимости медиатора. При этом законодательно раскрыто содержание только принципа конфиденциальности (ст. 5).

Кроме указанных выше, в научной литературе получили освещение такие начала медиации как принципы взаимоуважения и самостоятельности сторон, профессионализма и нейтральности медиатора, ответственности, прозрачности процедуры медиации [7, с. 83–84]. Кроме этого, медиаторам необходимо соблюдать базовые принципы законности и справедливости.

Рассмотрим подробнее основополагающие принципы деятельности медиатора.

Принцип добровольности выражается в следующем: 1) принятие услуг медиатора осуществляется сторонами добровольно; 2) выход из процесса либо продолжение медиации зависят от намерения сторон; 3) результат медиации обусловлен волеизъявлением и действиями сторон.

Содержание принципа конфиденциальности определено ст. 5 Закона. Все обсуждаемое в ходе медиации должно быть сохранено внутри данного процесса. Именно этим медиация отличается, в частности, от судебного разбирательства, в котором действует принцип публичности. Медиатор не вправе без согласия сторон разглашать информацию, ставшую известной ему при проведении медиации. Если иное не предусмотрено федеральным законом или соглашением сторон, разглашению не подлежат ни факт медиации, ни любые сведения (в том числе устная информация и документы), которые использовались в процессе урегулирования конфликта.

Согласно гражданскому процессуальному и арбитражно-процессуальному законодательству, медиаторы не могут быть допрошены об обстоятель-

ствах, которые стали им известны в связи с проведением медиации [2, ст. 56; 4, ст. 69]. К сожалению, этот запрет не получил закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе РФ [3, с. 45; 14].

Записи, относящиеся к процедуре медиации, после ее завершения уничтожаются, хотя в определенных случаях их сохранение представляется целесообразным [12, с. 157–158].

Однако конфиденциальность не следует понимать как запрет на научные исследования и оценку программ медиации. При определенных обстоятельствах ученые имеют доступ к статистическим данным и – с разрешения сторон – разбирающимся конфликтам, а также могут присутствовать на процессе медиации и брать интервью у участников конфликта.

Принцип равноправия и сотрудничества сторон означает, что конфликтующие обладают равными правами и равными процессуальными возможностями и должны быть нацелены на результат «выигрыш – выигрыш».

Согласно принципу независимости и беспристрастности, медиатор имеет право участвовать только в тех процедурах, в которых его отношение является нейтральным и справедливым. Рассматриваемый принцип накладывает на медиатора определенные обязанности и запреты:

– избегать предубеждений, основанных на субъективных взглядах конфликтующих сторон, а также их социальном происхождении или поведении в ходе процедуры медиации;

– не предоставлять преимущества какой-либо стороне;

– сообщать об обстоятельствах, которые могут повлиять на его независимость и беспристрастность (п. 3 ст. 9 Закона);

– не позволять себе каких-либо высказываний или действий, создающих впечатление предвзятости или отсутствия справедливости;

– не накапливать информацию в пользу или против одной из конфликтующих сторон;

– не давать оценку действиям какой-либо стороны с позиции правильности или справедливости;

– не навязывать свое мнение по существу конфликта;

– обеспечивать равенство сторон в медиации.

Независимость и беспристрастность медиатора способствуют конструктивному ходу переговоров, поскольку в присутствии постороннего лица люди, как правило, воздерживаются от резких высказываний в адрес друг друга и других деструктивных приемов общения. Кроме того, стороны в большей степени расположены к продуктивному обсуждению своей проблемы с участием третьего, нейтрального, лица, чем наедине. Заметим, что в Европейском кодексе поведения для медиаторов [5] принципы независимости и беспристрастности разграничиваются (п. 2.1 и 2.2 соответственно), хотя закрепляются как взаимосвязанные (см. ст. 2). Согласно Кодексу, независимость и нейтралитет медиатора обеспечиваются исключением личных и деловых отношений со сторонами, любой заинтересованности в результатах медиации, а также действий в интересах одной из сторон. Беспристрастность, в свою очередь, раскрывается через абсолютную объективность по отношению к каждой из сторон, формирование у них положительного восприятия деятельности медиатора.

В контексте рассматриваемой в статье темы отдельного внимания заслуживает принцип профессионализма медиатора. Он выражается в законодательно установленных требованиях, предъявляемых к посреднику. Согласно ст. 15–16 Закона, осуществлять функции медиатора на непрофессиональной основе может совершеннолетний полностью дееспособный человек, не имеющий судимости. Требования к медиаторам-профессионалам отличаются: ими могут являться лица, достигшие 25 лет, имеющие высшее или получившие дополнительное профессиональное образование по во-

просам осуществления процедуры медиации. Таким образом, медиатором может стать экономист, парикмахер, химик, строитель, а также представители других профессий. Такой подход к определению статуса медиатора, на наш взгляд, является поверхностным и в некотором роде безответственным [6, с. 70].

Безусловно, для разрешения конфликтов может быть значимо и неюридическое образование (например, познания в области психологии, экономики, медицины, строительства и т. д.), но правовые знания медиатору необходимы.

Следует отметить, что, например, в США медиатор тоже может обладать любой профессией и квалификацией; часто медиаторами выступают лица, не имеющие юридического образования. Однако на практике более востребованы лица, имеющие определенный опыт и знания в области юриспруденции [6, с. 69].

Мы считаем, что квалифицированным медиатором является лицо, которое имеет не только хорошее представление о содержательной (экономической, медицинской, информационной и т. д.) и правовой составляющей конфликта, но и навыки психолога/конфликтолога [16, с. 1166–1167]. При этом мастерство медиатора также зависит от уровня его подготовки в качестве посредника, его личных качеств и способностей [13, с. 134].

Обстоятельный анализ профессионального общения приведен в статье Ф. К. Свободного [11]. Согласно его точке зрения, медиатор должен обладать хорошей памятью и быстрой реакцией, быть внимательным, собранным, коммуникабельным, психологически устойчивым. Он «должен быть способен представить себе то психическое состояние, в котором будет находиться его собеседник <…> для моделирования предстоящей беседы» [Там же, с. 69], что требует знания как предмета спора, так и особенностей личности собеседника.

Также согласимся с Т. В. Худойкиной в том, что в становлении и развитии института медиации особое значение имеет система обучения медиаторов, которая должна быть многоступенчатой и включающей в себя специализированные центры, юридические вузы (факультеты) [15, с. 69–70].

Еще один принцип медиации, который, на наш взгляд, следует зафиксировать в ст. 3 Закона, – ответственности, которая должна рассматриваться в позитивном ключе, как чувство гражданского долга и развитого правосознания, которое будет способствовать добросовестному справедливому разрешению конфликта путем конструктивного диалога. Подчеркнем, что ответственным должно быть поведение всех участников процедуры медиации, в то время как в Законе говорится только об ответственности медиаторов и организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры (ст. 17) и только в традиционном, негативном, аспекте.

Принципы медиации являются ориентирами в деятельности медиатора, своеобразными рамками реализации его функций.

Закон оперирует понятием функции только применительно к саморегулируемой организации медиаторов (ст. 19), в России они не получили четкого законодательного оформления. Не закреплены они и в Европейском кодексе поведения для медиаторов. В связи с этим для проведения функционального анализа статуса медиатора нам представляется целесообразным обращение к доктринальным источникам.

В конфликтологической литературе среди функций медиатора выделяются организационная, аналитическая, контрольная, а также активного слушания, генерации идей, расширения ресурсов, сохранения психологического климата и обучения [1; 8–9].

Прежде всего, медиатор является организатором медиации: он подготавливает помещение для переговоров [1], помогает сторонам определить и в последующем выдерживать регламент, обеспечивает выполнение достигнутых соглашений и корректность отношений между сторонами.

Кроме этого, медиатор выполняет роль аналитика конфликта. Он должен тщательно изучить его, а также простимулировать к этому стороны. «Задача медиатора в процессе анализа конфликта <…> – в том, чтобы показать сторонам, какие интересы стоят за их позициями <…>, помочь сторонам построить новые позиции (предложения), которые могут пересекаться, обеспечивая ущемленные в конфликте интересы. Только так возможно построить будущее соглашение» [Там же]. В ходе анализа медиатор помогает сторонам по-новому взглянуть на конфликт, перспективы его урегулирования, приоритеты и интересы учасников.

Медиатор должен быть активным слушателем, чтобы понимать и контролировать содержательную и эмоциональную составляющие конфликта и процесса его разрешения. Активное слушание устанавливает обратную связь с говорящими, фиксирует чувства сторон при недостатке информации, а также недовольство ходом процедуры. Кроме этого, оно позволяет разграничить факты и их оценки, интерпретации, а также обеспечить эмоциональную нейтральность и объективность медиации.

Медиатор предоставляет сторонам необходимую информацию или помогает им найти ее самостоятельно, в том числе реализуя функции анализа и активного слушания. При этом он не имеет права давать какие-либо разъяснения, интерпретировать сообщаемую сторонами информацию, однако может порекомендовать участникам конфликта обратиться к определенным информационным источникам (в том числе нормативным правовым актам) или специалистам (в различных областях).

Опытный медиатор сможет получить информацию не только непосредственно из речи сторон, но и из их выражения лиц, взглядов, интонации, жестов и т. д. [11, с. 70].

Медиатор также рассматривается как генератор идей, стимулирующий стороны к поиску решений и тем самым способствующий выявлению наиболее значимых обстоятельств спора. Он не имеет права навязывать вариант урегулирования конфликта, но может предложить возможные его направления.

Кроме этого, медиатор поддерживает благоприятный психологический климат. Реализация этой функции не предполагает обязательного установления «мягкой» атмосферы в ходе переговоров, однако все действия участников процедуры должны быть конструктивными, не допускающими унижения человеческого достоинства.

Выполняя функцию контроля, медиатор обеспечивает реалистичность высказываний, ресурсов и соглашений. Завершая переговоры, он должен убедиться, что стороны уяснили все условия соглашения. В свою очередь сторонам необходимо полностью принять его условия и своевременно выполнить свою часть обязательств.

Наконец, медиатор способен обучить стороны партнерским переговорам, то есть переговорам с установкой на сотрудничество. Большинство участников конфликтов нуждаются в таком обучении, им необходимо оказать помощь в поиске решений, которые в максимально возможной степени удовлетворили бы как их собственные интересы, так и интересы другой стороны.

На основе вышеизложенного дополним перечень анализируемых функций стимулирующей (побуждающей), поскольку медиатор побуждает стороны к аналитическому мышлению, поиску информации, выработке новых вариантов решения конфликта и формированию модели корректного поведения в переговорах.

Важно отметить, что медиатор не является предпринимателем, хотя, согласно российскому законодательству, он обладает правом осуществлять любую незапрещенную деятельность. Его целью является не извлечение прибыли, а помощь людям, которые не в состоянии самостоятельно урегулировать возникшие между ними противоречия.

Выступая в качестве организатора, аналитика, информатора, генератора идей, а также реализуя другие функции, медиатор всегда должен оставаться независимым, беспристрастным, ответственным профессионалом, гарантом равноправия и сотрудничества сторон, а также добровольности и конфиденциальности процесса медиации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Аллахвердова, О. В.** Медиация как социально-психологический феномен [Электронный ресурс] / О. В. Аллахвердова. – URL: www.psycheya.ru/lib/values/ mediator.doc.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации № 95-ФЗ от 24 июля 2002 г. [Электронный ресурс] – URL: http://pravo.gov.ru/ proxy/ips/?docbody=&nd=102078928&intelsearch.

3. **Волосова, Н. Ю.** Вопросы использования процедуры медиации в уголовном процессе / Н. Ю. Волосова, Т. С Барабанова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 3 (152). – С. 43–47.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14 ноября 2002 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ ips/?docbody=&nd=102078537&intelsearch.

5. Европейский кодекс поведения медиаторов от 2 июля 2004 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

6. **Иллуев, А. Г.** Внедрение медиации как средства внесудебного разрешения споров в российскую правовую реальность / А. Г. Иллуев // Юридический вестник ДГУ. – 2013. – № 3. – С. 67–71.

7. **Исаенкова, О. В.** Развитие медиации в Российской Федерации : проблемы и перспективы / О. В. Исаенкова // Вопросы российского и международного права. – 2013. – № 3. – С. 69–90.

8. Конфликтология [Электронный ресурс] / Под ред. А. С. Кармина. – URL: http://psyera.ru/funkcii-mediatora-1804.htm.

9. Медиация как форма разрешения конфликта [Электронный ресурс] // Конфликтология в социальной работе. – URL: http://kurs.ido.tpu.ru/courses/confict_in_sw/ tema13.htm.

10. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный Закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd= 102140659&intelsearch.

11. **Свободный, Ф. К.** Профессиональное общение медиатора : этапы и приемы / Ф. К. Свободный // Гражданское общество и правовое государство. – 2013. – Т. 2. – С. 68–73.

12. **Сухова, Н. В.** Принципы процесса медиации / Н. В. Сухова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 154–162.

13. **Сычева, О. А.** Возможности медиации при разрешении административно-правовых споров / О. А. Сычева // Поволжский педагогический поиск. – 2013. – № 1 (3). – С. 131–136.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/ proxy/ips/?docbody=&nd=102073650&intelsearch.

15. **Худойкина, Т. В.** Применение посредничества как примирительной процедуры при разрешении правовых споров и конфликтов в России / Т. В. Худойкина // Социально-политические науки. – 2012. – № 4. – С. 67–70.

16. **Шереметьева, А. К.** Медиация как гражданско-правовой способ урегулирования конфликтов в сфере интеллектуальной собственности / А. К. Шереметьева, Н. А. Нижанковская // Ученые заметки ТОГУ. – 2013. – Т. 4. – № 4. – С. 1161–1169.

Поступила 03.03.2014 г.

Об авторах:

Купцова Ольга Владимировна, доцент кафедры правовых дисциплин юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат юридических наук, sabrina03@list.ru

Здоровинина Наталья Владимировна, студентка юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), natazdorovinina@mail.ru

Для цитирования: Купцова, О. В. Медиатор в урегулировании юридических конфликтов : от исходных начал к функциональному анализу / О. В. Купцова, Н. В. Здоровинина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 34–41. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.034

REFERENCES

1. Allakhverdova O. V. Mediacija kak social'no-psihologicheskij fenomen [Mediation as a socio-psychological phenomenon]. Available at: http://www.psycheya.ru/lib/values/ mediator.doc.

2. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24 ijulja 2002 g. no. 95-FZ [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 no. 95-FL (with amendments and additions)]. Available at: http://pravo.gov.ru/ proxy/ips/?docbody=&nd=102078928&intelsearch.

3. Volosova N. Ju., Barabanova T. S. Voprosy ispol'zovanija procedury mediacii v ugolovnom processe [Issues of implementation of mediation procedure in criminal processes]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of the Orenburg State University. 2013, no. 3 (152), pp. 43–47.

4. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14 nojabrja 2002 g. no. 138-FZ. [Civil Procedure Code of Russian Federation of November 14, 2002 no. 138-FL (with amendments and additions)]. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ ips/?docbody=&nd=102078537&intelsearch.

5. Evropejskij kodeks povedenija mediatorov ot 2 ijulja 2004 g. [European Code of Conduct for mediators from July 2, 2004]. Available at ref. legal system "Garant".

6. Illuyev A.G. Vnedrenie mediacii kak sredstva vnesudebnogo razreshenija sporov v rossijskuju pravovuju real'nost' [Implementation of mediation as a means of alternative dispute resolution into the russian legal reality]. *Juridicheskij vestnik DGU* – Law bulletin of the DSU. 2013, no. 3, pp. 67–71.

7. Isaenkova O. V. Razvitie mediacii v Rossijskoj Federacii: problemy i perspektivy [The development of mediation in Russia: issues and prospects]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* – Matters of Russian and International Law. 2013, no. 3, pp. 69–90.

8. Konfliktologija [Conflictology], ed. by A. S. Carmin. Available at: http://psyera.ru/funkcii-mediatora-1804.htm.

9. Mediacija kak forma razreshenija konflikta [Mediation as a form of conflict resolution]. *Konfliktologija v social'noj rabote* – Conflict in social work. Available at: http://kurs.ido.tpu.ru/courses/confict_in_sw/tema13.htm.

10. Ob al'ternativnoj procedure uregulirovanija sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii): Federal'nyj Zakon ot 27 ijulja 2010 g. no. 193-FZ. [On alternative dispute resolution process involving intermediaries (mediation procedure): federal. law of July 27, 2010 no. 193- FL (with amendments and additions)]. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd= 102140659&intelsearch.

11. Svobodnyi F. K. Professional'noe obshhenie mediatora: jetapy i priemy [Professional communication of mediator: stages and methods]. *Grazhdanskoe obshhestvo i pravovoe gosudarstvo* – Civil society and the rule of law. 2013, vol. 2, pp. 68–73.

12. Sukhova N. V. Principy processa mediacii [Principles of the process of mediation]. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Tyumen State University. 2013, no. 3, pp. 154–162.

13. Sycheva O. A. Vozmozhnosti mediacii pri razreshenii administrativno-pravovyh sporov [Possibility of mediation in the resolution of legal and administrative disputes]. *Povolzhskij pedagogicheskij poisk* – Volga region pedagogical search. 2013, no. 1 (3), pp. 131–136.

14. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrja 2001 g. no. 174-FZ [Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 no. 174-FL (with amendments and additions)]. Available at: http://pravo.gov.ru/ proxy/ips/?docbody=&nd=102073650&intelsearch.

15. Hudoykina T. V. Primenenie posrednichestva kak primiritel'noj procedury pri razreshenii pravovyh sporov i konfliktov v Rossii [Use of mediation as a conciliation procedure to resolve legal disputes and conflicts in Russia]. *Social'no-politicheskie nauki* – International Economic & Law Journal. 2012, no. 4, pp. 67–70.

16. Sheremeteva A. K., Nizhankovskaya N. A. Mediacija kak grazhdansko-pravovoj sposob uregulirovanija konfliktov v sfere intellektual'noj sobstvennosti [Mediation as the civil way of settlement of conflicts in the sphere of intellectual property]. *Uchenye zametki TOGU* – Scientists notes PNU. 2013, vol. 4, no. 4, pp. 1161–1169.

About the authors:

Kuptsova Ol'ga Vladimirovna, Associate professor of Legal Disciplines chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Law, sabrina03@list.ru

Zdorovinina Natal'ja Vladimirovna, student of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), natazdorovinina@mail.ru

For citation: Kuptsova O. V., Zdorovinina N. V. Mediator v uregulirovanii juridicheskih konfliktov: ot ishodnyh nachal k funkcional'nomu analizu [Mediator in arrangement of juridical conflicts: from initial origins to functional analysis]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 34–41. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.034

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.97:004 DOI: 10.15507/VMU.024.201403.042

СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

П. В. Малышкин

В статье указывается на то, что успех расследования преступлений, совершенных с применением информационных компьютерных технологий, зависит от успеха преодоления противодействия этому расследованию. При этом необходимо отметить, что преимущественное использование преступных инсценировок не предполагает того, что другие способы сокрытия преступлений, при совершении которых применялись информационные компьютерные технологии, не применяются. Не менее распространенными в последнее время стали отвлекающие от совершенного преступления хакерские атаки. Кроме этого, одной из разновидностей противодействия расследованию указанных преступлений является имитация технического сбоя. Информационные технологии развиваются, а вместе с ними совершенствуются и способы сокрытия преступлений, совершенных с применением этих технологий. Самым распространенным способом сокрытия данных преступлений является преступная инсценировка, которая подробно анализируется в статье. Одной из основных особенностей преступлений, совершенных с применением информационных компьютерных технологий, является то, что способ и механизм их совершения, как правило, предполагает включение действий, направленных на сокрытие совершаемого преступления. Преступник в этом случае стремится к тому, чтобы совершенное им преступление не было выявлено. Кроме этого, рассматриваются и другие способы сокрытия преступлений, совершенных с применением информационных компьютерных технологий.

Ключевые слова: противодействия расследованию преступлений, преступление, совершенное с применением информационных компьютерных технологий, сокрытие преступления, преступная инсценировка.

MEASURES OF CRIME CONCEALING WITH USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

P. V. Malyshkin

The article reveals the importance of effectiveness of countermeasures against resistance to investigation. It should be noted that dominating usage of criminal staging does not assume non-application of other concealing measures with use of information technologies. They are in use too, but much more seldom than staging. Besides, hacker attacks, made for distracting from a committed crime, obtain currency. One of countermeasures against investigation is concealing measures with use of information technologies, such as imitation of technical malfunction. Information technologies develop, and so do the concealing measures. One of peculiarities of computer crimes is the fact that the way and the mechanism of committing of it usually includes actions, aimed at concealing of the crime, in the first instance, hiding of a fact of a crime. The article also deals with other concealing measures with use of information technologies.

Keywords: resistance to crime investigations, crimes committed with the use of information technologies, ways of concealing crimes, criminal staging.

© Малышкин П. В., 2014

В настоящее время имеются все основания полагать, что значительная часть преступлений, совершенных с применением информационных компьютерных технологий, остается нераскрытой вследствие высокой эффективности оказанного расследованию информационно-технологического противодействия. Таким образом, «главной проблемой в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации является то, что выявляется их правоохранительными органами гораздо меньше, чем совершается» [4, с. 172]. Это является справедливым не только по отношению к преступлениям в сфере компьютерной информации, но и ко всем преступлениям, при совершении которых используются компьютерные технологии.

Одной из основных особенностей таких преступлений является то, что способ и механизм их совершения, как правило, уже на начальном этапе предполагает включение действий, направленных на сокрытие. В этом случае преступник стремится прежде всего к тому, чтобы совершенные им противоправные действия не были обнаружены. Для этих целей, как правило, используются достаточно сложные, с технической точки зрения, средства, которые чаще всего представляют собой новейшее программное обеспечение. Сложность этих средств является залогом того, что преступление не будет замечено правоохранительными органами. Справедливо отмечается, что «наиболее частым способом инсценировки является то, что преступник использует технические возможности компьютерных сетей и специальные программы для того, чтобы при обнаружении преступления следы, оставленные в сети, указывали не на него (или, точнее, его компьютер), а на совершенно другое лицо, которое может и не подозревать о совершении этого преступления» [3, с. 90]. В этом случае преступник достигает прежде всего анонимности, что обеспечивает безнаказанность и возможность в последующем совершать аналогичные действия. Очевидно, что длительное их совершение ведет к тому, что преступники улучшают применяемые ими способы и средства. Таким образом, постепенно достигается настолько высокий уровень преступлений, что их обнаружение становится для правоохранительных органов более проблематичным. Очевидно, именно в этом отчасти кроется причина высокой латентности преступлений, совершенных с применением информационных компьютерных технологий.

Для того чтобы скрыть свою личность, преступник прибегает к специальным программам, созданным с учетом принципа так называемой «луковичной маршрутизации» (tor), используемой для передачи информации в глобальной сети Интернет. Данная технология позволяет сохранять анонимность при посещении сайтов, публикации материалов, отправке сообщений благодаря созданию сети маршрутизаторов (серверов-«посредников»), через которые устанавливается соединение. Учитывая, что таких «посредников» много и значительная их часть находится за пределами одного государства, то правоохранительным службам этого государства бывает сложно установить как потребителя информации с того или иного сайта, так и того, кто ее на нем оставил. Отметим, что устанавливаемая цепочка связи шифруется. Все это делает установление личности того, кто использует подобную программу, почти невозможным.

Существует другие способы обеспечения анонимности в глобальной сети. Например, с помощью веб-прокси, суть которых состоит в том, что услуга анонимности предоставляется определенными веб-сайтами. Еще один способ предполагает заражение вирусом соответствующего сайта или адреса электронной почты конкретного пользователя и позволяет добиться сразу двух целей: преступного результата и сохранения анонимности. Необходимо отметить, что действия, направленные на

сокрытие преступлений с применением информационных компьютерных технологий, не ограничиваются названными способами. Информационные технологии постоянно развиваются, а вместе с ними совершенствуются способы сокрытия подобных преступлений. Более того, бурное развитие этих технологий способствует появлению принципиально новых способов. Именно поэтому в настоящее время не представляется возможным составить их исчерпывающий перечень.

Одним из распространенных методов сокрытия преступлений, совершенных с применением информационных компьютерных технологий, является имитация технического сбоя, который, как правило, связан с перебоями в энергоснабжении или несовместимостью программного обеспечения. В последнем случае они могут приводить к завершению работы программ, «зависанию» компьютера и даже утрате части информации. Имитация такой несовместимости иногда используется преступниками для уничтожения определенных сведений или «взлома» защиты с целью совершения противоправных действий. Существуют и другие виды сокрытия преступлений. Их выбор во многом зависит от особенностей совершенного деяния, или используемого программного обеспечения, или от особенностей (прежде всего интеллектуальных) того лица, которое планирует и организует сокрытие.

Одной из разновидностей сокрытия преступлений является преступная инсценировка. В. И. Фадеев определяет ее как «деятельность субъекта преступления по сокрытию (видоизменению) совершенного преступления (аморального поступка) и (или) совершению преступления, характеризующаяся умышленным созданием ложной субъектной, предметной, пространственной, временной, информационной, следовой обстановки, скрывающей умысел и цели преступника» [6, с. 26]. Сопоставление данного определения с практикой расследования преступлений, совершенных с применением информационных компьютерных технологий, заставляет усомниться в возможности распространения данного определения на рассматриваемую область. Прежде всего, возникает сомнение, что преступная инсценировка является результатом деятельности только субъекта преступления. Анализ практики расследования позволяет утверждать, что не только субъекты преступления участвуют в преступных инсценировках; к ним могут привлекаться лица, не подозревающие о том, что было совершено преступление. Так, преступник (преступники) может привлекать программистов к тому, чтобы модернизировать то или иное программное обеспечение, согласно конкретным нуждам потребителя. При этом перед специалистами могут быть поставлены такие задачи по улучшению программного обеспечения, выполнение которых позволит не только успешно совершить преступление, но и инсценировать его. Например, известно, что программное обеспечение анонимности в настоящее время используется для того, чтобы преодолевать цензуру в Интернете. Отметим, что оно способно не только обеспечить анонимность, но и преодолеть блокировку отдельных сайтов.

Умелая модификация соответствующих программ способна привести к тому, что они смогут преодолевать защиту отдельных сайтов, банковских счетов и т. д. При этом такое преодоление, как правило, инсценирует источник, из которого была произведена атака. Очевидно, что программист в данном случае не является субъектом преступления, однако именно благодаря его участию преступная инсценировка стала возможной, поэтому его деятельность по модификации программного обеспечения также следует рассматривать причастной к преступлению.

Не менее распространенными в последнее время стали отвлекающие хакерские атаки. Как правило, они проводятся достаточно организованно, но при этом

многие их участники не знают истинных целей организаторов этих атак и руководствуются не стремлением добиться какого-либо преступного результата, а своего рода «спортивным» интересом, возможностью продемонстрировать силу своего интеллекта. Однако именно они способствуют преступной инсценировке. В последнее время достаточно распространенными стали преступления по хищению средств с банковских счетов. Достаточно часто их скрывают именно с помощью хакерской атаки.

Существуют и другие случаи, когда то или иное лицо, не являясь субъектом преступления, участвует (часто не осознавая этого) в совершении преступной инсценировки. Так, учитывая, что социальная среда благоволит киберпреступникам, находится немало пользователей компьютерных сетей, которые готовы бескорыстно содействовать этим преступникам в инсценировке или любом другом способе сокрытия совершенного ими преступления. Отчасти это объясняется тем, что внутри различных категорий компьютерных пользователей наблюдается солидарность, проявляющаяся в готовности помочь другому такому же пользователю в трудную для него минуту, не разбираясь при этом в сути тех причин, по которым эти трудности возникли. Главным для них в этом случае является осознание того, что киберпреступник – пользователь, относящийся к аналогичной категории. При этом такие лица могут не иметь личного знакомства с преступником и, соответственно, не знать о его преступных намерениях. Очевидно, что они также не являются субъектами преступления, однако их роль в инсценировке может быть значительной.

Все виды преступной инсценировки во многом обусловлены спецификой отношений, возникающих между пользователями глобальных сетей и далеко не всегда основанных на корысти. К сожалению, такая среда часто используется как для совершения преступлений с применением высоких технологий, так и для их сокрытия. По этой причине нельзя ограничивать круг лиц, которые могут быть причастными к инсценировке только субъектами преступления. В связи с этим мы считаем, что определение инсценировки, данное Р. С. Белкиным, в большей мере отображает реалии совершения преступлений с применением информационных компьютерных технологий. Так, он писал, что инсценировка преступлений – это «создание обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию; может дополняться ложным поведением и ложными сообщениями» [1, с. 83]. При этом ученый отмечал, что все инсцинировки классифицируются «по субъекту – совершаемые преступником(ами) или иными лицами» [Там же]. Очевидно, Р. С. Белкин не считал правильным ограничивать понятие инсценировок только теми из них, которые совершены субъектами преступления.

Такой подход мы считаем наиболее целесообразным. Р. С. Белкин также полагал, что инсценировка относится к смешанным способам сокрытия преступлений: «Смешанные способы сокрытия преступления представлены в следственной практике различными инсценировками или, по старой терминологии, различными видами симуляции обстоятельств преступления» [2, с. 368]. При этом справедливо замечание о том, что в «инсценировках могут присутствовать элементы и фальсификации, и утаивания, и уничтожения, и маскировки» [5, с. 374].

Применение конкретного способа сокрытия зависит от вида соответствующего преступления. Таким образом, совершение определенного вида преступления позволяет с высокой степенью вероятности предположить примененным способ его сокрытия, то есть в какой-то степени способ сокрытия и конкретный вид преступления идентифицируют друг друга. Следует отметить, что среди способов сокрытия преступлений, совершенных с применением инфор-

мационных компьютерных технологий, наиболее распространенным является преступная инсценировка, поскольку эффективность других не настолько высока. Так, например, утаивание, уничтожение или маскировку информации достаточно легко обнаружить с помощью соответствующих программ. Кроме того, преступления, при совершении которых применяются информационные компьютерные технологии, в силу своих особенностей предполагают преимущественное использование преступных инсценировок, поскольку они позволяют как сохранить анонимность, так и достигнуть преступного результата. При этом совершение преступной инсценировки предполагается преступниками уже на стадии планирования преступления.

Отдельные действия, составляющие преступление, могут быть не только элементами данного преступления, но и одновременно являться частью системы, составляющей инсценировку. Особенностью в этом случае является то, что если нет возможности создания инсценировки, то преступник может отказаться от совершения соответствующего преступления. Таким образом, возможность создания преступной инсценировки является одним из условий совершения преступлений, в которых применяются информационные компьютерные технологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Белкин, Р. С.** Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – Москва : БЕК, 1997 . – С. 83.

2. **Белкин, Р. С.** Курс криминалистики : в 3 т. : Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р. С. Белкин. – Москва : Юристъ, 1997. – Т. 3. – С. 368.

3. **Косынкин, А. А.** Преодоление противодействия расследованию преступлений в сфере компьютерной информации / А. А. Косынкин. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – С. 90.

4. **Подольный, Н. А.** Проблемы оптимизации расследования преступлений в сфере компьютерной информации / Н. А. Подольный // Раскрытие и расследование преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники, проблемы, тенденции, перспективы. – Москва : МАКС Пресс, 2005. – С. 172.

5. **Подольный, Н. А.** Теоретические и практические основы раскрытия и расследования преступлений, совершенных молодежными организованными группировками : дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук / Н. А. Подольный. – Москва, 2007. – С. 374.

6. **Фадеев, В. И.** Расследование криминальных инсценировок / В. И. Фадеев. – Москва : Норма, 2007. – С. 26.

Поступила 11.03.2014 г.

Об авторе:

Малышкин Павел Викторович, доцент кафедры правоведения Ковылкинского филиала ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Ковылкино, ул. Желябова, д. 26), кандидат юридических наук, kriminalistika kaf_upkk@mail.ru

Для цитирования: Малышкин, П. В. Способы сокрытия преступлений, совершаемых с применением информационных компьютерных технологий / П. В. Малышкин. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 42–47. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.042

REFERENCES

1. Belkin R. S. Kriminalisticheskaja jenciklopedija [Criminalistic encyclopedia]. Moscow, BEK Publ., 1997, p. 83.

2. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: v 3 t.: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendacii [Criminalistics course in 3 volumes: criminalistics measures, techniques and recommendations]. Moscow, Jurist Publ., 1997, vol. 3, 368 p.

3. Kosynkin A. A. Preodolenie protivodejstvija rassledovaniju prestuplenij v sfere komp'juternoj informacii [Surmounting the resistance to investigation in computer crimes]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2013, 90 p.

4. Podol'nyj H. A. Problemy optimizacii rassledovanija prestuplenij v sfere komp'juternoj informacii. Raskrytie i rassledovanie prestuplenij, soprjazhennyh s ispol'zovaniem sredstv vychislitel'noj tehniki, problemy, tendencii, perspektivy [Issues of optimization of computer crimes investigation. Computer crimes investigation: problems, tendencies, prospects]. Moscow, MAKS Press Publ., 2005, 172 p.

5. Podol'nyj N. A. Teoreticheskie i prakticheskie osnovy raskrytija i rassledovanija prestuplenij, sovershennyh molodezhnymi organizovannymi gruppirovkami: dis. na soisk. uchen. step. d-ra jurid. Nauk [Theoretical and practical principles of investigation of crimes, committed by youth criminal groups: Doc. Jur. Sci. diss.]. Moscow, 2007, 374 p.

6. Fadeev V. I. Rassledovanie kriminal'nyh inscenirovok [Investigation of criminal stagings]. Moscow, Norma Publ., 2007, 26 p.

About the author:

Malyshkin Pavel Viktorovich, Associate professor of Law chair, Ogarev Mordovia State University, Kovylkino campus (Russia, Kovylkino, 26 Zheljabova Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Law, kriminalistika_kaf_upkk@mail.ru

For citation: Malyshkin P. V. Sposoby sokrytija prestuplenij, sovershaemyh s primeneniem informacionnyh komp'juternyh tehnologij [Measures of crime concealing with use of information technologies]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 42–47. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.042

УДК 343.352:334.7(470.345) DOI: 10.15507/VMU.024.201404.048

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ*

О. Н. Агеева

Статья посвящена исследованию коррупционной преступности в сфере бизнеса в Республике Мордовия. Эмпирическую основу криминологического исследования составили статистические данные, результаты проведенного опроса специалистов и анкетирования населения, а также материалы уголовных дел. Нами было изучено состояние коррупционной преступности в сфере бизнеса, проведен анализ количественных и качественных показателей данного вида преступности, выявлены его основные тенденции. В ходе исследований были определены криминогенные детерминанты коррупционной преступности в сфере бизнеса в РМ. Основная цель статьи – выявить наиболее эффективные меры противодействия коррупционной преступности в этой сфере. Меры противодействия разделены на 2 группы в зависимости от субъекта осуществления предупредительной деятельности на государственные и негосударственные. В результате исследований сделан вывод о необходимости комплексного подхода к противодействию коррупционной преступности в сфере бизнеса в РМ.

Ключевые слова: коррупция, показатель преступности, предпринимательская деятельность, взятка, противодействие преступности.

MEASURES AGAINST THE CORRUPTION CRIME IN THE SPHERE OF BUSINESS IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

O. N. Ageeva

The article is devoted to investigation of the crimes of corruption in the business sphere in the Republic of Mordovia. The empirical basis of criminological research is amounted by statistical data, the results of the survey of experts, survey of the population and the materials of criminal cases. The article studies the crimes of corruption in the business sector, the analysis of quantitative and qualitative indicators of this type of crime, identifies its main trends, defines the crime determinants of corruption crime in the sphere of business in the Republic of Mordovia. The main purpose of the research is to identify the most effective measures against crimes of corruption in the business sphere in the Republic of Mordovia. The empirical basis of criminological research is presented by statistical data, results of the survey of experts, survey of the population and the materials of criminal cases. The authors studied the crimes of corruption in the business sector, conducted the analysis of quantitative and qualitative indicators of this type of crime, identified its main trends, defined the crime determinants of corruption crime in the sphere of business in the Republic of Mordovia. The main purpose is to identify

*Статья выполнена по итогам гранта по программе «Исследовательские проекты молодых ученых» Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции совместно с Университетом им. Джорджа Мейсона (США, г. Вашингтон). В ходе исследования проведен анализ материалов уголовных дел о коррупционных преступлениях и преступлениях в сфере бизнеса в РМ (51 дело); изучена деятельность СМИ РМ по вопросам освещения проявлений коррупционной преступности в сфере бизнеса за период 2009–2013 гг.; использованы материалы некоторых интернет-сайтов (прежде всего, www.stopcriminal.ru). Были опрошены: в форме анкетирования – 200 чел. (из них 100 чел. – представители малого и среднего бизнеса РМ и 100 – представители других категорий населения); в форме беседы – 42 чел. (представители бизнеса РМ, государственные служащие: сотрудники Министерства торговли и предпринимательства РМ, Торгово-промышленной палаты РМ; сотрудники правоохранительных органов: МВД РМ, Прокуратуры РМ и районных прокуратур, УФСБ РФ по РМ, судьи; журналисты). Кроме этого, были изучены статистические данные информационного центра МВД РМ о количестве зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в 2009–2012 гг.; проанализированы сведения Управления судебного департамента РФ по РМ о количестве лиц, осужденных за коррупционные преступления в этот период.

© Агеева О. Н., 2014

the most effective measures against crimes of corruption in the business sphere in the Republic of Mordovia. Countermeasures are grouped into two groups depending on the subject of preventive activities at the state and non-state. The conclusion about the need for a comprehensive approach to combating corruption crime in the sphere of business in the Republic of Mordovia.

Keywords: corruption, crime rates, entrepreneurial activity, the acceptance of a bribe, fighting crime.

Предпринимательская деятельность в Республике Мордовия, как и на всей территории России, получила свое развитие в начале 1990-х гг. За относительно непродолжительный период времени (чуть больше 20 лет) данный вид деятельности существенно изменился. В ее развитии присутствуют позитивные тенденции, обусловленные уровнем социально-экономического развития региона. Вместе с тем предпринимательская деятельность, будучи самостоятельной, достаточно рисковой и прибыльной, постоянно испытывает влияние как криминальных, так и государственных (муниципальных) структур.

Одной из особенностей развития РМ на современном этапе является активизация участия региона в политических, экономических, социальных, культурных, спортивных мероприятиях федерального и международного уровня, с которыми связано масштабное расширение инфраструктуры. Вследствие этого, в последнее время увеличивался объем инвестиций в РМ, что положительно сказывается на развитии предпринимательской деятельности в регионе.

В криминологии аксиоматично утверждение, что экономическая деятельность, особенно предпринимательская, является привлекательной для представителей криминального мира. Вопросы противодействия коррупционной преступности в сфере бизнеса в РМ были выбраны нами неслучайно. Повышенная опасность анализируемой преступности обусловлена тем, что исходит от лиц, которые призваны содействовать осуществлению предпринимательской деятельности, или обращена к таким лицам – государственным и муниципальным служащим. В результате коррупционные преступления создают существенные препятствия для развития предпринимательской деятельности, в ряде случаев делая ее почти невозможной.

В ходе анкетирования респонденты отметили, что общественная опасность коррупционной преступности в сфере бизнеса заключается в нарушении равенства прав граждан при осуществлении предпринимательской деятельности, а также подрыве авторитета государственной власти. Опрошенными лицами признается, что коррупционная преступность так же распространена в бизнесе, как и в других сферах деятельности. Несмотря на меры, предпринимаемые государством, коррупционные проявления в предпринимательской среде не претерпели изменений. Предприниматели, в отношении которых совершались такие преступления, отметили, что, как правило, ими являются взятки, вымогаемые должностными лицами в связи с проведением проверок.

В гораздо более категоричной манере высказались опрошенные сотрудники правоохранительных органов. Так, по их мнению, до 90 % предпринимателей вовлечены в преступную деятельность. Нередко первоначальное накопление средств происходило за счет передела собственности незаконными путями.

По словам представителей правоохранительных органов, бизнес подвержен коррупционной преступности. Действующее законодательство является таким, что заниматься предпринимательской деятельностью без его нарушения не представляется возможным. В первую очередь это касается налоговой сферы. Определенную коррупциогенную среду создают также торги, порядок их организации, процедура проведения, заранее известные победители.

Кроме этого, существенное влияние на предпринимательскую деятельность оказывают контролирующие органы. В большинстве случаев предпринимате-

лю представляется более целесообразным подкупить проверяющего, а не выполнить необходимые условия.

По мнению сотрудников правоохранительных органов, форма и степень развития коррупции зависит от сферы бизнеса. Для малого бизнеса характерны отдельные факты мелкой коррупции, которая проявляется при совершении действий контролирующими органами, например, проведении проверок, выявлении нарушений (у большинства бизнесменов они существуют), требовании со стороны проверяющего трудоустроить его родственника в качестве условия нереагирования на выявленное нарушение.

Для крупного и – в отдельных случаях – среднего бизнеса характерна коррупционная преступность другого рода, поскольку в этих сферах происходит сращение с политической составляющей.

Особенно показательным является ЖКХ. Известны случаи, когда размер «откатов» за проект составлял 300 тыс. руб.,1,5 млн руб. В эту сферу осуществляется вливание как из государственного бюджета, так и доходов населения. В последнее время именно в ней начинают выявляться факты хищений и других злоупотреблений.

Например, Верховный суд РМ вынес приговор в отношении бывшего министра жилищно-коммунального хозяйства республики А. Согласно заявлению на сайте Генпрокуратуры, А. признан виновным в покушении на получение взятки в крупном размере. Установлено, что в феврале 2009 г. А., занимая указанную должность, узнал об остатке неосвоенных денег в размере более 9 млн руб. по итогам строительства дома в городе Рузаевка, которое осуществлялось в рамках реализации республиканской программы «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда в Республике Мордовия на 2008–2011 гг.». А. предложил директору фирмы-застройщика ОАО «Мордовстрой» перечислить сэкономленные деньги на ее счет. Взамен он потребовал часть этой суммы в размере 2 млн 400 тыс. руб.

«Чтобы получить деньги, А. обратился к своему знакомому жителю Самары и попросил его забрать деньги у директора фирмы. В марте 2009 г. мужчина был задержан сотрудниками УФСБ РФ по РМ около дома А. при попытке передачи денег чиновнику», – отметили в Генпрокуратуре. В ноябре 2009 г. А. был отстранен от должности.

Суд приговорил А. к 4 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 4 года. Кроме того, экс-министру был выписан штраф в размере 500 тыс. руб.

С 2009 г. по 2012 г. в РМ был зарегистрирован существенный рост количества преступлений коррупционной направленности, совершенных лицами с использованием своего служебного положения. Согласно данным Информационного центра МВД РМ, всего в этот период было зарегистрировано следующее количество таких преступлений: в 2009 г. – 331 факт, в 2010 г. – 506, в 2011 г. – 634, в 2012 г. – 641.

Одновременно наметилась тенденция снижения уровня традиционного для коррупционной преступности взяточничества и числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за дачу взятки. Также в этот период наблюдалось существенное расхождение между количеством лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных за получение взятки или дачу взятки.

Кроме этого, произошло уменьшение показателей как зарегистрированных фактов и дачи-получения взятки, так и лиц, привлеченных за это к уголовной ответственности (табл. 1). К числу постоянных особенностей региональной практики относится существенное расхождение между числом привлеченных к уголовной ответственности и числом осужденных. Например, согласно данным Управления Судебного департамента РФ по РМ, в 2012 г. за получение и дачу взятки было осуждено по 3 чел. Расхождение следственной и судебной практики по ст. 290–291 УК РФ составило 2,3 и 9,7 раза соответственно.

Таблица 1

Преступления, зарегистрированные по ст. 290–291 УК РФ, и лица, привлеченные по ним к уголовной ответственности в РМ в 2009–2012 гг.

Год	2009	2010	2011	2012
Количество зарегистрированных преступлений	120	126	86	74
Количество привлеченных к уголовной ответственности по ст. 290	11	5	10	7
Количество привлеченных к уголовной ответственности по ст. 291	38	79	44	29

В результате анализа данных, приведенных в табл. 2, охарактеризуем общую тенденцию как снижение числа осужденных за коррупционные преступления. Так, с 2009 до 2012 г. оно сократилось на 24,2 %.

Таблица 2

Количество осужденных судами РМ за преступления коррупционной направленности (по первой инстанции, по основной квалификации) в 2009–2012 гг.

Год / Статья УК РФ	2009	2010	2011	2012
Ч. 3,4 ст. 159	10	8	8	18
Ч. 3,4 ст. 160	9	12	7	16
290	4	3	6	3
291	20	14	10	3
Всего	62	52	49	47

Следует отметить, что в структуре коррупционной преступности в РМ в 2009–2012 гг. произошли качественные изменения. Из традиционной формы (в первую очередь, взяточничества) преобладающая доля преступлений данного вида трансформировалась в экономическую.

Согласно данным Управления Судебного департамента РФ по РМ за 2009–2012 гг., преобладающее колличество лиц, совершивших коррупционные преступления являются государственными или муниципальными служащими. Как следует из анализа материалов изученных уголовных дел, совершенные такими лицами преступления связаны, как правило, со сферой осуществления экономической, в том числе предпринимательской, деятельности.

В 2009–2012 гг. индивидуальные предприниматели в РМ осуждались за совершение таких коррупционных преступлений как коммерческий подкуп (11 % от общего числа осужденных) и дача взятки (10,4 %). В таких коррупционных составах преступлений как мошенничество и присвоение или растрата, совершенные лицами с использованием своего служебного положения, индивидуальные предприниматели выступали в качестве потерпевших (в 35 % случаев от числа рассмотренных уголовных дел).

Согласно данным Управления Судебного департамента РФ по РМ, размеры незаконных вознаграждений в 2012 г. колеблются от 1 до 10 тыс. руб., что указывает на распространенность среди

выявленных преступлений фактов так называемой «бытовой» коррупции.

В результате исследования были определены следующие криминогенные детерминанты коррупционной преступности в сфере бизнеса в РМ:

– социальные (использование социальных связей, контактов, одобрение коррупционного поведения);

– экономические (корыстная мотивация действий виновных лиц, направленность на результат – получение прибыли – независимо от средств и методов действий);

– правовые (недостатки действующего законодательства, наличие в нормативных актах трудновыполнимых условий для законного осуществления предпринимательской деятельности, отсутствие надлежащей защиты бизнеса со стороны государственных и муниципальных органов власти, определенная «избирательность» действий правоприменителя);

– идеологические (безнаказанность – главный фактор коррупционной преступности, в том числе в сфере бизнеса, отсутствие доминанты правового поведения, особенно у предпринимателей, оправдание коррупции).

Согласно состоянию коррупционной преступности в сфере бизнеса в РМ, анализу ее показателей и выявленных криминогенных детерминант, разделим меры противодействия исследуемому явлению на 2 группы, исходя из субъекта их осуществления: государственные и негосударственные.

Оценка респондентами потенциала и эффективности каждой из них представляется нам интересной. В качестве одного из возможных способов уменьшения административных барьеров и, таким образом, снижения показателей коррупционной преступности в сфере бизнеса правительством рассматривалось саморегулирование предпринимательской деятельности. Однако в результате исследования было выявлено негативное отношение всех без исключения респондентов к созданию подобных организаций (в первую очередь, в сфере строительства). Отмечались такие недостатки саморегулирования как отсутствие профессионализма, существенное снижение безопасных условий осуществляемой деятельности и т. д. Лицензия, прежде всего, означает вполне реальный контроль со стороны государства, а саморегулирование – это его снижение, вплоть до отсутствия.

Позиция государства в предпринимательской деятельности должна быть четко обозначенной; это способствует необходимой гармонизации отношений. Если оно предоставит большую свободу субъектам предпринимательской деятельности, то появится больше возможностей осуществлять своего рода «маневр» участниками бизнеса, а значит больше форм влияния на государство.

Большинство респондентов (прежде всего, субъекты предпринимательской деятельности) указали на обязательное преобладание именно таких способов предупреждения коррупционной преступности в сфере бизнеса, которые связаны с активной ролью государства в регулировании предпринимательской деятельности. Таким образом, по нашему мнению, требуется более жесткое вмешательство государства в процесс ее осуществления, создание благоприятных условий для ее развития. В настоящее время роль государства ограничивается, как правило, фискальной функцией.

В качестве эффективных государственных мер противодействия коррупционной преступности в сфере бизнеса респондентами были выделены следующие: обеспечение неотвратимости ответственности за совершение подобных правонарушений; меры репрессивного воздействия на лиц, совершивших данного рода правонарушения, от дисциплинарных до наиболее суровых, уголовно-правовых, средств воздействия.

Анализ данных судебной статистики и материалов уголовных дел позволил сделать выводы относительно эффективности уголовно-правового запрета коррупционных преступлений в сфере бизнеса в РМ. Как правило, осужден-

ным назначалось лишение свободы, причем в большинстве случаев суд постановлял отбывать такое наказание условно. Реальное лишение свободы на определенный срок (как правило, от 1 до 3 лет) назначалось в 4,2 раза реже. Штраф (в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания) фигурировал в постановлениях достаточно редко; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – в единичных случаях.

Следовательно, несмотря на суровость видов и размеров закрепленных в статьях Особенной части УК РФ наказаний за коррупционные преступления, реально применяется только часть из них. Большинством респондентов признается приоритет возможностей государства в противодействии коррупционной преступности в сфере бизнеса, но потенциал государственных мер воспринимается как недостаточно используемый.

Опрошенные предприниматели указали на необходимость совершенствования другого, не уголовного, законодательства, направленного на противодействие коррупции (в первую очередь, налогового). Предпринимаемые меры могут быть следующими: создание продуманной системы налогообложения, уменьшение налогов, недопустимость существенного их повышения, создание продуманной системы льгот, предоставление возможности освобождения от уплаты налогов при определенных обстоятельствах и т. д.

Таким образом, противодействовать коррупционной преступности в сфере бизнеса в РМ представляется возможным путем применения государственных и негосударственных мер с сохранением приоритета первых. Недопустимо применять исключительно меры уголовно-правового воздействия, тем более в таком мягком варианте. Кроме того, следует совершенствовать регулятивное законодательство, создавая наиболее благоприятные условия для организации и осуществления предпринимательской деятельности.

Поступила 04.03.2014 г.

Об авторе:

Агеева Ольга Николаевна, доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат юридических наук, okrapivina@rambler.ru

Для цитирования: Агеева, О. Н. Противодействие коррупционной преступности в сфере бизнеса в Республике Мордовия / О. Н. Агеева. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 48–53. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.048

About the author:

Ageeva Ol'ga Nikolaevna, Associate professor of Criminal law, Criminalistics and Criminology chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Law, okrapivina@rambler.ru

For citation: Ageeva O. N. Protivodejstvie korrupcionnoj prestupnosti v sfere biznesa v Respublike Mordovija [Measures against the corruption crime in the sphere of business in the Republic of Mordovia]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 48–53. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.048

УДК 346.9:008(470+571) DOI: 10.15507/VMU.024.201404.054

ОХРАНА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

С. В. Анощенкова

Федеральный закон № 245-ФЗ от 23.07.2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» ознаменовал собой дальнейшее совершенствование российского законодательства в области сохранности культурных ценностей народов России. В связи со вступлением его в силу были внесены изменения в ряд нормативно-правовых актов, в том числе Уголовный кодекс РФ. Цель данной статьи состоит в определении основных тенденций законодательных нововведений в УК РФ. Для ее достижения были выполнены следующие задачи: анализ изменений, внесенных вышеуказанным федеральным законом; систематизация предметов, обозначаемых как «культурные ценности»; определение возможных сложностей толкования и применения уголовно-правовых норм, связанных с охраной культурных ценностей; приведение общей уголовно-правовой характеристики группы норм, направленных на охрану культурных ценностей; обозначение перспективы дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в части охраны культурных ценностей. При работе над статьей применялись следующие методы научного познания: компаративный, сравнительно-правовой, системный.

Ключевые слова: культурные ценности, уголовно-правовая охрана, состав преступления, криминализация, пенализация, диспозиция, санкция.

PROTECTION OF CULTURAL PROPERTY OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH CRIMINAL LAW MEANS

S. V. Anoshenkova

The Federal Law of 23.07.2013, no. 245-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the suppression of illegal activity in the field of archeology” marked a further improvement of Russian legislation in the field of cultural values of peoples of Russia. In connection with (the Act), entering the force have been made changes to a number of legal acts, including the Criminal Code. The purpose of this article is to identify the main trends of legislative innovations in the Criminal Code of the Russian Federation. To achieve this objective, the following measures are assumed: to analyze the changes made to the above-mentioned Federal Law, to systematize the items designated as “cultural values” and to identify possible difficulties of interpretation and application of criminal law related to the protection of cultural property, to give a general characteristics to the criminal law connected to protection of cultural values; to mark the prospects for further improvement of the criminal law in the protection of cultural property. The article uses the following scientific methods: comparative, comparative law, systematic.

Keywords: cultural values, criminal-law protection, offence, criminalization, penalization, disposition, sanction.

Российская Федерация является государством с древней историей и богатейшей культурой. В настоящее время российское законодательство предпринимает меры, направленные на охрану объектов, символизирующих достижения ее народов. К сожалению, в истории РФ были периоды, когда предметы, составляющие сокровищницу отечественной культуры, мас-

© Анощенкова С. В., 2014

сово вывозились за рубеж. Возможно, этот процесс и был обусловлен исторической необходимостью, экономической целесообразностью, но в настоящее время его результаты представляются нам орицательными. «Культурные ценности являются фундаментальной основой всякой культуры. На сегодняшний день Россия обладает поистине несметными культурными богатствами, которые нуждаются в надежной защите. Сохранение, использование и преумножение этих богатств немыслимы без надлежащего правового регулирования. Культурные ценности сформировали и продолжают формировать огромную нормативно-правовую базу, куда входят акты различного порядка, включая обширный массив актов международного уровня. Совершенно очевидно, что обеспечение национальной безопасности в области культуры и правовое регулирование культурных ценностей немыслимы без уголовно-правовой составляющей. Во все времена и во всех странах эти ценности подвергались преступным посягательствам. Это и хищения в целях выгодной реализации, и разрушение во время вооруженных конфликтов либо в процессе строительства. Как международное, так и национальное уголовное право располагают возможностями уголовно-правовой защиты культурных ценностей, тем более что задача охраны ценностей от преступлений, в том числе во время вооруженных конфликтов между государствами или внутринациональных конфликтов, уже давно стала транснациональной» [2–3].

С первых лет существования РФ законодательно формируется правовая основа регулирования общественных отношений, связанных с оборотом и охраной культурных ценностей. В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. культура входит в число стратегических приоритетов устойчивого развития страны в период глобализации. В документе перечислены цели обеспечения национальной безопасности в сфере культуры, а также главные угрозы (избыток продукции массовой культуры, ориентированной на потребности маргинальных слоев, противоправные посягательства на объекты культуры) и средства ее укрепления. В Концепции внешней политики РФ № 303-18-02-2013 от 12 февраля 2013 г. в связи с этим провозглашена цель популяризации культурных достижений народов РФ и поставлена задача – работать над созданием положительного образа государства, соответствующего авторитету его культуры.

15–16 апреля 2013 г. в Москве прошла X Конференция министров культуры государств-членов Совета Европы. Ее участники говорили о межкультурном диалоге, в котором России отведена важная роль. В своем приветственном слове В. В. Путин отметил: «В условиях многократного увеличения объемов информации, масштабов миграционных потоков как никогда востребована роль культуры в укреплении социальной сплоченности. Среди актуальных задач – поиск новых путей и раскрытие возможностей для сотрудничества в сфере регулирования культурных процессов, активного вовлечения в них граждан и неправительственных организаций, беспрепятственного доступа к плодам культуры и максимального облегчения реализации творческого потенциала, особенно для молодых европейцев». Президент РФ Указом № 375 от 22 апреля 2013 г. объявил 2014 г. Годом культуры в РФ.

22 апреля 2013 г. был принят закон № 63-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»», а также ст. 9 и 12.1 закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В соответствии с данным законом в РФ планируется ежегодное составление отчета о состоянии культуры в стране. В него должна быть включена аналитическая информация о состоянии и государственной охране объектов культурного наследия. Дата вступления закона в силу – 1 января 2014 г.

Усилия законодательства в области расширения охраны культурных ценно-

стей народов России представляются нам логичными и своевременными. 23 июля 2013 г. был принят федеральный закон № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии». Он внес изменения и дополнения в ряд нормативно-правовых актов, в том числе УК РФ, и вступил в силу 26 августа 2013 г. УК РФ содержит ряд положений, предметом которых являются культурные ценности, однако их применение во многом затруднено несовершенством бланкетного, неуголовного законодательства, которое в ряде случаев противоречиво и обладает определенными недостатками [Там же].

УК РФ 1996 г. до внесения изменений законом № 245-ФЗ от 23 июля 2013 г. предусматривал уголовную ответственность за 4 вида преступлений, посягающих на сохранность и правомерный оборот культурных ценностей: хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ); невозвращение на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ); контрабанда культурных ценностей (ст. 226.1 УК РФ), уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ).

Одним из направлений законодательных нововведений является уточнение и расширение перечня предметов, подлежащих государственной охране. Анализ норм действующего уголовного законодательства (ст. 164, 190, 243–243.3 УК РФ) свидетельствует о том, что в настоящее время к ним отнесены:

1) предметы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 164 УК РФ); предметы, имеющие особую культурную ценность (ст. 243.3 УК РФ);

2) культурные ценности (ст. 190, 226.1, 243, 243.3 УК РФ);

3) объекты культурного наследия, в том числе:

– памятники истории и культуры народов РФ, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (ст. 243, 243.1, ч. 2 ст. 243.2 УК РФ);

– выявленные объекты культурного наследия (ст. 243, 243.1, ч. 2 ст. 243.2 УК РФ);

– особо ценные объекты культурного наследия, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ (ч. 2 ст. 243 УК РФ);

– объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов РФ, включенные в Список всемирного наследия (ч. 2 ст. 243 УК РФ);

4) природные комплексы (ст. 243 УК РФ);

5) объекты, взятые под охрану государства (ст. 243 УК РФ), в том числе:

– историко-культурные заповедники (ч. 2 ст. 243);

– музеи-заповедники (ч. 2 ст. 243 УК РФ);

6) объекты археологического наследия:

– включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ (ч. 2 ст. 243 УК РФ);

– выявленные объекты археологического наследия (ч. 2 243, примечание к ст. 243.1 УК РФ);

7) археологические предметы (ст. 243.2 УК РФ);

8) культурный слой (ст. 243.2 УК РФ).

В нашей статье в качестве обобщающего используется понятие культурные ценности. Следует заметить, что нормативные акты по-разному определяют культурные ценности; подзаконные акты лишь более или менее удачно конкретизируют их. Все это обусловливает трудности в правоприменении и практической реализации норм данных правовых актов. Указанные сложности отражаются также на уголовно-правовых аспектах исследуемой проблематики, однако основной причиной недостаточного уровня охраны культурного достояния народов России, по нашему мнению, является отсутствие концептуального подхода отечественного законодателя к определению родового и видового объекта посягательств на культурные ценности [3; 13].

Таким образом, законодательные новеллы расширили перечень предме-

тов, охраняемых уголовным законодательством от противоправных действий (в него были включены археологические предметы, культурный слой, объекты, взятые под охрану государства, историко-культурные заповедники, музеи-заповедники, природные комплексы); наименования данных предметов приведены в соответствии с нормами федерального законодательства, обеспечивающими сохранность культурных ценностей (ст. 190, 243 УК РФ). Ранее мы высказывали замечания о том, что наименования предметов культурных ценностей были установлены на ведомственном, а не федеральном уровне и расходились с конвенционными положениями, вследствие чего предлагали их унифицировать [1, с. 12–13].

Следующим направлением федерального закона № 245-ФЗ от 23 июля 2013 г. стала криминализация действий, подвергающих опасности сохранность культурных ценностей РФ. Кроме уже существующей ст. 243, в гл. 25 УК РФ включены ст. 243.1 УК РФ «Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия», ст. 243.2 УК РФ «Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания» и ст. 243.3 УК РФ «Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность или культурных ценностей в крупном размере». Криминализация данных деяний обусловлена отсутствием регулирования фактически существующих общественных отношений (нахождение кладов во время строительных, ремонтных, реставрационных работ в исторических сооружениях, деятельность так называемых «черных копателей» и т. д.).

Таким образом, в УК РФ сформирована группа норм, охраняющих уголовно-правовыми средствами сохранность культурных ценностей (ст. 164, 199, 226.1, 243–243.3 УК РФ).

Видовыми объектами преступлений, посягающих на сохранность культурных ценностей являются отношения собственности (ст. 164 УК РФ), сфера экономической деятельности (ст. 190 УК РФ), общественная безопасность (ст. 226.1 УК РФ) и общественная нравственность (ст. 243–243.3 УК РФ).

Объективная сторона анализируемых преступлений может выражаться в активном поведении виновного субъекта (ст. 164, 226.1, 243.2 УК РФ) или бездействии (ст. 190, 243.1 и 243.3 УК РФ). Преступление, предусмотренное ст. 243 УК РФ, предполагает как действие, так и бездействие виновного субъекта. В некоторых преступлениях имеют значение время (ст. 190 УК РФ), место (ст. 243.2 УК РФ), средства (п. «а» ч. 2 ст. 243.2 УК РФ) совершения преступления. Диспозиции анализируемых норм имеют бланкетный характер (кроме ст. 164), поэтому для уяснения признаков деяния следует обращаться к федеральному законодательству.

По конструкции объективной стороны анализируемые преступления представлены материальными составами, включающими в качестве обязательного признака наступление общественно опасных последствий (изъятие культурных ценностей, их уничтожение или повреждение). К формальным относятся составы преступлений, предусмотренные ст. 190, 226.1 и 243.3 УК РФ.

С субъективной точки зрения, виновное лицо действует умышленно при совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 164, 190, 226.1, 243.2–243.3 УК РФ). Преступление, предусмотренное ст. 243, может быть как умышленным, так и совершенным по неосторожности; ст. 243.1 УК РФ предполагает только второй вариант.

Субъект в анализируемых преступлениях может быть как общим (ст. 164; 243–243.2 УК РФ), так и специальным (ст. 190, 243.3 УК РФ). В ряде составов преступления особый статус (должностное лицо, служебное положение) выступает в качестве квалифицирующего признака (п. «б» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 3 ст. 243.2, п. «а» ч. 2 ст. 243.3 УК РФ). Из толкования закона следует, что специальным субъектом преступлений является лицо как невозвратившее культурные ценности в РФ в определенный срок (ст. 190 УК), так и нарушившее требования сохранения или использования объектов культурного наследия (ст. 243.1 УК РФ). В последнем случае целесообразно обозначить субъекта преступления как «лицо, на которое возложены обязанности по соблюдению данных требований».

Преступления, посягающие на сохранность культурных ценностей, относятся к различным категориям:

− небольшой тяжести (ч.1 ст. 243, ч. 1 ст. 243.1, ч. 1 ст. 243.2, ч. 1 ст. 243.3 УК РФ);

− средней тяжести (ч. 2 ст. 243.2 УК РФ);

− тяжкие (ч.1 ст. 164, ст. 190, ч. 1 ст. 226, ч. 2 ст. 243, ч. 3 ст. 243.2, ч. 2 ст. 243.3 УК РФ);

− особо тяжкие (ч. 2 ст. 164; ч. 2–3 ст. 226.1 УК РФ).

Наиболее строгие санкции предусмотрены за хищение предметов, имеющих особую ценность, если в результате этого деяния данные предметы были повреждены или уничтожены (до 15 лет лишения свободы со штрафом в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до 3 лет или без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового, ч. 2 ст. 164 УК РФ). За преступления, включенные в гл. 25 (ст. 243–243.3) УК, в качестве основного наказания назначаются существенные штрафные санкции; наиболее крупный штраф (до 5 млн руб.) предусмотрен ч. 2 ст. 243.

Пенализацию с акцентом на усиление штрафных санкций можно назвать третьим направлением действия закона. Нам представляется целесообразной дискуссия об уравнивании санкций ч. 2 ст. 164 и ст. 243 УК РФ, поскольку результатом умышленных либо неосторожных действий является уничтожение или повреждение предметов, имеющих культурную ценность. Строгость санкции ч. 2 ст. 164 УК РФ обусловлена следующими факторами: значимостью предмета преступления (который имеет особую историческую, научную, художественную или культурную ценность); общественно опасными последствиями в виде уничтожения или повреждения данного предмета; предикатным преступным поведением (хищение любым способом); наличием двух непосредственных объектов преступления (отношения собственности и охраны культурных ценностей).

Отметим, что в ст. 243 УК РФ предметы имеют культурное, историческое значение (памятники истории и культуры). Возможно, они могут иметь особую культурную, историческую или художественную ценность, и их уничтожение и повреждение также несут в себе высокую степень общественной опасности. Именно поэтому нам представляется целесообразным рассуждать о сближении в анализируемых нормах верхних границ наказания в виде лишения свободы. Такое наказание за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 164 УК РФ, следует снизить с 15 до 12 лет (без изменения категории преступления) и при этом усилить дополнительное наказание в виде штрафа до 3 млн руб.

Положительно оценивая законодательные новеллы в области охраны культурных ценностей РФ, следует отметить, что охрана данных общественных отношений еще не доведена до совершенства. На наш взгляд, перспективными являются, направления, связанные с гармонизацией санкций за анализируемую группу преступлений. Мы предлагаем криминализацию таких деяний как нарушение правил учета, проведения сверок, инвен-

таризаций, составления реестров, паспортизации, приватизации; дача заведомо ложных экспертных заключений; принятие заведомо необоснованных решений о возможности приватизации, исключения из реестров, проведения строительных работ, модификации объектов культурного наследия, повлекших их уничтожение или повреждение; оборот сфальсифицированных предметов [1, с. 14].

Таким образом, действующее законодательство содержит группу норм, направленных на реализацию охранительной функции уголовного права в отношении культурного наследия страны. К сожалению, понятие *российское и всемирное культурное наследие* не обозначено в ст. 2 УК РФ в качестве составляющей общего объекта уголовно-правовой охраны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Диков, К. А.** Борьба с преступными посягательствами на культурные ценности : уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / К. А. Диков. – Москва, 2008. – 24 с.

2. **Клебанов, Л. Р.** Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / Л. Р. Клебанов. – Москва : Норма ; Инфра-М, 2011. – 185 с.

3. **Кулыгин, В. В.** Уголовно-правовая охрана культурных ценностей : монография / В. В. Кулыгин. – Москва : Юристъ, 2006. – 125 с.

Поступила 04.03.2014 г.

Об авторе:

Анощенкова Светлана Владиславовна, заведующий кафедрой уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат юридических наук, anoshenkovas@list.ru

Для цитирования: Анощенкова, С. В. Охрана культурных ценностей Российской Федерации уголовно-правовыми средствами / С. В. Анощенкова. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 54–59. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.054

REFERENCES

1. Dikov K. A. Bor’ba s prestupnymi posjagatel’stvami na kul’turnye cennosti: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. jurid. nauk [The fight against criminal encroachments on cultural values: criminal and criminological aspects. Abstract of Cand. Jur. Sci. diss.], Moscow, 2008, 24 p .

2. Klebanov L. R. Ugolovno-pravovaja ohrana kul’turnyh cennostej [Criminal law protection of cultural property], ed. by Naumov A.V. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2011, 185 p .

3. Kuligin V. V. Ugolovno-pravovaja ohrana kul’turnyh cennostej: monografija [Criminal law protection of cultural property: a monograph]. Moscow, Lawyer Publ., 2006, 59 p .

About the author:

Anoshhenkova Svetlana Vladislavovna, head of Criminal law, Criminalistics and Criminology chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Law, anoshenkovas@list.ru

For citation: Anoshhenkova S. V. Ohrana kul’turnyh cennostej Rossijskoj Federacii ugolovno-pravovymi sredstvami [Protection of cultural property of the Russian Federation with criminal law means]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 54–59. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.054

УДК 347.1 DOI: 10.15507/VMU.024.201404.060

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА

С. Н. Помнина

Статья посвящена уголовно-правовой характеристике предмета преступления, предусмотренного ст. 292 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Являясь конструктивным признаком состава преступления, предмет служебного подлога подлежит обязательному установлению при квалификации действий, образующих уголовно наказуемое деяние, запрещенное действующим законодательством и представляющее собой опасное явление. Очевидная бланкетность диспозиции ст. 292 УК РФ обусловливает необходимость четкого и многогранного определения предмета служебного подлога, отсутствие которого приводит к расхождению в толковании данного объективного признака. Вопросы об отнесении того или иного документа к предмету указанного преступления представляют определенную сложность для правоприменителей. Для ответа на них, по нашему мнению, необходим комплексный анализ дефиниций официального документа, которые нашли отражение в законодательстве и уголовно-правовой доктрине. С учетом положений действующего уголовного закона, норм позитивного законодательства и мнений ведущих специалистов в области уголовного права РФ в статье приводятся результаты исследования наиболее дискуссионных вопросов определения и уточнения существенных признаков предмета служебного подлога; выявляются возникающие в связи с этим проблемы и трудности при квалификации анализируемого преступления; предлагаются рекомендации по совершенствованию рассматриваемой нормы.

Ключевые слова: преступление, служебный подлог, уголовная ответственность, предмет преступления, официальный документ.

SOME ISSUES OF DEFINING THE SUBJECT OF FORGERY

S. N. Pomnina

The article is devoted to criminal law characteristic of the object crime under Article 292 of the Criminal Code. Being constructive feature of the offense, the subject of forgery is subject to mandatory establishment in qualifying action constituting a criminal offense prohibited by applicable law and is a fairly dangerous phenomenon. Obvious blanket dispositions of the Article 292 of the Criminal Code stipulates the need for clear, highly diverse and multifaceted definition of the subject of forgery, the lack of which leads to a discontinuous current interpretation of objective evidence. Questions about the designation of a document as an official subject to a crime under Article 292 of the Criminal Code, are certain difficulties for law enforcers. To answer these questions, the author conducts a comprehensive analysis of the definitions of the official document, which is reflected in legislation and criminal law doctrine. Subject to the provisions of the existing penal law, the norms of positive law and the opinions of leading experts in the field of criminal law in the Russian Federation, submitted article examines the most controversial issues of identifying and clarifying the essential features of the subject of forgery, identifie sarising from these challenges and difficulties in the classification of the analyzed crime proposed recommendations for improving the considered norm.

Keywords: crime, forgery, criminal liability, subject of a crime, the official document.

Служебный подлог, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 292 УК РФ, представляет собой внесение должностным лицом или государственным служащим (служащим органа местного самоуправления), не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных

© Помнина С. Н., 2014

сведений, а также исправлений, искажающих их действительное содержание, вследствие корыстной или другой личной заинтересованности. Особенности специального субъекта и субъективной стороны позволяют отнести его к числу должностных преступлений коррупционной направленности, борьба с которыми в настоящее время имеет особую актуальность и значимость. Повышенный интерес к исследованию вопросов регламентации уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, обусловлен, прежде всего, высокой степенью его общественной опасности и отсутствием единообразия в применении нормы соответствующего уголовного закона.

Следует отметить, что общественная опасность служебного подлога заключается в том, что он является посягательством на нормальную деятельность публичного аппарата власти и управления в сфере обращения с официальными документами, и, кроме того, в большинстве случаев выступает в качестве средства, облегчающего совершение или сокрытие других преступлений, характеризующихся еще более высокой степенью общественной опасности. В связи с наличием данных обстоятельств возникла необходимость дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в сфере определения конструктивных признаков состава исследуемого преступления.

Одним из таких юридически значимых признаков, подлежащих обязательному установлению при квалификации служебного подлога, является его предмет, поскольку он указан в диспозиции ст. 292 УК РФ. М. П. Бикмурзин отмечает, что «предмет преступления – это указанный в уголовном законе предмет материального мира или информация, путем создания которых или воздействия на которые виновный непосредственно осуществляет посягательство на объект преступления» [1, с. 60]. Предметом служебного подлога был признан официальный документ. Отсутствие в уголовно-правовой доктрине и судебной практике единого подхода к пониманию его существенных характеристик создает определенные трудности в квалификации деяния как преступления.

Следует подчеркнуть, что в российском уголовном законодательстве не содержится единого определения понятия *документ* как материального объекта, содержащего информацию, доступную человеческому восприятию, а также отсутствует дефиниция термина *официальный документ*.

В других отраслях права трактовка этих терминов также различается и не вносит необходимую степень применения норм уголовного закона.

Законодательное определение *документа* нашло отражение в Федеральном законе № 77-ФЗ от 29 декабря 1994 г. «Об обязательном экземпляре документов»[1], где им признается материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и/или их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и пространстве в целях общественного использования и хранения.

Данный нормативно-правовой акт в п. 1 ст. 5 содержит также понятие *официального документа*, которым признается документ, принятый органами законодательной, исполнительной или судебной власти и носящий обязательный, рекомендательный или информационный характер.

В ст. 2 Федерального закона № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2] при-

[1]Об обязательном экземпляре документов : Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ // Российская газета. – 1995. – 17 января. – № 11–12.

[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Росийская газета. – 2006. – 29 июля. – № 165.

водит следующее определение: «Документированная информация – зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или, в установленных законодательством Российской Федерации случаях, ее материальный носитель».

Указанный законодательный акт дает определение электронного документа: это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Несмотря на существование в отдельных нормативно-правовых актах определений официального документа, их применение для достижения целей уголовного права мы находим нецелесообразным, поскольку они не содержат достаточного количества признаков, необходимых для вычленения группы официальных документов, которые могут выступать в качестве предмета служебного подлога.

Определенным этапом устранения приведенных выше трудностей и недочетов определения предмета анализируемого преступления стали разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[3]. В п. 35. указано, что предметом служебного предлога является официальный документ, удостоверяющий факты, которые влекут за собой юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, а также изменения их объема.

Так, например, в действиях В. Центральный районный суд г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края усмотрел наличие признаков предмета преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ.

«<…> В связи с занимаемой должностью и в соответствии с должностной инструкцией врача-терапевта, утвержденной главным врачом Муниципального учреждения здравоохранения «Городская больница № 3», В. как врач-терапевт являлась должностным лицом, выполняла организационно-распорядительную функцию в муниципальном учреждении, то есть проводила экспертизы временной нетрудоспособности и имела полномочия по принятию решения, имеющего юридическое значение и влекущего определенные юридические последствия, в частности могла выписывать при наличии определенного заболевания и нахождении больного на излечении в названном лечебном учреждении листок нетрудоспособности, который предоставляет право лицу, на имя которого он выписан, не выполнять своих трудовых обязанностей в указанный в листке период времени.

Выполняя свои трудовые обязанности в период с 24 по 25 января 2012 г. В., узнав от медицинской сестры МБУЗ «Городская больница № 3» А. о том, что ее знакомой К. за взятку в виде денег в сумме 1 тыс. руб. необходим листок нетрудоспособности для освобождения от исполнения своих трудовых обязанностей из корыстных побуждений решила получить взятку от последней в виде денег за незаконные действия, то есть за выдачу указанного листка последней без наличия у нее заболевания и нахождения на лечении.

Далее В., действуя умышленно и реализовывая свою корыстную заинтересованность, обусловленную желанием получить взятку за незаконные действия, в период времени с 26 по 31 января 2012 г. в помещении МБУЗ «Городская больница № 3», расположенной по ул. Заводской, д. 1, корп. 2, составила фиктивный офици-

[3]О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верхововного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 // Росийская газета – 2013. – 17 июля. – № 154.

альный документ – листок нетрудоспособности № 026297104767, в который внесла заведомо ложные сведения о наличии заболевания у К. и прохождения ею лечения в названной поликлинике с 26 по 31 января 2012 г., заверила этот листок своими подписями и скрепила его печатями указанного лечебного учреждения, придав листку нетрудоспособности форму официального документа, желая получить взятку, осуществила служебный подлог…»[4].

Как показывает проведенное обобщение судебной практики по данной категории дел, официальными документами, выступающими предметом служебного подлога, в большинстве случаев признаются следующие: зачетная книжка студента, зачетно-экзаменационная ведомость, лист[5]; определение об отказе в возбуждении административного производства[6]; листок нетрудоспособности[7]; протокол об административном правонарушении[8]; сообщение об открытии банковского счета[9]; заключение медицинской комиссии[10] и др.

Как правило, в судебной практике исключается возможность признания официальным документом и, следовательно, предметом служебного подлога статистических карточек, хотя они утверждаются полномочным органом власти и носят информационный характер[11].

Соответствующая оценка значимых признаков официального документа имеет важное теоретическое и прикладное значение, поскольку направлена на обоснование пределов уголовной ответственности за служебный подлог, а также соблюдение законности при применении нормы о нем в следственной, судебной практике.

Так, постановлением Лузского районного суда Кировской области О-в признан виновным в совершении злоупотребления своими должностными полномочиями вопреки службе, из корыстной заинтересованности, повлекшего существенное нарушение прав государства – использования по своему усмотрению заработную плату, полученную за Н-ва в размере 96 123,88 руб. и за П-ва в размере 39 524,58 руб., а также совершении служебного подлога (внесении в книгу службы и табеля учета рабочего времени отметок о выходе Н-ва и П-ва на работу).

Определением судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда приговор оставлен без изменения, а кассационное представление – без удовлетворения. Из материалов уголовного дела следует, что О-в вносил ложные сведения в книги службы и табеля учета рабочего времени.

Согласно Федеральному закону «Об обязательном экземпляре документов», предметом служебного подлога являются только официальные документы, то есть выдаваемые органами законодательной, исполнительной или судебной власти и носящие обязательный, рекомендательный или информационный характер.

Книги службы и табеля учета рабочего времени к таким документам не относятся. Кроме того, действия по внесению в них ложных сведений следует рассматривать как способ совершения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Постановлением президиума Кировского областного суда приговор Лузского районного суда в отношении

---

[4] Приговор Центрального районного суда г. Комсомольск-на-Амуре от 31 июля 2013 г. [Электронный ресурс] // Доступ из справочной-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Уголовное дело № 1-38/2008 // Архив Ленинского районного суда г. Саранск. – 2008 г.

[6] Уголовное дело № 1-217/2008 // Архив Ленинского районного суда г. Саранск. – 2008 г.

[7] Уголовное дело № 1-169/2010 // Архив Пролетарского районного суда г. Саранск. – 2010 г.

[8] Кассационное определение Верховного Суда РМ №22-1766 / 2010 от 15 сентября 2010 г. [Электронный ресурс] // Доступ из государственной автоматической системы «Правосудие».

[9] Кассационное определение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики №22-784/2010 от 21 сентября 2010 г. [Электронный ресурс] // Доступ из государственной автоматической системы «Правосудие».

[10] Кассационное определение Новгородского областного суда №22-1209/2010 от 21 сент. 2010 г. [Электронный ресурс] // Доступ из государственной автоматической системы «Правосудие».

[11] Постановление Президиума Свердловского областного суда от 29 мая 2002 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. – 2003. – № 5. – С. 15–16.

О-ва был изменен, а указание о его осуждении по ст. 292 УК РФ – исключено с прекращением производства по делу в данной части[12].

Дискуссионным в современной уголовно-правовой науке является вопрос, касающийся определения формы документа. Одни исследователи [4, с. 29; 5, с. 754; 6, с. 972] отмечает обязательное наличие письменной формы официального документа. Другие исследователи [7, с. 843] полагают, что признак письменности в настоящее время утрачивает свою значимость, поскольку прогрессивное развитие информационных отношений и внедрение средств электронно-вычислительной техники в процесс документооборота позволяет рассматривать в качестве официального не только бумажный, но и электронный документ, заверенный в установленной форме уполномоченным лицом.

Как правило, официальные документы оформляются в письменной форме, однако ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 63-ФЗ от 6 апреля 2011 г. «Об электронной подписи»[13] предусматривает, что информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, кроме случаев, когда федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе.

Стремительный научно-технический прогресс привел к созданию новых и усовершенствованию действующих технологий, появлению различных информационных баз данных, что значительно облегчило осуществление процесса документооборота посредством сети Интернет, в некоторых случаях не прибегая к каким-либо материальным накопителям как переносным хранилищам электронных сведений.

Гражданское законодательство (ч. 2 ст. 434 ГК РФ) также допускает использование электронных средств связи в качестве одной из форм заключения договоров. Следовательно, официальные документы, выполненные в электронной форме являются предметом преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ.

К числу значимых для уголовно-правовой квалификации признаков предмета данного преступления следует отнести источник происхождения документа, который позволяет выделить 2 разновидности документированной информации: носящую официальный и частный характер. Это разграничение имеет практическое значение, поскольку в ряде случаев материальные носители частной документированной информации могут выступать в качестве предмета служебного подлога.

В уголовно-правовой доктрине вопрос о возможности признания частных документов предметом преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, не имеет единого толкования. Позиция одних авторов сводится к тому, что официальными являются документы, исходящие только от государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также органов управления и должностных лиц Вооруженных Сил и других воинских формирований РФ [2, с. 77; 3, с. 376; 7, с. 843]. Другие авторы полагают, что удостоверение частного документа, исходящего от государственных (муниципальных) органов, предприятий, учреждений, организаций и их должностных лиц, подтверждает его подлинность и придает ему силу акта, имеющего юридическое значение [8, с. 180].

Мы согласны с позицией исследователей второй группы и также полагаем,

[12] Обобщение надзорной практики по уголовным делам Кировского областного суда за III квартал 2007 года от 05 декабря 2007 г. [Электронный ресурс] // Доступ из государственной автоматической системы «Правосудие».

[13] Об электронной подписи : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Российская газета – 2011. – 8 апреля. – № 75.

что отнесение документов, исходящих только от государственных, муниципальных и других органов и учреждений, к числу официальных является неоправданным. Предметом служебного подлога могут быть и частные документы, удостоверенные компетентными государственными органами, органами местного самоуправления, государственными или муниципальными учреждениями, а также их должностными лицами.

Так, например, документы могут быть составлены отдельными лицами, коммерческими и другими организациями, не являющимися государственными или муниципальными учреждениями (обязательства, справки, расписки и т. д.), которые в виду отсутствия законодательно определяемых признаков к официальным нельзя отнести.

Однако такие документы нередко участвуют в процессе осуществления документооборота при функционировании государственных (муниципальных) органов или организаций. В этом случае их также следует признать официальными, поскольку благодаря деятельности системы органов власти и управления они приобретают свойства, характерные для официального документа; искажение содержащихся в них сведений может существенно затруднить выполнение указанными органами и учреждениями основных направлений их работы. В соответствии с этими выводами осуществляется также судебная практика[14].

На основе анализа вышеизложенных положений сделаем вывод о том, что отсутствие четких критериев определение предмета служебного подлога создает трудности для квалификации совершенного деяния. В целях единообразного применения ст. 292 УК РФ мы считаем необходимым ввести в уголовное законодательство общую норму, содержащую перечень терминов, используемых при конструировании отдельных составов преступлений, в котором будет содержаться законодательная дефиниция следующего содержания: «Официальный документ – это материальный носитель с зафиксированной на нем информацией в письменной или электронной форме, носящий обязательный, рекомендательный или информационный характер, утвержденный полномочным органом власти или должностным лицом, имеющий необходимый реквизиты, позволяющие его идентифицировать, удостоверяющий определенные события и факты, а также влекущий значимые правовые последствия».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бикмурзин, М. П.** Предмет преступления : теоретико-правовой анализ / М. П. Бикмурзин. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 184 с.

2. **Букалерова, Л. А.** Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / Л. А. Букалерова ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. И. Пикурова. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 360 с.

3. **Гричанин, И. Г.** Квалификация подделки и использования подложных документов / И. Г. Гричанин, Ю. В. Щиголев // Российская юстиция. – 1997. – № 11. – С. 37.

4. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / Под ред. В. И. Радченко. – Москва : Проспект, 2008. – 704 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / Под общ. ред. В. М. Лебедева. – Москва : Юрайт-Издат, 2010. – 919 с.

6. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. И. Чучаева. – Москва : Инфра-М, 2010. – 1016 с.

7. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / Под общ. ред. А. В. Бриллиантова. – Москва : Проспект, 2010. – 1031 с.

[14] Уголовное дело № 856/2 // Архив Приморского краевого суда. – 1982 г.

8. Полный курс уголовного права : в 5 т. / Под ред. А. И. Коробеева. Т. В. – Санкт-Петербург : Юридич. центр Пресс, 2008. – 951 с.

Поступила 16.03.2014 г.

Об авторе:

Помнина Светлана Николаевна, доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат юридических наук, kriminalistika_kaf_upkk@mail.ru

Для цитирования: Помнина, С. Н. Некоторые вопросы определения предмета служебного подлога / С. Н. Помнина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 60–66. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.060

REFERENCES

1. Bikmurzin M. P. Predmet prestuplenija: teoretiko-pravovoj analiz [Subject of a crime: theoretical and legal analysis]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006, 184 p.

2. Bukalerova L. A. Ugolovno-pravovaja ohrana oficial'nogo informacionnogo oborota [Criminal law protection official news turnover], ed. by Komissarov V. S., Pikurova N. I. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006, 360 p.

3. Grichanin I., Shchigolev Yu. Kvalifikacija poddelki i ispol'zovanija podlozhnyh dokume [Qualifications of forgeries and of use of forged documents]. *Rossijskaja justicija* – Russian justice. 1997, no. 11, p. 37.

4. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF (postatejnyj) [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Ed. by Radchenko V. I. Moscow, Prospect Publ., 2008, 704 p.

5. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF (postatejnyj) [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)], ed. by Lebedev V. M. Moscow, Yurait-Izdat Publ., 2010, 919 p.

6. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation], ed. by Chuchaev A. I. Moscow, Infra-M Publ., 2010, 1016 p.

7. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF (postatejnyj) [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)], ed. by Brilliantov A. V. Moscow, Prospect Publ., 2010, 1031 p.

8. Polnyj kurs ugolovnogo prava : v 5 t. [Full course of criminal law in 5 volumes], ed. by Korobeev A. I., vol. 5. St. Petersburg, Law Centre Press Publ., 2008, 951 p.

About the author:

Pomnina Svetlana Nikolaevna, Associate professor of Criminal law, Criminalistics and Criminology chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Law, kriminalistika_kaf_upkk@mail.ru

For citation: Pomnina S. N. Nekotorye voprosy opredelenija predmeta sluzhebnogo podloga [Some issues of defining the subject of forgery]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 60–66. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.060

УДК 342.502.1 DOI: 10.15507/VMU.024.201404.067

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРАВОВАЯ ФОРМА УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

И. Н. Жочкина

Референдум – важный институт прямой демократии, однако в настоящее время такая форма выражения воли народа по экологически значимым вопросам используется недостаточно активно. Большинство экологических проектов реализуются без учета мнения граждан, что не должно быть свойственно правовому демократическому государству. Анализ теории, практики и законодательства, имеющих отношение к рассматриваемой сфере отношений, позволил нам выделить проблемы реализации такой конституционной правовой формы участия общественности в охране окружающей среды как референдум, проанализировать причины несостоявшихся экологических референдумов и обозначить возможные пути решения имеющихся проблем. Региональный экологический референдум является достаточно эффективным способом участия общественности в решении вопросов охраны окружающей среды на территории своего региона.

Ключевые слова: референдум, охрана окружающей среды, регион, общественность, экология.

ECOLOGICAL REFERENDUM AT A REGIONAL LEVEL AS A CONSTITUTIONAL LEGAL WAY OF PUBLIC PARTICIPATION IN ENVIRONMENT CONTROL

I. N. Zhochkina

Referendum is an important institution of direct democracy, but today such a form of expression of will of people on the questions of environment control is not used actively. Most environmental projects are implemented without consulting the citizens, that should not be attributed to the legal, democratic state. Analysis of theory, practice and legislation in this area has allowed the author to (examine) the problems, the implementation of such a constitutional legal form of public participation in environmental protection as a referendum, to analyze the causes of failed environmental referendums and to identify possible solutions to problems. Regional Environmental referendum is an effective way of public participation in environmental issues in the territory of a region.

Keywords: referendum, environment, region, public, right to a healthy environment.

Ст. 3 Конституции Российской Федерации гарантирует возможность осуществления власти народа посредством референдума. В развитие данного положения Закон «Об охране окружающей среды» №7-ФЗ от 10 января 2002 г. (ст. 11) предоставляет гражданам право принимать участие в референдумах по вопросам охраны окружающей среды, а общественным объединениям, осуществляющим деятельность в этой области, – вносить предложения об их проведении. Конституции и уставы субъектов РФ практически аналогичны нормам Основного закона. Кроме того, Федеральный закон «Об охране окру-

© Жочкина И. Н., 2014

жающей среды» его основным принципом называет участие граждан, а также общественных и других некоммерческих объединений в решении задач по охране окружающей среды. Таким образом, законодательство привлекает различные структуры гражданского общества и наделяет их существенными инструментами защиты общественных экологических интересов [3, с. 30–31].

В рамках научного исследования нами был проведен опрос с целью выяснения мнений экспертов относительно современного состояния правового регулирования экологического управления в Республике Мордовия, а также эффективности действующей системы органов экологического управления и способов ее усовершенствования. В опросе приняли участие 113 экспертов (59 % опрошенных имеют опыт работы в сфере охраны окружающей среды). Большинство из них проживает на территории Мордовии с рождения; 10,6 % – в течение последних 3–4 лет. На вопрос о том, является ли РМ экологически чистым регионом, однозначного ответа не последовало: 40 % экспертов (преимущественно представители органов государственной власти) ответили утвердительно, но в сравнении с другими субъектами РФ (Пензенская, Нижегородская, Самарская области и т. д.). При этом абсолютное большинство респондентов (69 %) считают, что в Мордовии не принимается достаточно мер по улучшению экологической обстановки.

Вопрос о привлечении общественности к решению экологических проблем вызывает большое количество дискуссий. В связи с этим были организованы Общественные экологические советы, чьи решения должны способствовать созданию условий для открытой деятельности органов государственной власти, а также реализации природоохранных мероприятий и конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду; законодательно была закреплена возможность активности внештатных общественных экспертов. Значительное число респондентов (72,6 %) высказалось в пользу создания такого института. Следует отметить, что до настоящего времени граждане РМ никогда не пытались решить экологические проблемы путем предоставленного им права на проведение референдумов [6]. Для 73,5 % респондентов референдум по экологически значимым вопросам – это форма выражения своего конституционного права на благоприятную окружающую среду, и значительное количество экспертов изъявило желание принять в нем активное участие при условии, что это приведет к положительному результату, не останется формальным.

Одни источники определяют референдум как форму участия общественности в делах государства; другие – «как механизм разрешения социальных конфликтов» или «наиболее показательную, но и затратную форму проявления прямой демократии» [4]; третьи – как стадию правотворческого процесса [1]. В отдельных случаях имеет смысл говорить о референдуме «как об инструменте воздействия на власти» с целью добиться положительного решения того или иного вопроса (например, референдум, инициированный в Москве в 1997 г. по вопросу защиты зеленых насаждений, завершился принятием Закона «О зеленых насаждениях в г. Москва»).

В настоящее время референдум является одним из механизмов реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду. На наш взгляд, это определенная гарантия, позволяющая гражданину не только реализовать его, но и обеспечить учет собственного мнения по обсуждаемому вопросу.

Согласно данным Центральной избирательной комиссии [7] (например, по Приволжскому федеральному округу, куда входят 14 субъектов, в том числе РМ), за почти 20-летний период действия Конституции РФ ни один из многочисленных референдумов не был посвящен вопросам охраны окружающей среды.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо выявить проблемы реализации рассматриваемой конституционной правовой формы участия общественности в охране окружающей среды, указать причины отсутствия организации экологических референдумов в ПФО и обозначить возможные пути решения имеющихся проблем.

Одна из существующих трудностей заключается в отсутствии четкого разделения компетенций по вопросам, выносимым на экологический референдум. Законодательная основа его организации и проведения представлена законами «О референдуме Российской Федерации» №5-ФКЗ от 28 июня 2004 г. [8] и «Об охране окружающей среды» №7-ФЗ от 10 января 2002 г. Кроме этого, Лесной, Водный, Земельный, Градостроительный кодексы РФ, а также закон «Об экологической экспертизе» и другие акты, касающиеся рассматриваемой сферы отношений (в том числе субъектов РФ), предоставили гражданам возможность участия в решении вопросов охраны окружающей среды.

П. 4 ст. 6 закона о референдуме определяет, что на последний могут выноситься вопросы, отнесенные Конституцией РФ как к единоличному ведению правительства, так и к совместному с субъектами. Так, на всенародном голосовании федерального уровня граждане имеют право поднять вопросы, имеющие отношение к сфере регулирования и защиты экологических прав, а также установления системы и формирования федеральных органов законодательной и исполнительной власти в сфере природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности, порядка их организации и деятельности и т. д. Приведем пример не состоявшегося в 2000 г. экологического референдума на федеральном уровне, когда на всенародное голосование было вынесено 3 вопроса: о воссоздании Госкомэкологии, лесной службы и о запрете на ввоз в страну ядерных отходов. В октябре 2000 г. инициативной группой было собрано более 2,5 млн подписей граждан в поддержку данного референдума, однако он так и не состоялся, поскольку Центризбирком забраковал около 600 тыс. из них [4].

Возможность вынесения на экологический референдум регионального уровня вопросов о сферах владения, пользования и распоряжения земельными, водными и другими природными ресурсами; природопользования; охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности; особо охраняемых природных территорий; охраны памятников истории и культуры обеспечивается ст. 72 конституции как отнесенные к совместному ведению РФ и ее субъектов.

В законодательстве представлен исчерпывающий перечень вопросов, по которым референдум не может быть проведен. Проблемы охраны окружающей среды, а также смежные с ней в этом списке отсутствуют. Это дает нам право утверждать, что указанные вопросы обладают государственным значением, то есть являются актуальными для населения и территории того региона, общественность которого выступает с инициативой организации экологического референдума. При этом важно соблюсти законодательные требования к постановке самого вопроса, поскольку некорректная его формулировка часто становится причиной отказа в проведении необходимого мероприятия. Кроме этого, на референдум субъекта не могут быть вынесены вопросы, относящиеся к исключительному ведению РФ.

Другой проблемой является недостаточная развитость правовой базы, необходимой для увеличения заинтересованности населения в повышении уровня экологической культуры. Однако это не подразумевает изучение выносимых на экологический референдум вопросов специалистами и составление на них научно обоснованных заключений, поскольку в этом случае волеизъявление граждан не будет являться

свободным и добровольным, что противоречит сущности всенародного голосования. В большинстве субъектов РФ существует нормативная основа проведения референдумов, однако она имеет тенденцию к копированию российских норм [5].

В-третьих, причиной несостоявшегося референдума часто является приоритет экономических интересов над экологическими: расходы, связанные с подготовкой и проведением референдума, с момента принятия решения о его назначении производятся за счет региональных бюджетов.

Четвертой, не менее важной, причиной является безынициативность общественности, или социальная пассивность. В связи с этим мы считаем целесообразным повышать общий уровень экологической грамотности и культуры населения региона. В отдельных странах (например, в Египте) данную проблему решили путем признания участия в референдуме обязательным, что является нарушением соответствующего принципа проведения и сущности данного института. В настоящее время в России прослеживается тенденция несовпадения интересов государства и общества, что негативно отражается на участии (или желании участия) общественности в решении экологически значимых вопросов. В этом случае важно понять, как отмечено в юридической литературе, что первично: мнение населения или решение органов государственной власти [9]. Наличие коррупции в органах государственной власти также создает определенные препятствия.

Кроме того, следует отметить сложность механизма реализации мероприятия, в том числе наличие ужесточенных требований к процедуре инициирования.

Согласимся с мнением М. И. Васильевой: «общественное участие в России находится еще в зачаточном состоянии. Поэтому, формируя законодательство (и не только экологическое), законодатель должен иметь в виду создание в системе права нормативной инфраструктуры для обеспечения эффективного участия граждан в принятии экологически значимых решений. Органы, применяющие нормы права и принимающие соответствующие решения, обязаны строго соблюдать установленные законодателем параметры общественного участия» [3, с. 324]. На наш взгляд, общественные экологические инициативы должны быть направлены в первую очередь на решение проблем охраны окружающей среды области своего непосредственного проживания. Структуры гражданского общества, включая как массовые общественные организации и молодежные движения, так и профессиональные институты устойчивого развития (например, общественной политики, которые работают в контакте с общественными палатами), по нашему мнению, должны сыграть значительную роль в достижении устойчивого экологического развития России. Развитие таких институтов как в центре, так и в регионах способствовало бы вовлечению граждан в определение путей реализации конкретных задач совершенствования системы природопользования и охраны окружающей среды.

Подводя итоги, отметим, что решение экологических проблем должно иметь первостепенное значение, а мнение общественности при реализации объектов, представляющих потенциальную опасность, не должно игнорироваться государственной властью. Мы разделяем мнение профессора С. А. Боголюбова, который сказал, что «взвешенный, комплексный характер решения вопроса путем референдума не должен приводить к торможению научно-технического прогресса, а способствует пробуждению гражданских инициатив, самосознания населения, поиску альтернативных путей социально-экономического развития региона» [2]. Таким образом, референдум не только является достаточно эффективной формой решения вопросов, связанных с охраной окружающей среды, использования

природных ресурсов и т. д., но и позволяет активным гражданам реализовать свое конституционное право на экологически благоприятные условия проживания. Государство, в свою очередь, должно оказать влияние на правовые, организационные, финансовые и другие факторы с целью вовлечения широких слоев населения в природоохранную деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Антонова, Н. А.** Некоторые проблемы правового регулирования участия населения в осуществлении муниципального правотворчества [Электронный ресурс] / Н. А. Антонова. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=52976.

2. **Боголюбов, С. А.** Экологическое право : в вопросах и ответах [Электронный ресурс] / С. А. Боголюбов. – URL: http://bugabooks.com/book.

3. **Васильева, М. И.** Публичные интересы в экологическом праве / М. И. Васильева. – Москва : Изд-во МГУ, 2003. – 424 с.

4. **Воробьев, Д. В.** Экологические референдумы в России [Электронный ресурс] / Д. В. Воробьев. – URL: http://www.strana-oz.ru.

5. Конституционный Закон Республики Мордовия «О Референдуме Республики Мордовия» № 270-1 от 23.11.1995 г. ; Закон Республики Мордовия «О местном референдуме в Республике Мордовия» № 15-з от 15.02.2007 г. ; Закон Республики Татарстан «О Референдуме в Республике Татарстан» № 33-ЗРТ от 09.08.2003 г. [и др.].

6. Официальный сайт органов государственной власти РМ [Электронный ресурс]. – URL: http://e-mordovia.ru/main.

7. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom.

8. Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.

9. **Шугрина, Е. С.** Конституционное право на осуществление местного самоуправления при решении вопросов, связанных с землепользованием и градостроительством [Электронный ресурс] / Е. С. Шугрина. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=58834.

Поступила 02.03.2014 г.

Об авторе:

Жочкина Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), fedortsowa@rambler.ru

Для цитирования: Жочкина, И. Н. Экологический референдум на региональном уровне как конституционная правовая форма участия общественности в охране окружающей среды / И. Н. Жочкина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 67–72. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.067

REFERENCES

1. Antonova N. A. Nekotorye problemy pravovogo regulirovanija uchastija naselenija v osushhestvlenii municipal'nogo pravotvorchestva [Some issues of legal regulation of public participation in the implementation of municipal lawmaking]. Access from Legal System Consultant Plus.

2. Bogolyubov S. A. Jekologicheskoe pravo: v voprosah i otvetah [Environmental Law: Questions and Answers]. Available at: http://bugabooks.com/book.

3. Vasil'eva M. I. Publichnye interesy v jekologicheskom prave [Public interest in environmental law]. Moscow, Moscow State University Press Publ., 2003, pp. 30–31.

4. Vorob'jev D. V. Jekologicheskie referendumy v Rossii [Environmental sparrows referendums in Russia]. Available at: http://www.strana-oz.ru.

5. Konstitucionnyj Zakon Respubliki Mordovija “O Referendume Respubliki Mordovija” ot 23.11.1995 g. no. 270-1 ; Zakon Respubliki Mordovija “O mestnom referendume v Respublike Mordovija” ot 15.02.2007 g. no. 15-z ; Zakon Respubliki Tatarstan “O Referendume v Respublike Tatarstan” ot 09.08.2003 g. no. 33-ZRT i dr. [The Constitutional Law of the Republic of Mordovia “On Referendum of the Republic of Mordovia” from 23.11.1995 no. 270-1, Law of the Republic of Mordovia “On a local referendum in the Republic of Mordovia” from 15.02.2007 no. 15-s; Law of the Republic of Tatarstan “On referendum in the Republic of Tatarstan” from 09.08.2003 , no. 33-LRT et al.].

6. Oficial’nyj sajt organov gosudarstvennoj vlasti RM [The Republic of Mordovia public authorites official site]. Available at: http://e-mordovia.ru.

7. Oficial’nyj sait central’noj izbiratel’noj komissii RF [Central election commission of the Russian Federation official site]. Available at: http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom.

8. Sobranie Zakonodatel’stva Rossijskoj Federacii [Collected legislation of Russian Federation]. 2004, no. 27, p. 2710.

9. Shugrina E. Konstitucionnoe pravo na osushhestvlenie mestnogo samoupravlenija pri reshenii voprosov, svjazannyh s zemlepol’zovaniem i gradostroitel’stvom [Constitutional right to exercise local self-government in matters related to land use and urban development]. Access from Legal System Consultant Plus.

About the author:

Zhochkina Irina Nikolaevna, senior lecturer of Civil Law and Procedure chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), fedortsowa@rambler.ru

For citation: Zhochkina I. N. Jekologicheskij referendum na regional’nom urovne kak konstitucionnaja pravovaja forma uchastija obshhestvennosti v ohrane okruzhajushhej sredy [Ecological referendum at a regional level as a constitutional legal way of public participation in environment control]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 67–72. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.067

УДК 347.13.22 DOI: 10.15507/VMU.024.201404.073

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРУЮЩЕЙ СИЛЕ ОДНОСТОРОННИХ СДЕЛОК

О. М. Родионова

В статье рассматривается гражданско-правовая сущность и значение односторонних сделок. Мы пришли к выводу, что регулирующий эффект связан с тем, что условия односторонних сделок представляют собой частно-автономные положения, в соответствии с которыми возникают, а затем осуществляются именно субъективные гражданские права и обязанности. При их передаче совершается новая сделка, поскольку правообладатель (наследодатель) имеет право назвать то лицо, которое займет его место в правоотношении и после смерти наследодателя будет обладать его правами. Этот сделочный акт необходим для того, чтобы придать воле наследодателя юридическую силу несмотря на то, что реальный ее носитель по причине смерти перестал быть субъектом гражданского права.

Анализируя правовую природу принятия наследства, мы пришли к выводу, что оно представляет собой реализацию правосубъектности гражданина, а не вытекает только из смерти наследодателя или его завещания. При этом оно относится к односторонним сделкам, поскольку представляет собой акт правоспособного (реально существующего) лица, которое в момент принятия наследства выражает согласие с тем, чтобы стать субъектом правовых отношений, участником которых являлся умерший. Именно наследник – реальный носитель воли, поэтому его акт имеет самостоятельное юридическое значение. Функция такой односторонней сделки состоит в согласии наследника с автономно-частными положениями тех сделок, одной из сторон которых выступал наследодатель до своей смерти. Таким образом, принятие наследства – это не особое право, а односторонняя сделка наследника, в которой он выражает согласие на то, чтобы стать субъектом тех отношений, участником которых являлся наследодатель.

Ключевые слова: односторонняя сделка, организационные отношения, секундарное право, завещание, завещательный отказ, наследство, принятие наследства.

ON THE REGULATORY POWER OF UNILATERAL TRANSACTIONS

O. M. Rodionova

The article deals with civil and legal nature and significance of unilateral transactions. The author points out that the Russian legal science often regards necessity – of unilateral transactions as a special element of the mechanism of civil regulation. Some scientists see its special role by right of the fact they generate not only subjective civil rights and obligations, but also mediate specific legal education that are called differently “powers”, “secondary powers”, “transformative powers”, “entitlement to legal research of the situation”. The author expresses doubts about loyalty of these statements.

The article analyzes the positions of various researchers of the problem and indicates their conformity between civilized reality and theory. Criticism of the theory of dynamic capacity theory of organizational and legal relations, created by M. M. Agarkov, advanced by O. A. Krasavchikova theory of so-called «secondary rights», that emerged in Germany in the late XIX century and was supported by several modern Russian jurists.

The article uses activity-dogmatic approach to analyze the problem. On its basis, the author comes to the conclusion that the regulatory effect of transactions – is related to the fact that in terms of unilateral transactions are private and self-contained provisions.

Value of this conclusion is illustrated by the example of the resolution of disputes about

© Родионова О. М., 2014

the legal nature of the will, a legacy, accepting the inheritance, because these acts are usually analyzed by the scientists who insist on the special role of unilateral transactions.

Keywords: one-sided deal, “organizational relations”, “secondary law” will, bequest, inheritance acceptance.

Значение односторонних сделок для гражданско-правового регулирования

Односторонние сделки, по справедливому замечанию С. С. Алексеева, являются необходимым и притом специфическим элементом механизма гражданско-правового регулирования[1]. Их особая роль заключается в том, что они порождают не только субъективные гражданские права и обязанности как двусторонние сделки, но и опосредуют особые правовые образования, которые различные ученые называют правомочиями, секундарными правомочиями, преобразовательными правомочиями, правомочиями на изыскание юридического положения[2]. Последние характеризуют правовые возможности лица на начальной стадии развития субъективного права и появляются в силу совершения лицом односторонне-управомочивающих сделок. Регулирующая роль этих сделок, как отмечает С. С. Алексеев, не является существенной, поскольку они не могут возлагать какие-либо юридические обязательства на других лиц. Следовательно, в ходе совершения односторонне-управомочивающих сделок субъекты гражданского права могут устанавливать особые гражданские права, в чем и проявляется их регулирующая функция. Выясним, соответствует ли это действительности.

Прежде чем приступить к анализу специфики регулирующего воздействия односторонних сделок, заметим, что в рамках деятельностно-догматического подхода к механизму гражданско-правового регулирования[3], регулирующее значение как односторонних, так и других сделок, может быть связано только с тем, что субъектами гражданского права в них закреплены частно-автономные положения. Поэтому, говоря о регулирующей роли односторонних сделок, следует иметь в виду, что она проявляется не в возникновении, осуществлении, прекращении неких гражданско-правовых возможностей, имеющих отличия от гражданских прав и обязанностей, а в установлениях об этих правовых образованиях.

Также отметим, что в односторонне-сделочных положениях должно определяться, в первую очередь, содержание гражданских прав и обязанностей. Однако регулятивное значение таких сделочных условий подразумевает, кроме этого, наличие в них установлений о юридических фактах, направленных на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей.

Разумеется, специфика односторонне-сделочных установлений самым тесным образом связана с правовой сущностью определенных в них возможностей. Поэтому мы считаем целесообразным подвергнуть ее исследованию в первую очередь.

Правовая природа образований, основанием которых выступают односторонние сделки

В цивилистической науке было предпринято несколько попыток определения гражданско-правовой сущности образований, основанием которых выступают односторонние сделки.

Советский цивилист М. М. Агарков выдвинул предположение о том,

[1] **Алексеев, С. С.** Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования / С. С. Алексеев // Антология уральской цивилистики : 1925–1989 : Сборник статей. – Москва, 2001. – С. 68.

[2] См.: **Алексеев, С.С.** Указ соч., с. 64; Российское гражданское право : в 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. – Москва, 2010. – Т. 1. – С. 349.

[3] **Родионова, О. М.** Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права / О. М. Родионова. – Москва, 2013. – С. 3–50.

что возможности односторонних сделок определяются понятием динамической правоспособности. Он отмечал: «Право совершать договоры, завещание и всякого рода иные сделки лично или в подлежащих случаях через представителей, если соответствующая сделка может быть совершена через представителя, есть не что иное, как проявление гражданской правоспособности, которая является предпосылкой для тех гражданских правоотношений (субъективных прав и соответствующих им обязанностей), субъектом которых является лицо, обладающее правоспособностью»[4]. При этом ученый считал, что «гражданская правоспособность для каждого данного лица в каждый определенный момент означает возможность иметь определенные конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами»[5].

Позиция М. М. Агаркова подверглась критике, однако были высказаны некоторые доводы в ее поддержку. Например, С. В. Третьяков отметил, что изменение собственной правовой сферы является общим правилом для частноправовой модели регулирования и поэтому составляет элемент правоспособности[6].

Основной недостаток понимания последней в динамическом аспекте сводится к вольному или невольному смешению понятий *возможность* и *способность*. Между ними, согласно справедливому замечанию А. Б. Бабаева, «существует тонкое, но вполне ощутимое различие»[7]. Способность – это условие осуществления определенного рода деятельности (в сфере гражданского права – обладания гражданскими правами и несения гражданских обязанностей). Именно поэтому включение возможности в состав правоспособности представляется нам нелогичным. Однако очевидно, что правовая сфера субъекта гражданского права в целом, включающая в себя в том числе правоспособность, не является статичным явлением.

Другим советским ученым О. А. Красавчиковым было предложено считать, что из ряда односторонних сделок возникают организационно-правовые отношения, которые «как бы обслуживают иные гражданские правоотношения»[8]. Автор выделил 4 группы гражданско-правовых отношений, которые, по его мнению, должны входить в сферу регулирования предмета гражданского права: 1) предпосылочные, служащие завязке или развитию имущественных отношений (например, специальные договоры авиатранспортных предприятий, навигационные договоры и т. д.); 2) делегирующие, наделяющие полномочиями одних лиц для совершения определенных действий от имени других (например, выдача и отозвание доверенности, избрание руководителя или делегата для участия в работе вышестоящего органа системы кооперативной или общественной организации); 3) контрольные, позволяющие одному субъекту гражданско-правового отношения контролировать другого (например, контроль заказчика, авторский надзор проектных организаций и т. д.); 4) информационные, в силу которых стороны обязаны обмениваться определенной информацией (например, обязанность продавца предупредить покупателя о правах третьих лиц на проданное имущество и т. д.)[9]. Этот подход развивается также современными исследователями.[10]

---

[4] **Агарков, М. М.** Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков // Учен. труды ВИЮН. – Москва. – Вып. 3. – С. 70.

[5] Там же, с. 71.

[6] **Третьяков, С. В.** Указ. соч. / С. В. Третьяков. – СПС «Консультант Плюс».

[7] **Бабаев, А. Б.** Указ. соч., с. 769.

[8-9] См.: **Красавчиков, О. А.** Гражданские организационно-правовые отношения / О. А. Красавчиков // Антология уральской цивилистики : 1925–1989 : Сборник статей. – Москва, 2001. – С. 164.

[10] См.: **Кирсанов, К. А.** Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / К. А. Кирсанов. – Екатеринбург. 2008. – С. 8; **Егорова, М. А.** Критерии систематизации организационных отношений в современном гражданском обороте / М. А. Егорова // Гражданское право. – 2013. – № 3. – С. 6–9; **Егорова, М. А**. Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании / М. А. Егорова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 5. – С. 10–21.

Позиция О. А. Красавчикова, по нашему мнению, имеет некоторые недостатки, поскольку определение рассматриваемых возможностей в качестве субъективных гражданских прав в рамках единых организационных правоотношений вызывает определенные трудности. Из данной ученым классификации очевидно, что явления объединены по функциональному признаку (способствованию правовой деятельности), но неоднородны по своей правовой сущности. Именно поэтому данная позиция не может способствовать объяснению правовых образований, возникающих из односторонних сделок.

Аналогичный вывод можно сделать о теории секундарных прав, зародившейся в немецкой цивилистике, где широко распространено представление о способности сделок порождать особые права – Gestaltungsrechte[11]. Эту концепцию выдвинули Э. Цительман и Э. Зеккель (XIX в.)[12]. К ней присоединились некоторые советские[13], а теперь и современные[14] исследователи. Особенность этих прав заключается в том, что им противопоставлена не обязанность, а связанность другого лица с действиями управомоченного субъекта[15].

В современной немецкой литературе высказывается мнение о том, что секундарное право представляет собой компетенцию создавать права и обязанности. Как отмечает С. В. Третьяков, опираясь на две ключевые идеи нормативизма – теорию иерархии норм права (от основной нормы компетенция создавать правила поведения делегируется на более низкие уровни правотворчества вплоть до уровня сделки) и теорию индивидуальной нормы (позволившей трактовать индивидуальный акт, в том числе сделку, в качестве нормы права), – теоретик К. Адомайт квалифицировал в качестве секундарного права автономию воли, обозначив ее как делегированную субъекту возможность создавать правила поведения (в частности, путем совершения сделок). С точки зрения такой логики, не имеет значения, создаются новые правила поведения односторонним волеизъявлением управомоченного субъекта или с помощью двусторонней сделки[16].

Мы считаем, что сторонники теории секундарных прав пришли к наиболее верным выводам в определении возможностей из односторонних сделок. По крайней мере, они достаточно точно обозначили их признаки: возникновение из односторонних сделок, отсутствие корреспондирующих им обязанностей, передаваемости, защиты[17]. Однако эти ученые сделали спорные выводы о сущности возможностей, поскольку подвергают анализу принципиально различные явления. Это видно уже из их классификаций. Например, А. Г. Певзнер разделил секундарные права на: а) являющиеся предпосылками правоотношения и б) входящие в уже существующие правоотношения[18]. Возможность такой классификации свидетельствует о том, что с точки зрения цивилистической догматики у анализируемых возможностей отсутствует единая гражданско-правовая природа.

Это объясняется тем, что одна часть из них может быть квалифицирована

---

[11] См.: **Агарков, М. М.** Указ. соч., с. 68; **Medicus, D.** Allgemeiner Teil des BGB Großes Lehrbuch. Heidelberg, München. 2006, p. 39.

[12] См.: **Третьяков, С. В.** Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (К публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») / С. В. Третьяков // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. / СПС «Консультант Плюс»; **Зеккель, Э.** Секундарные права в гражданском праве / СПС «Консультант Плюс».

[13] См. обзор литературы: **Бабаев, А. Б.** Секундарные права / А. Б. Бабаев ; под ред. В. А. Белова / Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики. – Москва, 2008. – С. 760–767.

[14] См.: **Бабаев, А. Б.** Указ. соч., с. 760; **Денисевич, Е. М.** Односторонние сделки в гражданском праве Российской Федерации : понятие, виды и значение : дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / Е. М. Денисевич. – Екатеринбург, 2004. – С. 42–49 и далее.

[15] См.: **Бабаев, А. Б.** Указ. соч., с. 760.

[16] См.: **Третьяков, С. В.** Указ. соч. / СПС «Консультант Плюс».

[17] См.: **Третьяков, С. В.** Указ. соч. / СПС «Консультант Плюс».

как уточненные гражданско-правовые правомочия субъективного гражданского права, а другая – как действия по осуществлению этих прав.

Регулирующее значение односторонних сделок определяется не тем, что они порождают особые правовые образования, а содержанием частно-автономных положений. Значимость одностороннего определения будущего гражданского правоотношения возрастает, если согласование его положений невозможно в силу законных или фактических обстоятельств (завещание и завещательный отказ, принятие наследства, публичное обещание награды, договор присоединения и т. д.).

Особенности односторонних сделок на примере наследственных сделок

1. Завещание и завещательный отказ.

Продемонстрируем вышесказанное на примере завещательных сделок. Совершая завещание, наследодатель, будучи субъектом различных видов гражданско-правовых имущественных отношений, не устанавливает для своего наследника права и/или обязанности, поскольку они уже существуют. Об этом свидетельствует абз. 1 ст. 1112 ГК РФ: «В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности». Завещатель-наследодатель только определяет лицо, которое будет субъектом указанных отношений после его смерти. Заметим, что именно так первоначально понималось наследование в римском праве[19], где объектом правопреемства была роль домовладыки: «Пусть заступит на место того, кто ушел из жизни», – писал Цицерон[20].

Несмотря на то что гражданские права и обязанности, передаваемые по наследству в определяемом завещанием порядке, уже существуют, при их передаче совершается новая сделка, поскольку наследодатель имеет право самостоятельно назвать лицо, которое займет его место в правоотношении, то есть после смерти наследодателя будет обладать его правами. Этот сделочный акт необходим для того, чтобы придать воле наследодателя юридическую силу, несмотря на то что реальный ее носитель по причине смерти перестанет быть субъектом гражданского права, что оговаривается в ст. 18 ГК РФ.

Таким образом, необходимо признать правильность установленного в п. 5 ст. 1118 ГК РФ определения завещания как односторонней сделки, которая создает гражданские права и обязанности после открытия наследства, поскольку последнее является основанием для их возникновения.

Понимая завещание как акт, определяющий лицо, которое может стать субъектом различных отношений после смерти завещателя, не следует делать вывод о возможности наследования правового статуса. В арбитражной практике, согласно замечаниям исследователей, уже вставал вопрос о наследовании статуса индивидуального предпринимателя, однако суды исходят из того, что он не может переходить от умершего к другому лицу в порядке правопреемства и прекращается со смертью гражданина. В случае перехода имущества умершего к наследникам (физическим лицам) процессуальное правопреемство наряду с материальным невозможно в связи с выбытием из процесса гражданина-предпринимателя[21].

Несколько сложнее обстоит дело с пониманием завещательных отказа (ст. 1137 ГК РФ) и возложения (ст. 1139 ГК РФ). Завещатель вправе требовать от одного или нескольких наследников исполнения

---

[19] **Дождев, Д. В.** Римское частное право / Д. В. Дождев. – Москва, 2008. – С. 640.

[20] Цит. по.: **Гарсиа Гарридо, М. Х.** Римское частное право : казусы, иски, институты / М. Х. Гарсиа Гарридо ; отв. ред. Л. Л. Кофанов ; пер. с исп. – Москва, 2005. – С. 640.

[21] См.: Постановление ФАС ВВО от 11.04.2005 № А79-9953/2004-СК1-9882. ; Практика применения Гражданского кодекса РФ, части первой / Под. ред. В. А. Белова. – Москва, 2010. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

какой-либо обязанности имущественного (а в случае возложения – и неимущественного) характера. Отметим точность законодателя при обозначении предмета завещательного отказа. В п. 2 ст. 1137 ГК РФ перечислены действия по исполнению обязанностей теми лицами, которые определяются завещателем: передача отказополучателю в собственность, владение на другом вещном праве или пользование вещью, входящей в состав наследства, а также передача отказополучателю входящего в состав наследства имущественного права, приобретение и передача ему другого имущества, выполнение для него определенной работы или оказание услуги, осуществление в пользу отказополучателя периодических платежей и т. д.

Трудность заключается в том, что приведенные выше субъективные гражданские обязанности могут не существовать в момент совершения завещательного отказа. Однако это обстоятельство не вносит изменений в понимание завещательных сделок, поскольку завещатель совершает сделку под отлагательным условием, в качестве которого выступает его собственная смерть, то есть называет юридический факт, с которым непосредственно связано возникновение гражданских прав и обязанностей. В данном случае отличие от обычного завещания заключается только в том, что наследодатель определяет субъекта отношений, которые возникнут после его смерти.

Осуществление субъективных гражданских прав и обязанностей не исключает совершения таких односторонних сделок как завещание и завещательный отказ, чтобы после смерти наследодателя его воля имела юридическую силу. Совершением завещания передаются существующие гражданские права и обязанности, а завещательным отказом те, которые возникнут в будущем.

2. Принятие наследства.

Почти аналогичная ситуация возникает при правовой квалификации принятия наследства, однако по этой проблеме высказывают и другие точки зрения.

Так, Ю. К. Толстой считает, что принятие наследства – это своеобразное право, которое по своей природе «<…> относится к числу так называемых Gestaltungsrecht, то есть прав, содержание которых сводится к образованию другого права (права на правообразование), что в какой-то мере сближает его с элементами правоспособности»[22]. При этом ученый отрицает недостаток данной концепции, состоящий в отсутствии обязанностей, корреспондирующих праву на принятие наследства. Он считает, что «этому праву противостоит, с одной стороны, обязанность всякого и каждого не препятствовать наследнику в свободном осуществлении его права, а с другой – обязанность соответствующих лиц и органов оказать наследнику необходимое содействие в осуществлении этого права»[23].

Отметим, что органы исполнительной власти не могут вступать в наследственные отношения с физическим лицом (за исключением случаев выморочного наследства) и, следовательно, их обязанности не носят такой характер. Обязанность граждан не препятствовать принятию наследства не может корреспондировать «праву» на получение наследства, поскольку нет отношений, к которым можно было бы применить подобную конструкцию, а также его основного субъекта – наследника, а действует лицо, призываемое к наследованию.

Возражение о том, что принятие наследства является правом, поскольку следует не из правоспособности, а другого юридического факта (смерти) и, значит, может возникнуть не у любого лица, следовательно, не может быть принято, поскольку имеет другое объяснение.

Юридический состав наследования по завещанию предполагает строгую последовательность совершения юри-

[22] Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – Ч. 3. – С. 524.
[23] Там же, с. 513.

дических действий и наступления событий, что, согласно справедливому замечанию О. А. Красавчикова, имеет значение для наступления юридических последствий в определенных случаях[24]. Именно в требовании закона о строгой последовательности в наступлении юридических фактов (процедуре наследования по завещанию) и состоит объяснение того, что принятие наследства следует исключительно после совершения завещания и смерти наследодателя.

В пользу того, что принятие наследства является правом, не свидетельствует также возможность его восстановления (например, при условии неизвестности для наследника открытия наследства). В этом случае восстанавливается не право его принятия, а срок; наследство же, при наличии соответствующих закону обстоятельствах, считается принятым. Согласно п. 2 ст. 1155 ГК РФ, по заявлению наследника, пропустившего установленный для принятия наследства срок, суд может его восстановить и признать наследника принявшим наследство, если последний не знал и не должен был знать об открытии наследства или пропустил этот срок по другим уважительным причинам и при условии, что наследник обратился в суд в течение шести месяцев с момента прекращения действия причин пропуска этого срока.

Принятие наследства представляет собой реализацию именно правосубъектности гражданина, а не вытекает только из смерти наследодателя или его завещания. При этом оно относится, согласно справедливому мнению многих исследователей[25], к односторонним сделкам. Такая квалификация возможна благодаря тому, что это акт правоспособного (реально существующего) лица, которое в момент принятия наследства выражает согласие с тем, чтобы стать субъектом квалифицируемых в качестве правовых отношений, участником которых являлся умерший. Именно наследник – реальный носитель воли, последнего поэтому его акт имеет самостоятельное юридическое значение и относится к односторонним сделкам. Функция сделки по принятию наследства состоит в согласии наследника с автономно-частными положениями тех сделок, стороной которых выступал наследодатель до своей смерти.

Таким образом, принятие наследства – это не особое право, а односторонняя сделка наследника, в которой он выражает согласие на то, чтобы стать субъектом отношений, участником которых являлся наследодатель.

Кроме этого, следует отметить, что качество гражданско-правовых средств определяется не особыми возможностями, которые якобы влекут такие сделки, а тем, что субъекты гражданского права реализуют свои способности, проявляя волю и формируя правовые частно-автономные положения о правилах своей будущей совместной деятельности в гражданском обороте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Medicus, D.** Allgemeiner Teil des BGB Großes Lehrbuch / D. Medicus. – München : Heidelberg, – 2006. – 518 с.

2. **Агарков, М. М.** Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков // Ученые труды ВИЮН. – Москва : Юридич. изд-во НКЮ СССР, 1940. – Вып. 3. – 192 с.

3. **Алексеев, С. С.** Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования / С. С. Алексеев // Антология уральской цивилистики, 1925–1989 : сборник статей. – Москва : Статут, 2001. – С. 54–68.

[24] **Красавчиков, О. А.** Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – Москва, 1958. – С. 62.

[25] Гражданское право / Под ред. Е. А. Суханова. – С. 676 ; **Зайцева, Т. И.** Наследственное право в нотариальной практике : комментарии (ГК РФ, ч. 3, разд. V) : практич. пособие / Т. И. Зайцева, П. В. Крашенников. – М., 2005. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант» ; **Гришаев, С. П.** Наследственное право / С. П. Гришаев, 2005. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант»

4. Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В. А. Белова. – Москва : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.

5. **Гарсиа Гарридо, М. Х.** Римское частное право : казусы, иски, институты / М. Х. Гарсиа Гарридо ; пер. с исп. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. – Москва : Статут, 2005. – 812 с.

6. Гражданское право / Е. Ю. Валявина [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – Москва : Проспект, 1999. – 592 с.

7. **Гришаев, С. П.** Наследственное право / С. П. Гришаев. – Москва : Юристъ, 2005. – 184 с.

8. **Денисевич, Е. М.** Односторонние сделки в гражданском праве Российской Федерации : понятие, виды и значение : дис. на соиск. науч. степ. канд. юрид. наук / Е. М. Денисевич. – Екатеринбург, 2004. – 173 с.

9. **Дождев, Д. В.** Римское частное право / Д. В. Дождев. – Москва : Норма, 2008. – 784 с.

10. **Егорова, М. А.** Критерии систематизации организационных отношений в со-временном гражданском обороте / М. А. Егорова // Гражданское право. – 2013. – № 3. – С. 6–9.

11. **Егорова, М. А.** Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании / М. А. Егорова // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2011. – № 5. – С. 10–21.

12. **Зайцева, Т. И.** Наследственное право в нотариальной практике : комментарии / Т. И. Зайцева, П. В. Крашенинников. – Москва, 2005. – 184 с.

13. **Зеккель, Э.** Секундарные права в гражданском праве / Э. Зеккель. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

14. **Кирсанов, К. А.** Гражданско-правовое регулирование организационных отношений : автореф. дис. на соиск. науч. степ. канд. юрид. наук / К. А. Крисанов. – Екатеринбург, 2008. – 27 с.

15. **Красавчиков, О. А.** Гражданские организационно-правовые отношения / О. А. Красавчиков // Антология уральской цивилистики : 1925–1989 : сборник статей. – Москва : Статут, 2001. – С. 156–165.

16. **Красавчиков, О. А.** Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – Москва : Госюриздат, 1958. –183 с.

17. **Певзнер, А. Г.** Понятие и виды субъективных гражданских прав / А. Г. Певзнер. – Москва, 1961. – 242 с.

18. Практика применения Гражданского кодекса РФ, части первой / Под. общ. ред. В. А. Белова. – Москва, 2010.

19. **Родионова, О. М.** Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права / О. М. Родионова. – Москва, 2013. – 336 с.

20. Российское гражданское право : в 2 т. / Отв. ред. Е. А. Суханов. – Москва, 2010. – Т. 1. – 958 с.

21. **Третьяков, С. В.** Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине / С. В. Третьяков // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Поступила 07.03.2014 г.

Об авторе:

Родионова Ольга Михайловна, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат социологических наук, omrodionova@rambler.ru

Для цитирования: Родионова, О. М. К вопросу о регулирующей силе односторонних сделок / О. М. Родионова. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 73–81. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.073

REFERENCES

1. Medicus D. Allgemeiner Teil des BGB Großes Lehrbuch. München, Heidelberg Publ., 2006. 518 p.

2. Agarkov M. M. Objazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu // Uchenye trudy VIJuN [Commitment to the Soviet civil law. Scientific works of VIYUN], vol. 3, Moscow, NKJU USSR Legal Publ., 1940, 192 p.

3. Alekseev S. S. Odnostoronnie sdelki v mehanizme grazhdansko-pravovogo regulirovanija // Antologija ural'skoj civilistiki, 1925 - 1989. Sbornik statej [Unilateral transactions in the mechanism of civil regulation // Ural civilistics anthology 1925 – 1989. Collection of articles]. Moscow, Statute Publ., 2001, pp. 54–68.

4. Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki [Civil law: current problems of theory and practice], ed. by Belov V. A. Moscow, Yurait Publ., 2007, 993 p.

5. Garcia Garrido M. H. Rimskoe chastnoe pravo: kazusy, iski, instituty [Roman private law: incidents, claims, institutes]. Translated from Spanish, ed. by Kofanov L. L. Moscow, Statute Publ., 2005, 812 p.

6. Valyavina E. J., Egorov N. D., Eliseev I. V., Ivanov A. A. et al. Grazhdanskoe pravo [Civil Law], ed. by Sergeev A. P., Tolstoy J. K. Moscow, Prospect Publ., 1999, 592 p.

7. Grishaev S. P. Nasledstvennoe pravo [Inheritance law]. 2005. Access from Legal System Consultant.

8. Denisevich E. M. Odnostoronnie sdelki v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii: ponjatie, vidy i znachenie [Unilateral transactions in civil law of the Russian Federation: concept, types and importance. Cand. Jur. Sci. Diss.]. Yekaterinburg, 2004, 173 p.

9. Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo [Roman private law]. Moscow, Norma Publ., 2008, 784 p.

10. Egorova M. A. Kriterii sistematizacii organizacionnyh otnoshenij v so-vremennom grazhdanskom oborote [Criteria for systematization of organizational relations in the modern civil transactions]. *Grazhdanskoe pravo* – Civil Law. 2013, no. 3, pp. 6–9.

11. Egorova M. A. Organizacionnoe otnoshenie i organizacionnye sdelki v grazhdansko-pravovom regulirovanii [Organizational attitudes and organizational transactions in civil-law regulation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: experience, analysis and practice. 2011, no. 5, pp. 10–21.

12. Zaitseva T. I., Krasheninnikov P. V. Nasledstvennoe pravo v notarial'noj praktike: kommentarii (GK RF, ch. 3, razd. V): metod. rekomendacii, obrazcy dok., normativ. akty, sudeb. praktika: prakt. posobie [Inheritance law in notarial practice: comments (Civil Code, Part 3, Sec. V): methodical recommendations, documents, normative acts, courts: practical guide]. Access from Legal System Consultant.

13. Zekkel E. Sekundarnye prava v grazhdanskom prave [Secondary rights in civil law]. Access from Legal System Consultant.

14. Kirsanov K. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie organizacionnyh otnoshenij. Avtoref. dis. … k.ju.n. [Civil-law regulation of institutional relations. Author's abstract of Cand. Jur. Sci. Diss.]. Yekaterinburg, 2008, 27 p.

15. Krasavchikov O. A. Grazhdanskie organizacionno-pravovye otnoshenija // Antologija ural'skoj civilistiki: 1925–1989: Sbornik statej [Civil legal-organizational relations // Anthology of Ural civilistics. 1925–1989: Collection of articles]. Moscow, Statute Publ., 2001, pp. 156–165.

16. Krasavchikov O. A. Juridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave [Legal facts in the Soviet civil law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1958, 183 p.

17. Pevzner A. G. Ponjatie i vidy sub'ektivnyh grazhdanskih prav. Dis. … k.ju.n. [Concept and types of subjective civil rights. Cand. Jur. Sci. Dis.]. Moscow, 1961, 242 p.

18. Praktika primenenija Grazhdanskogo kodeksa RF, chasti pervoj [Practical Application of the Civil Code, part 1], ed. by Belov V. A. Moscow, 2010. Access from Legal System Garant.

19. Rodionova O. M. Mehanizm grazhdansko-pravovogo regulirovanija v kontekste sovremennogo chastnogo prava [Mechanism of civil regulation in the context of modern private law]. Moscow, 2013, 336 p.

20. Rossijskoe grazhdanskoe pravo [Russian civil law], ed. by Sukhanov E. A., in 2 volumes, vol. 1. Moscow, 2010, 958 p.

21. Tretyakov S. V. Formirovanie koncepcii sekundarnyh prav v germanskoj civilisticheskoj doktrine (K publikacii russkogo perevoda raboty Je. Zekkelja "Sekundarnye prava v grazhdanskom prave") [Formation of secondary rights concept in the German civil doctrine (for publication of the Russian translation of Zekkel E. "Secondary rights in civil law")]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Bulletin of civil law. 2007, no. 2. Access from Legal System Consultant.

About the author:

Rodionova Ol'ga Mihajlovna, Associate professor of Civil Law and Procedure chair of Law faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Sociology, omrodionova@rambler.ru

For citation: Rodionova O. M. K voprosu o regulirujushhej sile odnostoronnih sdelok [On the regulatory power of unilateral transactions]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 73–81. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.073

УДК 338.24.22(476) DOI: 10.15507/VMU.024.201403.082

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ МАЛЫМ И СРЕДНИМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВОМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И. В. Мальгина

В статье рассмотрена эволюция государственного управления малым и средним предпринимательством в Республике Беларусь, включающая динамику его развития и нормативно-правовое обеспечение; поэтапно представлена экономическая значимость субъектов малого и среднего предпринимательства в РБ, а также динамика количества микро-, малых и средних предприятий, численности занятых на них и индивидуальных предпринимателей РБ. Кроме этого, в статье приводятся и анализируются цели программ социально-экономического развития РБ в отношении малого и среднего предпринимательства, эволюция критериев отнесения к малому и среднему предпринимательству. Центральное место в работе занимает анализ современного состояния и перспектив формирования эффективного государственного управления малым и средним предпринимательством в условиях экономики РБ.

Ключевые слова: малое предпринимательство, среднее предпринимательство, экономическая значимость, субъект предпринимательства, коммерческий банк, общество взаимного кредитования, Программа социально-экономического развития Республики Беларусь.

EVOLUTION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN BELARUS

I. V. Mal'gina

The article describes the stages in the evolution of public administration of small and medium-sized enterprises in the Republic of Belarus, including the dynamics of development of small and medium-sized enterprises and regulatory support. The economic importance of small and medium enterprises in the economics of the Republic of Belarus is examined through steps, as well as the dynamics of the number of micro-, small- and medium-sized enterprises, employment in micro, small and medium enterprises and individual entrepreneurs of the Republic of Belarus. The article also deals with the stages of socio-economic development of the Republic of Belarus in relation to small and medium business, the evolution of the classification criteria of small and medium businesses. The central place is occupied by analysis of the current state and prospects of forming an effective government to small and medium-sized enterprises in the economic conditions of the Republic of Belarus.

Keywords: small and medium enterprises, the economic importance of small and medium businesses, commercial banks, mutual credit societies, Program of Socio-Economic Development of the Republic of Belarus.

Главной целью Национальной стратегии устойчивого развития (НРСУ) Республики Беларусь на период до 2020 г. (согласно НСУР-2020) является обеспечение стабильного социально-экономического развития при сохранении благоприятной окружающей среды и рациональном использовании

© Мальгина И. В., 2014

природно-ресурсного потенциала для удовлетворения потребностей населения как на современном этапе, так и в будущем.

Учитывая, что малое и среднее предпринимательство (МСП) является одной из основ социально ориентированного типа экономической системы, важнейшими из принципов НСУР-2020 в отношении них являются: развитие человеческого фактора, его образовательных, профессиональных, социальных и других характеристик; обеспечение устойчивой положительной динамики изменения важнейших параметров социально-экономического развития; повышение эффективности и конкурентоспособности экономической системы; переход к инновационному типу развития экономики [5].

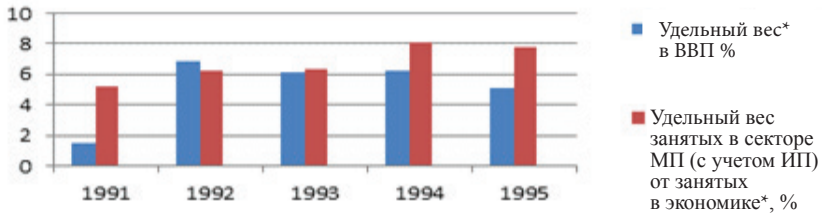
Изучение процессов зарождения, становления и последующего развития белорусского МСП позволяет выделить ряд этапов государственного управления данным сектором экономики с характерными для каждого из них особенностями [3–4]. Следует отметить, что до пятого этапа упоминается только малое предпринимательство (МП), поскольку статистика по МСП появилась только в 2007 г., и только в 2010 г. было определено понятие *субъект среднего предпринимательства*. Также в статье понятия *предприятие* и *организация* применительно к МСП являются синонимами.

Первый этап, охватывающий завершающий период существования СССР (1986–1990 гг.), характеризуется усилением либеральных тенденций в экономике и развитием кооперативной предпринимательской деятельности, что было связано в основном с принятием Закона «О кооперации в СССР» [9]. Одним из нововведений стало разрешение открывать кооперативные банки. Первый такой банк в СССР («Союз-банк») был зарегистрирован в г. Чимкенте (Казахстан) 24 августа 1988 г. Его уставный капитал составлял 1 млн руб. [1]. 20 января 1989 г. в Беларуси Госбанком СССР был зарегистрирован Минский инновационный банк, 23 августа 1989 г. переименованный в Белорусский инновационный. Важным этапом развития банковской системы Беларуси стала организация в ноябре 1990 г. Ассоциации коммерческих банков БССР.

Значительная часть предпринимательских структур получала большой доход, перепродавая товары, купленные в государственном секторе экономики по фиксированным ценам, другим предприятиям (в том числе государственным) по свободным ценам [3]. С 1988 г. доля выручки от реализации продукции (работ, услуг) кооперативов возросла приблизительно с 1 % до 4,4 % ВВП (1989 г.) [15]. Одной из причин данного явления мы считаем то, что в рассматриваемый период кооперативы, в отличие от государственных предприятий, не перечисляли государству часть прибыли наряду с обязательной уплатой налогов. Данный этап характеризуется также тем, что было определено количественное понятие *малое предприятие* [11].

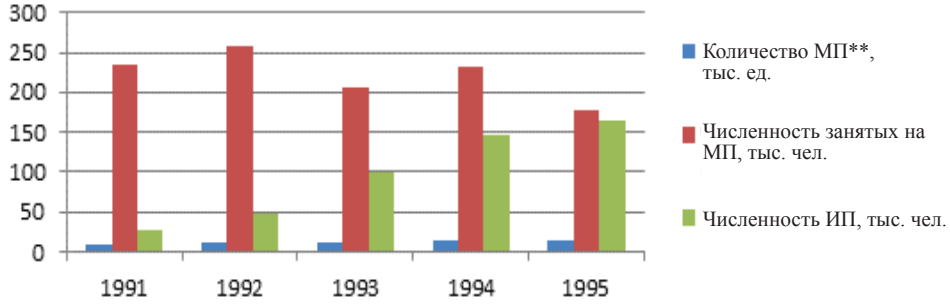
Особенность *второго этапа* (1991–1995 гг.) развития МП, связанного с распадом СССР, заключается в том, что субъекты хозяйствования осуществляли свою деятельность в условиях свободного ценообразования. Что касается РБ, то к первому признаку малого предприятия (численности) был добавлен второй – годовой объем реализации продукции (работ, услуг) по показателю, в наибольшей степени соответствующему специфике отрасли и виду деятельности [10].

Экономическая значимость субъектов МП на втором этапе развития, а также динамика количества малых предприятий, численности занятых на них и индивидуальных предпринимателей приведены на рис. 1–2 соответственно.



*Показатели приведены согласно принятой до 1996 г. методологии

Р и с. 1. Экономическая значимость субъектов МП в РБ в 1991–1995 гг.



**Приведены данные о предприятиях, отчитавшихся органам государственной статистики

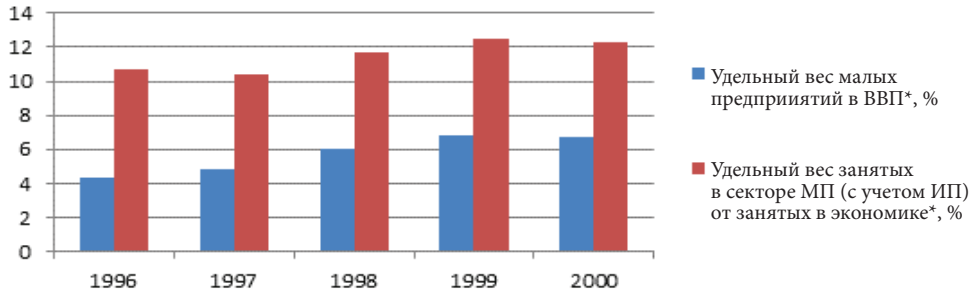
Р и с. 2. Динамика количества МП, численности занятых на них и индивидуальных предпринимателей РБ в 1991–1995 гг.

В 1991 г. были приняты Закон и постановление Совета Министров РБ, определяющие развитие предпринимательства в стране [12–13]. Количество кооперативов, малых предприятий и обществ с ограниченной ответственностью возросло с 7 807 в 1991 г. до 14 813 в 1995 г. [2].

Необходимо отметить, что именно второй этап развития МП в Беларуси характеризуется бурным развитием коммерческих банков и образованием Белорусского фонда финансовой поддержки предпринимателей (БФФПП).

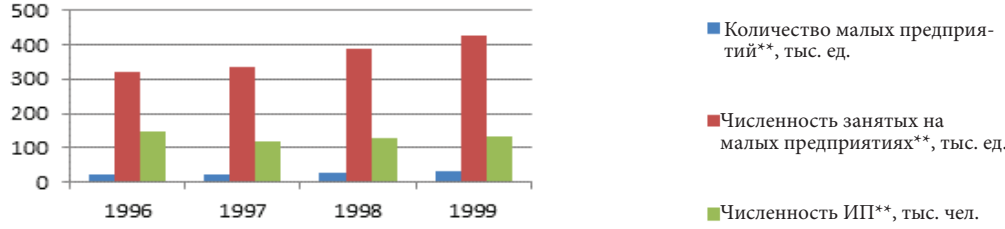
Предпринимательские структуры занимались преимущественно непроизводственной деятельностью, что было обусловлено высокой кредитной ставкой (300–320 % годовых). К концу второго этапа были практически исчерпаны возможности сверхрентабельной торгово-посреднической деятельности [3].

В 1996 г. начался *третий этап*, продолжившийся до 2000 г. В этот период проявилась тенденция усиления централизованного регулирования предпринимательской деятельности и расширения административных барьеров в развитии МП. Соответствующими Указом Президента РБ и Закон РБ было определено понятие *субъект малого предпринимательства* и установлена среднесписочная численность работников [6–7]. Экономическая значимость субъектов МП на этом этапе развития, а также динамика количества малых предприятий, численности занятых на них и индивидуальных предпринимателей приведены на рис. 3–4 соответственно.



*Приведены данные о предприятиях, отчитавшихся органам государственной статистики

Р и с. 3. Экономическая значимость субъектов МП в РБ в 1996–2000 гг.



**Приведены данные о предприятиях, отчитавшихся органам государственной статистики

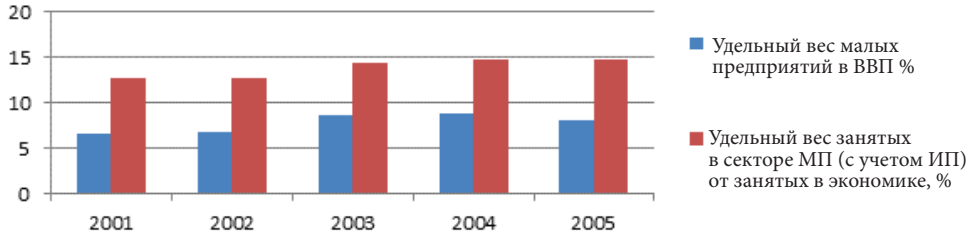
Р и с. 4. Динамика количества МП, численности занятых на них и индивидуальных предпринимателей Республики Беларусь в 1996–2000 гг.

На третьем этапе осуществлялся совместный проект ПРООН и Правительства Беларуси «Формирование инфраструктуры поддержки и развития малого предпринимательства в Республике Беларусь», частью которой являлся проект «Содействие созданию института кредитных союзов в Республике Беларусь». В результате проведенной работы было принято постановление Совета Министров РБ № 1972 от 21 декабря 1999 г. «Об обществах взаимного кредитования субъектов малого предпринимательства».

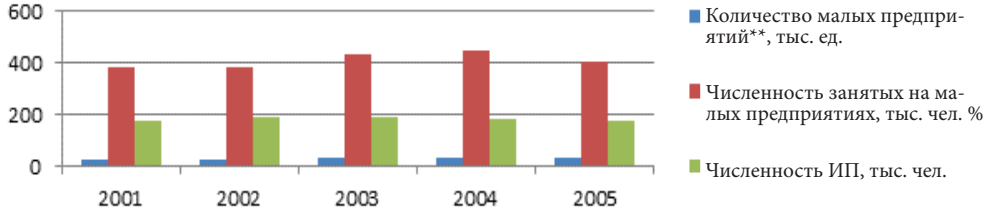
Формирование цивилизованного типа малого предпринимательства – важнейшая черта *четвертого этапа,* начавшегося в 2001 г. Подтверждением этого является, в частности, принятие впервые с 1999 г. Концепции государственной поддержки и развития малого предпринимательства РБ на 2002–2005 гг. [8]. Аналогичные концепции были приняты во всех областях и г. Минске.

В этом документе были определены принципы, цели и задачи государственной политики в отношении МП на современном этапе, а также основные направления ее совершенствования. Согласно Программе социально-экономического развития РБ на 2001–2005 гг., планировалось, что доля малого и среднего бизнеса в общем объеме выручки от реализации продукции по народному хозяйству возрастет с 9 % в 2000 г. до 25 % в 2005 г. Однако данный показатель не был достигнут к указанному сроку.

Экономическая значимость субъектов МП на четвертом этапе развития, а также динамика количества малых предприятий, численности занятых на них и индивидуальных предпринимателей приведены на рис. 5–6 соответственно.



Р и с. 5. Экономическая значимость субъектов МП в РБ в 2001–2005 гг.

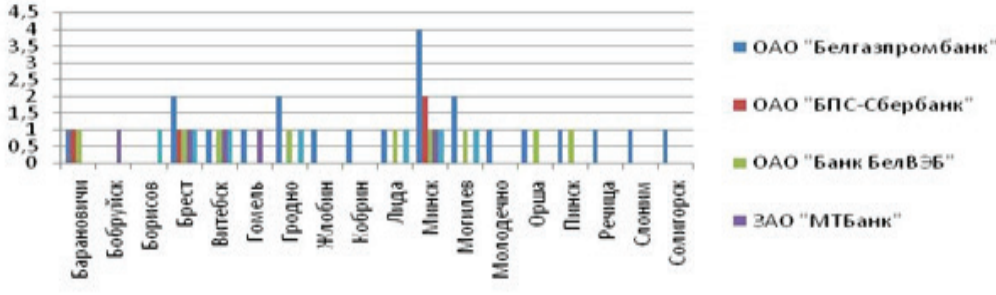


**Приведены данные о предприятиях, отчитавшихся органам государственной статистики

Р и с. 6. Динамика количества МП, численности занятых на них и индивидуальных предпринимателей РБ в 2001–2005 гг.

В РБ были проведены следующие мероприятия: введены книги проверок и ревизий; выставлены требования наличия кассовых аппаратов у индивидуальных предпринимателей на закрытых рынках, а также открытия ими счетов в банках; упорядочены системы сертификации и гигиенической регистрации; упрощен процесс лицензирования; повышена социальная защита индивидуальных предпринимателей посредством их включения в систему обязательного государственного страхования.

В 2001 г. начала работу Программа микрокредитования Беларуси (ПМКБ) Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), которая успешно работала в РБ с 2001 по 2013 гг. Программа финансировалась Европейским Союзом в рамках Европейского Инвестиционного фонда соседства. С начала работы Программы было выдано 37 313 кредитов на общую сумму 837 млн долл. Региональная сеть включала множество городов Беларуси (рис. 7).



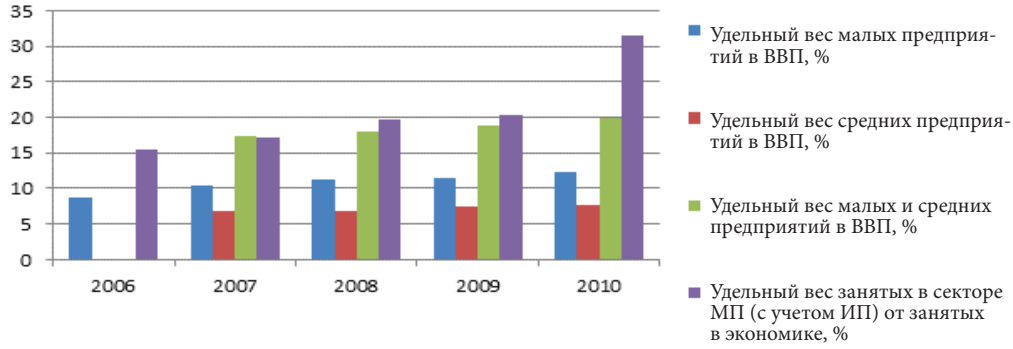
Р и с. 7. Региональная сеть Программы микрокредитования РБ

В развитии кредитования субъектов МП важную роль сыграло принятие Инструкции о порядке предоставления (размещения) банками денежных средств в форме кредита и их возврата, утвержденной постановлением Правления Национального банка Беларуси № 226 от 30 декабря 2003 г. Согласно ей, банки имеют право утверждать локальные нормативные акты, предусматривающие условия и порядок размещения денежных средств, а также осуществлять процедуры микрокредитования по упрощенной схеме, расширяющей доступ субъектов МП к кредитным ресурсам банков.

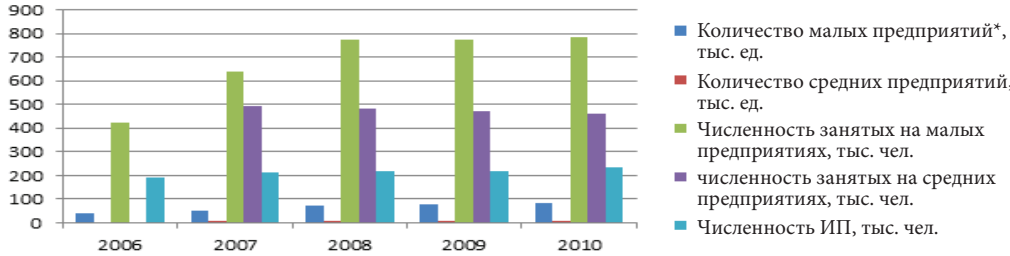
Одним из отличительных признаков рассматриваемого этапа является образование в начале 2002 г. первого в стране ОВК, а в 2003 г. – учреждений финансовой поддержки предпринимателей с правом предоставления гарантий.

Пятый этап развития МСП в РБ начинается в 2006 г. и характеризуется усилением инновационной и региональной направленности развития и поддержки МСП, что было связано, в частности, с принятием Программы социально- экономического развития РБ на 2006–2010 гг. В ней было предусмотрено увеличить долю МСП в общем объеме выручки, полученной в народном хозяйстве от реализации товаров и услуг, до 30 % в 2010 г., количество юридических лиц (субъектов МСП) – до 44–46 тыс., а общее число занятых в сфере МСП, включая численность индивидуальных предпринимателей, – до 23–25 % от общей численности экономически активного населения [15].

Экономическая значимость субъектов МСП на пятом этапе развития, а также динамика количества малых и средних предприятий, численности занятых на них и индивидуальных предпринимателей приведены на рис. 8–9 соответственно.



Р и с. 8. Экономическая значимость субъектов МСП в РБ в 2006–2010 гг.



*Приведены данные о предприятиях, отчитавшихся органам государственной статистики

Р и с. 9. Динамика количества МСП, численности занятых на них и индивидуальных предпринимателей РБ в 2006–2010 гг.

В 2008 г. был образован ЗАО «Белорусский Банк Малого Бизнеса», учредителями которого выступили 8 авторитетных организаций из Европы и США. Основной целью этого банка является поддержка развития бизнеса в Беларуси путем предоставления услуг индивидуальным предпринимателям, а также малым и средним предприятиям.

В целях достижения утвержденных Программой социально-экономического развития РБ на 2006–2010 гг. показателей развития предпринимательского сектора экономики принято Постановление Совета Министров РБ от 11 августа 2006 г. № 1029 «Об утверждении комплекса мероприятий по достижению прогнозных параметров развития малого и среднего предпринимательства на период до 2010 г.», в котором были указаны конкретные мероприятия по 7 различным направлениям.

В завершении данного этапа была принята Директива Президента РБ от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», которая является одним из самых значимых документов в области малого и среднего предпринимательства за последнее время. В нем отмечается, что одним из приоритетных направлений социально-экономического развития РБ в предстоящем пятилетии является развитие человеческого потенциала, инициативы и предпринимательства. Директива содержит 9 основных направлений, а также государственные меры по их реализации.

В феврале 2008 г. была создана Республиканская ассоциация микрофинансовых организаций с целью объединения потребительских кооперативов финансовой взаимопомощи (известных в международной практике как кредитные союзы) РБ, а также направления и координации их деятельности, содействия развитию микрофинансирования в Беларуси [16].

Шестой этап развития МСП в РБ начинается в 2011 г. и продолжается в настоящее время. Он характеризуется созданием наиболее благоприятных условий для развития МСП и позитивного имиджа предпринимательства в обществе. 1 июля 2010 г. был принят Закон «О поддержке малого и среднего предпринимательства». Данным законом определяются, в частности, понятие поддержки МСП, соответствующих субъектов инфраструктуры и других организаций, осуществляющих аналогичные функции. Кроме этого, а нем указаны критерии отнесения к субъектам МП, эволюция которых представлена в Таблице.

В 2013 г. в рамках Программы по повышению финансовой грамотности в РБ был принят План совместных действий органов государственного управления и участников финансового рынка на 2013–2018 гг., которым были запланированы мероприятия по повышению финансовой грамотности школьников, молодежи, наименее социально защищенных целевых групп. В данных мероприятиях непосредственное участие могут и будут принимать потребительские кооперативы.

Согласно Программе социально-экономического развития РБ на 2011–2015 гг., вклад МСП в ВВП в 2015 г. составит не менее 30 %.

Немаловажным является также факт принятия Программы деятельности Правительства РБ на 2011–2015 гг., в которой в качестве ключевых направлений деятельности Правительства РБ в области реализации приоритетов Программы социально-экономического развития на 2011–2015 гг. заявлена реализация мер по повышению позиции РБ в ведущих международных рейтингах. Например, поставлена задача вхождения в число 30 первых стран в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса.

Таблица

Эволюция критериев отнесения к МСП

Субъекты МСП	Закон «О государственной поддержке малого предпринимательства в Республике Беларусь» (действовал до 1 июля 2010 г.)	Закон «О поддержке малого и среднего предпринимательства» (действует в настоящее время)
	Численность работников, чел.	
Субъекты среднего предпринимательства	Критерий отсутствовал	101–250
Малые организации	В промышленности и на транспорте – до 100; в сельском хозяйстве и научно-производственной сфере – до 60; в строительстве и оптовой торговле – до 50; в других отраслях производственной сферы, общественном питании, бытовом обслуживании населения и розничной торговле – до 30; в других отраслях непроизводственной сферы – до 25	16–100
Микроорганизации	Критерий отсутствовал	до 15
Индивидуальные предприниматели	–	–

Достижение поставленной цели рассматривается в рамках совместных с Национальным банком мероприятий, гарантированно обеспечивающих ускоренное повышение позиции РБ в указанных рейтингах, включая:

– сокращение длительности процедуры регистрации собственности с 15 до 5 дней, количества выплат при налогообложении – с 82 до 24, длительности расчета налогов – с 798 до 250 ч, количества необходимых процедур для получения разрешений на строительство – с 16 до 8;

– упрощение административных процедур, связанных с подключением субъектов предпринимательства к электросетям, сокращение длительности и снижение их общей стоимости в расчете на душу населения до уровня лидирующих стран в соответствии с отчетом МФК «Getting electricity»;

– сокращение количества документов, необходимых для экспорта, с 8 до 4, импорта – с 8 до 5, времени, требуемого для экспорта, – с 15 до 8 дней, импорта – с 20 до 9.

Также на данном этапе получили активное развитие направления Директивы Президента РБ № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» от 31 декабря 2010 г. Так, согласно данным Министерства экономики РБ, по состоянию на 1 апреля 2014 г. в рамках выполнения утвержденных совместным постановлением Совета Министров и Национального банка РБ (от 28 февраля 2011 г. № 251/6) мероприятий по реализации положений директивы было принято 167 актов законодательства (17 законов РБ, 35 указов, 5 декретов и 3 распоряжения президента, 66 постановлений Совета Министров, 5 постановлений

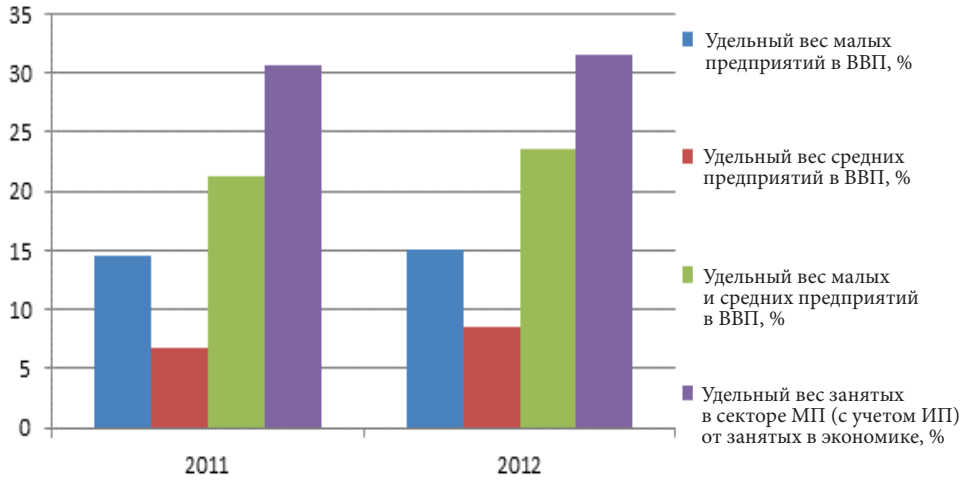
Правления Национального банка, 36 ведомственных актов законодательства), которые затронули практически все сферы общественных отношений, начиная от регистрации субъектов хозяйствования и заканчивая процедурами их ликвидации. Основным результатом вышеприведенной законотворческой деятельности является ускорение развития малого и среднего предпринимательства на территории страны.

Анализ основных принципов и задач Концепции государственной поддержки и развития малого предпринимательства РБ на 2002–2005 гг., а также Программ социально-экономического развития РБ на 2001–2005 и 2006–2010 гг. показал, что 3 из 5 принципов, присутствующих в Концепции, в полном объеме и практически в той же редакции указаны во второй программе в отношении развития МСП.

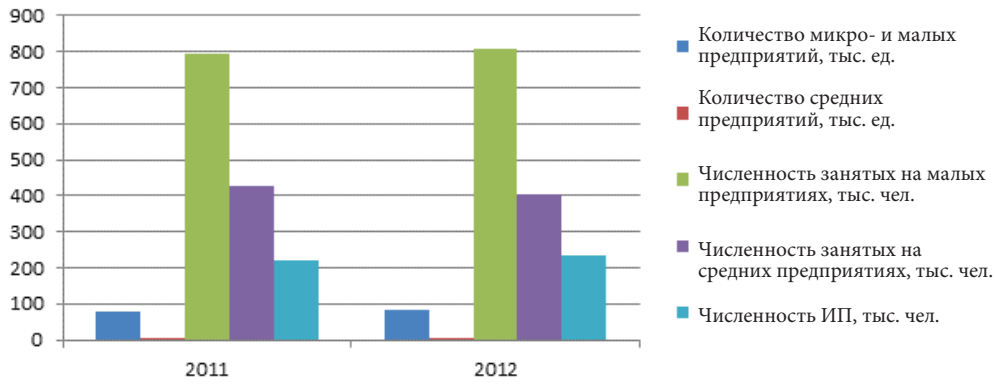
Анализ Программ социально-экономического развития РБ на 2001–2005, 2006–2010 и 2011–2015 гг. показал, что принципы государственной политики поддержки и развития МСП, которые являются неотъемлемой их частью, были отражены только в Программе социально-экономического развития РБ на 2005–2010 гг. Также в Программе на 2006–2011 гг. отсутствует прогнозный показатель по удельному весу МСП в ВВП из-за невозможности разработчиков его подсчитать.

Необходимо отметить, что либерализация и активизация развития МСП в РБ в целом происходит достаточно быстро. Однако, как показал анализ вышеприведенных документов, прогнозные параметры развития МСП в части повышения удельного веса в ВВП не были достигнуты. Учитывая активную позицию государства на шестом этапе развития МСП, мы предполагаем, что прогнозный параметр развития (30 % удельного веса в ВВП) будет выполнен. Тенденции первых лет пятилетия демонстрируют верность избранному пути.

Экономическая значимость субъектов МСП на шестом этапе развития, а также динамика количества малых и средних предприятий, численности занятых на них и индивидуальных предпринимателей приведены на рис. 10–11 соответственно.



Р и с. 10. Экономическая значимость субъектов МСП в РБ в 2011–2012 гг.



Р и с. 11. Динамика количества МСП, численности занятых на них и индивидуальных предпринимателей РБ в 2011–2012 гг.

Данное позитивное движение предположительно связано с тем, что государственное управление МСП будет направлено не на регулирование развития предпринимательства, а на его поддержку, что отражено в цели Программы социально-экономического развития РБ на 2011–2015 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кирсанов, Р. Г.** Перестройка : «Новое мышление» в банковской системе СССР / Р. Г. Кирсанов. – Москва : Каширин В. В., 2011. – 200 с.

2. Консультативный Совет по поддержке и развитию малого предпринимательства в государствах-участниках СНГ : Материалы VI–го заседания, Астана, 24–26 мая 1999 г. / Центр региональной экономики и управления. – Астана, 1999. – 46 с.

3. **Лученок, А. И.** Государственное регулирование предпринимательской деятельности / А. И. Лученок. – Минск : Право и экономика, 1999. – 243 с.

4. **Науменко, Б. Н.** Малый бизнес : теория и практика развития / Б. Н. Науменко. – Минск : ООО «Мисанта», 1996. – 76 с.

5. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Республики Беларусь. – Минск : НИЭИ Минэкономики РБ, 2003. – 304 с.

6. О государственной поддержке малого предпринимательства в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь, 16 окт. 1996 г., № 685-XIII // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1996. – № 34. – Ст. 607.

7. О государственной поддержке малого предпринимательства : Указ Президента Республики Беларусь, 19 июля 1996 г., № 262 // Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. – 1996. – № 21. – Ст. 514.

8. О Концепции государственной поддержки и развития малого предпринимательства в Республике Беларусь на 2002–2005 гг. : Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 11 июня 2002 г., № 760 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 68. – Ст. 5/10596.

9. О кооперации в СССР : Закон СССР, 26 мая 1988 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1988. – № 22. – Ст. 355.

10. О малых предприятиях в Белорусской ССР : Постановление Совета Министров Белорусской ССР, 20 мая 1991 г., № 192 // Собрание постановлений Правительства Белорусской ССР. – 1991. – № 16. – Ст. 174.

11. О мерах по созданию и развитию малых предприятий : Постановление Совета Министров СССР, 8 авг. 1990 г., № 790 // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1990. – № 19. – Ст. 101.

12. О предпринимательстве в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь, 28 мая 1991 г. № 813-XII // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 19. – Ст. 269.

13. О развитии предпринимательства и образовании Белорусского фонда финансовой поддержки предпринимателей : Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 28 янв. 1992 г., № 36 // Собрание постановлений Правительства Республики Беларусь. – 1992. – № 3. – Ст. 34.

14. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг. : Указ Президента Республики Беларусь, 12 июня 2006 г. № 384 [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P30600384&p2={NRPA}.

15. **Орлов, А.** Предпринимательство в России (истоки и этапы до 1992 г.) / А. Орлов // Вопросы экономики. – 1999. – № 12. – С. 79–89.

16. Республиканская ассоциация микрофинансовых организаций [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rafv.by/O_nas.

Поступила 30.07.2013 г.

Об авторе:

Мальгина Ирина Валерьевна, доцент кафедры теории и практики государственного управления института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, д. 17), кандидат экономических наук, irina_malgina@list.ru

Для цитирования: Мальгина, И. В. Эволюция государственного управления малым и средним предпринимательством в Республике Беларусь / И. В. Мальгина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 82–93. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.082

REFERENCES

1. Kirsanov R. G. Perestroika: «Novoe myshlenie» v bankovskoj sisteme SSSR [Perestroika: “New thinking” in the banking system of the USSR]. Moscow, Kashyrin V. V. Publ., 2011, 200 p.

2. Konsul’tativnyj Sovet po podderzhke i razvitiju malogo predprinimatel’stva v gosudarstvah-uchastnikah SNG : Materialy 6th zasedanija, Astana, 24–26 maja 1999 g. // Centr regional’noj jekonomiki i upravlenija [Advisory Council for the support and development of small business in the CIS states: Materials 6th meeting, Astana, May 24-26, 1999]. Astana, Centre of regional economics and management Publ., 1999, 46 p.

3. Luchenok A. I. Gosudarstvennoe regulirovanie predprinimatel’skoj dejatel’nosti [State Business regulation]. Minsk, Law and Economics, 1999, 243 p.

4. Naumenko B. N. Malyj biznes: teorija i praktika razvitija [Small business: theory and practice of development]. Minsk, Misanta Publ., 1996, 76 p.

5. Nacional’naja strategija ustojchivogo razvitija Respubliki Belarus’ do 2020 g. // Nacional’naja komissija po ustojchivomu razvitiju Respubliki Belarus’ [The National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus 2020 // Nat. Commission on Sustainable Development of the Republic of Belarus]. Minsk, Ministry of Economics INAH RB, 2003, 304 p.

6. O gosudarstvennoj podderzhke malogo predprinimatel’stva v Respublike Belarus’ : Zakon Respubliki Belarus’, 16 okt. 1996 g., no. 685-XIII [On state support of small business in Belarus: Law Rep. of Belarus, October 16, 1996., no. 685-XIII]. *Vedomosti Verhovnogo Soveta Respubliki Belarus’* – Bulletin of the Supreme Council of Republic of Belarus. 1996, no. 34, 607 p.

7. O gosudarstvennoj podderzhke malogo predprinimatel’stva: Ukaz Prezidenta Respubliki Belarus’, 19 ijulja 1996 g., no. 262 // Sobranie ukazov Prezidenta i postanovlenij Kabineta Ministrov Respubliki Belarus’ [On State Support of Small Business: Presidential Decree, July 19, 1996, no. 262 // Collection of presidential decrees and regulations Cabinet of Ministers of Republic of Belarus]. 1996, no. 21, 514 p.

8. O Koncepcii gosudarstvennoj podderzhki i razvitija malogo predprinimatel’stva v Respublike Belarus’ na 2002–2005 gg.: Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus’, 11 ijunja 2002 g., no. 760 //

Nacional'nyj reestr pravovyh aktov Respubliki Belarus' [On the Concept of State Support and Development of Small Business in the Republic of Belarus for 2002-2005: Council of Ministers Resp. Belarus, June 11, 2002., no. 760 // Nat. Register of Legal Acts of Republic of Belarus]. 2002, no. 68, p. 5/10596.

9. O kooperacii v SSSR : Zakon SSSR, 26 maja 1988 g. [Cooperation in the USSR: law of USSR, May 26, 1988]. *Vedomosti Verhovnogo Soveta* – Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1988, no. 22, 355 p.

10. O malyh predprijatijah v Belorusskoj SSR : Postanovlenie Soveta Ministrov Belorusskoj SSR, 20 maja 1991 g., no. 192 // Sobranie postanovlenij Pravitel'stva Belorusskoj SSR [On small enterprises in the Byelorussian SSR Council of Ministers of the Belorussian SSR, May 20, 1991., no. 192 // Collection of Resolutions of the Government of the Belorussian SSR]. 1991, no. 16, 174 p.

11. O merah po sozdaniju i razvitiju malyh predprijatij : Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR, 8 avg. 1990 g., no. 790 // Sobranie postanovlenij Pravitel'stva SSSR [Measures for creation and development of small enterprises: the Council of Ministers of the USSR, August 8. 1990, no. 790 // Collection of Resolutions of the Government of the USSR]. 1990, no. 19, 101 p.

12. O predprinimatel'stve v Respublike Belarus': Zakon Respubliki Belarus', 28 maja 1991 g. no. 813-XII [On entrepreneurship in the Republic of Belarus: the Law of the Republic of Belarus, May 28, 1991 no. 813-XII]. *Vedomosti Verhovnogo Soveta Belorusskoj SSR* – Bulletin of the Supreme Soviet of the Belorussian SSR. 1991, no. 19, 269 p.

13. O razvitii predprinimatel'stva i obrazovanii Belorusskogo fonda finansovoj podderzhki predprinimatelej: Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus', 28 janv. 1992 g., no. 36 // Sobranie postanovlenij Pravitel'stva Respubliki Belarus' [On the development of entrepreneurship and the formation of the Belarusian Fund for Financial Support of Entrepreneurs: Council of Ministers Republic of Belarus, January 28, 1992., no. 36 // Meeting of Government decisions of Republic of Belarus]. 1992, no. 3, 34 p.

14. Ob utverzhdenii Programmy social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Belarus' na 2006–2010 gg: Ukaz Prezidenta Respubliki Belarus', 12 ijunja 2006 g. no. 384 [Approval of the Program of socio-economic development of Belarus for 2006-2010: Presidential Decree Resp. Belarus, June 12, 2006 no. 384 // The national legal Internet portal of Republic of Belarus]. Available at: http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P30600384&p2.

15. Orlov A. Predprinimatel'stvo v Rossii (istoki i jetapy do 1992 g.) [Entrepreneurship in Russia (the origins and stages up to 1992)]. *Voprosy jekonomiki* – Problems of Economics. 1999, no. 12, pp. 79–89.

16. Respublikanskaja associacija mikrofinansovyh organizacij [Republican association of microfinance institutions]. Available at: http://www.rafv.by/O_nas.

About the author:

Mal'gina Irina Valer'evna, Associate professor of Theory and Practice of Public Administration of Public Service Institute, The Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk, 17 Moskovskaja Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Economics, irina_malgina@list.ru

For citation: Mal'gina I. V. Jevoljucija gosudarstvennogo upravlenija malym i srednim predprinimatel'stvom v Respublike Belarus' [Evolution of public administration in small and medium business in Belarus]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 82–93. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.082

УДК 338.24.22(476) DOI: 10.15507/VMU.024.201403.094

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОГО АУТСОРСИНГА ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. Х. Дикинов, Л. В. Хончукаева

Представленная статья посвящена важной народнохозяйственной проблеме. Достижение высокого уровня конкурентоспособности требует от хозяйствующих субъектов использования новых инструментов управления и развития, которые бы обеспечивали возможность адаптирования к современным условиям функционирования и осуществления своей хозяйственной деятельности наиболее эффективным способом, достигая снижение затрат при сохранении высокого качества товаров и услуг.

В связи с этим в статье конкретизируется понятие аутсорсинга; выявляется роль аутсорсинга как одной из наиболее популярных на современном этапе моделей бизнеса; приводится классификация уровней транспортной логистики как основных ее показателей; дается оценка объема мирового и российского рынков логистического аутсорсинга; рассматривается структура рынка транспортно-логистических услуг.

Переход к аутсорсинговой модели организации деятельности предприятий обусловлен прежде всего тем, что динамическая и неопределенная рыночная среда выдвигает новые управленческие задачи, решение которых требует рыночной реконструкции всех структурных элементов и подсистем управления предприятием с целью беспрерывной адаптации к внешним и внутренним изменениям.

Соединение эффективности применения инструментов логистики и тенденции концентрации предприятий на основных видах деятельности предоставляет широкие возможности для развития рынка логистического аутсорсинга и специализированных логистических посредников. В работе приводятся факторы, тормозящие развитие логистического аутсорсинга в Российской Федерации; дается прогноз его развития и экспертная оценка роста. В связи с этим отмечается, что за последние 3 года транспортно-логистический рынок РФ активно расширялся (более 19 % ежегодно), причем максимальный темп роста продемонстрировал сегмент экспедирования грузов. Согласно прогнозу экспертов, в ближайшие 10 лет темп роста рынка транспортно-логистических услуг составит около 15 %.

В заключении статьи делается вывод о том, что рост логистического аутсорсинга в РФ должен произойти благодаря нескольким ключевым факторам: росту грузооборота и усложнению логистических цепочек; увеличению доли мультимодальных и интермодальных перевозок и др.

Ключевые слова: логистика, аутсорсинг, логистический аутсорсинг, транспортно-логистические услуги, грузоперевозка, грузооборот, экспедирование.

DEVELOPMENT ISSUES OF LOGISTICAL OUTSOURCING OF TRANSPORT SECTOR IN RUSSIA

A. Kh. Dikinov, L. V. Honchukaeva

The presented article is devoted to an important economic issue. Achieving of the high level of competitiveness of economic operators requires the use of new tools of management and development, which would afford the ground for adaptation to modern conditions of operation and the implementation of its activities in the most efficient way, achieving the lower costs while maintaining high quality of goods and services.

In this regard, the article concretizes the concept of outsourcing. Role of outsourcing has been identified as one of the most popular at the present stage of business models. The authors come up with the classification of levels of transport logistics as its main indicators,

© Дикинов А. Х., Хончукаева Л. В., 2014

estimate the global and Russian markets of logistics outsourcing, analyze the structure of the market of transportation and logistics services.

Transition to the outsourcing model of enterprises is due to the fact that the dynamic and uncertain market environment presents the new management challenges, which require a market reconstruction of all structural components and subsystems of business management with a view to continuous adaptation to external and internal changes.

Junction of effectiveness of logistics tools and trends of concentration on core activities provides opportunities for the development of the market of logistics outsourcing and specialized logistics intermediaries. The article names the factors hampering the development of logistics outsourcing in Russia and gives the forecast of development of logistics outsourcing in Russia and expert assessment of its growth.

Evaluating the prospect of the development of logistics outsourcing in Russia, the authors note that in the past three years, the transport and logistics market in Russia is actively growing with rate over 19% annually, with maximum growth rate shown by a segment of freight forwarding. According to experts, in the next 10 years it is expected that the pace of growth of the market of transportation and logistics services will be about 15%.

The authors substantiate the conclusion that the growth of logistics outsourcing in Russia should occur due to several key factors (growth of cargo turnover, and complication of logistic chains; increase the proportion of multimodal and intermodal transport, etc.)

Keywords: logistics, outsourcing, logistic outsourcing, transport and logistics services, cargo transportation, goods turnover, forwarding.

При условии активизации конкурентных действий, непредсказуемости внешней среды, увеличения объемов информации, усиления интеграционных процессов и расширения глобальных рыночных границ, успех в конкурентной борьбе определяется наличием у предприятий устойчивых конкурентных преимуществ, поскольку они являются основой конкурентоспособности, привлекательности для партнеров и готовности потребителей к приобретению продукции предприятий.

Отметим, что поддержание или достижение высокого уровня конкурентоспособности требует от предприятий использования новых инструментов, которые способны обеспечивать возможность адаптирования к современным условиям функционирования и осуществления своей хозяйственной деятельности наиболее эффективным способом, достигая снижения затрат при сохранении высокого качества товаров и услуг [3, с. 81].

Одной из наиболее популярных на современном этапе моделей бизнеса является аутсорсинг. Делегирование выполнения части своих бизнес-функций дает возможность предприятию сконцентрироваться на приоритетных видах бизнеса и операциях, таким образом обеспечивая ему конкурентные преимущества. Переход к аутсорсинговой модели организации деятельности предприятий обусловлен прежде всего тем, что динамическая и неопределенная рыночная среда выдвигает новые управленческие задачи, решение которых требует рыночной реконструкции всех структурных элементов и подсистем управления предприятием с целью беспрерывной адаптации к внешним и внутренним изменениям [9, с. 131].

Термин *аутсорсинг* является искусственным образованием из частей слов *outside*, *resource* и *using* («использование внешнего источника/ресурса»). Впервые термин был использован американскими менеджерами. Четкого определения понятия *аутсорсинг* не существует, но большинство авторов сходятся в том, что под ним следует понимать передачу организацией определенных бизнес-процессов или производственных функций на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области [9, с. 82].

Приведенные в табл. 1 трактовки различных авторов иллюстрируют сложившиеся представления о том, что именно является аутсорсингом, и подчеркивают многообразие трактовок термина.

Таблица 1

Содержательное определение аутсорсинга

Автор	Определение
Дж. Б. Хейвуд	Перевод внутреннего подразделения или подразделений предприятия и всех связанных с ними активов в организацию поставщика услуг, предлагающего оказывать некую услугу в течение определенного времени по оговоренной цене [12].
С. Ефимова, Т. Пешкова, Н. Коник, С. Рытик	Распределение основных выполняемых функций внутри фирмы. Последняя берет на себя ответственность за функции, которые выполняет лучше других и с наименьшими затратами, а остальные распределяет между субъектами [3].
М. В. Татьянок	Интегрированная форма администрирования предпринимательского бизнеса в условиях развитого разделения предпринимательских функций и повышения требований к профессиональному уровню бизнеса <…>. В основе развития современного аутсорсинга лежит интеграция бизнеса потребителей и провайдеров аутсорсинговых услуг, обладающая коммуникационной, ресурсной, технологической, мотивационной, ценностной и нормативной целостностью [11].
И. Л. Рудая	Современная методология управления в экономических системах, основанная на интеграции основных ресурсов и компетенций организации с ресурсами и компетенциями внешних поставщиков специализированных услуг (аутсорсеров), обеспечивающая достижение синергетического эффекта [7].
Н. А. Межевов	Деятельность материального и нематериального характера, предполагающая принятие от клиента к выполнению части или всех операций (функций) на субподряд, осуществляемая на договорной основе, имеющая конечной целью повышение уровня создаваемой потребительской ценности как самим аутсорсером, так и клиентом [6].

На основании приведенных трактовок сделаем вывод, что под аутсорсингом следует понимать передачу собственных функций, видов деятельности предприятия третьей стороне.

Соединение эффективности применения инструментов логистики и тенденции концентрации предприятий на основных видах деятельности дает широкие возможности для развития рынка логистического аутсорсинга и специализированных логистических посредников [1]. В качестве примера использования инструментов логистики рассмотрим классификацию и уровни транспортной логистики (табл. 2).

Таблица 1

Уровни транспортной логистики

Тип оператора	Характеристика
First Party Logistics (1PL)	Автономная логистика, все логистические операции выполняет владелец груза.
Second Party Logistics (2PL)	Традиционная логистика, стандартный спектр услуг по транспортировке и управлению складскими помещениями.
Third Party Logistics (3PL)	Контрактная логистика, передача основных логистических функций на аутсорсинг посторонней компании.
Fourth Party Logistics (4PL)	Интегрированная логистика или интеграция всех компаний-участников цепи снабжения. Фактически это процесс планирования, управления и контроля всех логистических процедур одним поставщиком услуг для реализации долгосрочных стратегических целей.
Fifth Party Logistics (5PL)	Интернет-логистика – система планирования, управления и контроля транспортно-логистических процессов полной цепи доставки с помощью информационных систем.

Поскольку в основе данной классификации лежит уровень интеграции оказываемых услуг (от наиболее простых к комплексным), представленные уровни возможно рассматривать также в качестве основных этапов, которые проходит в своем развитии участник рынка транспортно-логистических услуг (ТЛУ). В таком случае доля рынка каждой из групп характеризует степень развитости услуг соответствующего уровня, а соотношение этих долей иллюстрирует уровень развития рынка ТЛУ в стране.

Основным показателем развития транспортной логистики считается доля 3PL компаний на рынке, поскольку данный сегмент в настоящее время является наиболее востребованным и перспективным, считается основой контрактной логистики. 2PL уступает ему в вопросе экономии издержек, позволяя оптимизировать расходы только на отдельных операциях, а не на протяжении всей транспортной цепочки. Сегмент 4PL развит далеко не во всех странах и характеризуется ограниченным спросом, только со стороны крупнейших производителей, и высокой стоимостью [10, с. 624].

По данным Armstrong & Associates, объем мирового рынка 3PL-услуг в 2013 г. составил 703,8 млрд долл., увеличившись на 8 % по сравнению с 2012 г. [2]. Согласно проведенным исследованиям компании Armstrong & Associates, к лидерам глобальных операторов 3PL относятся такие компании как DHL Supply Chain & Global Forwarding, Kuehne + Nagel, DB Schenker Logistics, Nippon Express Co. Ltd., C.H. Robinson Worldwide (табл. 3). Преобладающие на российском рынке услуги по грузоперевозкам и экспедированию (93,5 %) (рис. 1) определяют преимущественное развитие компаний вида 2PL [12, с. 74].

Таблица 3

Рейтинг мировых 3PL операторов в 2013 г.

3PL оператор	Валовой доход, млн долл.
DHL Supply Chain & Global Forwarding	31,432
Kuehne + Nagel	22,587
DB Schenker Logistics	19,732
Nippon Express	17,317
C.H. Robinson Worldwide	12,752
CEVA Logistics	8,517
DSV	8,140
Sinotrans	7,738
Panalpina	7,293
SDV (Bolloré Group)	7,263
DACHSER	6,627
Toll Holdings	6,266
Expeditors International of Washington	6,080
Geodis	5,828
UPS Supply Chain Solutions	5,492

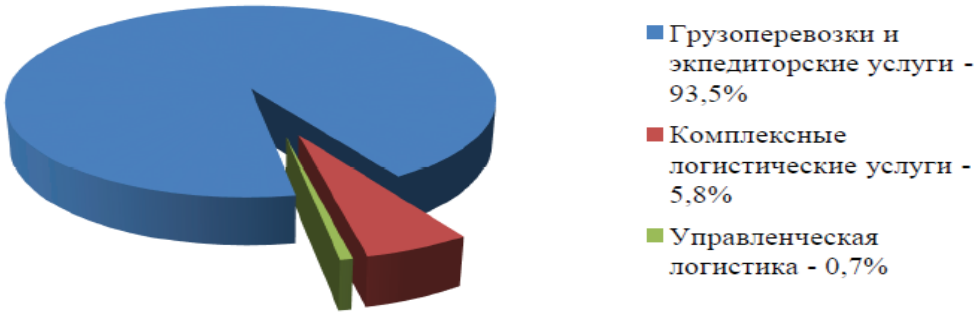
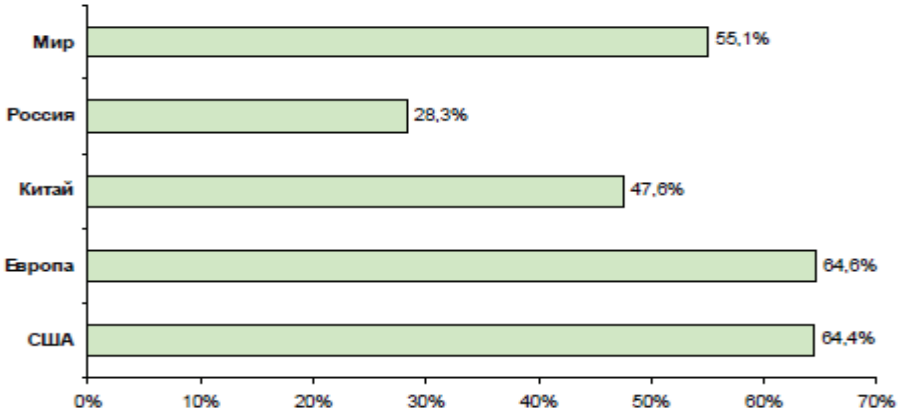


Рис. 1. Структура российского рынка ТЛУ в 2012 г.

Доля базовой услуги транспортировки в России является более высокой, чем в других странах, а доля сервисов 3PL/4PL – более низкой (рис. 2). Это объясняется как активным использованием сырьевых грузов, так и дефицитом качественного предложения со стороны 3PL/4PL компаний [7, с. 249] Доля логистического аутсорсинга в России оценивается экспертами только в 28 % (среднемировое значение составляет 40–60 %). Объем рынка является относительно небольшим и при определенных условиях может быть значительно расширен [8, с. 44].



Р и с. 1. Логистический аутсорсинг, % транспортно-логистических услуг

Передаваемые на аутсорсинг сервисы в России ограничиваются входящей и исходящей логистикой, в то время как в мире увеличивается доля внутренней логистики и управления запасами. Следует отметить, что в настоящее время она не превышает 12–14 %, однако этот сегмент обладает положительной динамикой и значительным потенциалом роста (рис. 3).

Р и с. 3. Доля аутсорсинга по элементам логистики в мировой практике

Проведенное исследование позволило нам выделить следующие факторы, тормозящие развитие логистического аутсорсинга в России:

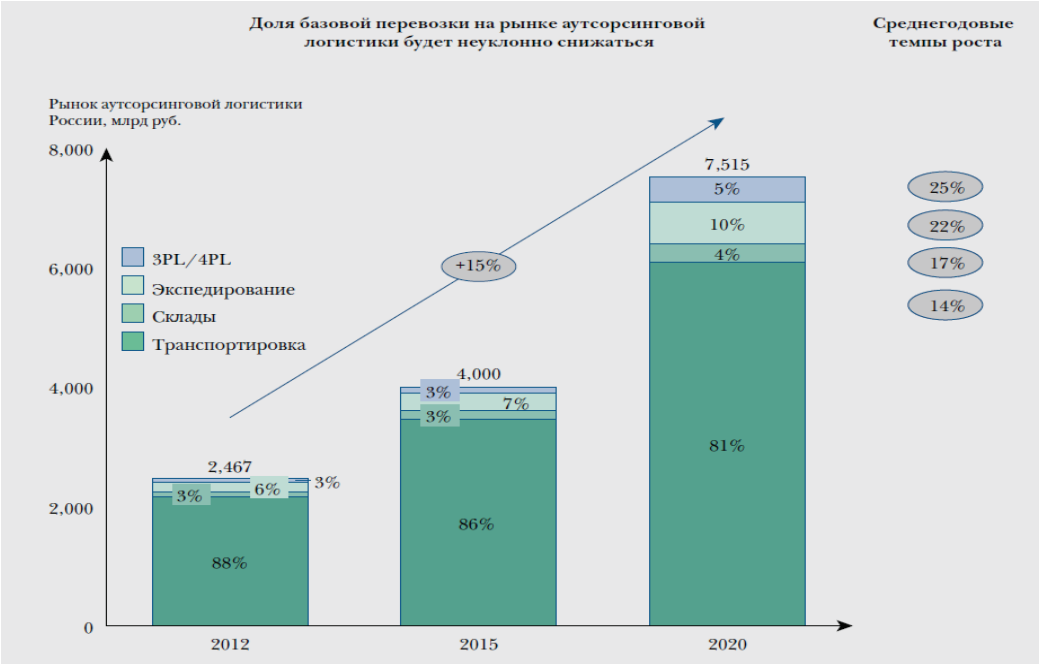
– отсталая структура экономики, преобладание сырьевых отраслей;

– большая протяженность территории, нерациональное размещение производств и архаичность организации доставки грузов;

– слабое развитие складской и транспортной инфраструктуры (особенно в регионах);

– низкое качество услуг логистических провайдеров при высокой их стоимости.

Оценивая перспективу развития логистического аутсорсинга в России, необходимо отметить, что в последние 3 года транспортно-логистический рынок России активно расширялся (более 19 % ежегодно), причем максимальный темп роста показал сегмент экспедирования грузов. Согласно прогнозу экспертов, в ближайшие 10 лет темп роста рынка транспортно-логистических услуг составит около 15 % [5, с. 118]



Р и с. 3. Оценка развития рынка логистического аутсорсинга в России на период до 2020 г.

По мнению экспертов, рост логистического аутсорсинга в России должен произойти благодаря нескольким ключевым факторам [4, с. 87]:

– росту грузооборота и усложнению логистических цепочек (в первую очередь в части грузов с высокой добавленной стоимостью);

– увеличению доли мультимодальных и интермодальных перевозок;

– увеличению доли услуг, переданных на аутсорсинг, вследствие передачи транспортно-логистических активов и услуг специализированным компаниям;

– изменению структуры грузооборота, в том числе увеличению доли грузов с высокой добавленной стоимостью с 12 % до 17–20 % в общем объеме перевозки грузов в России (рост грузооборота товаров с высокой добавленной стоимостью вызывает мультипликативный эффект на рынке ТЛУ, поскольку создает дополнительный спрос в сегментах складирования, 3PL и 4PL).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. A&A's Top 50 Global Third-Party Logistics Provider (3PL) List. Armstrong & Associates // http://www.3plogistics.com/Top_50_Global_3PLs.htm.

2. Connecting to Compete 2014. Trade Logistics in the Global Economy. The Logistics Performance Index and Its Indicators. The World Bank, 2014.

3. **Дикинов, А. А.** Современные приоритеты развития агроэкономики / А. А. Дикинов, А. А. Дикинова // «Известия» КБНЦ РАН. – 2014. – № 1 (57). – С. 79–84.

4. **Дикинов, А. Х.** Проблемы социо-эколого-экономической асимметрии уровня развития регионов под влиянием макроэкономических тенденций А. Х. Дикинов, Т. А. Хасиева // Государственное и муниципальное управление : ученые записки СКАГС. – 2014. – № 1. – С. 85–90.

5. Логистика в России : новые пути раскрытия потенциала / М. Волков [и др.] // The Boston Consulting Group. – Апр. 2014. – С. 118.

6. **Межевов, Н. А.** Маркетинговые технологии формирования конкурентных преимуществ в аутсорсинге : автореф. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук / Н. А. Межевов. – Москва : Гос. ун-т управления, 2010.

7. **Рудая, И. Л.** Методология управления в экономических системах на основе аутсорсинга : автореф. на соиск. учен. степ. д-ра экон. наук / И. Л. Рудая. – Москва : Гос. ун-т управления, 2009. – С. 249.

8. Рынок транспортно-логистических услуг в 2011–2012 гг. и прогноз до 2015 г. / RBK RES : аналитический обзор. – Москва, 2013. – С. 42–49.

9. **Симонова, Л. Н.** Российский рынок логистического аутсорсинга / Л. Н. Симонова. – Москва, 2011. – С. 131.

10. Современная логистика : 7-е изд. / Дж. Джонсон [и др.] ; пер. с англ. – Москва : Вильямс, 2011. – 624 с.

11. **Татьянок, М. В.** Аутсорсинг в системе обеспечения конкуренто-способности современной предпринимательской структуры: автореф. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук / М. В. Татьянок. – Москва : Моск. финанс.-промышл. академия, 2008. – С. 82.

12. **Хейвуд, Дж. Б.** Аутсорсинг : в поисках конкурентных преимуществ / Дж. Б. Хейвуд. – Москва : Вильямс, 2011. – С. 74.

Поступила 20.10.2014 г.

Об авторах:

Дикинов Андзор Хасанбиевич, ведущий научный сотрудник отдела «Прогнозирование и устойчивое региональное развитие» ФГБУН «Институт информатики и проблем регионального управления» Кабардино-Балкарского Научного Центра Российской Академии Наук (Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. И. Арманд, д. 37 а), доктор экономических наук, профессор, dikinovthor@mail.ru

Хончукаева Лариса Вахаевна, диспетчер деканата строительного факультета ФГБОУ ВПО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М. Д. Миллионщикова» (Чеченская Республика, г. Грозный, пл. Орджоникидзе, д. 100), larisa6754@mail.ru

Для цитирования: Дикинов, А. Х. Проблемы развития логистического аутсорсинга транспортной сферы Российской Федерации / А. Х. Дикинов, Л. В. Ханчукаева // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 94–102. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.094

REFERENCES

1. A&A's Top 50 Global Third-Party Logistics Provider (3PL) List. Armstrong & Associates. Available at: http://www.3plogistics.com/Top_50_Global_3PLs.htm.

2. Connecting to Compete 2014. Trade Logistics in the Global Economy. The Logistics Performance Index and Its Indicators. The World Bank, 2014.

3. Dikinov A. A., Dikinova A. A. Sovremennye prioritety razvitija agrojekonomiki [Modern development priorities of agroeconomics]. *«Izvestija» KBNC RAN* – Proceedings of Kabardin-Balkar research center of RAS. 2014, no. 1 (57), pp. 79–84.

4. Dikinov A. H., Hasieva T. A. Problemy socio-jekologo-jekonomicheskoj asimmetrii urovnja razvitija regionov pod vlijaniem makrojekonomicheskih tendencij [Issues of social, ecological and economical asymmetry of regions development level under the impact of macroeconomic trends]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie: uchenye zapiski SKAGS* – State and Municipal Management: scholarly notes of Northern Caucasus Academy of Public Service. 2014, no. 1, pp. 85–90.

5. Volkov M. et al. Logistika v Rossii: novye puti raskrytija potenciala [Logistics in Russia: new ways to fulfilling of the potential]. The Boston Consulting Group. April. 2014, p. 118.

6. Mezhevov N. A. Marketingovye tehnologii formirovanija konkurentnyh preimushhestv v autsorsinge: avtoref. na soisk. uchen. step. kand. jekon. nauk [Marketing technologies of shaping of competitive advantage in outsourcing: auto-abstract of Cand. Econ. Sci. Diss.]. Moscow, State University of Management, 2010.

7. Rudaja I. L. Metodologija upravlenija v jekonomicheskih sistemah na osnove autsorsinga: avtoref. na soisk. uchen. step. d-ra jekon. nauk [Methodology of management in economic systems on the ground of outsourcing: auto-abstract of Doct. Econ. Sci. Diss.]. Moscow, State University of Management, 2009, p. 249.

8. Rynok transportno-logisticheskih uslug v 2011–2012 gg. i prognoz do 2015 g. // RBK RES : analiticheskij obzor [Market of transport and logistics in the years 2011–2012 and forecast till 2015 // RBK RES: analytical review]. Moscow, 2013, pp. 42–49.

9. Simonova L. N. Rossijskij rynok logisticheskogo autsorsinga [Russian market of logistical outsourcing]. Moscow, 2011, p. 131.

10. Johnson J. et al. Sovremennaja logistika [Contemporary logistics], 7th edition, translated from English. Moscow, Williams Publ., 2011, 624 p.

11. Tat'janok M. V. Autsorsing v sisteme obespechenija konkurento-sposobnosti sovremennoj predprinimatel'skoj struktury: avtoref. na soisk. uchen. step. kand. jekon. nauk. [Outsourcing in the system of supplement of competitvity of a modern enterprise: auto-abstract of Cand. Econ. Sci. Diss]. Moscow, Synergy University Publ., 2008, p. 82.

12. Heywood J. B. Autsorsing: v poiskah konkurentnyh preimushhestv [Outsourcing: in pursuit of competitive advantage]. Moscow, Williams Publ., 2011, p. 74.

About the authors:

Dikinov Andzor Khasanbievich, professor, leading staff scientist of the Department of forecasting and sustainable regional development of the Institute of Computer Science and the Problems of Regional Management of Kabardin-Balkar Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Kabardino-Balkar Republic, Nal'chik, 37 a I. Armand Str.), Doctor of Sciences degree holder in Economyics, dikinovthor@mail.ru.

Honchukaeva Larisa Vahaevna, operator of Building Faculty of Grozny State Oil Technical University (Chechen Republic, Grozny, 100 Ordzhonikidze square), larisa6754@mail.ru

Для цитирования: Dikinov A. Kh., Honchukaeva L. V. Problemy razvitija logisticheskogo autsorsinga transportnoj sfery Rossijskoj Federacii [Development issues of logistical outsourcing of transport sector in Russia]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 94–102. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.094

УДК 336.531.2:330.44 DOI: 10.15507/VMU.024.201403.103

ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ КОМПЛЕМЕНТАРНЫХ РЕСУРСОВ В ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Б. Б. Богоутдинов, В. Я. Цветков

Современная инвестиционная политика включает радикальные инновации, одной из разновидностей которых являются подрывные. Статья раскрывает особенности реализации подрывных инновационных технологий при управлении. Кроме этого, в работе рассмотрены варианты реализации инновационной экономики российского рынка; предложена авторская концепция и структура комплементарных ресурсов для реализации инновационных технологий. Также в статье рассматривается связь выхода транснациональных корпораций, имеющих развитую технологическую базу, на новые рынки, улучшения национального благосостояния страны и реализации политики по увеличению прямых и портфельных иностранных инвестиций.

Ключевые слова: инновация, инвестиция, подрывная инновация, конкурентная стратегия, комплементарный ресурс, транснациональная корпорация.

APPLICATION OF THE MODEL OF COMPLEMENTARY RESOURCES IN INVESTING ACTIVITIES

B. B. Bogoutdinov, V. Ya.Tsvetkov

Modern investment policy includes radical innovations, one of which is disruptive innovation. The article reveals the subversive features of the implementation of innovative technologies in the management. The variants of the implementation of the innovation economics of the Russian market are considered. The author's concept and structure of complementary resources for the implementation of innovative technologies is pointed out. The article also examines the connection between the output of transnational corporations with advanced technological base, new markets and improve national welfare of the country, as well as the implementation of policies to increase foreign direct and portfolio investments.

Keywords: innovation, investment, disruptive innovation, competitive strategy, complementary resources, multinational corporations.

Использование информационных ресурсов является определяющим при принятии решений и управлении [16]. При этом именно они, а не собственно информация являются необходимыми для принятия решений и использования в технологиях управлениях. Это ставит задачу преобразования информации в информационные ресурсы [6] и согласования последних при использовании в управлении. Данное условие отсылает к модели комплементарных информационных ресурсов [12]. Напомним, что комплементарность означает отношение соответствия каких-либо объектов и их взаимную дополняемость.

Особенно важным является использование комплементарных ресурсов при субсидиарном [8; 13; 17] и распределенном управлении [10]. Эта проблема становится актуальной для транснациональных корпораций и предприятий с распределенной инфраструктурой, а также при анализе инвестиционных проектов [19] и рисков инвестиционных проектов [11].

© Богоутдинов Б. Б., Цветков В. Я., 2014

Динамика экономической конъюнктуры и подрывные инновации

Политика либерализации инвестиций в мировом сообществе обуславливает развитие системы мотивации государств для привлечения внешних и внутренних инвестиций. Реструктуризация международной инвестиционной политики позволяет судить о положительных аспектах экономического развития в мировом пространстве XXI в. В формирующихся экономиках зарубежных стран были получены положительный опыт и технологии реализации стратегии развития инвестиционного климата.

Динамика экономической конъюнктуры существенно влияет на инвестиционную политику России. Нестабильность мировой конъюнктуры оказывает сильное влияние на следующие аспекты:

− реформирование политики социально-экономического развития;

− изменение роли правительства в развитии экономики страны;

− создание новых институтов с целью регулирования финансово-правовых аспектов инвестиционной политики.

Активная инвестиционная политика позволяет компаниям не только аккумулировать новые знания и технологии производства, но и на основании полученных знаний генерировать денежные потоки и совершенствовать существующую экономическую систему. В связи с этим все большее количество стран интегрирует внутренние компании с целью создания добавленной стоимости посредством технологической модернизации и формирования отраслевых кластеров. Интеграция позволяет компаниям каждого кластера расти не только на внутреннем рынке, но и проводить экспансивную политику в других странах.

Потребность в интеграции глобальной инвестиционной политики с учетом текущих проблем развития экономической конъюнктуры, является определяющей в формировании новой модели управления в области инвестиций. Именно поэтому в настоящее время знаковыми вопросами устойчивого экономического развития страны являются занятость населения и социально-экологические проблемы.

В процессе управления деятельностью компании немаловажным является понимание менеджментом будущих потребностей клиентов для возможности инвестирования в технологии, позволяющие создавать новый продукт. Однако, как правило, управляющие реализуют заведомо неверные стратегии, принимая отдельные улучшения за радикальные решения в той или иной сфере деятельности. Процессы принятия решений, делегирования полномочий и распределения ресурсов носят первостепенный характер при построении эффективной корпоративной стратегии инновационной компании [14].

Одним из подходов в этом направлении является применение подрывных инноваций. Согласно классификации инноваций [4; 7], подрывные инновации относятся к радикальным. Их использование позволяет компаниям, имеющим необходимую ресурсную базу, создавать высокую стоимость своей продукции за счет технологической осуществимости проекта и отсутствия товаров-субститутов на рынке.

Отметим, что несущественные улучшения генерируют незначительные денежные потоки из-за технологического отставания от существующих технологий и занимают малую толику рынка. Таким образом, под подрывными понимаются инновации, которые изменяют соотношение ценностей на рынке [2; 5].

В настоящий момент примером подрывных инноваций может служить реализация новых технологий по добыче сланцевого природного газа (СПГ), стартовавшая в США с начала 2000-х гг. методом пропанового фрекинга вместо традиционного гидроразрыва пласта. Данный метод направлен на снижение загрязнения окружающей среды путем закачивания в пласт густого геля из сжиженного пропана вместо смеси

воды и химикатов. В отличие от последних во время добычи гель превращается в пар и полностью выводится из пород[1/]

Новую технологию добычи сланцевого газа ассоциируют с высокой себестоимостью по сравнению с природным газом[2/] Однако исходя из динамики проведения геолого-разведочных работ за последние 2 года, скорости добычи СПГ и модернизации технологической линии, в ближайшие 5 лет рынок СПГ будет расти в геометрической прогрессии. Россия в данном случае не является исключением, поскольку разведанные запасы СПГ по состоянию на 2013 г. составляют порядка 8 трлн м^3, или 3,9 % от общемировых запасов сланцевого газа. Лидером по объему запасов является Китай – около 31,6 трлн м^3 (15,3 % от общемирового запаса).[3]

В долгосрочной перспективе следует ожидать снижения стоимости нефти, исходя из увеличения объемов добычи сланцевого газа и снижения ее себестоимости. В аспекте стратегической политики развитых стран подрывные инновации играют знаковую роль в процессе дальнейшей глобализации.

Модель управления инвестициями на основе комплементарных ресурсов

Согласно исследованию Doing Business, ежегодно проводимому Всемирным банком, Россия в 2012 г. заняла 118 место по простоте осуществления предпринимательской деятельности. Учитывая динамику (табл. 1) изменения иностранных инвестиций в российскую экономику, в последние годы наблюдается значительный спад притока иностранного капитала.

Таблица 1

Эволюция критериев отнесения к малому и среднему предпринимательству

Наименование	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Прямые	55,1	75,0	36,5	43,3	52,9	46,7
Банковский сектор	7,2	10,1	6,4	5,5	5,6	7,8
Прочие сектора	47,9	64,9	30,1	37,8	47,3	38,9
Портфельные[4]	13,6	-38,1	-4,9	-8,9	-25,1	-2,8
Прочие	139,3	63,2	-25,2	10	40,9	36,6
Всего	208,0	100,1	6,4	44,4	68,7	80,5

В процессе внедрения новаторских технологий на рынке появляются новые товары, услуги и процессы для реализации данных нововведений. В начале XXI в. основными драйверами небольших мобильных компаний являлись новаторские идеи, которые позволили им за одно десятилетие стать крупными корпорациями. К таким компаниям можно отнести социальную сеть Facebook, объединяющую миллиард людей по всему миру, компанию Google, инвестирующую в интернет-поиск и облачные вычисления. Реализация любой новаторской идеи требует не просто изобретения, но и коммерциализации, что включает в себя финансирование, наличие специальных знаний (способностей), производство и продажу инноваций.

[1] Официальный сайт Shale Gas Russia [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pro-gas.org.

[2] Согласно данным экспертов, себестоимость добычи СПГ по состоянию на 2010 г. в точке производства в США на 60–640 % превышала себестоимость добычи природного газа с учетом транспортировки. Источник: Официальный сайт Financial group Prime Mark, обзор отрасли газовый рынок : точка разворота [Электронный ресурс]. – URL: http://prime-mark.com.

[3] Официальный сайт «Expert Online». Сланец подсчитали от 14.06.2013 г.

[4] Включая производные финансовые инструменты.

Сопряженное и согласованное использование всех ресурсов называется комплементарным. Данная взаимосвязь представлена в виде схемы (рис. 1), в которой мы отобразили свое видение структуры комплементарных ресурсов применительно к развитию сферы инновационных технологий. Отсутствие одного или нескольких элементов может привести к задержке реализации новаторской идеи.

Р и с. 1. Структура комплементарных ресурсов инновации

Структура реализации представленной схемы определяется следующим механизмом:

1. *Маркетинг.* Компания проводит мониторинг и маркетинговые исследования рыночной конъюнктуры, что позволяет выявить потребности потенциальных потребителей.

2. *Формирование идеи.* На основании выявленных потребностей формируется новая идея (концепция) реализации существующих продуктов/услуг (формируется идея создания товара, для создания нового рынка или сегмента рынка). Однако при создании нового рынка, перед новатором возникают риски, связанные с ограниченностью ресурсной базы. Это объясняется тем, что в такой ситуации компания не может полностью прогнозировать объем выпускаемого ей товара и детальное развитие нового рынка.

3. *Наличие знаний.* Наличие специальных знаний и способности реализации инновационного продукта на этой основе дает компании первоначальное преимущество. Данное преимущество заключается в опережении во времени конкурентов, и привлечении капитала для дальнейшего расширения бизнеса. Однако это преимущество уменьшается за счет реновации продукта, поскольку срок полезного использования инновационного продукта снижается ввиду появления компаний-последователей, имеющих мощную ресурсную базу и значительные объемы финансирования.

4. *Создание продукта.* На данном этапе подразумевается коммерциализация представленной идеи, которая позволит создать первоначальную стоимость проекта и компании в целом, если данный проект является стартапом.

5. *Финансирование.* Объем финансирования инновационного проекта напрямую зависит от уровня технологии и удобства реализации нового продукта. Так, к примеру, в 2011 г. объем венчурных инвестиций в России в сфере биотехнологий составил 20 млн долл., тогда как в США – порядка 7,5 млрд долл. Для оптимизации научного потенциала страны необходима децентрализация системы менеджмента высших школ и научно-исследовательских центров, создание кампусов при данных организациях. Такие действия приведут к развитию научно-технического потенциала. Однако размер финансирования не является определяющим, поскольку эффективность финансирования может существенно отличаться. Снижают ее коррупционная и бюрократическая составляющие, а также информационная асимметрия между новаторами с одной стороны и некомпетентными руководителями, посредниками и соисполнителями – с другой.

6. *Производство.* Производство новых продуктов и услуг требует наличия не только высококвалифицированного персонала (человеческий капитал), но и специализированных технологических линий. Именно поэтому технологически устаревшие основные фонды, с неадаптированной системой реноваций, не дают конкурентных преимуществ в мировом сообществе.

7. *Дистрибуция.* На данном этапе наиболее оптимальным, является использование интегрированной дистрибуции, то есть полный контроль над управлением процессами распределения и продвижения. В связи с этим необходим анализ и модернизация системы управления с целью предотвращения сбоев и улучшения количественных и качественных показателей дистрибуции.

8. *Конкурентное преимущество.* Появление товара, позволяющего создавать новые рынки, дает конкурентное преимущество тем компаниям, которые не только используют имеющуюся у них ресурсную базу и производственные мощности, но и опережение во времени. Однако не всегда компании-новаторы, берущие инициативу в свои руки, удерживают лидерство в дальнейшем.

Таким образом, задержка реализации идеи может привести к снижению или отсутствию такого конкурентного преимущества как опережение во времени.

В целом модель комплементарных ресурсов, приведенная на рис. 1, идеологически близка модели «петли качества». Это приводит к повышению качества при использовании данной модели. Различие заключается в том, что модель комплементарных ресурсов включает в себя интегрирующее звено – «инновации». Данная модель обладает свойством эмерджентности, то есть несводимости свойств ее частей к свойствам всей модели [18].

В процессе налаживания производства инновационной технологии, компания должна стремиться к реализации полного цикла, от производства до реализации продукции, для создания в дальнейшем горизонтально интегрированного холдинга, что приведет к увеличению конкурентоспособности.

Поскольку российские компании имеют, как правило, вертикальную интеграцию и сырьевую направленность, при недостаточном внедрении технологий производства конкурентоспособных товаров, сделаем вывод, что в настоящее время эффективная конкурентная политика России является труднореализуемой.

Перспективы развития технологий

Крупным предприятиям сложно диверсифицировать риски, связанные с основной деятельностью. В связи с большими масштабами и «неповоротливостью» крупным компаниям сложно перестраиваться согласно постоянно изменяющейся рыночной конъюнктуре. Кроме этого, крупные компании менее заинтересованы в мобильности своих материальных активов в пользу новых технологий, по-

зволяющих задействовать имеющуюся ресурсную базу [9].

В связи с этим, необходимо уделить особое внимание развитию инвестирования в высокотехнологичные институты с целью дальнейшего повышения имиджа России как высокоразвитой страны в глазах иностранных инвесторов. Высокие технологии обладают приоритетностью не только с экономической, но и с социальной точки зрения. Примером этому служат данные о новациях в области энергетики, информационных технологий и материаловедения, приведенные в табл. 2, оказывающие прямое влияние как на технологический прогресс, так и на развитие инновационной экономики. В настоящее время наблюдается положительная тенденция роста государственных инвестиций в области НИОКР (рис. 2).

Р и с. 2. Динамика изменений государственных ассигнований в НИОКР [15]

Так, за 2005–2010 гг. объем внутренних ассигнований в НИОКР увеличился в 2,3 раза.

Положительным аспектом развития инновационной технологии является высокая добавленная стоимость технологии производства по отношению к материальной составляющей. Данный факт отражает социально-экономическую эволюцию, основанную в первую очередь на совершенствовании производственно-технологических систем.

Реализация политики по созданию инновационной экономики в России в ближайшее десятилетие позволит увеличить не только уровень конкурентоспособности страны, но и улучшить ее социально-экономическую и экологическую конъюнктуру. Трансформирование традиционной базы научных знаний в сферу материального производства, по нашему мнению, позволит радикально изменить технологическую основу предприятий и продемонстрировать свою жизнеспособность в новой конкурентной среде. Из этого следует, что эффективность инновационной деятельности во многом определяется развитостью инновационной инфраструктуры страны. Инновации с высоким уровнем научно-технического потенциала являются основным инструментом эффективной реализации механизмов инновационной экономики.

Одной из проблем является потеря преимущества опережения во времени. Мы считаем, что в контексте развития инновационной экономики России временное опережение в отраслевом и региональном разрезах обусловлено эффективностью механизма управления и информационным обеспечением инновационной деятельности. Степень его результативности напрямую зависит от социально-экономического мониторинга. Наиболее оптимальным решением данного вопроса является создание ин-

формационно-аналитических центров (ИАЦ) в каждом регионе, что обеспечит своевременное поступление информации для дальнейшей реновации инновационных технологий. В Минобрнауки усовершенствовали этот принцип, создав систему взаимосвязанных региональных и отраслевых ресурсно-информационных центров.

Наличие ИАЦ позволяет интегрировать статистическую и технико-экономическую информацию о характеристиках технологической продукции, которая, в свою очередь, способствует реализации маркетинговой политики обновления основных фондов с учетом новых технологий. Так, по данным Росстата, число создания новых для России передовых производственных технологий в 2011 г. составило 1 028 шт. Объем новых технологий представлен на рис. 3.

Р и с. 3. Объем новых для России передовых технологий в 2011 г. [15]

В перспективе развития инновационной экономике необходим учет правового и финансового аспектов деятельности. В связи с этим оптимальным решением является внедрение системы частно-государственного партнерства на федеральном и региональном уровнях. Данное сотрудничество поможет за счет средств частных инвесторов активировать инновационную деятельность, а на основе государственного регулирования – реформировать ряд социально-экономических вопросов на региональном и федеральном уровнях.

Сравнительный анализ активности транснациональных компаний и притока иностранных инвестиций

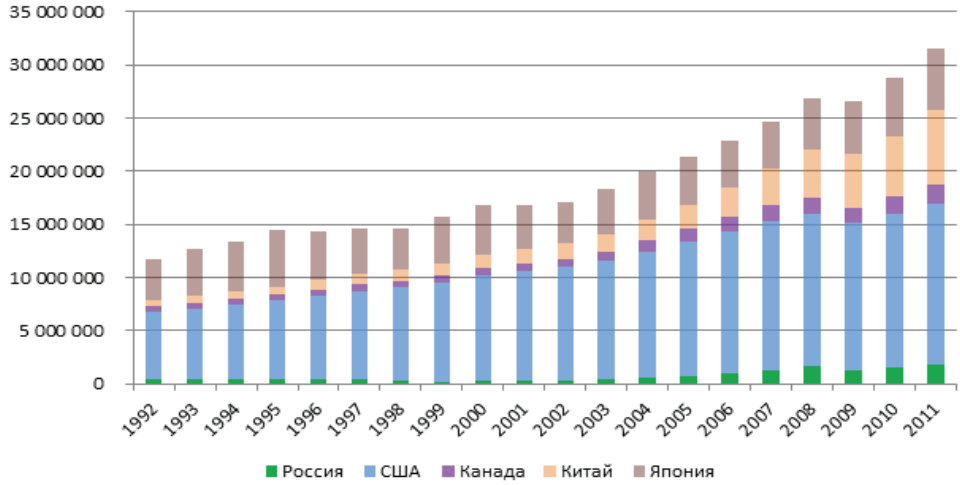
Условия либерализации и субсидирование инвестиционно активных предприятий оказывают позитивное влияние на конкурентную среду внутренних рынков развивающихся стран. Данные условия позволяют разрабатывать стимулирующую экономику для привлечения инвестиционного капитала за счет модернизации технологий, повышения

уровня эффективности, производительности, конкурентоспособности и снижения издержек. Мы считаем, что такая политика позволит сменить курс вертикальной интеграции и начать развитие горизонтальной как основы развития эффективной конкурентной среды.

Смена фокуса на микроуровень в рамках горизонтальной интеграции приведет к росту большинства отраслевых кластеров, увеличению мощностей совместных предприятий за счет слияний, что в целом окажет положительное влияние на макросреду. В настоящее время в условиях российского рынка существует ряд неопределенностей, связанных с ведением бизнеса. Доминирующими факторами являются административные барьеры и недавно начавшийся процесс формирования рыночных отношений, базирующийся в первую очередь на закрытости информации.

Деятельность транснациональных корпораций в процессе экспансивной политики не только увеличивает долю притока иностранных инвестиций за счет выхода на новые рынки, но и подталкивает компании-резиденты к развитию инноваций и новых рынков. В связи с этим влияние политики отдельной страны имеет существенное значение в процессе рекогносцировки потенциально новых для корпораций рынков.

В ходе данного исследования мы провели сравнительный анализ динамики изменений макроэкономических показателей стран с развитой и развивающейся экономикой в период с 1992 по 2011 гг. (рис. 4).



Р и с. 4. Динамика изменений реального и номинального ВВП, млн долл.[5]

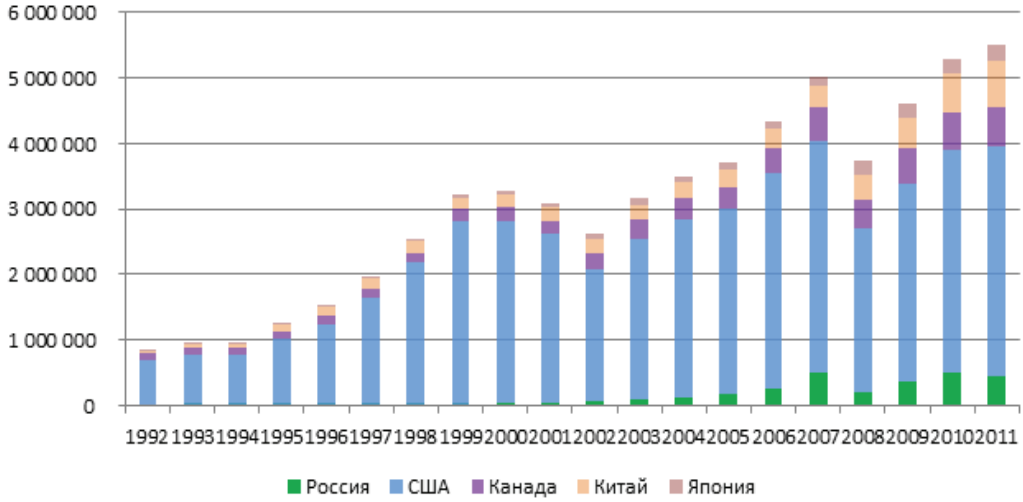
Значительную долю мирового объема ВВП занимают США – 22 % по состоянию на 2011 г. Однако по сравнению с 2001–2002 гг. она снизилась с 32 до 22 %. Экономика Китая, напротив, показала значительный рост в период с 1992 по 2011 гг. (в 5 раз, с 2 до 10 % мирового объема ВВП).

Росту объема ВВП на душу населения Китая значительно способствовала благоприятная конъюнктура международных сырьевых рынков и возрастающая роль экономики в мировом сообществе за последние два десятилетия. В результате этого страна стала одним из крупнейших мировых экспортеров за счет притока иностранных инвестиций.

Говоря об экономической конъюнктуре России (рис. 5), стоит обратить внимание на спад объема ВВП в 2 раза

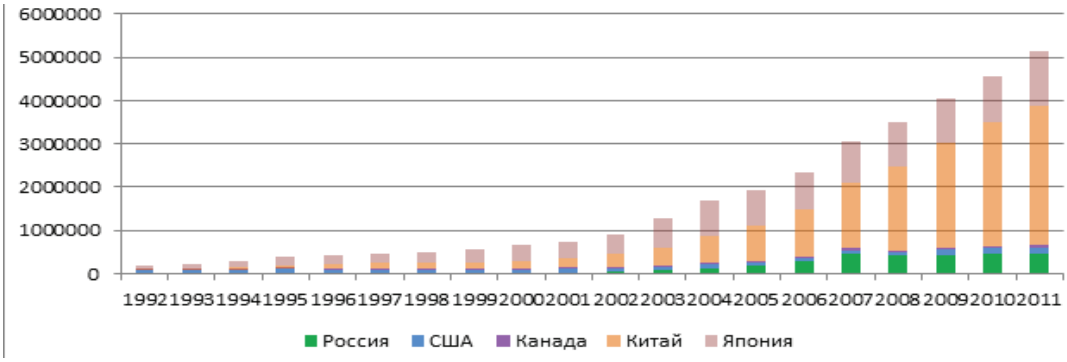
[5] Статистическая база данных конференции ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development).

(с 2 до 1 % в 1994 г.), связанный с общей стагнацией экономики и производства. ВВП страны находился на уровне 1 % в период с 1994 по 2004 гг., однако в последние годы наблюдается положительная динамика роста ВВП. Так в 2011 г. он достиг 3 %, что позволяет судить о перспективах дальнейшего роста, связанного со стратегией развития технологического уклада.



Р и с. 5. Динамика изменений внутренних и внешних прямых иностранных инвестиций, млн долл.[6]

Значительный рост инвестиций России в странах с переходной экономикой[7]. За 1993–2011 гг. доля внутренних и внешних прямых инвестиций, приходящихся на РФ в странах с переходной экономикой, выросла с 7 до 60 %. Это позволяет судить об ограниченности эффективного реформирования системы инвестиционной политики России.



Р и с. 6. Динамика изменений международных резервов, млн долл.[8]

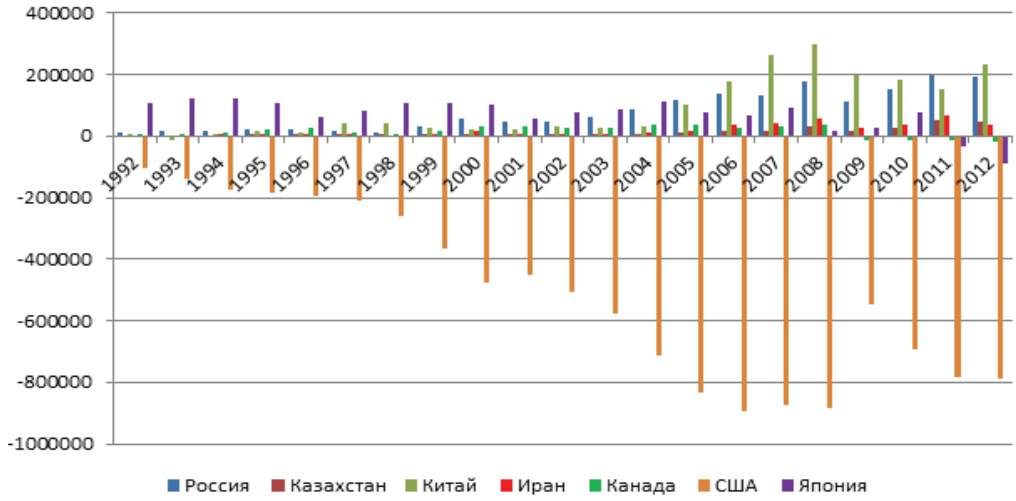
[6] Статистическая база данных конференции ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development).

[7] В выборку включены страны с переходной экономикой: Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, республика Хорватия, Грузия, Казахстан, Киргизия, республика Молдавия, Российская Федерация, Сербия и Черногория, республика Югославия, Таджикистан, республика Македония, Туркменистан, Украина и Узбекистан.

[8] Включая золотые запасы. Источник: Статистическая база данных конференции ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development).

Кроме этого, одним из ключевых факторов улучшения национального благосостояния России является снижение инфляции, путем таргетирования сырьевой монополии и увеличения национального производства страны за счет реализации нового технологического уклада.

Анализируя макроэкономические показатели торговой политики разных стран, стоит отметить разнородность экономических эффектов оказываемых на национальное благосостояние каждой отдельной страны. На рис. 7 представлена динамика изменения сальдо торгового баланса стран с развитой, развивающейся и формирующейся экономикой за 20-летний период.



Р и с. 7. Динамика изменений сальдо торгового баланса, млн долл.[9]

Исходя из общих положений экономической теории, отрицательное сальдо торгового баланса связано с преобладанием импорта над экспортом. Отрицательное сальдо торгового баланса таких стран как Япония, США, Канада сдерживает рост инфляционного ожидания. За последние 20 лет дефицит торгового баланса США значительно вырос, что обусловлено высоким уровнем потребления сырья и товаров из стран Азии. В 2012 г. сальдо торгового баланса США составило -788 092 млн долл.

В России и Казахстане сальдо торгового баланса является положительным в основном за счет продажи сырьевых ресурсов. Благодаря освоению новых горизонтов по совершенствованию технологического уклада Китая и дешевой рабочей силы объем экспорта с 2004 г. вырос в 7 раз и достиг в 2012 г. 230 745 млн долл. Таким образом, необходимо отметить уровень положительного влияния технологического уклада на экономическое развитие страны.

Транснациональные корпорации (ТНК) по своей природе изначально являются арбитражерами, поскольку ставят перед собой цель увеличения объема собственного капитала путем экспансивной политики в зарубежных странах, компании которых или не имеют знаний в определенной сфере, или технологическое оснащение которых не соответствует уровню конкуренции на мировой арене. Такая нацеленность на

[9] Статистическая база данных конференции ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development).

завоевание чужих рынков способствует эффективному распределению капитала в международном пространстве. Ведь наличие знаний, способствующих созданию новых технологий, и преимущество, связанное с умением применять новые знания, открывает доступ к иностранному капиталу и часто оказывает более сильное влияние на технологическое развитие стран с переходной и развивающейся экономикой, что не всегда происходит в странах с развитой экономикой.

Можно, например, задаться вопросом о целесообразности слияния государственной нефтяной компаний «Роснефть» и частной «ТНК-ВР». Однако в этом случае не возникнет каких-либо сомнений, поскольку ТНК-ВР обладает богатой технологической и ресурсной базой по разработке месторождений в Арктике. Таким образом, руководство компании осознает перспективность развития арктической зоны (например, Ямало-Ненецкого автономного округа, на который приходится около 22 % мировой добычи природного газа). Кроме этого, арктическая зона имеет колоссальные резервы углеводородного и минерального сырья. Аналогичную параллель необходимо провести с развитием несырьевых секторов экономики для дальнейшего снижения риска зависимости от сырьевой экономики.

Кроме технологической составляющей, одним из доминирующих факторов в российской экономике является качество корпоративной политики предприятий. Именно поэтому стоит задуматься, какая доля оттока капитала приходится на внутренний рынок, и задаться следующим вопросом: какие реформы необходимы России для того, чтобы стать крупным экспортером автотранспорта, электро- и других товаров, не затрагивающих сырьевой сектор?

Одним из доминирующих аспектов привлечения иностранного капитала является развитие экономических стимулов на микроуровне, поскольку для успешной конкурентной политики на иностранном рынке компания должна обладать организационно-управленческим опытом, знаниями, технологиями и маркетинговыми коммуникациями. Такие компании интересуются странами со значительной ресурсной базой, высоким уровнем дохода на душу населения, развитостью рынка, инфраструктуры и благоприятным географическим положением, что позволяет облегчить оптимизацию принципов торговой политики и макроэкономической стабильности, а также эффективную специализацию производства. Другим аспектом является макросреда, а именно интернационализация мирового экономического сообщества. Так, либерализация международной торговли позволила ТНК настроить систему дистрибуции таким образом, чтобы реализовывать продукцию конечному потребителю через филиалы и дочерние предприятия [3].

Однако в системе инвестиционного стимулирования возникают некоторые спорные моменты. С одной стороны, верным считается тот факт, что в процессе привлечения инвестиционного капитала экономика страны и ее налоговая база растут. Однако нельзя однозначно утверждать целесообразность ведения инвестиционной политики, поскольку это связано в первую очередь со сложностью обоснования ожидаемой будущей выгоды в результате роста производства, занятости населения, налоговых поступлений. Поскольку непонятно, каким будет в данном случае удельный вес преференций со стороны государства, связанных с аспектами стимулирования бизнеса в общем объеме притока иностранных инвестиций.

С другой стороны, компании-резиденты стран с развивающейся экономикой могут быть вовлечены в неравноценную конкурентную борьбу, поскольку зарубежные компании, выходящие на новые рынки, могут иметь технологии, незначительно отличающиеся от технологий компаний-резидентов. Таким образом, создается фиктивное впечатление наличия у зарубежной компании

подрывных технологий, что может привести негативному влиянию на финансовое состояние местных компаний из-за преференций, оказываемых государством ТНК. Логично, что в такой ситуации конкурентная политика компаний из стран с развивающейся и переходной экономикой будет низкоэффективной. В связи с этим необходима дифференциация политики субсидирования инвестиционных проектов местных и иностранных инвесторов.

Фактически экспансия развивающихся рынков служит катализатором промышленного и социально-экономического кластеров. На основании этого можно судить о появлении новых рынков, участники которых приводят в действие механизм конкурентной борьбы, тем самым увеличивая уровень национального благосостояния страны за счет реализации подрывных технологий. Описываемый эффект проявится в первую очередь за счет того, что зарубежные инвесторы выступают на новых рынках, разрушая монополии, снижая входные барьеры и, таким образом, повышая эффективность распределения ресурсов. В связи с такими технологическими штурмами и значительным давлением со стороны конкурентов, компании-резиденты будут вынуждены перестраивать не только систему стратегического управления, но и технологический уклад отдельных предприятий и целых кластеров, который в ближайшем будущем позволит использовать существующую ресурсную базу на более высоком уровне.

Таким образом, инновационная составляющая должна доминировать в экономике развивающейся страны. Использование технологий подрывных инноваций обеспечивает преимущество только при работе фактора опережения во времени. Модель комплементарных ресурсов является одним из инструментов реализации технологий подрывных инноваций, инновационного развития и обеспечивает конкурентное преимущество. Она создает эффект опережения во времени, что является условием применения подрывных инноваций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ambos, B.** Schlegelmilch, B.B. 2007b. Innovation and control in the multinational firm: A comparison of political and contingency approaches. Strategic Management Journal. – Vol. 28 (5). – P. 473–486.

2. **Christensen, C. M.** Disruptive innovation for social change // Harvard business review. – 2006. – T. 84. – №. 12. – P. 94

3. **Detomasi, D. A.** The multinational corporation and global governance : Modeling global public policy networks / D. A. Detomasi // Journal of Business Ethics, 2007. – Vol. 71 (3). – P. 321–334.

4. The measurement of scientific and technological activities. Proposed guidelines for collecting and interpreting technological innovation data / OSLO MANUAL - European Commission Eurostat. Organisation for Economic Co-operation and Development. – 2004. – 93p.

5. **Tsvetkov, V. Ya.** Conceptual Model of the Innovative Projects Efficiency Estimation / V. Ya. Tsvetkov // European Journal of Economic Studies, 2012. – Vol. 1. – № 1. – P. 45–50.

6. **Tsvetkov, V. Ya.** Information Conversion into Information Resources / V. Ya. Tsvetkov, V. T. Matchin // European Journal of Technology and Design . – 2014. – Vol. 4, № 2, P. 92–104.

7. **Tsvetkov, V. Ya.** Innovations Analysis in Terms of OECD Standards / V. Ya. Tsvetkov // European Researcher, 2012. – Vol. 31, № 10–1. – pp. 1689–1693.

8. **Бексултанов, К. Б.** Субсидиарные механизмы в реализации программно-целевых методов управления и бюджетирования / К. Б. Бексултанов // Экономические науки. – 2010. – Т. 71. – №. 10. – С. 141–144.

9. **Богоутдинов, Б. Б.** Мотивационная составляющая инвестирования в промышленные комплексы / Б. Б. Богоутдинов // Известия высших учебных заведений : Геодезия и аэрофотосъемка. – 2012. – № 4. – С. 116–122.

10. **Гилев, С. Е.** Распределенные системы принятия решений в управлении региональным развитием / С. Е. Гилев, С. В. Леонтьев, Д. А. Новиков // Москва : ИПУ РАН. – 2002. – Т. 54. – С. 24.

11. **Гранатуров, В. М.** Экономический риск : сущность, методы измерения, пути снижения / В. М. Гранатуров. – Москва : Дело и Сервис, 2002.

12. **Дайер, Д. Х.** Отношенческий подход : кооперативная стратегия и источники межорганизационных конкурентных преимуществ / Д. Х. Дайер, Х. Сингс // Российский журнал менеджмента. – 2009. – Т. 7. – №. 3. – С. 65–94.

13. Концепция сетецентрического управления сложной организационно-технической системой / А. Н. Тихонов [и др.]. – Москва : МаксПресс, 2010. – 136 с.

14. **Лапин, А. Н.** Стратегическое управление современной организацией / А. Н. Лапин // Управление персоналом. – 2004. – №. 14. – С. 65–70.

15. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru.

16. **Поляков, А. А.** Информационные технологии в управлении / А. А. Поляков, В. Я. Цветков. – Москва : Изд-во МГУ, 2007. – 138 с.

17. **Цветков, В. Я.** Применение принципа субсидиарности в информационной экономике / В. Я. Цветков // Финансовый бизнес. – 2012. – № 6. – С. 40–43.

18. **Цветков, В. Я.** Системный анализ при обработке информации / В. Я. Цветков. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, Saarbrücken, 2014. – 82 с.

19. **Цвиркун, А. Д.** Анализ инвестиций и бизнес-план : методы и инструментальные средства / А. Д. Цвиркун, В. К. Акинфиев. – Москва : Ось-89, 2002.

Поступила 12.07.2014 г.

Об авторах:

Богоутдинов Борис Борисович, аспирант кафедры экономики и предпринимательства Московского государственного университета геодезии и картографии (Россия, г. Москва, Гороховский пер., д. 4), cvj2@mail.ru

Цветков Виктор Яковлевич, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры информатики и информационных систем факультета информационных технологий Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики (Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 78), cvj2@mail.ru

Для цитирования: Богоутдинов, Б. Б. Применение модели комплементарных ресурсов в инвестиционной деятельности / Б. Б. Богоутдинов, В. Я. Цветков // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 103–116. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.103

REFERENCES

1. Ambos B., Schlegelmilch B. B. Innovation and control in the multinational firm: A comparison of political and contingency approaches. *Strategic Management Journal*, 2007, vol. 28, no. 5, p. 473–486.

2. Christensen C. M. Disruptive innovation for social change. *Harvard business review*. 2006, vol. 84, no. 12, p. 94.

3. Detomasi D. A. The multinational corporation and global governance: Modeling global public policy networks. *Journal of Business Ethics*, 2007, vol. 71, no. 3, pp. 321–334.

4. The measurement of scientific and technological activities. Proposed guidelines for collecting and interpreting technological innovation data // OSLO MANUAL – European Commission Eurostat. Organisation for Economic Cooperation and Development-2004. 93 p.

5. Tsvetkov V. Ya. Conceptual Model of the Innovative Projects Efficiency Estimation. *European Journal of Economic Studies*. 2012, vol. 1, no. 1, pp. 45–50.

6. Tsvetkov V. Ya., Matchin V. T. Information Conversion into Information Resources. *European Journal of Technology and Design*. 2014, vol. 4, no. 2, pp. 92–104.

7. Tsvetkov V. Ya. Innovations Analysis in Terms of OECD Standards. European Researcher, 2012, vol. 31, no. 10-1, pp. 1689–1693.

8. Beksultanov K. B. Subsidiarnye mehanizmy v realizacii programmno-celevyh metodov upravlenija i bjudzhetirovanija [Subsidiary mechanisms in implementation of management and budgeting by objectives]. *Economical Sciences* – Jekonomicheskie nauki. 2010, vol. 71, no. 10, pp. 141–144.

9. Bogoutdinov B. B., Solomatov V. I. Motivacionnaja sostavljajushhaja investirovanija v promyshlennye kompleksy. Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. *Geodezija i ajerofotos'emka* – Izvestija vuzov. Geodesy and Aerophotography. 2012, no.4, pp.116–122.

10. Gilev S. E., Leont'ev S. V., Novikov D. A. Raspredelennye sistemy prinjatija reshenij v upravlenii regional'nym razvitiem [Distribution of a decision making system in regional development management]. Moscow, IPU RAN Publ., 2002, vol. 54, p. 24.

11. Granaturov V. M. Jekonomicheskij risk: sushhnost', metody izmerenija, puti snizhenija [Economic risk: subject, methods of evaluation, ways to reduce]. Moscow, Delo i Servis Publ., 2002.

12. Dajer D. H., Singh H. Otnoshencheskij podhod: kooperativnaja strategija i istochniki mezhorganizacionnyh konkurentnyh preimushhestv [Relational approach: cooperative strategy and interorganizational competitiveness sources]. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta* – Russian Management Journal. 2009, vol. 7, no. 3, p. 65–94.

13. Tihonov A. N. et al. Koncepcija setecentricheskogo upravlenija slozhnoj organizacionno-tehnicheskoj sistemoj [Concept of network-centric control of a complex organizational and technical system]. Moscow, MaksPress Publ., 2010, 136 p.

14. Lapin A. N. Strategicheskoe upravlenie sovremennoj organizaciej [Strategic management of a modern organization]. *Upravlenie personalom* – Workforce Management. 2004, no. 14, pp. 65–70.

15. Oficialnyj sajt Federalnoj sluzhby gosudarstvennoj statistiki RF [Official website of Federal State Statistics Service of Russia]. Available at: http://www.gks.ru.

16. Poljakov A. A., Tsvetkov V. Ya. Informacionnye tehnologii v upravlenii [Information technologies in management]. Moscow, Moscow University Press Publ., 2007, 138 p.

17. Tsvetkov V. Ya. Primenenie principa subsidiarnosti v informacionnoj jekonomike [Implementation of a principle of subsidiarity in information economics]. *Finansovyj biznes* – Financial business. 2012, no. 6, p. 40–43.

18. Tsvetkov V. Ya. Sistemnyj analiz pri obrabotke informacii. Saarbrücken, Germany, AP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Publ., 2014, 82 p.

19. Cvirkun A. D., Akinfiev V. K. Analiz investicij i biznes-plan: Metody i instrumental'nye sredstva [Investments analysis and business plan: methods and tools]. Moscow, Os'-89 Publ., 2002.

About the authors:

Bogoutdinov Boris Borisovich, post-graduate student of Economy and Enterprise chair of Moscow State University of Geodesy and Cartography (Russia, Moscow, 4 Gorohovskij Lane), cvj2@mail.ru

Tsvetkov Viktor Yakovlevich, professor, Informatics and Informational Systems chair, Informational Technologies Faculty of Moscow State Institute of Radio Engineering, Electronics and Automation (Moscow, Russia, 78 Vernadskogo avenue), Doctor of Science degree holder in Technical Sciences, Doctor of Science degree holder in Economical Sciences, cvj2@mail.ru

For citation: Bogoutdinov B. B., Tsvetkov V. Ya. Primenenie modeli komplementarnyh resursov v investicionnoj dejatel'nosti [Application of the model of complementary resources in investing activities]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 103–116. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.103

УДК 339.137.2:061.5:658(470.345) DOI: 10.15507/VMU.024.201404.117

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Н. А. Денисенков, И. Н. Краковская

В статье рассмотрены перспективы формирования инновационных территориальных кластеров в Республике Мордовия; проведен SWOT-анализ, позволивший выявить сильные и слабые стороны инновационных кластеров в РМ, возможности и угрозы их развития, а также влияние на социально-экономическое развитие региона. Кроме этого, авторами был определен ряд перспективных направлений и возможных проблем, связанных с формированием инновационных территориальных кластеров в РМ; оценены потенциал роста кластеров, затраты и выгоды, возникающие в связи с их развитием.

Также обосновано получение положительного синергетического эффекта от кластеризации экономики региона в виде повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности не только участников каждого кластера, но и экономики республики и национальной экономики в целом; подчеркнута необходимость объединения усилий органов власти, бизнес-структур и других участников инновационно-инвестиционной деятельности в формировании кластеров как основы устойчивого социально-экономического развития РМ.

Ключевые слова: кластер, территориальный инновационный кластер, конкурентоспособность, инновационное развитие регион, Республика Мордовия.

RESEARCH OF COMPETITIVENESS OF INNOVATIVE CLUSTERS IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

N. A. Denisenkov, I. N. Krakovskaya

The article considers the prospects for the formation of innovative regional clusters in the Republic of Mordovia. SWOT-analysis was conducted, what helped to reveal the strengths and weaknesses of innovation clusters in the republic, opportunities and threats of their development, the impact of clusters on the socio-economic development of the region. A number of promising trends and potential problems associated with the formation of innovative regional clusters in the country was identified. The cluster's potential growth, the costs and benefits arising from their development were estimated. The obtaining of a positive synergy effect on the clustering of the regional economics was substantiated.

This effect is proceeding in the form of increasing of competitiveness and investment attractiveness not only for members of each cluster, but for the republic's economics and the national economics as a whole. It was stressed, that there is the need to integrate activity of government, businesses and other participants in the innovation and investment process in the formation of clusters as a basis for sustainable socio-economic development of the region.

Keywords: cluster, territorial innovation cluster, competitiveness, indicators of regional innovation development, Republic of Mordovia.

В условиях международной конкуренции увеличивается необходимость повышения конкурентоспособности отдельных регионов и Российской Федерации

© Денисенков Н. А., Краковская И. Н., 2014

в целом. Фундаментальные перемены в мире вызваны рядом причин (экономическими, политическими, научно-технологическими и др.), которые требуют новых подходов к социально-экономическому развитию страны.

Мероприятия по повышению конкурентоспособности становятся экономическим приоритетом для большинства стран, в том числе РФ. Различия в экономическом и социальном положении регионов свидетельствуют о неодинаковом уровне их вклада в повышение конкурентоспособности страны, что связано, в первую очередь, с имеющимся ресурсным и инновационным потенциалом. Одним из способов эффективного использования ресурсов и стимулирования экономического роста в регионах является создание на их территории конкурентоспособных инновационных кластеров.

Правительством РФ определена модель кластерообразования как ключевого инструмента управления развитием территорий. Однако этот подход требует детального изучения, прежде всего с точки зрения адаптации международного опыта к российским условиям. В связи с этим возникает потребность в исследовании, направленном на обобщение и анализ отечественного и зарубежного опыта выбора и актуализации моделей кластерообразования в регионах, изучение зависимости развития региональной экономики от использования данной модели и определение приоритетных направлений создания территориальных инновационных кластеров.

Инновационный кластер – сконцентрированный по географическому признаку комплекс взаимосвязанных компаний со значимой долей инновационной продукции, а также сформированной инновационной инфраструктурой, которая включает в себя взаимодействие стейкхолдеров региональной инновационной системы (образовательных учреждений, центров исследований и разработок, а также трансфера технологий, бизнес-инкубаторов, технопарков, центров коллективного пользования научным оборудованием, общественных организаций, финансовых институтов, центров кластерного развития и т. д.) [9, с. 256].

Создание и развитие инновационных кластеров в регионе сопровождается синергетическим эффектом. Эффекты, порождаемые формированием определенного инновационного кластера, влияют на показатели эффективности, инновационной активности и конкурентоспособности всех предприятий – участников кластера. Рост перечисленных показателей в первую очередь обусловлен тем, что предприятия – участники кластерной интеграции начинают осуществлять согласованную политику в отношении факторов производства и развития инновационной инфраструктуры. Кроме этого, вырабатывается единая маркетинговая политика, реализуются возможности по координации действий, связанных с финансовыми ресурсами, а также формируется система неформальных отношений между бизнесом, учеными и властными структурами в рамках совместных научно-производственных проектов [1].

К эффектам кластеризации экономики территорий относятся:

– упрощение процесса заключения договоров, снижение затрат взаимоотношений участников рынка;

– маркетинговые эффекты;

– увеличение доступности финансовых ресурсов;

– интенсификация процессов развития инновационной деятельности;

– возможность использования общих производственных мощностей.

В настоящее время в экономике РМ, согласно программе развития на 2013–2018 гг., формируются 4 территориальных кластера, 3 из которых являются инновационными [13]:

1. «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением».

Специализация предприятий данного кластера и их взаимосвязь была заложена в рамках Саранского производ-

ственного объединения «Светотехника» в 1960–70 гг. и основана на выпуске дополняющей друг друга продукции. На современном этапе произошло перерождение светотехнического кластера; руководством региона были определены перспективы его развития. Участниками кластера являются предприятия, дислоцирующиеся на территории городского округа Саранск, п. Тургенево Ардатовского района, г. Инсар и п. Кадошкино. Ядро кластера составляют такие предприятия и организации как ГУП РМ «Лисма», ОАО «Ардатовский светотехнический завод», ЗАО «Ксенон», ОАО «Кадошкинский электротехнический завод», ОАО «Электровыпрямитель» и ЗАО НПК «Электровыпрямитель», ОАО «Орбита», ГУП РМ «НИИИС им. А. Н. Лодыгина», ООО «НЕПЕС РУС», АУ «Технопарк-Мордовия».

2. «Электротехника и приборостроение».

Технической базой для создания данного новейшего наукоемкого кластера являются производственные площадки холдинга «Оптикэнерго», в кластервходят также группа современных предприятий «Саранскка бель-Оптика», «ЭМ-КАБЕЛЬ», «ЭМ-КАТ», «ЭМ-ПЛАСТ», «САРМАТ», испытательный центр «Оптикэнерго», ООО «Оптик-Файбер», ЗАО «Лидер Компаунд», НЦВО РАН, ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Орбита», ЗАО «Элпресс», ЗАО «Мордовская радиоэлектронная компания», ЗАО «Лидер-Компаунд», ОАО «Саранский приборостроительный завод», ЗАО «Конвертор», ЗАО «Преобразователь», ОАО «Радиодеталь», ООО «Ковылкинский электромеханический завод», АУ «Технопарк-Мордовия» и др. Согласно заявлению специалистов, это абсолютно новый кластер, ориентированный на выпуск кабельной и другой наукоемкой продукции, обладающей большими конкурентными преимуществами.

3. «Транспортное и сельскохозяйственное машиностроение».

Данный кластер формируется на основе многоотраслевого машиностроительного комплекса РМ и включает в себя 2 сектора: транспортное машиностроение (прежде всего, вагоностроение, производство комплектующих для него, ремонт вагонов, железнодорожного транспорта и подвижного состава) и сельскохозяйственное машиностроение. В состав первого сектора входят ООО «УК холдинга РКТМ «Вагоностроительная компания Мордовии» (в том числе ОАО «Рузхиммаш», сталелитейный завод «ВКМ-Сталь» и ООО «ВКМ-сервис»), а также ОАО «Висмут» и ОАО «Неон». Второй сектор кластера объединяет ОАО «МордовАгроМаш», ООО «Мордовагроводпроект», ООО «Аграрный ресурс», ОАО «САРЭКС», ОАО «Саранский вагоноремонтный завод», ОАО «Саранский завод автосамосвалов» и ЗАО «НПО НефтехГазМаш».

4. Агропромышленный кластер РМ объединяет сельскохозяйственное производство и организации, занимающиеся заготовкой, хранением и переработкой сельскохозяйственной продукции. Основные направления деятельности предприятий связаны с производством молока и молочных продуктов, мяса и мясных продуктов, а также птицеводством, производством и переработкой продукции растениеводства. Лидерами кластера являются группа компаний «Талина», ОАО «Агрофирма «Октябрьская», ОАО «Птицефабрика «Атемарская», ООО МПК «Атяшевский», ОАО «Молочный комбинат Саранский», ООО «Сыроваренный завод «Сармич», ОАО «Ламзурь», ОАО «Консервный завод «Саранский», ОАО «Мордовспирт», ОАО «Ромодановосахар», саранский филиал ОАО «СанИнбев» и ЗАО «Рузово».

Обозначим основные направления стратегического развития территориальных кластеров РМ (как инновационных, так и промышленных):

− освоение географически новых товарных рынков;

− проведение технико-технологической модернизации предприятий;

− увеличение производственных мощностей;

− производство высокотехнологичной продукции;

− развитие холдинговых структур;

− поддержка малых инновационных предприятий;

− формирование кооперации между участниками кластера;

− реализация как государственных, так и частных инвестиционных проектов [10].

В развитии инновационных кластеров РМ к настоящему времени достигнуты определенные результаты.

В 2013 г. координатор проекта «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением», АУ «Технопарк-Мордовия», частично реализовал маркетинговые возможности интеграции, результатом чего стали заключенные договоры с PHILIPS «Световые решения», «GREE Inc.», OSRAM Opto Semiconductors, OSRAM в России, Paulmann Licht GmbH,Paulmann Licht GmbH в России, SHARP Microelectronics, Samsung LED, SemiLEDs, Flexible Solar Module, совместным предприятием «Philips-Optogan», компанией «АтомСвет», Некоммерческое Партнерство Производителей Светодиодов и Систем на их основе, SvetaLED, Zumtobel lighting GmbH, NTL Lemnis, компанией «Точка опоры», компанией «Тегас Электрик», компанией «Русский свет», Система уличного/наружного освещения (АСУНО)ТЭТРАЛАЙТ, ООО НП ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, НТИЦ «Нанотех-Дубна», EnergySafe, ЗАО «Монокристалл», LPE Epitaxial Technolgy, NT-MDT, ЗАО «НВП «Топаз», Институт оптики атмосферы СО РАН, ООО «Дата Свет», ООО «Инновации света» и др. Для финансирования предприятий кластера планируется привлечь 17 млрд руб. государственных и частных инвестиций, в том числе 1,2 млрд из средств республиканского бюджета и около 10 млрд – внебюджетных средств. Согласно заявлению наблюдательного совета АУ «Технопарк-Мордовия», в 2014 г. на развитие кластера (прежде всего, инжинирингового Центра энергосберегающей светотехники) будет направлено более 100 млн руб. из федерального бюджета [6].

Кластер «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением» РМ как одно из приоритетных направлений развития экономики региона обладает рядом конкурентных преимуществ. Наиболее весомым из них является наличие самого большого ассортимента производимой продукции в стране, представленной почти во всех сегментах светотехнического рынка.

К другим преимуществам относятся:

− узнаваемость торговых знаков на российском рынке;

− широкая сбытовая сеть, охватывающая всю территорию РФ и страны СНГ;

− близкое расположение предприятий к центральной части РФ, где проживает более трети населения страны;

− оптимальное соотношение цены и качества светотехнической продукции;

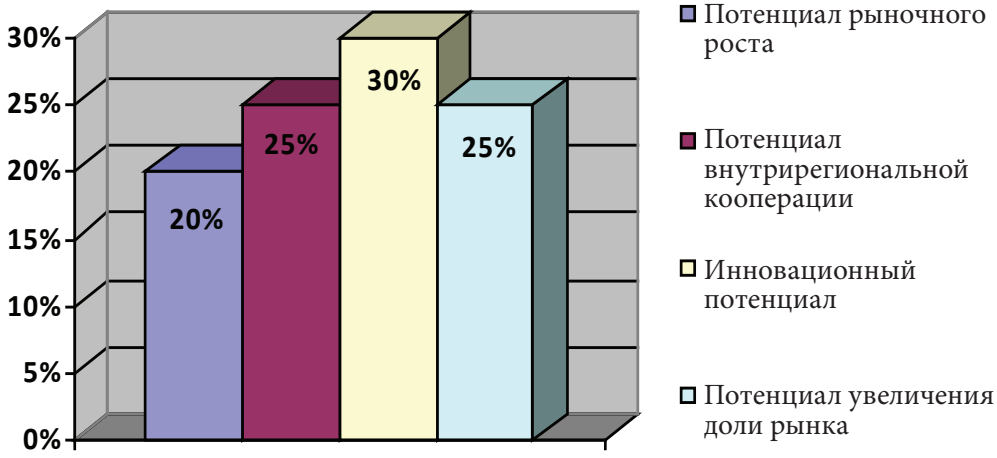
− высокий уровень координации участников кластера;

− высокий научный потенциал и устойчивые связи с ведущими научными центрами страны.

В целом предприятия кластера являются конкурентоспособными. Они занимают сегменты «средняя цена – среднее качество» и «средняя цена – высокое качество», недостаточно широко представлены в высокомаржинальных премиальном и субпремиальном сегментах и не представлены в сегментах «низкая цена – низкое качество». Показателями конкурентоспособности участников кластера на российских и зарубежных рынках являются рост объемов производства и реализации продукции в 2011–2013 гг., а также стабильные экспортные поставки товаров [12].

Согласно оценкам экспертов, потенциал рыночного роста для предприятий кластера «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления

освещением» составляет 20 %, потенциал увеличения доли рынка и внутрирегиональной кооперации – 25 %, инновационный потенциал – 30 % (рис. 1) [10].



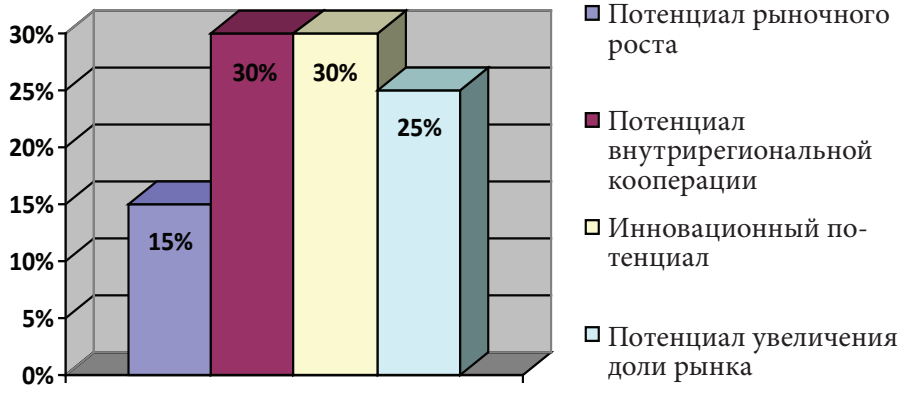
Р и с. 1. Потенциал развития кластера «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением»

Кластер «Электротехника и приборостроение» РМ находится на этапе становления, но уже сейчас возможно оценить конкурентоспособность его участников. Например, продукция группы компаний «Оптикэнерго», благодаря низкой цене и достойному качеству по сравнению с импортными аналогами, поставляется во все регионы страны, пользуется большим успехом в странах ближнего зарубежья (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, Кыргызстан), широко применяется на предприятиях большой энергетики и связи. С 2011 г. в Мордовии функционирует новое совместное российско-испанское предприятие «Сармат», вошедшее в кластер и ставшее вторым в России производителем такой востребованной на рынке продукции как фитинги (крученая арматура) для подвеса оптических кабелей на линии электропередач. Крупнейшие сотовые компании заинтересованы в быстрейшем становлении кабельного кластера в регионе. Так, до 2016 г. планируется реализовать глобальный проект, проложив 30 тыс. км воздушных линий связи до Тихого океана. В числе перспективных партнеров кластера – ФСК, МРСК, ОАО «Ростелеком», ОАО «Связьинвест», ОАО «Башинформсвязь», ОАО «Мобильные ТелеСистемы», ЗАО «ВымпелКом», ОАО «Мегафон» и др. [2]

Конкурентоспособность кластера «Электротехника и приборостроение» обусловлена, в первую очередь, тем, что на всех предприятиях работает современное оборудование ведущих мировых производителей: «Queins», «NEXANS», «Mario Frigerio», «Cortinovis Machinery SPA», «TECNO COATING ENGINEERING», «Eurodraw», «Proton» и «Threesixty Parkegate Technology Ltd», «NEXTROM», «Maillefer» и «BARTELL MACHINERY SYSTEMS LLC» [7]. В перспективе планируется модернизация более половины всех функционирующих предприятий кластера и около 70 % технологической базы по выпуску инновационной продукции. К моменту создания кластера и запуска новых производств ожидается рост объемов производства до 5,5 млрд руб., а доли инновацион-

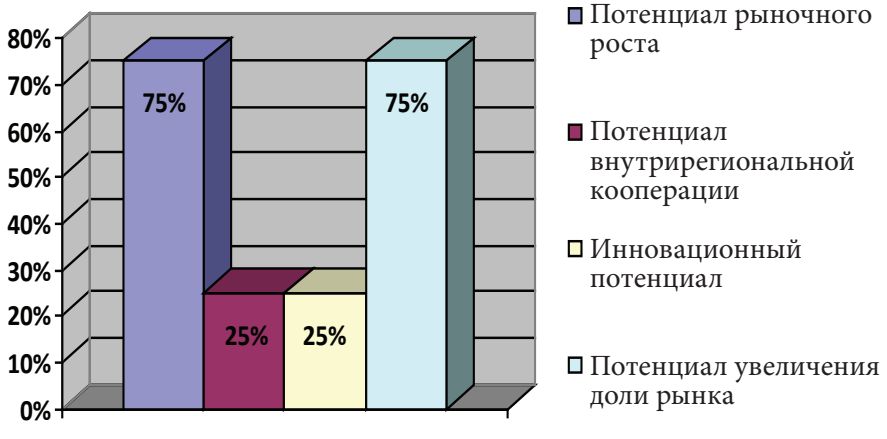
ной продукции – до 95 %. Поступления дополнительных налоговых платежей в консолидированный бюджет РМ, согласно мнению экспертов составят более 27 млн руб., будет создано более 650 рабочих мест [13].

Потенциал рыночного роста предприятий кластера «Электротехника и приборостроение» составляет 15 %, увеличения доли рынка – 25 %, инновационный и внутрирегиональной кооперации – 30 % (рис. 2) [10].



Р и с. 2. Потенциал развития кластера «Электротехника и приборостроение»

Кластер «Транспортное и сельскохозяйственное машиностроение» является одним из ведущих в экономике РМ. Потенциал внутрирегиональной кооперации и инновационный потенциал предприятий данного кластера составляет 25 %, потенциал рыночного роста и увеличения доли рынка достигает 75 % (рис. 3) [Там же].



Р и с. 3. Потенциал развития кластера «Транспортное и сельскохозяйственное машиностроение»

Одним из ключевых секторов промышленности региона является сельскохозяйственное машиностроение. Создание и развитие промышленного центра в РМ обусловлено тем, что именно в Приволжском федеральном округе в настоящее время сосредоточено 28 % общего парка тракторов России. Основная производственная база данного сектора сосредоточена на производственных площадках ОАО «САРЭКС», ОАО «Саранский завод автосамосвалов», ОАО «МордовАгроМаш», ООО «Завод Дорсельмаш» и ООО «АгроПартГруп». Кроме этого, сектор представлен рядом организаций по реализации и сбыту сельскохозяйственной техники (ООО «Аграрный ресурс», ЗАО «АгроСнаб» и др.). Предприятия отличаются выгодным географическим положением, наличием современных сборочных линий и развитостью инфраструктуры. В настоящее время в рамках кластера работает более 1,5 тыс. чел. За последние несколько лет было освоено производство ряда новых моделей сельскохозяйственной техники и комплектующих, не прекращается разработка инновационных образцов техники.

Сектор транспортного машиностроения в РМ представлен группой предприятий ООО «УК холдинга РКТМ «Вагоностроительная компания Мордовии». В настоящее время данный сектор производит более 50 моделей грузовых железнодорожных вагонов. Предприятия кластера связаны между собой вертикальной интеграцией, поскольку способны обеспечить полный цикл услуг, от конструкторских разработок и производства вагонов до их послепродажного обслуживания и деповского ремонта, а также проведение лизинговых и логистических операций. Создание этого кластера является одним из важнейших направлений развития экономики и промышленности не только Мордовии, но и РФ в целом. В рамках стратегического развития данного кластера к 2015 г. в регионе планируется на производственных площадках ОАО «Русская корпорация транспортного машиностроения», создать современный комплекс, обеспечивающий производство ключевых компонентов комплектующих, а также сборку различных видов подвижного состава. Общий ежегодный выпуск грузовых вагонов различного типа должен достичь 20 тыс. ед., а доля мордовской продукции на российском рынке грузового подвижного состава – 30 %. За последние 3 года в развитие сектора транспортного машиностроения вложено 3,4 млрд руб. Кроме этого, на базе АУ «Технопарк-Мордовия» функционируют инженерно-технический центр и профильная учебно-научная лаборатория, ориентированные на создание инновационной продукции и новых технологий вагоностроения.

Реализация в регионе таких крупных мероприятий по развитию инновационных кластеров требует значительного количества как финансовых, так и человеческих ресурсов. В табл. 1 представлены ресурсные затраты и получаемые выгоды от реализации инвестиционных проектов в разрезе кластеров РМ на 2013–2018 гг. [13, с. 211, 214].

Получаемыми выгодами от создания инновационных кластеров в РМ являются:

– коммерческий эффект (около 10,5 млн руб. в год);

– бюджетный эффект (более 10 млн руб. в год);

– социальный эффект (более 6 млн руб., а также создание почти 8 тыс. новых рабочих мест).

В целом интегрированный результат развития инновационных территориальных кластеров в регионе позволит сформировать ресурсный задел для дальнейшего экономического роста в Мордовии и перехода экономики региона от аграрного направления к инновационному.

Перспективные возможности и угрозы создания и дальнейшего развития инновационных кластеров в РМ представлены в табл. 2.

Таблица 1

Затраты и получаемые выгоды от развития инновационных территориальных кластеров в РМ 2013–2018 гг.

Наименование кластера	Объем финансирования мероприятий по формированию кластера за счет всех источников, млн руб.	Число рабочих мест		Платежи в бюджет (в год), млн руб.		Прибыль в год, млн руб.	Социальный эффект, млн руб.
		Всего	Новых	Федеральный	Республиканский		
«Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением»	14 574,90	6 913	4 844	2 475,73	1 210,27	4 172,1	3 556,54
«Электротехника и приборостроение»	12 060,74	3 311	2 109	4 054,05	1 064,52	3 898,73	1 181,20
«Транспортное и сельскохозяйственное машиностроение»	4 660,16	3 786	942	632,75	604,35	2 422,71	1 406,69
Всего	31 295,80	14 010	7 895	7 162,53	2 879,14	10 493,5	6 144,43

Таблица 2

SWOT-анализ инновационных кластеров РМ

Достоинства	Недостатки
широкий ассортимент выпускаемой продукции; полный цикл производства на предприятиях кластера; налаженная дилерская сеть по реализации инновационной продукции; производство уникальной продукции; низкая себестоимость продукции; благоприятный имидж организаций у покупателей; наличие необходимого оборудования для производства; наличие сертифицированной системы качества	устаревающие технологии и оборудование с невысокой степенью автоматизации, низкие темпы их замены на современные; устаревшая инженерная инфраструктура предприятий; нехватка высококвалифицированных кадров; отсутствие посевного финансирования инновационных предприятий; отсутствие эффективных институтов коммерциализации результатов научных исследований
Возможности	**Угрозы**
растущие рынки сбыта вследствие роста экономики; курс Правительства РФ и РМ на развитие производства инновационной продукции увеличивает спрос на продукцию кластеров; революционные изменения в технологиях	экспансия иностранных производителей, которая еще более усилилась на фоне вступления России в ВТО и снижения мер тарифного регулирования; массовый ввоз наукоемкой продукции, не соответствующей заявляемым требованиям; отсутствие доступа к передовым технологиям

Основными достоинствами развития инновационных кластеров являются узнаваемость товарных знаков и торговых марок производимой продукции (что преимущество связано с многолетней историей предприятий электротехнического кластера); широкий охват рынков и наличие собственных организаций, осуществляющих сбыт производимой продукции; активное взаимодействие предприятий кластера, участие в различных специализированных ассоциациях (например, производителей светотехнических изделий «Российский свет»); наличие собственных научно-технического центров (таких как ГУП Республики Мордовия «НИИИС им. А. Н. Лодыгина», Испытательный Центр «Оптикэнерго», Центр экспериментального производства АУ «Технопарк-Мордовия» и др.).

Среди недостатков развития инновационных кластеров отметим ограниченное посевное финансирование малых инновационных предприятий (данная проблема может быть воспринята как перспективная возможность, поскольку Правительством РМ предприняты шаги по увеличению объемов государственной поддержки малым инновационным предприятиям в рамках национальной политики России); устаревающие технологии и оборудование с невысокой степенью автоматизации (проблема связана, в первую очередь, с отсутствием направленности внутренней политики предприятий на техническое перевооружение).

Среди возможностей создания кластеров выделим растущий рынок потребления инновационной продукции, а также нацеленность Правительства РФ

и РМ на создание в регионе центра наукоемких технологий и производств. Угрозами развития инновационных кластеров являются вытеснение отечественных производителей иностранными компаниями (в том числе в связи со вступлением в ВТО), неконтролируемый ввоз наукоемкой продукции, не соответствующей заявляемым требованиям.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что целью формирования инновационных кластеров является повышение конкурентоспособности на микро-, мезо- и макроуровнях (то есть предприятий определенных видов деятельности, а также экономики региона и государства в целом) за счет получения положительного синергетического эффекта от объединения усилий органов власти, бизнес-структур и других участников инновационно-инвестиционной деятельности.

Однако не следует забывать, что процесс формирования инновационных кластеров не является самоцелью, а направлен на получение в долгосрочной перспективе определенных выгод: создание благоприятного инвестиционного климата, повышение финансовой обеспеченности и самостоятельности регионального бюджета, появление новых рабочих мест, рост уровня и качества жизни населения и т. д. Кроме того, после процесса становления необходимо развитие и повышение конкурентоспособности инновационных кластеров в Мордовии, которое, очевидно, должно идти по пути модернизации производственно-технологической базы входящих в них предприятий за счет использования самого передового технологического и испытательного оборудования, а также измерительных систем для контроля качества выпускаемой продукции. Развитие территориальных инновационных кластеров может быть осложнено недостаточным формированием институтов инновационной инфраструктуры и высоким уровнем дотационности регионального бюджета.

В то же время все финансовые вливания в экономику региона, связанные с созданием инновационных кластеров, будут компенсированы получаемыми выгодами, появление которых стимулируют кластеры: увеличением производительности предприятий, ускорением инновационных процессов, закладывающих основу роста производительности в будущем, а также созданием новых компаний и новых бизнесов. В целом модель кластерообразования выступает в качестве инструмента активизации предпринимательских инициатив и создания благоприятных условий для получения эффекта синергии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Буянова, М. Э.** Оценка эффективности создания региональных инновационных кластеров / М. Э. Буянова, Л. В. Дмитриева // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – № 2 (21). – С. 54–62.

2. Группа компаний «Оптикоэнерго» : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://opticenergo.ru/company.html.

3. **Ефремов, А.** Мегапроекты кабельного кластера Мордовии [Электронный ресурс] / А. Ефремов. – URL: http://izvmor.ru/article_13166.html.

4. **Ефремов, А.** Глава Мордовии открыл инновационные предприятия в Саранске. [Электронный ресурс] / А. Ефремов. – URL: http://old.izvmor.ru/index.php?q=article_14408.html.

5. **Кормишкин, Е. Д.** Инновационная безопасность как условие эффективного функционирования региональной инновационной системы / Е. Д. Кормишкин, О. С. Саушева // Региональная экономика : теория и практика. – 2013. – № 34 (313). – С. 2–8.

6. Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nair-it.ru/news/ 04.07.2013/405.

7. Органы государственной власти Республики Мордовия : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-mordovia.ru.

8. АУ «Технопарк-Мордовия» : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.technopark-mordovia.ru.

9. **Портер, М.** Конкуренция / М. Портер ; пер. с англ. – Вильямс, 2005. – 602 с.

10. Развитие базовых секторов специализации региона // Федеральный портал PROTOWN : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.protown.ru/russia/obl/articles/3467.html.

11. Регионы России : социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. Москва, 2012. – 990 с.

12. Республиканская программа поддержки развития инновационного территориального кластера Республики Мордовия «Энергоэффективнаясветотехника и интеллектуальные системы управления освещением» на 2013–2015 гг. (утв. распоряжением Правительства РМ 06.09.2013 г. № 551-р) // Известия Мордовии. – 2013. – № 134–47. – 12 сентября.

13. Республиканская целевая программа развития Республики Мордовия на 2013–2018 г. : монография. / С. М. Вдовин [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 368 с.

14. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru.

Поступила 03.03.2014 г.

Об авторах:

Денисенков Никита Андреевич, аспирант кафедры менеджмента экономического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), dennikand@yandex.ru

Краковская Ирина Николаевна, профессор кафедры менеджмента экономического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор экономических наук, krakovskayain@mail.ru

Для цитирования: Денисенков, Н. А. Исследование конкурентоспособности инновационных кластеров в Республике Мордовия / Н. А. Денисенков, И. Н. Краковская. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 117–128. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.117

REFERENCES

1. Buyanova M. E., Dmitriev L. V. Ocenka jeffektivnosti sozdanija regional'nyh innovacionnyh klasterov [Evaluation the of effectiveness of the establishment of regional innovation clusters]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* – Volgograd State University Bulletin. 2012, no. 2 (21).

2. Gruppa kompanij «Optikojenergo»: oficial'nyj sajt [Group "Optikoenergo": official site]. Available at: http://opticenergo.ru/company.html.

3. Efremov A. Megaproekty kabel'nogo klastera Mordovii [Megaprojects cable cluster Mordovia]. Available at: http://izvmor.ru/article_13166.html.

4. Efremov A. Glava Mordovii otkryl innovacionnye predprijatija v Saranske [Head of Mordovia opened Mordovia Saransk innovative enterprises / / News of Mordovia: official site]. Available at: http://old.izvmor.ru/index.php?Q=article_14408.html.

5. Kormishkin E. D., Sausheva O. S. Innovacionnaja bezopasnost' kak uslovie jeffektivnogo funkcionirovanija regional'noj innovacionnoj sistemy [Innovative security as a condition for the effective functioning of the regional innovation system]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* – Regional Economics: Theory and Practice . 2013, no. 34 (313), pp. 2–8.

6. Nacional'naja associacija innovacij i razvitija informacionnyh tehnologij : oficial'nyj sajt [National Association of innovation and development of information technology: official site]. Available at: http://www.nair-it.ru/news/04.07.2013/405.

7. Organy gosudarstvennoj vlasti Respubliki Mordovija : oficial'nyj sajt [State authorities of the Republic of Mordovia: official site]. Available at: http://www.e-mordovia.ru.

8. AU "Tehnopark-Mordovija" : oficial'nyj sajt [AU "Technopark - Mordovia": official site]. Available at: http://www.technopark-mordovia.ru.

9. Porter M. Konkurencija [Competition]. Translated from English. Williams Publ., 2005, 602 p.

10. Razvitie bazovyh sektorov specializacii regiona // Federal'nyj portal PROTOWN: oficial'nyj sajt [Development of basic sectors of specialization of region. // Federal portal PROTOWN: official site]. Available at: http://www.protown.ru/russia/obl/articles/3467.html.

11. Regiony Rossii 2012: social'no-jekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia 2012. Social and economic indicators. Statistical book]. Moscow, Rosstat Publ., 2012, 990 p.

12. Respublikanskaja programma podderzhki razvitija innovacionnogo territorial'nogo klastera Respubliki Mordovija "Jenergojeffektivnajasvetotehnika i intellektual'nye sistemy upravlenija osveshheniem" na 2013–2015 gg. (utv. rasporjazheniem Pravitel'stva RM 06.09.2013 g. no. 551-r) [National Program of support of the development of innovative territorial cluster of Mordovia "Energy-efficient light devices and intelligent lighting control system" for 2013–2015. Approved by decree of the Government of the Republic of Moldova 06.09.2013 no. 551- r]. News of Mordovia. 2013, no. 134-47, September 12.

13. Vdovin S. M., Gus'kova N. D., Neretina E. A. et al. Respublikanskaja celevaja programma razvitija Respubliki Mordovija na 2013–2018 g.: monografija [Republican target program of the Republic of Mordovia for 2013–2018 (Monograph)]. Saransk University Press Publ., 2013, 368 p.

14. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki : oficial'nyj sajt [Federal State Statistics Service: official site]. Available at: http://www.gks.ru.

About the authors:

Denisenkov Nikita Andreevich, post-graduate student of Management chair of Economics faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), dennikand@yandex.ru

Krakovskaja Irina Nikolaevna, professor of Management chair of Economics faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Doctor of Science degree holder in Economics, krakovskayain@mail.ru

For citation: Denisenkov N. A., Krakovskaja I. N. Issledovanie konkurentosposobnosti innovacionnyh klasterov v Respublike Mordovija [Research of competitiveness of innovative clusters in the Republic of Mordovia]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 117–128. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.117

УДК 332.1:338.43 DOI: 10.15507/VMU.024.201404.129

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Л. И. Зинина, Т. В. Глухова

Современные экономические процессы обусловили отдельное и самостоятельное формирование федеральных и региональных продовольственных фондов: каждый регион самостоятельно занимается решением задач продовольственного самообеспечения: производством сельскохозяйственной продукции и продовольствия, поиском рынков их сбыта и источников пополнения региональных фондов. В связи с этим в статье рассматриваются проблемы продовольственного обеспечения с точки зрения формирования и использования продовольственных ресурсов на региональном уровне; дается оценка региональных социально-экономических возможностей реализации продовольственного потенциала и выявляются стратегические приоритеты в развитии продовольственной системы. Кроме этого, обосновывается необходимость формирования территориальных инновационных моделей продовольственного обеспечения, ориентированных на достижение высоких стандартов жизнедеятельности населения, рациональное использование ресурсов, стабильное развитие агропродовольственной сферы экономики, усиление ее импортно-экспортной составляющей и межрегиональных взаимосвязей. В целях достижения сбалансированного развития продовольственной системы региона обосновывается необходимость организации ее мониторинга и информационно-аналитического обеспечения, в частности, разработки автоматизированного информационно-аналитического комплекса.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, агропродовольственная система, информационно-аналитическое обеспечение, мониторинг, продовольственное обеспечение.

BUSINESS AND INFORMATIONAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF REGIONAL FOOD SYSTEMS

L. I. Zinina, T. V. Gluhova

Modern economic processes have caused the separate and independent formation of federal and regional food banks: each region independently is engaged in solving problems of food self-sufficiency such as production of agricultural products and foodstuffs, search markets and sources of replenishment of regional funds. The problems of food security in terms of formation and use of food resources at the regional level are considered. The estimation of regional socio-economic opportunities for implementation of the food potential is given. The strategic priorities in the development of the food system are identified. The necessity of formation of territorial innovation models of food security, aimed at achieving a high standard of livelihoods of people, rational use of resources, sustainable development of agri-food sectors of the economics, strengthening of its import and export component and relationships. In order to achieve a balanced development of the region's food system, the necessity of the organization of its informational and analytical support, in particular, the development of specialized automated informational-analytical complex, is proved.

Keywords: food security, agri-food system, informational-analytical support, monitoring.

Рост и реализация агропродовольственного потенциала Российской Федерации должны быть основаны на оценке региональных социально-экономических возможностей и формировании территориальных инновационных моделей продовольственного обеспечения, ориентированных как на достижение параметров продовольственной безопасности, так и развитие аграрных территорий.

© Зинина Л. И., Глухова Т. В., 2014

При этом необходимо обеспечить приоритет социальных целей, высокий уровень жизни населения, рациональное использование природных, производственных и финансовых ресурсов, стабильное развитие сельскохозяйственной сферы. Значимость инновационной модели развития территориальной агропродовольственной системы заключается в интеграции усилий сельскохозяйственных товаропроизводителей и субъектов продовольственного рынка в единый производственно-потребительский цикл для достижения устойчивого продовольственного обеспечения региона, активизации межрегионального продовольственного обмена, усиления экспортно-импортной составляющей, интенсивного экономического роста [3].

В настоящее время в Республике Мордовия, как и в целом по стране, решена проблема физической доступности продовольствия, в определенной степени за счет увеличения масштабов производства ведущих сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий региона [1]. Наиболее интенсивный рост значимых показателей эффективности производства в агропромышленном комплексе начался во время реализации в РМ национального проекта «Развитие АПК», а затем – федеральной целевой программы «Развитие села до 2012 г.». С 1997 г. молочная продуктивность коров в РМ возросла почти в 3 раза (с 1 600 кг в 1997 г. до 4 800 в 2012 г.); с 2007 г. более чем в 1,5 раза (с 309 до 478 тыс. т) увеличилось валовое производство молока. В настоящее время по своей производительности молочная отрасль Мордовии не уступает европейским сельхозтоваропроизводителям. За последние годы было введено в эксплуатацию 64 новых молочных комплекса; продолжает стабильно увеличиваться поголовье КРС. В 2012 г. в целом по РМ производство мяса скота и птицы увеличилось на 16,4 %, молока – на 6,2 %, яиц – на 22,1 % по сравнению с уровнем 2011 г.

Тем не менее потребление населением некоторых видов продуктов питания (мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты, рыба и рыбопродукты, овощи, фрукты и ягоды) значительно ниже рекомендуемых норм.

Правительственными структурами РМ широко используется программно-целевой метод управления социально-экономическими процессами. В связи с этим были разработаны и запущены в реализацию программы развития как производственного сектора, так и социальной сферы. Однако заметим, что работа с отдельными целевыми программами и проектами часто проходит без связи со стратегическими целями и при недостаточном участии предпринимательских структур [5]. Кроме того, принципиально важным, на наш взгляд, является внедрение в практику управления системы непрерывного планирования, обеспечивающей комплексное развитие региона и сочетающей элементы среднесрочного и текущего планирования.

В качестве стратегических приоритетов развития продовольственной системы региона мы предлагаем следующие:

1. Развитие производственного потенциала в сельском хозяйстве и перерабатывающей сфере АПК на основе реконструкции и модернизации производственно-технической базы, а также совершенствования экономических условий обеспечения материально-техническими ресурсами.

2. Последовательное увеличение производства сельскохозяйственной продукции преимущественно за счет интенсивных факторов, обеспечение интенсивного типа воспроизводства и доходности комплекса в целом и, следовательно, инвестиционных возможностей сельхозтоваропроизводителей, перерабатывающих предприятий и государства.

3. Обеспечение устойчивых темпов экономического роста и научно-технического прогресса, повышение конкурентоспособности продукции на внутреннем и внешнем рынках, эффективная интеграция в зарубежные хозяйственные связи.

4. Развитие аграрной экономики при сочетании крупных, средних и мелких

форм организации производства, а также реальных и эффективных земельных собственников на основе многообразия возможностей пользования, владения и распоряжения собственностью, равенства государственной и частной ее форм.

5. Обеспечение эффективной социально-экономической и производственной организации индивидуальных форм ведения сельхозпроизводства, личных подсобных хозяйств населения в качестве мелкотоварного сектора агросферы, включение их в систему сельскохозяйственного кооперирования, вертикальной интеграции и государственного регулирования, определение организационно-экономического механизма их ресурсообеспечения и изыскания потенциальных возможностей роста товарного производства в хозяйствах этой категории.

6. Развитие системы государственного регулирования, ориентированной на стимулирование приоритетных направлений развития сельскохозяйственного производства и достижения его целевых параметров; преодоление затратного механизма формирования издержек; мотивацию товаропроизводителей; расширение предложения товарно-сырьевых ресурсов и обеспечение эффективной конъюнктуры специализированных рынков продовольствия; поддержание конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции с учетом приоритета потребителя и общественных потребностей в продовольственных ресурсах.

7. Стимулирование процессов производственной кооперации всех типов предприятий по производству, переработке, реализации сельскохозяйственной продукции, агросервисного обслуживания и торговли, а также формирование на этой базе эффективной системы кооперирования, вертикально интегрированных хозяйственных структур. Усиление их социально-экономической роли путем максимального использования местного сырья; оптимизации производственных мощностей и интенсивного развития производства; сокращения числа посредников в процессе товарооборота; снижения уровня издержек и цен на конечную продукцию; соблюдения эквивалентных межотраслевых ценовых пропорций и паритетного распределения доходов между товаропроизводителями; обеспечения целевой экономической эффективности.

8. Обеспечение перерабатывающих предприятий качественными товарно-сырьевыми ресурсами, наиболее полное использование их производственных мощностей, расширение объемов и ассортимента социально значимых, экологически чистых и перспективных видов продовольствия.

9. Развитие кадрового и научного потенциала АПК, мотивация деятельности ученых и специалистов в области научно-технического обеспечения агропромышленного производства, привлечение ученых-аграриев к разработке наиболее значимых для региона целевых программ, активизация фундаментальных исследований по современным проблемам агроэкономической науки, адаптация и практическое освоение их результатов.

10. Создание системы мониторинга и информационно-консультативного обслуживания АПК и продовольственного рынка, позволяющей использовать современные технологии и оптимизационные методы в процессе их управления.

11. Повышение потенциала межрегионального продовольственного обмена РМ с основанием эффективных продовольственных связей и интенсивных товарно-сырьевых потоков (с учетом регионов-поставщиков и регионов-потребителей), а также продовольственного баланса с ориентацией на обеспечение внутрирегиональных и государственных потребностей в сельхозпродукции [4].

Перед регионами стоят разноплановые задачи: поставщикам предстоит найти резервы увеличения объема продуктов для вывоза, усовершенствовать их качество и ассортимент, выявить оптимальные направления товарных потоков; самообеспечивающим и потребителям – определить степень приоритетности

молочного производства по сравнению с другими отраслями, найти ресурсы для обмена с другими регионами, улучшить структуру ввоза продовольствия, стремиться к достижению нужных объемов и качества самообеспечения [2].

Нам представляется целесообразным создание специализированного аналитического центра мониторинга развития региона, основными функциями которого должны являться следующие: а) методологическая (разработка системы анализа, прогнозирования и обоснования решений по управлению социально-экономическими процессами в регионе); б) информационно-аналитическая (создание базы верифицированных данных, обеспечивающих информационную поддержку принятия управленческих решений на региональном и местном органах власти); в) результативная (оценка реальной ситуации, анализ целесообразности ведения и размещения производств, измерение эффективности мер регионального или иного характера); г) обоснование прогнозов развития; д) формирование моделей регионального развития; е) осуществление контроля за реализацией стратегии, разработка рекомендаций.

При этом стратегический анализ и оценка региональных условий и особенностей формирования продовольственных ресурсов (объемов и структуры производства, его технологического уровня, мощностей предприятий и их использования, рациональности размещения, специализации и концентрации производства, уровней потребления и самообеспеченности, межрегионального обмена, эффективности сбытовой политики и ценовых отношений, воспроизводственных пропорций, инфраструктуры, конечных результатов функционирования) следует осуществлять на основании сравнительного, корреляционного и регрессионного анализа, балансовых расчетов, статистических группировок, индексного метода, обоснования и расчетов специализированных коэффициентов.

В связи с этим функционирование агропродовольственной системы (в частности, формирование и использование продовольственных ресурсов) необходимо рассматривать с точки зрения достижения социально-экономической эффективности, предусматривая при этом ее оценку, прогнозирование целевых параметров, мониторинг и информационно-аналитическое обеспечение (Таблица).

Организацию информационно-аналитического обеспечения территориальной агропродовольственной системы следует рассматривать с точки зрения формирования эффективно функционирующей экономической системы, объединяющей необходимые информационные ресурсы, являющиеся элементом управленческой структуры региона и способствующие прогрессивности управленческих решений, модернизации и обеспечению конкурентоспособного уровня производства.

Информационно-аналитическое обеспечение агропродовольственной системы должно предполагать использование определенных реквизитов. В качестве них могут выступать объемы производства продовольственных ресурсов, их продажи, спроса, предложения, а также уровень цены. Возможные количественные показатели информационно-аналитического обеспечения и мониторинга агропродовольственной системы могут быть следующими: численность населения (в возрастной структуре); производство и потребление основных видов продовольственных ресурсов на душу населения; наличие земельных площадей и сельскохозяйственных угодий и их распределение между землепользователями; объемы и концентрация производства продовольственных ресурсов; интенсивность производства продовольственных ресурсов; себестоимость единицы продовольственных ресурсов; результаты реализации (количество продовольственных ресурсов, полная себестоимость, выручка, прибыль, цена реализации, уровень рентабельности, в том числе с учетом дотаций, соот-

Таблица

Объекты информационно-аналитического обеспечения и мониторинга процессов формирования и использования продовольственных ресурсов региона

I. Оценка состояния, тенденций развития, эффективности сфер агропродовольственной системы региона				
Первичное производство продовольственных ресурсов Сельскохозяйственные отрасли	Заготовки продовольственных ресурсов	Переработка (пищевая промышленность)	Оптовая и розничная торговля	Производственная инфраструктура
Организационно-экономическая и производственная структура, эффективность, себестоимость, объемы производства	Объемы поступления продовольственного сырья, качество, удельный вес закупок в производстве, издержки обращения, структура закупок	Структура производства, объемы конечной продукции, еестоимость, производственные мощности и их использование, сырьевые зоны	Объемы реализации, торговые надбавки, издержки, сезонность, специализированные мощности	Потребность в ресурсах, степень обеспеченности, технологическое оборудование, кадры, научные исследования

II. Межотраслевой анализ и планирование параметров агропродовольственной системы региона						
Межотраслевые пропорции	Механизм взаимоотношений предприятий и отраслей	Структура производства продовольственных ресурсов	Сводные показатели потерь ресурсов	Удовлетворение потребностей населения	Конечные объемы производства	Интегрированные показатели
Между общественными потребностями и объемами производства, поставками сырья и мощностями по переработке, потребностью в ресурсах и их обеспеченностью	Сбытовые, ценовые, организационно-кономические, логистические цепи, уровень кооперирования и интеграции	Структура стоимости конечной продукции. прибыли, затрат, капвложений, доля товаропроизводителей в объемах производства по основным звеньям продовольственной системы	Сфера производства, заготовок и реализации переработке в пищевой промышленности	Достигнутый уровень потребления, его соотношение с рац. нормами, удовлетворение платежеспособного спроса	Конечная продукция в системе производства, переработки, реализации, потребность в сырьевых ресурсах	Стоимость конечной, условно-чистой и чистой продукции, чистый доход, издержки, рентабельность

ношение фактического и нормативного уровней рентабельности, индексы мотивации и затратности производства); баланс продовольственных ресурсов: запасы на начало года, производство, импорт, производственное потребление, потери, экспорт, фонд потребления, запасы на конец года; межрегиональные продовольственные связи (ввоз, вывоз, импорт, экспорт в страны ближнего и дальнего зарубежья, импорт, вывоз и ввоз по видам продукции в различные регионы); выбор регионов-потребителей и регионов поставщиков; производство основных видов продукции перерабатывающей промышленностью, структура переработки сырья и индексы конкурентоспособности по видам продовольствия, индексы конъюнктуры продовольственного рынка и реализации продовольственных ресурсов.

Внедрение механизма информационно-аналитического обеспечения в процесс управления и регулирования формированием и использованием продовольственных ресурсов возможно на основе разработки автоматизированного информационно-аналитического комплекса (ИНАК) «Продовольственная система». Он должен включать аналитический комплекс моделей по расчету параметров регулирования системы формирования и использования продовольственных ресурсов и обеспечивать поддержку управленческих решений по их проведению.

Структура и функционирование ИНАК предполагают наличие следующих составляющих:

1) База данных оперативной информации, в которую поступают, хранятся и корректируются первичные данные о формировании и использовании продовольственных ресурсов (объемы производства, потребления, потери, цены и индексы цен, натуральные и стоимостные объемы реализации, доходы и расходы населения, статистика обследований бюджетов домохозяйств и т. д.). Поступающие данные регулярно обновляются в соответствии с регламентами обновления данных источников и загрузки базы данных. Из оперативной информации данные регулярно переносятся в хранилище, проходя проверку на непротиворечивость; кроме этого, осуществляется очистка некорректных данных, в соответствии с установленными правилами (отказ от загрузки данных, загрузка с уведомлением администратора о некорректности, загрузка наиболее достоверных данных).

2) Хранилище (база данных, используемых для задач анализа), содержащее данные, обработанные за весь жизненный цикл системы. В хранилище первичная информация должна представляться в виде многомерных массивов, обеспечивающих стандартные возможности анализа. Операции в этом случае ограничиваются начальной загрузкой данных и доступом к ним.

3) Рабочие места сотрудников информационно-аналитического центра, на которых осуществляется расчет параметров регулирования системы формирования и использования продовольственных ресурсов, а также операции данными, описывающих процесс формирования и использования продовольственных ресурсов. Ввод откорректированной информации с указанных рабочих мест в базу данных с использованием сетей передачи данных.

4) Подсистема приема, подготовки и загрузки данных, обеспечивающая информационное взаимодействие между базой ИНАК и другими информационными системами.

Системное программное обеспечение ИНАК должно удовлетворять следующим общим требованиям: являться унифицированным и максимально соответствовать программному обеспечению, используемому в информационных системах других структур, с которыми предстоит взаимодействие; осуществлять поддержку многопользовательской работы с файловыми системами; поддерживать общесистемные сервисы (управления базой данных, администрирования, информационной безопасности и печати), обладать лицензионной чистотой.

Выбор операционной системы при создании ИНАК «Продовольственная система» должен определяться, в первую очередь, требованиями к условиям работы базы данных в области устойчивости функционирования, а также масштабами создаваемой информационной системы (количество рабочих мест, в том числе, обеспечивающих удаленный доступ к базе данных, интенсивность обращений к ней, объемы вводимой информации в рамках одной транзакции и т. д.).

Исходя из условий функционирования ИНАК, к системе управления базой данных (СУБД) предъявляются умеренные требования по быстродействию и динамичности и высокие – по надежности. С точки зрения управления данными и их анализа, важно преобразовывать первичные данные в активно применяемую информацию. Кроме этого, СУБД, являясь всеобъемлющей системой для решения поставленных задач, должна открывать путь к быстрой разработке корпоративных приложений нового поколения, которые обеспечат максимальную эффективность работы.

Организация информационно-аналитического обеспечения продовольственной системы, формирования и использования продовольственных ресурсов должна обеспечить: а) отслеживание процесса формирования продовольственных ресурсов; б) применение прогрессивных форм реализации сельскохозяйственной продукции; в) защиту интересов товаропроизводителей и потребителей; г) системный подход к изучению условий производства продовольственных ресурсов, их переработки, реализации и потребления. При этом мы считаем целесообразным систематизировать и классифицировать нормативные документы и целевые программы, направленные на развитие агропродовольственного потенциала региона.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить: а) комплексный подход к развитию механизма информационно-аналитического обеспечения агропродовольственной системы является одним из необходимых элементов процесса управления формированием и использованием продовольственных ресурсов, позволяющим в условиях нестабильной внешней среды через систему критериев и показателей отслеживать соответствие поставленным задачам; б) методические и практические условия организации информационно-аналитического обеспечения агропродовольственной системы должны обеспечить последовательную реализацию следующих задач: повышение степени удовлетворения потребностей населения региона в основных продуктах питания с учетом состояния платежеспособного спроса населения; наращивание объемов производства продовольственных ресурсов с учетом обеспечения внутрирегиональных потребностей и вывоза в другие регионы (для регионов специализации); обеспечение пропорциональности объемов производства продовольственных ресурсов и перерабатывающих мощностей, производственной инфраструктуры; в) организацию мониторинга и информационно-аналитического обеспечения агропродовольственной системы должны являться частью экономического механизма ее функционирования и условием оптимизации перспективного развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Глухова, Т. В.** Анализ и моделирование соотношения производства и потребления сельскохозяйственной продукции / Т. В. Глухова, И. А. Иванова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6.

2. **Зинина, Л. И.** Организация и регулирование продовольственного обеспечения региона / Л. И. Зинина, Т. В. Глухова // Региональная экономика : теория и практика. – 2014. – № 8.

3. **Зинина, Л. И.** Развитие механизма государственного регулирования продовольственного рынка региона / Л. И. Зинина Т. В. Глухова. – Саранск : Изд-во Мордов. госуд. ун-та, 2007. – 224 с.

4. **Зинина, Л. И.** Стратегическое управление продовольственной системой / Л. И. Зинина, Е. М. Зинин. – Саранск : Изд-во Мордов. госуд. ун-та, 2007. – 200 с.

5. **Угурчиев, О. Б.** Состояние и тенденции развития регионального продовольственного рынка / О. Б. Угурчиев // Региональная экономика : теория и практика. – 2010. – № 6.

Поступила 01.04.2014 г.

Об авторах:

Зинина Любовь Ивановна, профессор кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении экономического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор экономических наук, zininali@mail.ru

Глухова Татьяна Васильевна, доцент кафедры кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении экономического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат экономических наук, asptg2004@mail.ru

Для цитирования: Зинина, Л. И. Организационно-экономические и информационные аспекты развития региональной системы продовольственного обеспечения / Л. И. Зинина, Т. В. Глухова. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 129–136. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.129

REFERENCES

1. Gluhova T. V., Ivanova I. A. Analiz i modelirovanie sootnoshenija proizvodstva i potreblenija sel'skohozjajstvennoj produkcii [Analysis and modelling of balance between production and consummation of agriproduct]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* – Modern problems of science and education. 2012, no. 6.

2. Zinina L. I., Glukhova T. V. Organizacija i regulirovanie prodovol'stvennogo obespechenija regiona [Organization and regulation of subsistence support of a region]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* – Regional economics: theory and practice. 2014, no. 8.

3. Zinina L. I., Gluhova T. V. Razvitie mehanizma gosudarstvennogo regulirovanija prodovol'stvennogo rynka regiona [Development of a mechanism of government regulation of food market of a region]. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2007, 224 p.

4. Zinina L. I., Zinin E. M. Strategicheskoe upravlenie prodovol'stvennoj sistemoj [Strategic management of food system]. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Publ., 2007, 200 p.

5. Ugurchiev O. B. Sostojanie i tendencii razvitija regional'nogo prodovol'stvennogo rynka [State and trends of a regional food market]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* – Regional economics: theory and practice. 2010, no. 6.

About the authors:

Zinina Ljubov' Ivanovna, professor of Statistics, Econometrics and Information Technologies in Management chair of Economics faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Doctor of Science degree holder in Economics, zininali@mail.ru

Gluhova Tat'jana Vasil'evna, Associate professor of Statistics, Econometrics and Information Technologies in Management chair of Economics faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Economics, asptg2004@mail.ru

For citation: Zinina L. I., Gluhova T. V. Organizacionno-jekonomicheskie i informacionnye aspekty razvitija regional'noj sistemy prodovol'stvennogo obespechenija [Business and informational aspects of development of regional food systems]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 129–136. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.129

УДК 314.145(1-22)(470.345) DOI: 10.15507/VMU.024.201403.137

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ И МЕРЫ ПО ЕЕ УЛУЧШЕНИЮ

К. П. Мартынов

В статье определяется актуальность демографических процессов в Российской Федерации. Основная тенденция демографического развития сельских территорий Республики Мордовия – убыль населения. В работе дается оценка причин этой убыли: снижение рождаемости, высокая смертность и старение населения. Вследствие низкого уровня жизни сельского населения сокращение его численности происходит более интенсивно, чем в городах. Кроме этого, в статье определяются причины миграции населения РМ из села в город.

На основании проведенного анализа дается оценка состояния здоровья населения Мордовии. Регрессивная возрастная структура сельского населения, для которой характерно превышение доли населения старших возрастных групп над долей детей, приводит к понижению экономической и репродуктивной активности населения, что не отвечает интересам устойчивого развития аграрной сферы региона и страны в целом.

Для улучшения демографической ситуации в сельской местности РМ необходимы снижение миграции сельской молодежи в города и закрепление молодых кадров на селе; рост рождаемости и поддержка многодетных семей; развитие здравоохранения.

Ключевые слова: демографический процесс, миграционный поток, рождаемость, сельское население, численность населения.

DEMOGRAPHIC SITUATION IN RURAL AREAS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA AND MEASURES FOR ITS IMPROVEMENT

K. P. Martynov

The article identifies the relevance of demographic processes in modern Russia. The main trend of demographic development of the rural territories of the Republic of Mordovia is the declining rural population. The article evaluates the causes of the decline of the rural population in the Republic: the decline in the birth rate, high mortality and ageing of the population due to the low standard of living of the population in rural areas, greater decrease of its size as compared to urban areas. The article determines the causes of migration from the countryside in the Republic of Mordovia.

On the basis of the analysis assessed the health status of the population in the Republic. A regressive age structure of the rural population, which is characterized by an excess of the older population over the proportion of children, leads to a decrease in economic and reproductive activity of the population that does not serve the interests of sustainable development of agrarian sector of the region and the country as a whole.

To improve the demographic situation in rural areas of the Republic of Mordovia, the author proposes the following: reducing the migration of rural youth to urban and young personnel us village, expanding the birth rates and support for many children; developing the health care.

Keywords: demographic processes, migration flows, birth rate, rural population.

В последние годы демографическая проблема в России входит в число наиболее острых социальных проблем. Задача улучшения ситуации в этой сфере является фундаментальной стратегической целью развития страны.

© Мартынов К. П., 2014

К негативным тенденциям последних лет относится демографическая деградация в сельской местности. Несмотря на то, что рост численности и доли городского населения является общемировой направленностью, в РФ, к сожалению, он сопровождается закрытием учреждений социальной инфраструктуры, снижением объемов сельскохозяйственного производства, оттоком молодежи, старением населения, сокращением численности трудовых ресурсов и ростом безработицы. Современные социально-демографические тенденции можно назвать процессом «вымирания» российской сельской местности, что представляет серьезную угрозу для национальной безопасности.

Демографическая ситуация на селе в Мордовии в целом соответствует демографической ситуации в России. В РМ с 1993 г. активно сокращается численность населения. В 2012 г. она составила 818,5 тыс. чел., то есть за последние 19 лет сократилась на 142,2 тыс. чел. Численность сельского населения за этот же период сократилась на 89,6 тыс. чел. Кроме этого, существенно изменилась структура населения: если до 1959 г. преобладающим было сельское (82 %), то в настоящее время им является городское (61,3 %).

Основная тенденция демографического развития сельских территорий Мордовии – убыль сельского населения. За последние годы численность постоянного населения сократилась во всех муниципальных районах республики, кроме Лямбирского.

Сокращение численности сельского населения выражается в сокращении в 2012 г. количества населенных пунктов (по сравнению с 2002 г. – на 74 села и деревни, то есть ежегодно в республике исчезает 7 деревень). Количество сельских населенных пунктов без проживания увеличилось с 29 в 2002 г. до 63 в 2013 г. (табл. 1). Населенные пункты с населением до 10 чел. в 2013 г. составили 17,11 %, то есть по сравнению с 2002 г. их доля увеличилась на 3,33 %.

Сокращение сельских населенных пунктов приводит запустению территорий, устранению от оборота продуктивных земель сельскохозяйственного назначения.

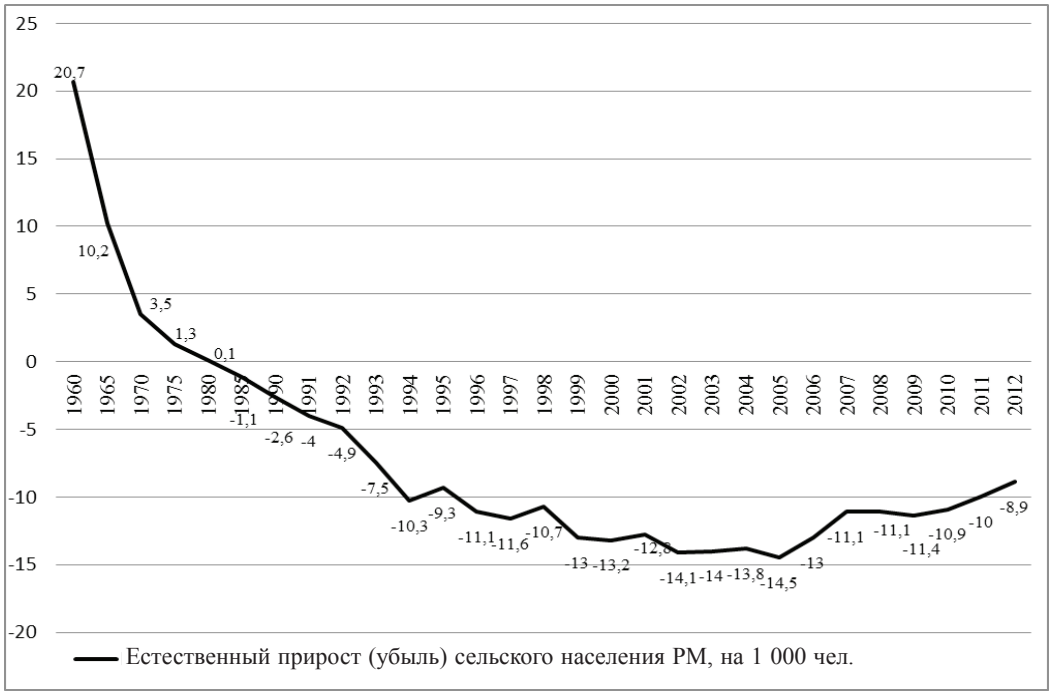
Таблица 1

Группировка сельских населенных пунктов по типу и численности населения в РМ

Показатель	2002 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Количество сельских населенных пунктов:	1 313	1 250	1 248	1 239	1 239
– без населения	29	61	59	57	63
– с численностью населения, чел.:					
менее 5	98	117	117	121	127
6–10	83	81	81	83	85
11–25	155	141	141	138	139
26–50	140	118	118	117	111
51–100	168	135	136	140	133
101–200	157	156	159	154	161
201–500	297	278	274	272	267
501–1000	131	111	111	106	104
1001–2000	34	29	29	28	26
2001–3000	6	9	9	10	10
3001–5000	11	10	10	9	9
5000 и более	4	4	4	4	4

Современная демографическая ситуация в Мордовии характеризуется серьезным нарушением процессов воспроизводства населения. Еще в конце 1980-х гг. произошло обвальное снижение рождаемости при значительном росте смертности, что привело к резкому сокращению естественного прироста населения и нарастанию отрицательного сальдо [2, с. 169].

Естественная убыль сельского населения Мордовии продолжала стремительно возрастать с 1990 г., достигнув наибольшего значения в 2005 г. – 14,5 ‰ (рис. 1). С 2006 г. наблюдается уменьшение данного показателя; в 2012 г. он приобрел значение 8,9 %. Эта положительная динамика отражает наметившееся улучшение демографической ситуации, но не меняет критическую демографическую ситуацию в республике: важно отметить, что в 2012 г. смертность превысила рождаемость в 1,97 раза.



Р и с. 1. Естественный прирост (убыль) сельского населения РМ, на 1 000 чел.

Практически во всех селах Мордовии в течение длительного времени наблюдается естественная убыль населения. Это свидетельствует об утрате ими внутренних источников демографического роста. Существенное значение в распространении демографического кризиса имеет разрушение института брака и семьи. В ближайшей перспективе возможны более сильные демографические потери не только среди сельского, но и городского населения РМ. Все это требует незамедлительной разработки мер региональной политики, направленной на поддержание демографического потенциала в сельской местности.

Общий прирост численности населения РМ с 1990 г. является отрицательным. Наиболее высокий уровень убыли был отмечен в 2002 г. – 1,22 %. Общая убыль населения в республике составила 6 888 чел. в 2012 г., из которых 3 143 чел. мигрировали.

В сельской местности сокращение численности населения происходит интенсивнее, чем в городах, из-за разницы в уровне и качестве жизни.

Условия сельской жизни до настоящего времени остаются малоудовлетворительными. Основная часть сельского жилищного фонда не имеет элементарных коммунальных удобств. В РМ наблюдается сокращение числа учреждений социальной инфраструктуры, снижение доступа сельских жителей к образованию и здравоохранению. Существующая дорожная сеть также не соответствует современным требованиям [3, с. 103].

Сокращение численности населения приводит к дефициту на рынке труда, замедлению экономического развития и маргинализации жителей отдаленных территорий. С 1990 г. в селах РМ наблюдается отрицательный общий прирост населения. С 2005 г. убыль сельского населения составляла более 1 % в год. С 2007 г. миграция из села увеличилась и в 2012 г. составила 2 978 чел., что превысило естественную убыль сельского населения (табл. 2).

Таблица 2

Компоненты изменения общей численности сельскогонаселения РМ, чел.

Год	Численность населения на 1 января	Изменения за год				Численность населения на 31 декабря	Общий прирост, %
		Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	Вследсвие перемены категории населенных пунктов		
1990	416 562	-5 068	-1 082	-3 986	–	411 494	-1,22
1991	411 494	-4 725	-1 627	-3 098	–	406 769	-1,15
1992	406 769	-655	-2 015	1 360	–	406 114	-0,16
1993	406 114	-1 837	-3 041	1 204	–	404 277	-0,45
1994	404 277	-3 860	-4 147	287	–	400 417	-0,95
1995	400 417	-4 794	-3 704	-1 090	–	395 623	-1,20
2000	373 347	-6 287	-4 904	-1 383	–	367 060	-1,68
2001	367 060	-5 261	-4 635	-1 726	1 100	361 799	-1,43
2002	361 799	-6 173	-5 060	-1 113	–	355 626	-1,71
2003	355 626	1 752	-4 979	749	5 982	357 378	0,49
2004	357 378	3 524	-4 934	2 002	6 456	360 902	0,99
2005	360 902	-3 910	-5 214	1 304	–	356 992	-1,08
2006	356 992	-4 322	-4 591	269	–	352 670	-1,21
2007	352 670	-5 316	-3 899	-1 417	–	347 354	-1,51
2008	347 354	-6 404	-3 827	-2 577	–	340 950	-1,84
2009	340 950	-5 742	-3 839	-1 903	–	335 208	-1,68
2010	335 208	-6 616	-3 618	-2 998	–	328 592	-1,97
2011	328 592	-6 261	-3 268	-2 993	–	322 331	-1,91
2012	322 331	-5 804	-2 826	-2 978	–	316 527	-1,80

Составлена по: [4].

Одним из наиболее важных показателей качества населения является состояние его здоровья. Для РМ характерна высокая заболеваемость взрослого населения (в 2012 г. – 1 262,1 ‰). К сожалению, проблема здоровья населения перемещается из старших возрастных групп в молодые, что противоречит его естественной постепенной потере. В процессе жизни потенциал здоровья снижается. В РМ общая заболеваемость подростков, которые вскоре должны пополнить трудовые ресурсы региона, в 2012 г. составила 2 684,9 ‰, что на 15,65 % выше уровня 2008 г. Общая заболеваемость детей в возрасте до 14 лет еще выше, чем у подростков 2 636,3 ‰ в 2012 г. (табл. 3).

Таблица 3

Заболеваемость населения по основным возрастным группам (на 1 000 чел.)

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Взрослые					
Общая заболеваемость	1 329,5	1 348,4	1 329,4	1 248,4	1 262,1
в том числе со впервые установленным диагнозом	515,6	512,3	505,3	486,5	465,1
Подростки (15–17 лет)					
Общая заболеваемость	2 148,7	2 414,5	2 355,0	2 307,7	2 484,9
в том числе со впервые установленным диагнозом	1 111,0	1 290,6	1 233,8	1 173,1	1 250,2
Дети (0–14 лет)					
Общая заболеваемость	2 506,4	2 766,6	2 658,0	2 620,8	2 636,3
в том числе со впервые установленным диагнозом	1 824,2	2 037,6	1 936,8	1 986,8	1 953,0

Составлено по: [4].

При высоком уровне заболеваемости населения Мордовии сокращение числа больничных организаций с 54 в 2008 г. до 47 в 2012 г., а также врачебных учреждений, оказывающих амбулаторно-поликлиническую помощь населению, с 83 до 73 мы считаем неоправданным.

Состояние здоровья и уровень смертности населения отражает продолжительность жизни, которая в 2011 г. составляла 62,7 лет у мужчин и 75,2 – у женщин. Несмотря на наметившуюся в последние годы тенденцию увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения Мордовии, она отстает от аналогичного показателя в европейских странах (Швейцария – 82,5 лет, Франция – 81,7, Норвегия – 81,3).

Высокой остается смертность сельского населения вследствие причин, связанных с употреблением алкоголя: алкогольная кардиомиопатия, случайные отравления, алкогольная болезнь печени, хронический алкоголизм, психозы, дегенерация нервной системы, вызванная алкоголем, хронический панкреатит алкогольной этиологии и др.

Важной характеристикой, оказывающей влияние на воспроизводство населения, является возрастная структура населения. Средний возраст сельского населения в РМ увеличивается с 2007 г. В 2012 г. он составил 42,59 лет (рис. 2). Для сравнения: средний возраст сельского населения в целом в России в 2012 г. составлял 42,31 лет, а в ПФО – 40,45 лет.

Повышенный медианный возраст сельского населения в Мордовии является следствием двух процессов: снижения рождаемости и оттока молодого населения в города.

Р и с. 2. Средний возраст сельского населения РМ, лет

Средний возраст населения характеризует «молодость» или «старость» населения в целом. Для более подробной картины следует рассматривать удельный вес отдельных возрастов.

В Мордовии удельный вес населения моложе трудоспособного возраста в 2012 г. составил 13,8 %; это самый низкий показатель в ПФО. Для сравнения: в РФ этот показатель составляет 19,3 %.

В Мордовии сложилась регрессивная возрастная структура населения, для которой характерно превышение доли населения старших возрастов над долей детей. Это приводит к понижению экономической и репродуктивной активности населения, что не отвечает интересам устойчивого развития аграрной сферы региона.

Согласно международным критериям, население страны считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше превышает 7,0 %. В РМ она составила 17,12 % на 1 января 2012 г.

Старение ведет к дефициту рабочей силы, увеличению демографической нагрузки на трудоспособное население и систему здравоохранения, а также обострению проблемы выплаты пенсий и социальных пособий. Демографическая нагрузка на сельское население трудоспособного возраста в России в 2012 г. составила 738 чел. на 1 000 жит. трудоспособного возраста, в том числе 402 чел. старшего трудоспособного возраста (табл. 4).

Таблица 4

Демографическая нагрузка на сельское население субъектов РФ трудоспособного возраста на 1 января 2013 г.

Федеральный округ	Демографическая нагрузка на 1 000 жит. трудоспособного возраста лиц нетрудоспособного возраста	Демографическая нагрузка на 1 000 жит. трудоспособного возраста детей и подростков (0–15 лет)	Демографическая нагрузка на 1 000 жит. трудоспособного возраста лиц старше трудоспособного возраста
1	2	3	4
Российская Федерация	738	336	402

Окончание табл. 4

1	2	3	4
ПФО	750	318	432
Республика Башкортостан	756	363	393
Республика Марий Эл	649	308	341
Республика Мордовия	690	233	457
Республика Татарстан	766	310	456
Удмуртская Республика	723	357	366
Чувашская Республика	760	315	445
Пермский край	742	362	380
Кировская область	803	286	517
Нижегородская область	758	259	499
Оренбургская область	763	355	408
Пензенская область	778	272	506
Самарская область	731	289	442
Саратовская область	738	302	436
Ульяновская область	779	270	509

Как показано в табл. 4, в Мордовии демографическая нагрузка на 1 000 жит. трудоспособного возраста составляет 690 чел., в том числе 457 чел. старшего трудоспособного возраста и 233 чел. – детей и подростков.

Необходимо учитывать демографические тенденции при разработке политики развития сельских территорий. Территории с высокой долей пожилого населения должны получать больше средств на социальные нужды, включая социальное и пенсионное обеспечение и развитие здравоохранения.

В районах, благоприятных для жизни и хозяйства, но имеющих «старое» население, должны быть созданы условия для притока молодых специалистов. На территориях с высоким удельным весом молодежи приоритетными направлениями должны стать образование и культурное развитие, а также создание новых рабочих мест.

Необходимость демографического роста в Мордовии обусловлена, прежде всего, потребностью в трудоспособном населении. Сокращение численности детей и подростков создает проблему формирования трудовых ресурсов, способных развивать материальный и интеллектуальный потенциал региона, ведет к уменьшению объемов подготовки квалифицированных кадров в среднепрофессиональных и высших учебных заведениях и, следовательно, создает угрозу усиления внешней технологической зависимости.

Кардинальным фактором улучшения демографической ситуации в сельских районах должно стать снижение миграции молодежи в города. Для этого необходимо провести ряд мероприятий по улучшению жилищных условий сель-

ского населения и обеспечению жильем молодых специалистов и их семей. Также необходимо благоустройство сельских поселений: проведение водопроводов, газификация жилых домов, проложение дорог и тротуаров, освещение, строительство мостов, артезианских скважин и т. д. Должна быть обеспечена равнодоступность социальных услуг для жителей вне зависимости от места их проживания и сферы деятельности.

Определяющим фактором изменения динамики демографических процессов в РМ должен стать рост рождаемости. Именно на это необходимо направить усилия общества и государства. Женщине, родившей или усыновившей троих и более детей, государство должно выплачивать заработную плату с начислением трудового стажа. Это позволит снять необходимость выбора многими российскими женщинами между работой и рождением детей, а также повысит престиж материнства в обществе.

Для стабилизации численности населения в сельской местности необходимо сократить смертность. Опыт многих развитых стран по улучшению здоровья позволяет выделить три направления политики, необходимой в долгосрочной перспективе. Во-первых, оздоровление образа жизни населения и, с учетом российской специфики, сокращение уровня алкоголизации. Во-вторых, ориентация здравоохранения на снижение предотвратимых потерь здоровья. В-третьих, улучшение условий жизни населения и борьба с бедностью. Последнее направление является основой, без которой все остальные решения представляются нам малоэффективными. Естественно это далеко не полный перечень возможных направлений деятельности, но именно они нацелены на ключевые проблемы, связанные с повышенной смертности в России [5, с. 68].

Проблема улучшения здоровья людей должна стать центральной. Изменение отношения человека к своему здоровью в настоящее время зависит не только от его настроя, но и тех возможностей, которые предоставляет государство.

Проблема здоровья населения является комплексной, многофакторной и требует всестороннего решения: осуществления приоритетной социально направленной экономической политики; изменения подхода к формированию политики в области здравоохранения, учитывающего значимость его вклада в экономику страны; выполнения конкретных государственных программ, гарантирующих улучшение здоровья населения России и обеспечение развития детям; принятия серьезных мер в области экологии и среды обитания человека; широкого распространения пропаганды здорового образа жизни и стандартов санитарно-гигиенических норм с эффективными приемами стимулирования поддержания здоровья [1, с. 153].

Во многом определяющим уровень здоровья фактором является качество питания. В РФ должны быть разработаны стандарты в этой области на основе европейских стандартов продуктов питания, а также стандартов ВОЗ, которые касаются контроля за радиоактивным, химическим и биологическим загрязнением пищи, борьбой с фальсификацией и маркированием генномодифицированных продуктов питания.

В экономике необходима разработка национальной стратегии увеличения человеческого капитала, а также системы показателей, реализующей эту стратегию.

Мы считаем, что в приоритетах социальной политики РМ главенствующее положение должно занимать демографическое оздоровление, то есть сохранение и приумножение населения региона. Проводимые мероприятия должны быть направлены на создание высокого уровня, обеспечение достойного качества и увеличение продолжительности жизни. Именно эти направления мы считаем наиболее важными для сохранения необходимой численности населения и, следовательно, национальной идентичности. От уровня экономического освоения, плотности населения и обустройства сельской местности в значительной степени зависят целостность РМ, а также потенциальные возможности ее социально-экономического развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Гильмутдинов, В. М.** Состояние здоровья населения России и причины его ухудшения / В. М. Гильмутдинов, Л. К. Казанцева, Т. О. Тагаева // ЭКО. – 2009. – № 1. – С. 125–143.

2. **Логинова, Н. Н.** Обзор современной демографической ситуации в Республике Мордовия для целей демографической политики/ Н. Н. Логинова // Вестник Мордовского университета. – 2012. – № 1. – С. 168–171.

3. **Мартынов, К. П.** Проблемы устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия / К. П. Мартынов // Казанская наука. – 2013. – № 7. – С. 102–104.

4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://gks.ru.

5. **Рязанцев, С.** Демографическое будущее России / С. Рязанцев, К. Зоидов // Международные процессы. – 2013. – № 1. – С. 63–75.

Поступила 04.03.2014 г.

Об авторе:

Мартынов Кузьма Петрович, доцент кафедры экономики и организации производства экономического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат экономических наук, kuzmamartynv@rambler.ru

Для цитирования: Мартынов, К. П. Демографическая ситуация в сельской местности Республики Мордовия и меры по ее улучшению / К. П. Мартынов. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 137–145. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.137

REFERENCES

1. Gilmutdinov V. M., Kazantseva L. K., Tagayeva T. O. Sostoyaniye zdorovya naseleniya Rossii i prichiny ego ukhudsheniya [State of Russia population health and causes of health deterioration]. *EKO* – ECO. 2009, no. 1, pp. 125–143.

2. Loginova N. N. Obzor sovremennoy demograficheskoy situatsii v Respublike Mordoviya dlya tseley demograficheskoy politiki [Reviewing the current demographic situation in the Republic of Mordovia for developing demographic policies]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* – Mordovia University Bulletin. 2012, no. 1, pp. 168–171.

3. Martynov K. P. Problemy ustoychivogo razvitiya selskikh territory Respubliki Mordoviya [Matters of sustainable development of the rural arears in the Republic of Mordovia]. *Kazanskaya nauka* – Kazan Science. 2013, no. 7, pp. 102–104.

4. Ofitsialny sayt Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki RF [Official website of Federal State Statistics Service of Russia]. Available at: http://gks.ru.

5. Ryazantsev S., Zoidov K. Demograficheskoye budushcheye Rossii [The demographic future of Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy* – International Processes. 2013, no. 1, pp. 63–75.

About the author:

Martynov Kuz'ma Petrovich, Associate professor of Economics and Organization of Production chair of Economics faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Economics, kuzmamartynv@rambler.ru

For citation: Martynov K. P. Demograficheskaja situacija na sele i mery po ee uluchsheniju v Respublike Mordovija [Demographic situation in rural areas of the Republic of Mordovia and measures for its improvement]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 137–145. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.137

УДК 980.2:621.74 DOI: 10.15507/VMU.024.201403.146

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

В. М. Володин, И. А. Питайкина

Восстановление экономического роста и выход на траекторию устойчивого развития Российской Федерации в условиях усиления процессов глобализации и увеличения рисков в экономической, правовой, политической сферах на мировом и государственном уровнях возможны за счет использования «новых факторов развития»: высокого качества профессионального образования, гибкого рынка труда, благоприятного инвестиционного климата и современных технологий. Следовательно, новый этап модернизации экономики России возможен лишь при обеспечении роста благосостояния населения страны. Однако многие федеральные программы Российской Федерации по модернизации здравоохранения и образования имели низкую социальную и экономическую эффективность. В этой связи целью данной научной статьи было проанализировать причины низкой эффективности реализации социальных программ и рассмотреть возможность применения проектного подхода в реализации социальных программ.

В условиях затянувшихся кризисных явлений в мировой экономике и политике доминирующая неолиберальная парадигма экономической глобализации вошла в противоречие с основным постулатом развития человеческой цивилизации – ценности самого человека как индивида, его жизни. Закрепление гуманистических принципов в экономической науке дало импульс дальнейшему развитию концепций устойчивого развития и человеческого капитала.

В рамках данного подхода в статье аргументируется необходимость выхода на новый этап модернизации здравоохранения и образования в России, как базовых условий формирования нового качества человеческого капитала, являющегося основным потенциалом устойчивого развития. В той связи наилучшим образом для решения поставленных задач приспособлен именно проектный подход в реализации социальных программ, поскольку в него заложены соответствующие инструменты прогнозирования и оценки рисков, расчета финансовых, трудовых, временных и иных ресурсных потребностей работ и фиксации при необходимости отрицательного результата. Дополнение использования проектного подхода системным позволяет своевременно ввести корректирующие действия.

Реализация целевых программ на основе указанных подходов направлена на разрешение острого противоречия, сложившегося в современном российском обществе, между экономической эффективностью и социальной справедливостью в условиях ограниченных ресурсов.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, человеческий капитал, здравоохранение, образование, проектный подход.

PROJECT-BASED APPROACH IN IMPLEMENTATION OF SOCIAL PROGRAMS

V. M. Volodin, I. A. Pitajkina

Increased economic growth and access to the path of sustainable development of the Russian Federation depends on the growing globalization and increases the risks in different areas, such as economic, legal and political spheres on the global and national levels. Solution of this problem is possible through the use of “new development factors”: for example, high-quality vocational education, a flexible labor market, a favorable investment climate and modern technology. Consequently, a new step modernization of the Russian economy is only possible with Growth welfare of the country. However, many federal programs of the Russian Federation

© Володин В. М., Питайкина И. А., 2014

aimed to improve the health and education of the country had a low social and economic efficiency. The aim of this research is to analyze the reasons of the low efficiency of social programs and find a way to solve these problems through the use of project-based approach.

Novadays crisis problems of crisis in the world economy and politics are dominated by the neo-liberal paradigm of economic globalization. It came in conflict with the basic postulate of human civilization – the value of the person as an individual and his life in a whole. Securing the humanistic principles in economics gave impulse to the further development of the concepts of sustainable development and human capital.

The article arguments the need to step up the new level of health and education in Russia, as the basic conditions for the formation of a new quality of human capital, which is the main potential for sustainable development. In that regard, the best way to meet the challenges it is adapted project-based approach in the implementation of social programs, because it laid the appropriate tools of forecasting and risk assessment of its financial, labor, time and other resource requirements, which help to avoid a negative result. In addition, if we will use system approach, we can introduce necessary corrective actions.

Implementation of programs on the basis of these approaches is aimed at resolving the contradictions that emerged in contemporary Russian society, between economic efficiency and social equity under the conditions of limited resources.

Keywords: post-industrial society, human capital, health, education, project-based approach.

Новый этап модернизации экономики Российской Федерации, направленный на формирование конкурентоспособной (в экономической, политической, социальной и других сферах) страны, не возможен без обеспечения роста благосостояния ее населения. Базовым условием для решения задач социального развития в России является восстановление экономического роста за счет использования новых факторов развития: высокого качества профессионального образования, гибкого рынка труда, благоприятного инвестиционного климата и современных технологий [4]. Основным показателем, характеризующим достигнутый в обществе уровень благосостояния, является качество жизни граждан. В связи с этим выбор стратегии социально-экономического развития государства, направленной на достижение преимуществ в глобальной конкуренции, должен основываться на создании условий достижения высоких показателей уровня и качества жизни на основе технологического переворота в рамках перехода к постиндустриальному обществу. Реализовывать выбранную стратегию следует путем выделения конкретных мер развития в рамках проектного подхода отдельно от оперативного управления (рис. 1).

Р и с. 1. Схема формирования проектного подхода в управлении социально-экономическим развитием государства

В контексте продолжающихся процессов глобализации экономики, углубления структурных изменений между государством и транснациональным капиталом, перевода экономической власти с национально-государственного уровня на глобальный проектный подход наилучшим образом приспособлен для решения стоящих перед государством задач обеспечения социальных гарантий своих граждан с учетом постоянно усложняющихся изменений, рисков, генерирования и применения инноваций. Согласно классической дефиниции, проект представляет собой уникальное предприятие, предполагающее координированное выполнение взаимосвязанных действий для достижения целей в условиях ресурсных ограничений [2]. Проектирование как особый вид деятельности по созданию опережающей проекции того, что впоследствии будет материализовано, содержит в себе функцию прогнозирования социальных последствий, а также корректирующие инструменты, направленные на учет рисков и снижение отрицательного социально-экономического эффекта.

Транснационализация мирового социально-экономического и политического пространства породила множество противоречий и латентных конфликтов, вызвала переосмысление понятия национальной идентичности, трансформировала право государств на самостоятельный выбор вектора развития. Усиление воздействия мирового экономического кризиса на сложившуюся в том или ином обществе систему социально-экономических условий жизни населения и возможность удовлетворения их потребностей обусловило нарастание общей социальной напряженности внутри страны на фоне увеличения дифференциации населения по уровню доходов и актуализировало государственную задачу обеспечения социальных гарантий.

Доминирующая неолиберальная парадигма экономической глобализации в условиях затянувшихся кризисных явлений в мировой экономике вошла в противоречие с основным постулатом развития человеческой цивилизации – ценности самого человека, его жизни, того, что реализация его потребностей не должна нарушать такой же возможности для других людей как в настоящее время, так и в будущем. Данный тезис послужил закреплению гуманистических принципов в экономической науке и дал импульс дальнейшему совершенствованию концепций устойчивого развития и человеческого капитала.

Термин *устойчивое развитие* был предложен Международной комиссией по окружающей среде и развитию в 1987 г. Исследователи соотносили суть данной концепции с необходимостью трансформации социальных институтов. Этот постулат лег в основу доклада Д. Медоуза и его коллег по римскому клубу «Пределы роста» [5]. В условиях, когда современное поколение за десять лет потребляет больше ресурсов, чем предыдущие – за сто, основным критерием устойчивого развития является достижение долгосрочного равновесия между деятельностью человека и воспроизводящими возможностями биосферы. Ускорение темпов научно-технического прогресса и формирование экономики знаний существенно изменяют природу человека, повышают требования к уровню его квалификации, творческому потенциалу, креативности и требуют значительных инвестиций в образование, здравоохранение и т. д.

Для России переход от модели рентоориентированной экономики и избыточной зависимости от экспорта сырья к экономике знаний, базирующейся на усилении влияния человеческого капитала, высокотехнологичных наукоемких производств и инноваций сопряжен с проблемой преодоления демографического кризиса, серьезных диспропорций в воспроизводстве населения, ставящих под угрозу национальную безопасность государства. В связи с этим особое значение приобрели федеральные целевые программы развития социальной инфраструктуры, фундаментальной на-

уки, инновационного развития и т. д., направленные на достижение положительного социально-экономического эффекта. Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» за 2005–2008 гг. несколько изменила ситуацию, сложившуюся к началу XXI в., когда разрыв между показателями смертности и рождаемости сократился практически в 3 раза (рис. 2).

Р и с. 2. Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности, на 1 000 чел., 1991–2011 гг. [10]

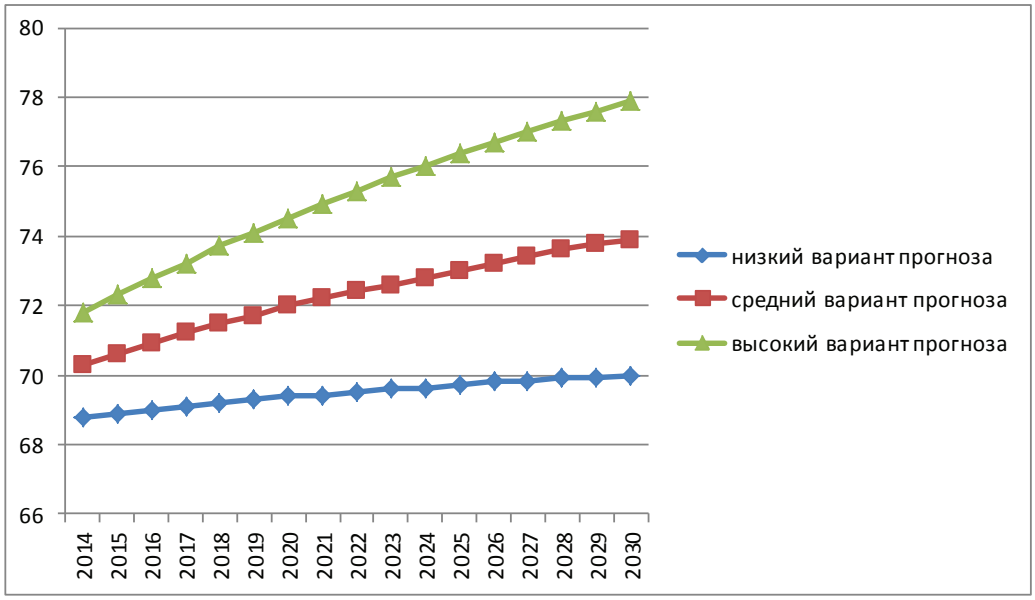
Составлен по: [9].

Принятие национального проекта позволило России подняться в рейтинге стран по уровню жизни с 69 места в 2010 г. на 63 – в 2011 г. Однако существенного изменения уровня жизни населения предпринятые меры не принесли.

Анализ проводимых реформ выявил ряд проблем, связанных с недофинансированием государственной системы здравоохранения, дефицитом квалифицированных медицинских кадров, качеством, безопасностью и доступностью медицинской помощи, в том числе высокотехнологичной.

В 2012 г. в рейтинге стран по уровню жизни Россия заняла только 59 место после Туниса (54), Беларуси (50), Казахстана (46). Лидерство по данному показателю принадлежит Норвегии; в десятку лучших вошли Дания (2), Австралия (3), Швеция (5), Канада (6), США (10) [7]. Ожидаемая продолжительность жизни нашего населения по-прежнему является очень низкой. В рейтинге стран по уровню продолжительности жизни в 2010 г. [9] Россия заняла 124 место.

Согласно самому оптимистичному прогнозу (по данным Госкомстата [12]), продолжительность жизни в России к 2030 г. может составить 78 лет (рис. 3). Этот показатель соответствует 40 месту в рейтинге 2010 г., когда в развитых странах на указанный период продолжительность жизни уже составляет больше 80 лет, а с учетом темпов развития медицины, науки, технологии и сферы здравоохранения к 2030 г. данный показатель, скорее всего, существенно увеличится.



Р и с. 3. Ожидаемая продолжительность жизни населения РФ (число лет) по трем прогнозным вариантам, 2014–2030 гг.

Составлен по: [12].

Запланированная на 2011–2012 гг. Программа модернизации здравоохранения РФ, на реализацию которой было выделено больше 600 млрд руб., не достигла поставленных перед ней целей, что заставило Минздрав внести предложение о продлении сроков ее реализации на 2013 г. [6]. Распоряжением Правительства РФ № 2511-р от 24 декабря 2012 г. была утверждена государственная программа «Развитие здравоохранения» на 2013–2015 гг., направленная на завершение заявленных целей предыдущей: внедрение новых стандартов оказания медицинской помощи, увеличение заработной платы медицинских работников, повсеместную информатизацию их деятельности, обеспечение ремонта учреждений.

Однако на основе анализа итогов реализации предыдущих программ, к сожалению, можно предположить, что заявленная социально-экономическая эффективность, скорее всего, не будет достигнута к концу 2015 г. В ежегодном послании Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. Президент РФ В. В. Путин отметил, что повышение заработной платы за счет бюджетных вливаний без реализации целого комплекса мер (перехода на эффективный контракт, аттестации специалистов, внедрения подушевого финансирования и др.) не приведет к достижению поставленных целей [1]. В результате проведенного исследования причин невыполнения программ нами была выделена группа факторов, препятствующих их эффективной реализации в системе здравоохранения РФ:

– наличие неучтенных рисков в связи с усилением динамизма внешней среды;

– концентрация в одной программе большого многообразия направлений деятельности;

– недостаточность и неэффективность распределения выделенных финансовых ресурсов (доля расходов федерального бюджета в 2015 г. сократится до 2,7 % по сравнению с 4,4 % в 2012 г., что в абсолютных цифрах соответствует снижению с 554 до 383 млрд руб. [1]);

– просчеты в определении временных рамок реализации программ;

– практическое отсутствие экспертов по организации, проведению, контролю и управлению модернизацией системы здравоохранения в РФ.

Первоначально заложенный в федеральных программах проектный подход, направленный на достижение указанных целей в соответствии с конкретными требованиями реальной практики со строгим соблюдением временных и ресурсных ограничений, трансформировался в процессный, представляя собой устойчивую совокупность периодически повторяющихся действий в целях преобразования входных ресурсов в конечный продукт в соответствии с предварительно утвержденными нормами и правилами – отчет об освоении бюджетных средств.

По нашему мнению, в современных условиях усиления глобальных процессов, нарастания неопределенности изменений внешней среды, необходимости перехода на инновационный тип развития российской медицины и фармацевтики целесообразно использовать проектный подход к реализации принятых программ модернизации здравоохранения, поскольку в него заложены соответствующие инструменты прогнозирования и оценки рисков, расчета финансовых, трудовых, временных и других ресурсных потребностей работ, а также фиксации при необходимости отрицательного результата [3].

На первый взгляд, применение проектного подхода в реализации данных программ в сфере образования выглядит завершенным. Однако результаты проведенных мероприятий по реформированию сферы образования в РФ до сих пор не соответствуют требованиям современного общества, ориентированного на постиндустриальное развитие и формирование экономики знаний. Более того, качество образования в нашей стране, согласно данным независимого института Legatum Institute, снизилось с 28 места рейтинга в 2010 г. на 38 в 2011 г. [8]. Потеря десяти позиций за год характеризует усиление разбалансированности применяемых подходов и требований реалий нашего времени. Интеграция российской системы образования в европейскую, согласно логике присоединения к Болонскому процессу в 2003 г., так и не состоялась. На фоне значительного общественного резонанса, неугасающих споров и профессиональных дискуссий о предпринятых мерах и дальнейшем реформировании, сложившаяся критическая ситуация в российском образовании вызывает необходимость пересмотра подходов к модернизации и этой сферы.

Анализ результатов реализации федеральных программ реформирования образования в РФ, принятых с 2001 г., позволил выделить ряд аспектов, препятствующих достижению положительного социально-экономического эффекта предпринятых мер:

– отсутствие единой концепции к реформированию различных уровней системы образования (дошкольное, среднее, высшее) и четкого механизма взаимодействия между ними;

– разрыв между комплексным показателем «качество образования» и методами его достижения (например, несоответствие принятой формы ЕГЭ выявлению реальных знаний учащихся);

– неадекватность компетенций выпускников запросам современного общества;

– существенные различия в оснащенности учебных заведений материально-технической базой;

– проблемы в реформировании системы финансирования учебных заведений;

– сокращение расходов федерального бюджета на образование (их доля в 2015 г. снизится до 4,1 % по сравнению с 4,8 % в 2012 г., что в абсолютных цифрах составит сокращение с 614 до 573 млрд руб. [1]);

– низкая согласованность между размером оплаты образовательных услуг и качеством полученного в ито-

ге результата (когда высокая стоимость образовательной услуги не гарантирует достижения высокого уровня качества усвоенных знаний);

− неадекватность сложившейся системы оплаты труда и, следовательно, дефицит высококлассных научно-педагогических кадров.

Данный перечень не является полным, но позволяет вывести взаимосвязь многих проблем реализации федеральных целевых программ в области здравоохранения и образования. Таким образом, сохранение существующих подходов к реализации социальных программ приведет к уменьшению возможностей экономического роста и снижению уровня жизни в нашей стране, поставит под угрозу возможность устойчивого развития. По нашему мнению, необходим качественно новый подход к модернизации сфер здравоохранения и образования, являющимися базовыми условиями формирования человеческого капитала как потенциала устойчивого развития. По словам Президента РФ, проведение преобразований в социальной сфере недопустимо затянулось, в результате чего потребители услуг, не чувствуют кардинальных изменений. Выделение огромных ресурсов без реального реформирования вместо получения качественного результата приведет к росту неэффективных расходов, раздуванию управленческого аппарата, что часто происходит и на современном этапе [4].

Складывающаяся парадигма устойчивого развития интегрирует в себе институты эволюционного преобразования государства, направленные на непрерывное совершенствование и регулирование его поведения, когда инвариантом является самосохранение государства как сложноорганизованной системы взаимосвязанных действий в целях реализации заложенных функции с учетом прошлого опыта. Процесс перехода к устойчивому развитию является глобальным, и отдельно взятая страна не может перейти на этот путь, в то время как другие будут следовать старой модели развития [11].

Поскольку оценка уровня развития государства проводится комплексными индикаторами состояния социальной, экономической и экологической сфер деятельности, реализация целевых программ в области здравоохранения и образования на основе использования проектного подхода, обеспечивающего учет изменений, рисков и адаптацию последовательности действий в зависимости от ситуации при заданных ограничениях ресурсов и сроков, позволит:

− оптимизировать распределение бюджетных средств;

− персонализировать ответственность за реализацию каждого отдельного проекта в рамках концепции целевого программирования;

− улучшить координацию и согласованность элементов социальной, экономической, экологической систем и сгенерировать возникновение у «старых» элементов новых признаков или появление новых элементов, обладающих свойствами, необходимыми для поддержания устойчивого развития такой сложноорганизованной системы как государство.

Использование проектного подхода дополняется системным, позволяющим исследовать взаимодействие элементов внутри системы, совокупностей систем и надсистем, а также спрогнозировать возникновение рассогласованности в целях, внутренней структуры системы, результатов и своевременно ввести корректирующие действия.

Реализация целевых программ на основе указанных подходов направлена на разрешение острого противоречия, сложившегося в современном российском обществе, между экономической эффективностью и социальной справедливостью в условиях ограниченных ресурсов. Вектор постиндустриального развития направлен на возрастание роли человеческого капитала, при котором уровень развития общества характеризуется высоким качеством жизни,

комфортностью условий жизнедеятельности, сформированных на принципах гуманизма, обеспечением прав и свобод личности на основе социальной справедливости. Однако глобализация трансформирует человеческое сообщество в новую глобальную надсистему с неравномерным распределением мирового дохода, усилением международной социальной напряженности, обострением борьбы за ресурсы, что наряду с недостаточно точно прогнозируемыми существенными изменениями климата ставит под угрозу саму возможность устойчивого развития человеческого сообщества уже на ближайшую перспективу (согласно различным оценкам, от 50 до 100 лет). В связи с этим геоэкономическое и геополитическое положение России, ее ресурсный потенциал и существенные возможности подразумевают колоссальную ответственность за развитие россиян, в очередной раз акцентируя внимание на демографической, социальной, политической и экономической проблемах воспроизводства человеческого капитала, а также формирующих его капиталов здоровья и образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Больницы и школы заплатят за оборону [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gazeta.ru/financial/2012/07/18/4684733.shtml.

2. Компания РиК (Результат и Качество) [Электронный ресурс]. – URL: www.rik-company.ru.

3. Не процесс и не проект, а неведомый объект [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iemag.ru/clouds/opinions/detail.php?ID=16400.

4. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/news/19825.

5. Пределы роста : доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества» – Москва : Изд-во МГУ, 1991. – 206 с.

6. Программа модернизации здравоохранения в России продлена на 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://doctorpiter.ru/articles/5249.

10. Сервис статистики : заглавная страница [Электронный ресурс]. – URL: http://newsruss.ru/doc/index.php.

7. Рейтинг 2012 стран мира : рейтинг России [Электронный ресурс]. – URL: http://7sekretov.ru/world-ranking-2012.html.

8. Рейтинг России 2010, рейтинг Украины [Электронный ресурс]. – URL: http://7sekretov.ru/world-ranking-2009.html#rossiya.

9. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни – информация об исследовании [Электронный ресурс]. – URL: http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info.

11. **Урсул, А. Д.** Глобализация, устойчивое развитие и безопасность : системно-синергетический подход [Электронный ресурс] / А. Д. Урсул, А. Л. Романович // URL: http://spkurdyumov.ru/globalization/globalizaciya-ustojchivoe-razvitie-i-bezopasnost.

12. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru.

Поступила 12.08.2014 г.

Об авторах:

Володин Виктор Михайлович, декан факультета экономики и управления ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), профессор, доктор экономических наук, kaf_eop@rambler.ru

Питайкина Инна Анатольевна, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), кандидат экономических наук, persey_@bk.ru

Для цитирования: Володин, В. М. Проектный подход в реализации социальных программ / В. М. Володин, И. А. Питайкина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 146–154. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.146

REFERENCES

1. Bol'nicy i shkoly zaplatjat za oboronu [Hospitals and schools will pay for defence]. Available at: http://www.gazeta.ru/financial/2012/07/18/4684733.shtml.

2. Kompanija RiK (Rezul'tat i Kachestvo) [Company RiK (Result and Quality)]. Available at: www.rik-company.ru.

3. Ne process i ne proekt, a nevedomyj ob'ekt [Not a process and not a project, but some unknown object]. Available at: http://www.iemag.ru/clouds/opinions/detail.php?ID=16400.

4. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju [State of the Nation to the Federal Assembly]. Available at: http://www.kremlin.ru/news/19825.

5. Predely rosta: doklad po proektu Rimskogo kluba "Slozhnoe polozhenie chelovechestva" [Growth limits: report on the project of Rome Club "Difficult situation of humanity"]. Moscow, Moscow University Press Publ., 1991, 206 p.

6. Programma modernizacii zdravoohranenija v Rossii prodlena na 2013 g. [Health Care modernization program in Russia is extended for the year 2013]. Available at: http://doctorpiter.ru/articles/5249.

7. Servis statistiki: zaglavnaja stranica [Statistics service: main page]. Available at: http://newsruss.ru/doc/index.php.

8. Rejting 2012 stran mira: rejting Rossii [Countries rating 2012: rating of Russia]. Available at: http://7sekretov.ru/world-ranking-2012.html.

9. Rejting Rossii 2010, rejting Ukrainy [Rating of Russia 2010, rating of Ukraine]. Available at: http://7sekretov.ru/world-ranking-2009.html#rossiya.

10. Rejting stran mira po urovnju prodolzhitel'nosti zhizni – informacija ob issledovanii [Rating of countries basing of lifespan level – information about the research]. Available at: http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info.

11. Ursul A. D. Globalizacija, ustojchivoe razvitie i bezopasnost': sistemno-sinergeticheskij podhod [Globalization, sustainable development and security: systematic and synergetic approach]. Available at: http://spkurdyumov.ru/globalization/globalizaciya-ustojchivoe-razvitie-i-bezopasnost.

12. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal Agency of State Statistics]. Available at: http://www.gks.ru.

About the authors:

Volodin Viktor Mihajlovich, dean of Economics and Management faculty, Penza State University (Russia, Penza, 40 Krasnaja Str.), professor, Doctor of Science degree holder in Economics, kaf_eop@rambler.ru

Pitajkina Inna Anatol'evna, Associate professor of Economic Theory and Global Economy chair, Penza State University (Russia, Penza, 40 Krasnaja Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Economics, persey_@bk.ru

For citation: Volodin V. M., Pitajkina I. A. Proektnyj podhod v realizacii social'nyh programm [Project-based approach in implementation of social programs]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 146–154. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.146

УДК 338.46:311(470.34) DOI: 10.15507/VMU.024.201404.155

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ УСЛУГ В РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Н. Г. Подзоров, В. О. Кузьмина

В статье исследуется дифференциация населения регионов Приволжского федерального округа по уровню и структуре потребляемых платных услуг. Рассматривается две группы услуг: обязательные к оплате, вне зависимости от доходов населения, и услуги, повышение потребления которых возрастает только с увеличением доходов населения, особенно предпринимательских. Проводится сравнительный анализ структуры и объемов потребления платных услуг в двух типичных регионах округа, показывающий взаимосвязь уровня и структуры потребления услуг от предпринимательских доходов. Для характеристики предпринимательского климата в каждом регионе рассчитывается индекс структуры доходов, показывающий соотношение среднедушевых доходов с уровнем номинальной начисленной заработной платы. Для характеристики общего уровня потребления платных услуг рассчитываются многомерные средние по регионам по потреблению четырех обязательных услуг, проводится группировка на основе многомерных средних и формируются типичные группы регионов с одинаковыми приоритетами дальнейшего социально-экономического развития.

Ключевые слова: услуги, структура, цена, дифференциация, анализ, регион, многомерная средняя, группировка.

STATISTICAL ASSESSMENT OF DIFFERENTIATION OF NATIONAL CONSUMPTION OF SERVICES IN REGIONS OF VOLGA FEDERAL DISTRICT

N. G. Podzorov, V. O. Kuz'mina

The article deals with the difference of the population of the regions of the Volga Federal district and level and structure of consumption of payable services. The article considers two groups of services: mandatory for payment and additional services, which people pay at the choice. The authors analyze the structure and level of consumption of paid services in two typical regions of the Federal district, which reflects the dependence of the level and structure of consumption of services from business revenue. For the characteristics of the business environment in each region is expected, the index revenue structure, which reflects proportion of average per capita income and level of the nominal salary. To characterize the overall level of consumption of paid services, the authors calculate the index of the structure of the revenue, which shows correlation between average income and level of nominal wage paid. To characterize the general level of consumption of commercial services, the authors calculate the multidimensional average by regions, basing on consumption of four mandatory services, and use it for forming the typical groups of regions with identical priorities of further social and economic development.

Keywords: services, structure, price, differentiation, analysis, region, multidimensional average, group.

© Подзоров Н. Г., Кузьмина В. О., 2014

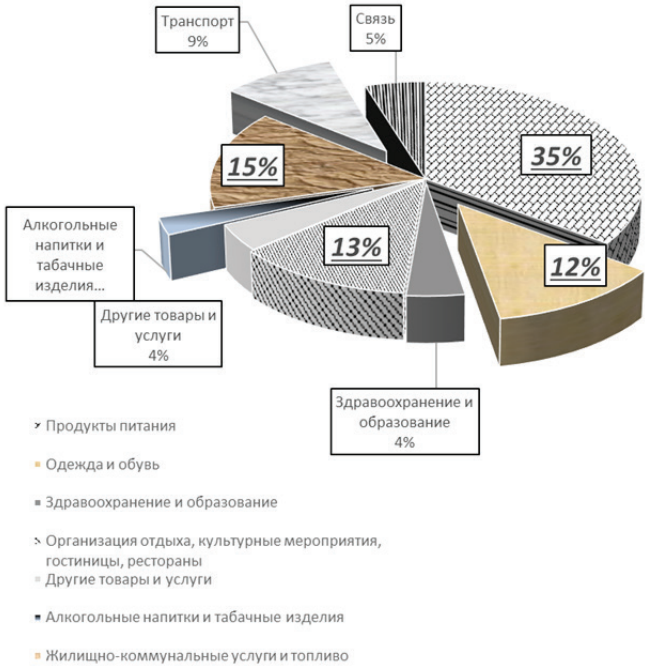
В настоящее время Правительством Российской Федерации рассматривается вопрос необходимости введения в регионах «социальной нормы» потребления электроэнергии, что предполагает дифференцированную оплату внутри этой нормы и повышенную – при потреблении сверх ее. В перспективе этот подход предполагается использовать при расчете оплаты других видов ресурсов и услуг для населения. Право определения таких «социальных норм» потребления, а также цен на ресурсы, исходя из анализа социально-экономического положения, передается администрациям регионов. Мы считаем, что такой подход с дифференциацией цены за электроэнергию исходит из принципа повышения социальной справедливости, поскольку малоимущие слои населения будут платить по низким ценам внутри нормы потребления, а «сверхбогатые», при больших объемах потребления ресурса, – по повышенным ставкам. При реализации данного принципа необходимо найти решение нескольких взаимосвязанных экономических задач.

Различия между регионами в уровнях доходов и расходов населения, в структуре и стоимости потребляемых услуг являются значительными, а увеличение различий в стоимости одной и той же услуги может привести к дальнейшему росту межрегиональной дифференциации уровня жизни населения. В этих условиях особую актуальность приобретает углубленный статистический анализ уровня и структуры потребляемых населением услуг по регионам одного федерального округа, что позволит рассчитать необходимые экономические нормативы.

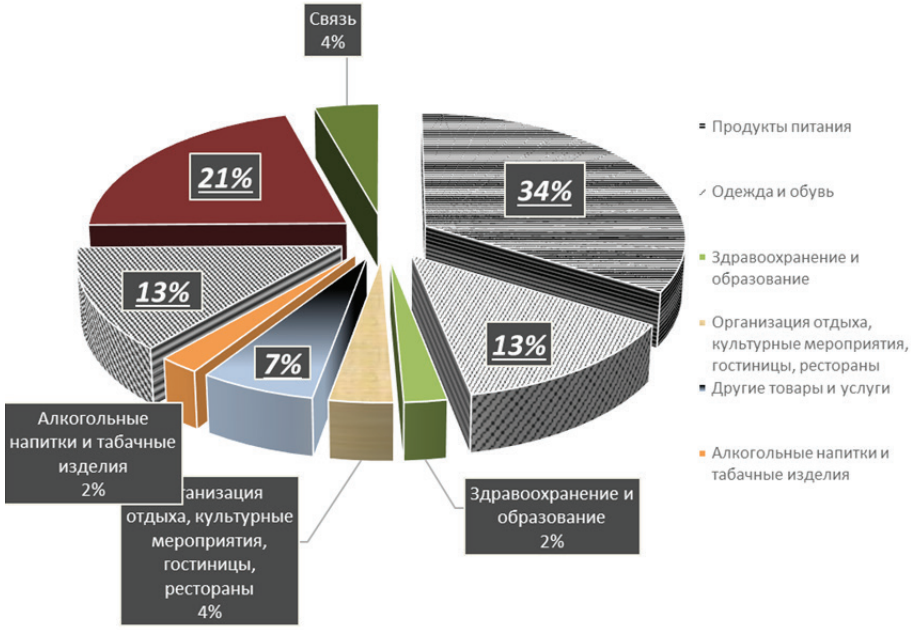
В российской науке и практике при исследовании уровня потребления принято разделять расходы населения на три группы: услуги, продовольственные и непродовольственные товары. При этом в прежних условиях низкой стоимости жилищно-бытовых и коммунальных услуг, увеличение объемов потребления услуг однозначно считалось показателем роста благосостояния. В современных условиях такой подход нуждается в обосновании.

При сравнительном анализе потребления населением услуг в регионах рост объемов их потребления на душу населения, как правило, считается индикатором повышения благосостояния. Однако при этом необходимо учитывать различия в стоимости услуг, а также их предназначение, то есть распределение на так называемые «обязательные», отказаться от оплаты которых невозможно, и «дополнительные», уровень потребления которых находится в зависимости от роста доходов населения. Первоначально при распределении своих доходов население направляет средства на удовлетворение первичных потребностей в питании, одежде, обуви, а также на оплату обязательных жилищно-коммунальных услуг. С повышением уровня доходов средства направляются также на организацию отдыха, путешествия, охрану здоровья, образование, культурные мероприятия и т. д. У населения с низкими доходами имеется возможность удовлетворения в основном первичных потребностей, а дополнительные услуги являются недоступными. Именно поэтому уровень и структура потребления услуг по регионам зависят от большого количества факторов, которыми и определяются межрегиональные различия. Сравнение отчетных данных по Республике Мордовия и Республике Татарстан позволило оценить влияние основных из них (рис. 1–2).

Несмотря на схожесть структуры потребления услуг, его объемы на душу населения существенно различаются (в Татарстане они в 1,2–1,5 раза выше). Вследствие большого количества потребляемых услуг необходимо провести «сжатие» информации, и первым методом является расчет многомерной средней для каждого региона [3]. В него можно внести все виды потребляемых услуг, но, на наш взгляд, более правильным является включение только четырех основных («обязательных»). Мы считаем, что это позволит выделить наиболее типичные группы регионов со схожими социально-экономическими условиями.



Р и с. 1. Структура потребления услуг населением Республики Мордовия (2011 г.)



Р и с. 2. Структура потребления услуг населением Республики Татарстан (2011 г.)

Важнейшим методом статистического анализа дифференциации потребления услуг в регионах является группировка на основе многомерных средних, которые позволяют соединить множество видов потребляемых услуг в единую величину, исходя из отношения фактических значений к среднему по округу:

$$\overline{p}_i = \frac{\sum_{j=1}^{k} p_j}{k} = \sum_{j=1}^{k} \left(\frac{x_j}{\overline{x}_j} \right) / k, \qquad (1)$$

где $\overline{p}_i$ – многомерная средняя для i-й единицы;

i – номер единицы совокупности;

j – номер признака;

k – число признаков;

x_{ij} – значение признака x_j для i-й единицы;

$\overline{x}_j$ – среднее значение признака x_j.

Для расчета многомерной средней для каждого региона ПФО нами были рассмотрены четыре показателя:

– использование бытовых услуг на душу населения, x_1;

– пользование транспортными услугами на душу населения, x_2;

– пользование услугами связи на душу населения, x_3;

– пользование коммунальными услугами на душу населения, x_4.

Распределение регионов по значению многомерной средней позволяет сформировать однородные, или типичные по данному набору признаков, группы регионов со схожими социально-экономическими условиями, что дает возможность выделить для них приоритетные направления роста благосостояния [2].

Рассчитанные нами многомерные средние позволили сформировать четыре группы регионов и провести их сравнительный анализ (таблица).

В первой группе (Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пензенская область) расходы по всем видам услуг оказались самым низкими (45–60 % от расходов на душу населения в четвертой группе регионов, наиболее высокодоходной в округе). В числе регионов, которые попали в группу с высокими доходами, оказались Республика Башкортостан, Самарская область и Республика Татарстан. Даже по расходам на продукты питания в первой и четвертой группах различия являются существенными, что характеризует уровень бедности в регионах первой группы. Необходимо отметить, что значительная доля продовольствия в них производится и потребляется в личных подсобных хозяйствах, не выходя в переработку и торговый оборот, что снижает налогооблагаемую базу.

Таблица

Группировка регионов ПФО по многомерной средней по потреблению услуг населением (2011 г.)

Группы регионов по многомерной средней	Число регионов	Среднедушевые денежные доходы, тыс. руб.	Индикатор структуры доходов (ИСД)	Расходы населения, тыс. руб.			
				На питание	На одежду и обувь	На здравоохранение и образование	На отдых, культурные мероприятия, гостиницы, рестораны
А	1	2	3	4	5	6	7
до 0,8	5	12,8	0,86	2,8	0,9	0,8	0,7

окончание табл.

0,81–0,94	3	14,0	0,92	3,6	1,0	0,9	0,6
0,95–1,07	3	18,2	1,01	3,6	1,3	1,0	1,3
1,08 и больше	3	20,3	1,07	4,7	1,6	1,3	1,3
В среднем по ПФО	14	16,3	0,97	3,9	1,3	1,1	1,1

В то же время в регионах четвертой группы при очень высоких доходах основную долю продовольствия население покупает в магазинах и на рынках и может себе позволить деликатесные продукты. Среднедушевые доходы в них в среднем в 1,4 раза выше, чем в регионах первой группы. Средняя заработная плата в четвертой группе в 1,3 раза выше, чем в первой, то есть различия в доходах являются более значительными, чем по средней заработной плате. Это объясняется тем, что в этой группе намного выше доля предпринимательского дохода населения, чем в регионах первой группы, где основными источниками дохода являются заработная плата и социальные выплаты [1].

Для характеристики уровня предпринимательства в регионе нами предлагается относительный показатель – индикатор структуры доходов (ИСД). Он демонстрирует соотношение среднедушевого дохода и среднемесячной номинальной заработной платы. Чем выше значение этого показателя в регионе, тем выше удельный вес предпринимательских доходов в общих доходах населения. В регионах первой группы ИСД принимает значение 0,86, а в регионах четвертой группы – 1,07. Несмотря на то, что только часть населения получает предпринимательский доход, данная величина в среднем на душу населения является самой высокой – 20,3 тыс. руб. Развитие предпринимательства обеспечило в этих регионах значительные объемы дополнительных доходов, которые направлены населением на приобретение услуг, в том числе «дополнительных».

При анализе уровня и структуры потребляемых услуг наиболее сложным вопросом оказалось их разделение на так называемые «обязательные» и «дополнительные». К обязательным необходимо относить те, от оплаты которых невозможно отказаться: коммунальные, бытовые, транспортные, услуги связи. Но даже среди этих услуг наряду с «обязательной» необходимо выделять «дополнительную» часть, которая характеризует уровень комфортности в потреблении этих услуг. В связи с этим возникает задача определения «социальной нормы».

К «дополнительным» услугам, очевидно, необходимо отнести расходы на организацию отдыха и культурные мероприятия, а также здравоохранение, образование, рестораны и некоторые другие. Но даже в этих услугах существует обязательный необходимый минимум расходов вследствие расширения сферы платных медицинских услуг; в расходах на образование необходимо различать первичное получение высшего образования на платной основе и получение второго образования, получение которого является обязательно платным.

При анализе потребляемых услуг была выявлена взаимосвязь объемов услуг и среднедушевых доходов населения, что представляется нам естественным и закономерным. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что только предпринимательство способно вывести регионы в категорию «богатых», поскольку высокие доходы сочетаются с наиболее высокими значениями средней заработной платы и уровнем потребления всех видов услуг.

Отметим, что в четвертую группу вошли регионы, чья экономическая жизнь тесно связана с нефтяной и газовой отраслями, в настоящее время являющимися «локомотивами» повышения доходов и расходов населения, поскольку при этих отраслях эффективно развивается предпринимательство, растут налоговые поступления в региональные бюджеты, а соответственно и оплата труда в бюджетной сфере. Вслед за этим расширяется и совершенствуется сфера услуг и повышается заработная плата в этой области.

В регионах первой группы или нет явных «локомотивных» отраслей, или они занимают небольшой удельный вес в численности занятых; слабее развито предпринимательство, значительную долю в экономике составляет малодоходный аграрный сектор, что в комплексе приводит к слабой налогооблагаемой базе региональных бюджетов, и, следовательно, более низкому уровню потребления материальных благ и платных услуг.

Также отметим, что межрегиональное сравнение необходимо дополнять сравнением потребления услуг группами населения с различным уровнем доходов. В межрегиональном сравнении хорошие аналитические возможности представляет применение многомерной средней и индикатора структурных доходов – ИСД.

В задачи социальной политики государства входит снижение дифференциации населения по уровню доходов как внутри каждого региона, так и между регионами, поскольку эти различия многократно превышают показатели экономически развитых стран. Для решения этой задачи необходимо применить комплекс взаимосвязанных мер в связи с тем, что разрозненные меры по повышению оплаты труда отдельных категорий работающих менее эффективны. Самым прогрессивным направлением, по нашему мнению, является повышение оплаты труда в области образования и здравоохранения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Полякова, Г. П.** Интегральная оценка качества жизни населения регионов Приволжского федерального округа / Г. П. Полякова, Л. С. Тюкаева // Вопросы статистики. – 2013. – № 11. – С. 35–41.

2. Регионы России : Социально-экономические показатели. – Москва : Росстат, 2012. – 990 с.

3. Теория статистики / Р. А. Шмойлова [и др.]. – Москва : Финансы и статистика, 2006. – 193 с.

Поступила 14.07.2014 г.

Об авторах:

Подзоров Николай Григорьевич, доцент кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении экономического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат экономических наук, podzorov_ng@rambler.ru

Кузьмина Валерия Олеговна, магистрант 1 года обучения по направлению «Экономика» экономического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), kuzmina_valeri@mail.ru

Для цитирования: Подзоров, Н. Г. Статистическая оценка дифференциации потребления населением услуг в регионах Приволжского федерального округа / Н. Г. Подзоров, В. О. Кузьмина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 155–161. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.155

REFERENCES

1. Polyakova G. P., Tyukayeva L. S. [Integral assessment of quality life in the Volga Federal District's population]. *Voprosy statistiki* – Issues of statistics. 2013, no. 11, pp. 35–41.

2. Regions of Russia. Regiony Rossii : Social'no-jekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia: social and economic indicators. 2012. Statistical collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2012, 990 p.

3. Shmoylova R. A., Sadovnikova N. A., Minashkin V. G., Shuvalova E. B. Teorija statistiki [The statistics theory]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 2006, 193 p.

About the authors:

Podzorov Nikolaj Grigor'evich, Associate professor of Statistics, Econometrics and Information Technologies in Management chair of Economics faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Economics, podzorov_ng@rambler.ru

Kuz'mina Valerija Olegovna, 4th year student of Economics faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), kuzmina_valeri@mail.ru

For citation: Podzorov N. G., Kuz'mina V. O. Statisticheskaja ocenka differenciacii potreblenija naseleniem uslug v regionah Privolzhskogo federal'nogo okruga [Statistical assessment of differentiation of national consumption of services in regions of Volga federal district]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 155–161. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.155

УДК 648(470/345)“20” DOI: 10.15507/VMU.024.201403.162

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ ЗА 2008–2013 гг.

Н. О. Колчина

В статье представлены результаты анализа развития сферы общественного питания Республики Мордовия в контексте регионов Приволжского федерального округа и некоторых европейских стран; выявлено, что российский рынок общественного питания характеризуется низким уровнем обеспеченности точками общепита на душу населения, сравнительно низкой частотой питания «вне дома» и неразвитостью региональных рынков. Несмотря на повышенный интерес иностранных сетей к рынку общественного питания регионов ПФО и появления крупных иностранных брендов, сохраняются негативные тенденции развития данной сферы в ряде регионов. Например, в индустрии общественного питания РМ не используется франчайзинг и недостаточно обширно внедряются сетевые формы организации общественного питания в сегменте для населения со средним уровнем доходов. Кроме этого, в процессе исследования были выявлены некоторые другие диспропорции, а также их причины и возможные пути развития рынка общественного питания в перспективе.

Ключевые слова: динамика, закусочная, бар, кафе, общественное питание, общепит, посадочное место, предприятие питания, ресторан, Приволжский федеральный округ, сетевая компания, столовая.

TRENDS IN THE CATERING INDUSTRY DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA OVER THE PERIOD OF 2008–2013

N. O. Kolchina

The paper presents the comparative analysis of the catering industry development in the Republic of Mordovia, the regions of the Volga Federal District and some European countries. It was found that the Russian catering market is characterized by a small number of fast food outlets per population, a relatively small number of dinners-out, and underdeveloped regional catering markets. Despite the increased interest of foreign networks in the catering market of the Volga Federal District regions and entry of major foreign brands in the said market, some negative trends in the development of this industry in a number of regions are being observed. For example, the catering industry of the Republic of Mordovia does not use franchising; network forms of catering industry organization for the population with average incomes are being poorly implemented in practice.

In addition, the article describes other disparities, their causes and possible ways of the long-term catering market development.

Keywords: dynamics, fast-food, bar, cafe, catering industry, public catering, seats, food service company, restaurant, Volga Federal District, network company, canteen, eating establishment.

Сфера общественного питания играет важную роль в жизни современного общества. Уровень ее развития является одним из наиболее значимых показателей социально-экономического становления общества.

Общественное питание – отрасль экономики, предприятия которой выполняют такие функции как производство и реализация услуг питания, а также организация потребления и досуга.

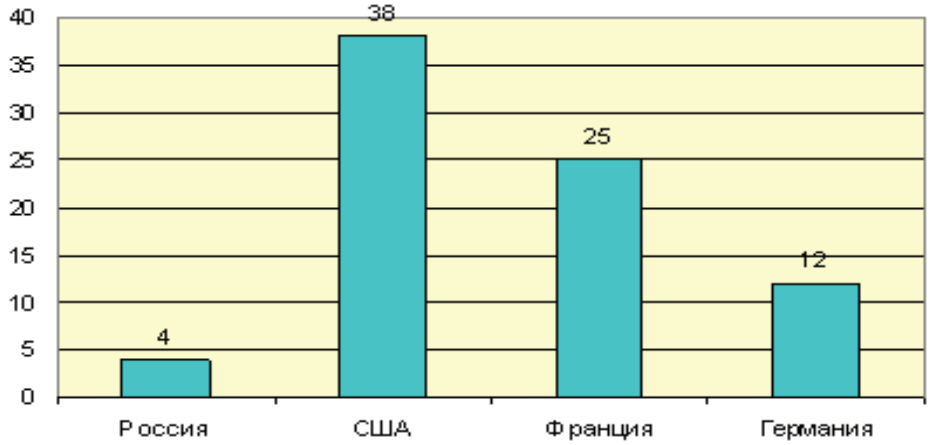
© Колчина Н. О., 2014

Услуги общественного питания оказывают различные типы предприятий – рестораны, бары, кафе, столовые, закусочные и т. д. При этом в настоящий момент в России к ним не существует четко сформулированных требований. В связи с этим направления специализации предприятий отрасли определяются на основе их собственного позиционирования.

В традиционной классификации, установленной ГОСТом Р 50762-95, рестораны делятся на три класса: люкс, высший и первый, каждому из которых предъявляется определенный набор требований. Однако мы считаем, что в современных условиях целесообразно использовать немного другую градацию: элитные, рестораны для среднего класса (демократичные) и фаст-фуды. Период 2008–2013 гг. характеризуется развитием сегмента фаст-фуда. Его ежегодный рост в России, согласно оценкам DISCOVERY Research Group, составляет 20–27 %. В то же время замедлились темпы роста сегмента элитных ресторанов. В последние годы в сфере общественного питания появились такие типы заведений как кофейни и операторы зарубежных и региональных представителей сетевых компаний питания.

Российский рынок общественного питания характеризуется низким уровнем обеспеченности точками общепита на душу населения, сравнительно низкой частотой питания «вне дома» и неразвитостью региональных рынков. Хотя численность населения в России является самой высокой среди стран Восточной Европы, число предприятий общественного питания в 2012 г., например, в Польше составляло 96 тыс., что почти в 2 раза больше, чем в России – 50,1 тыс. (в 2011 г – 45,2 тыс.). В западноевропейских странах (таких как Испания и Италия) этот показатель почти в шесть раз выше, чем в России (305 и 312 тыс. предприятий общественного питания, соответственно). Российский рынок общественного питания является ненасыщенным и характеризуется более высокими темпами развития, чем рынки стран Европы и США.

Среднедушевые затраты на ресторанные услуги в России значительно ниже аналогичных показателей в других странах. В 2008 г. в России они составили менее 4 тыс. руб. на 1 чел. в год, в 2013 г. – не более 8 тыс. руб. Это значительно меньше, чем в США (38 тыс. руб. в 2008 г.), Франции (25 тыс. руб. в 2008 г.) и Германии (12 тыс. руб. в 2008 г.) (рис. 1).



Р и с. 1. Среднедушевые затраты на питание вне дома в разных странах, тыс. руб. на 1 чел. в год

Такая ситуация в сфере общественного питания в России свидетельствует, с одной стороны, о высоком потенциале развития данного рынка и его недостаточной насыщенности, а с другой – о низком уровне доходов российских граждан. Россияне тратят на еду в среднем около 30 % доходов, то есть в 2 раза больше, чем европейцы, и в 6 – чем жители США. Это связано как с уровнем благосостояния российского населения, так и с высокими ценами на продукты и услуги в сфере общественного питания. Например, уровень цен на продукты питания в Австрии приближен к среднему уровню по России, а средняя заработная плата составляет 4–5 тыс. евро (минимальный прожиточный уровень – 700 евро) Цена среднего чека в сетевой кофейне Вены составляет в среднем 10 евро, в России – 600 руб.

В 2011–2013 гг. в России изменилась структура общественного питания в сравнении с 2008–2011 гг. Выбор потребителей переместился с дорогих ресторанов на сетевые предприятия общественного питания. Согласно данным исследовательской компании «Комкон», в первом квартале 2013 г. дорогие рестораны регулярно посещало 14,7 % жителей регионов ПФО, а в тот же период 2012 г. – 21,3 %. Торговый оборот дорогих ресторанов в регионах ПФО снизился на 25–30 %. Кроме того, снизилась стоимость среднего чека в ресторанах, уменьшилось количество посетителей. В то же время, в сетевых ресторанах и кафе средней ценовой категории, а также небольших точках общепита с доступными ценами в период 2008–2013 гг. количество посетителей увеличилось на 12 %, хотя средний чек уменьшился на 4 %.

В 2011–2013 гг. наблюдался повышенный интерес иностранных сетей к рынку общественного питания регионов ПФО. В 2012 г. на нем появились такие крупные иностранные бренды как «Burger King» и «Dunkin' Donuts», увеличилось количество объектов «Макдоналдс», «Сбарро», «Сабвей», «Планета Суши», «Иль Патио», «Ростик´С», «Крошка-Картошка», «Шоколадница», «Тинькофф», «Джус Мастер» и др.

Основным конкурентом предприятий, работающих в сегменте быстрого питания на российском рынке выступает «Макдоналдс». Запланированная на 2013 г. программа его развития является самой большой за последние пять лет. В 2011–2013 гг. «Макдоналдс» стремился повысить отдачу от существующих точек. Компания готова инвестировать 30 млн долл. в 30 новых российских ресторанов. Последними городами в ПФО, в которых не существовало ресторанов быстрого обслуживания, были Саранск и Ижевск.

В 2010–2013 гг. в РФ были зарегистрированы невысокие темпы роста объема оборота общественного питания, что обусловлено рядом причин (табл. 1).

Таблица 1

Динамика оборота общественного питания в РФ

Год	Оборот, млрд руб.	Индекс физического объема, % к предыдущему периоду
2008	548,5	114,2
2009	722,7	112,2
2010	711,2	87,3
2011	781,3	103,0
2012	903,3	106,2

Наиболее интенсивный рост объемов оборота общественного питания наблюдался в 2008–2009 гг.: темп роста в фактических ценах составил 114,2 и 112,2 %, соответственно. Минимальное значение данного показателя было зафиксировано в 2010 г. в связи с финансовым кризисом в стране.

Ситуацию, сложившуюся в сфере общественного питания, характеризуют три основных показателя: развитие сети предприятий общественного питания, степень обеспеченности населения его услугами и объем оборота общественного питания.

По состоянию на 1 января 2014 г. в Мордовии функционировало 836 предприятий общественного питания на 56,6 тыс. посадочных мест. С 2008 по 2013 гг. количество предприятий увеличилось незначительно (всего на 20 объектов), а количество посадочных мест – на 2,3 тыс. ед. Также произошли изменения в структуре предприятий (табл. 2).

В 2012 г. увеличилось число общедоступных столовых и закусочных почти на 32 % по сравнению с 2008 г. В то же время наблюдалось сокращение предприятий общественного питания, находящихся на балансе организаций.

Таблица 2

Развитие сети предприятий общественного питания в РМ в 2009–2013 гг.

Тип предприятия	Количество предприятий					Количество посадочных мест				
	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Рестораны, кафе, бары	162	172	166	169	180	8 998	9 770	9 962	9 903	9 357
Общедоступные столовые, закусочные	51	51	66	66	85*	1 999	2 128	2 701	2 528	3 490*
Столовые на балансе учебные заведения, организаций, предприятий.	603	583	565	541	552	43 274	43 241	42 212	41 856	39 366
Всего по РМ	816	822	797	776	830	54 271	55 137	54 875	54 590	56 570

* В том числе нестационарные (сезонные) пункты питания

С 2008 по 2013 гг. было ликвидировано более 60 объектов (4 000 посадочных мест) общественного питания, находящихся на балансе организаций. Таким образом, изменения в структуре предприятий общественного питания происходят за счет роста частных предприятий.

В 2011 г. в Мордовии была создана ООО «Национальная кейтеринговая компания – Мордовия», которая обеспечивает горячим питанием детей в 34 школах г. Саранск и другие социальные объекты. В структуре компаний имеется центр производственно-логистического развития, имеющий складские помещения и необходимое количество транспорта.

На протяжении многих лет в РМ сохраняются значительные диспропорции в обеспеченности муниципальных районов предприятиями общественного питания. В районах республики населения она имеет существенную дифференциацию (табл. 3).

Таблица 3

Развитие сети предприятий общественного питания в РМ в 2009–2013 гг.

Наименование района/городского округа	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.	
	Кол-во предприятий, ед.	Кол-во посад. мест на 1 000 жит.	Кол-во предприятий, ед.	Кол-во посад. мест на 1 000 жит.	Кол-во предприятий, ед.	Кол-во посад. мест на 1 000 жит.	Кол-во предприятий, ед.	Кол-во посад. мест на 1 000 жит.	Кол-во предприятий, ед.	Кол-во посад. мест на 1 000 жит.
Ардатовский	31	30,7	30	59,6	31	53,7	29	53,6	32	69
Атюрьевский	23	11,4	23	73,7	22	80,6	19	75,6	20	78,8
Атяшевский	36	21,8	33	89,9	26	76,3	26	76,2	29	76,8
Большеберезниковский	18	15,2	18	64,1	14	53,1	13	49,5	12	45,3
Большеигнатовский	20	5,2	20	124,8	18	95,2	18	98,3	18	103,3
Дубенский	43	15,7	43	123,0	33	153,8	31	153,8	31	154,7
Ельниковский	19	12,9	16	81,5	17	84,0	13	75,7	12	117,1
Зубово-Полянский	54	64,1	52	41,3	51	43,4	51	43,3	49	42,7
Инсарский	8	15,2	8	48,4	21	98,0	21	99,3	10	39,1
Ичалковский	31	22,2	32	101,6	28	91,7	28	92,3	27	122,6
Кадошкинский	10	9,0	12	71,0	9	44,4	9	45,8	10	83,0
Ковылкинский	47	45,9	45	60,8	36	56,4	38	59,8	44	53,2
Кочкуровский	2	14,4	2	13,4	9	36,3	9	38,9	9	47,8
Краснослободский	25	28,9	38	86,9	31	68,4	30	68,4	29	66,3
Лямбирский	28	33,5	27	54,2	20	45,0	20	45,8	20	41,3
Ромодановский	31	21,5	28	69,9	28	67,1	28	68,0	31	61,5
Рузаевский	49	67,8	50	49,1	41	48,0	44	51,2	65	72,0
Старошайговский	25	15,1	24	107,1	13	54,9	13	55,1	13	53,0
Темниковский	6	19,8	6	36,0	19	74,0	20	81,9	7	41,3
Теньгушевский	23	13,7	23	70,3	22	56,1	22	58,9	22	61,9
Торбеевский	28	22,6	25	64,7	29	73,5	24	65,7	26	73,0
Чамзинский	31	33,3	31	77,2	30	72,4	30	73,5	31	78,0
Саранск	228	326,3	236	67,6	249	67,1	230	66,3	285	72,5
Всего по РМ	816	62,7	882	66,2	791	65,3	766	65,7	830	66,7

Уровень обеспеченности населения республики предприятиями общественного питания при нормативе 40 посадочных мест фактически составляет 67 в расчете на 1 000 чел. (167 % от нормативного значения), а обеспеченность доступными предприятиями – 22 ед., или 55 %.

Обеспеченность населения посадочными местами на предприятиях общественного питания с 2009–2013 гг. в районах Мордовии была приближена к нормативным значениям. Лидерами в 2012 г. являлись Дубенский и Ичалковский районы (122 и 154 ед. соответственно). Ниже нормативного значения был показатель в Инсарском районе (39 ед.)

Среди регионов ПФО лидером по количеству предприятий общественного питания (7 300 ед.) в 2013 г. являлась Республика Башкортостан; минимальное значение данного показателя было зафиксировано в Пензенской области (744 ед.).

При удовлетворительной обеспеченности Мордовии предприятиями общественного питания его оборот в Пензенской области выше почти в 3 раза (2 016 и 6 056 млн руб. соответственно).

С 2008 по 2013 гг. оборот общественного питания в Мордовии увеличился с 1 037 до 2 026 млн руб. в год. (табл. 4). Наиболее интенсивный рост его объемов наблюдался в 2008–2009 гг.: темпы роста в фактических ценах составили 114,2 и 115,2 % соответственно.

Таблица 4

Динамика оборота общественного питания в РМ

Показатель	Год					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Оборот общественного питания, млн руб.	1 037	1 452	1 516	1 719	1 859	2 026
Индекс физического объема, % к предыдущему периоду	114,2	115,2	95,8	106,5	99,8	110,4

Безусловными лидерами по обороту и обеспеченности точками общественного питания среди муниципальных образований являются Саранск и Рузаевка. Большеберезниковский район имеет наибольшее отставание в динамике по сравнению с прошедшим периодом. Стабильный ежегодный прирост данного показателя был зафиксирован в Большеигнатовском, Инсарском и Кадошкинском районах (табл. 5).

Таблица 5

Индекс физического объема оборота общественного питания в районах РМ (в % к предыдущему году)

Район	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Ардатовский	87,4	120,6	97,4	115,4	111,3
Атюрьевский	129,1	130,5	168,3	149,6	75,3
Атяшевский	114,4	111,3	98,5	111,8	103,7
Большеберезниковский	32,2	109,5	99,8	65,4	69,5
Большеигнатовский	165,7	87,7	78,9	109,2	179,7

окончание табл. 5

Дубенский	183,0	110,8	59,7	61,5	86,1
Ельниковский	158,7	71,6	134,4	104,2	110,1
Зубово-Полянский	104,4	84,4	61,8	85,4	105,5
Инсарский	92,0	107,8	104,1	118,7	101,2
Ичалковский	94,1	99,5	99,1	104,7	102,9
Кадошкинский	99,1	31,9	126,7	129,6	115,7
Ковылкинский	120,7	108,7	116,2	98,6	99,4
Кочкуровский	в 2,7 р.	78,9	в 2,0 р.	86,9	127,1
Краснослободский	139,9	101,5	74,2	98,6	92,1
Лямбирский	102,3	98,4	89,7	119,2	99,7
Ромодановский	126,6	105,7	96,0	87,2	122,1
Рузаевский	117,4	104,1	89,9	87,8	105,3
Старошайговский	79,5	81,4	80,6	199,2	83,9
Темниковский	79,6	152,3	103,0	97,1	85,6
Теньгушевский	134,1	104,9	120,1	152,8	96,9
Торбеевский	136,1	83,4	98,5	91,1	90,2
Чамзинский	117,8	95,8	97,1	108,5	89,3
Саранск	113,7	119,2	101,2	106,4	99,6
Всего по РМ	114,2	115,2	95,8	106,5	99,8

Среди регионов ПФО самый низкий показатель оборота общественного питания в 2008–2013 гг. был в Республике Мордовия – 2 026 млн руб., что почти в 10 раз меньше, чем в Самарской и Нижегородской областях, Республиках Татарстан и Башкортостан (табл. 6)

Таблица 6

Динамика оборота общественного питания среди регионов ПФО, млн руб.

Регион ПФО	Год					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
ПФО	96 565	130 071	131 776	148 667	173 505	–
Республика Мордовия	1 037	1 452	1 516	1 719	1 859	2 026
Республика Башкортостан	15 822	19 187	18 411	21 254	26 130	24 414
Республика Марий-Эл	1 851	2 258	2 406	2 541	3 132	3 091

окончание табл. 6

Республика Татарстан	15 946	20 460	19 193	21 800	24 307	23 988
Республика Удмуртия	4 524	5 912	6 322	7 098	8 871	8 952
Республика Чувашия	2 673	3 741	4 000	4 334	6 719	6 253
Кировская область	4 675	6 627	6 662	7 332	8 201	8 201
Нижегородская область	11 096	15 248	14 216	16 406	19 794	21 159
Оренбургская область	5 228	7 287	8 813	9 465	11 346	12 150
Пензенская область	2 263	3 225	4 423	5 181	6 349	6 056
Пермский край	10 945	18 401	19 273	21 001	23 922	21 834
Самарская область	15 087	17 332	16 733	19 137	20 889	19 243
Саратовская область	3 982	6 598	7 413	7 743	8 585	8 239
Ульяновская область	1 538	2 343	2 143	2 379	3 398	3 379

По обороту общественного питания на 1 жителя Мордовия на протяжении 2008–2012 гг. занимала 14 место среди регионов ПФО (табл. 7).

Таблица 7

Динамика оборота общественного питания на 1 жителя ПФО, тыс. руб.

Регион ПФО	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Республика Мордовия	1,2	1,7	1,8	2,0	2,2	2,5
Республика Башкорто-стан	3,9	4,7	4,5	5,2	6,0	6,8
Республика Марий-Эл	2,6	3,2	3,4	3,6	4,4	4,9
Республика Татарстан	4,2	5,4	5,0	5,7	6,3	7,0
Республика Удмуртия	2,9	3,8	4,1	4,6	5,8	6,5
Республика Чувашия	2,0	2,9	3,1	3,4	5,0	5,5

окончание табл. 7

Кировская область	3,3	4,7	4,7	5,4	6,1	6,8
Нижегородская область	3,3	4,5	4,2	4,9	6,4	7,0
Оренбургская область	2,4	3,4	4,1	4,6	6,0	6,7
Пензенская область	1,6	2,3	3,2	3,7	4,4	4,8
Пермский край	4,0	6,7	7,1	7,9	8,2	9,2
Самарская область	4,7	5,4	5,2	5,9	5,9	6,6
Саратовская область	1,5	2,5	2,8	3,0	3,2	3,6
Ульяновская область	1,1	1,7	1,6	1,8	2,6	2,9

Лидерами по данному показателю являются Пермская и Нижегородская области, а также Республика Татарстан (9,2, 7,0 и 7,0 тыс. руб. соответственно).

Такое положение обусловлено тем, что 64,8 % населения Мордовии имеет доходы ниже среднедушевого по республике, а 8,6 % – ниже прожиточного минимума. Кроме того, население склонно к сбережению денег (18 % от совокупного дохода приходится на сбережения – один из самых высоких показателей по ПФО). Доходы населения непосредственно влияют на развитие сферы общественного питания (табл. 8).

Таблица 8

Изменение денежных доходов на душу населения в регионах ПФО (в мес.), тыс. руб.

Регион	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Республика Мордовия	6 060,4	8 269,6	9 522,2	11 294,2	11 948,0	12 144,0
Республика Башкортостан	11 072,8	14 245,4	16 124,8	17 498,9	19 029,8	20 383,1
Республика Марий-Эл	6 072,3	7 825,4	9 205,4	10 335,7	11 328,4	11 629,0
Республика Татарстан	11 566,9	14 163,7	15 892,5	18 424,0	20 222,6	22 537,0
Удмуртская Республика	7 823,8	9 586,6	11 060,0	12 983,6	14 452,3	14 936,5
Чувашская Республика	6 848,7	8 732,2	9 586,3	11 065,8	12 083,0	12 859,8
Кировская область	7 407,4	10 370,4	11 245,4	13 330,9	14 675,0	15 845,2
Нижегородская область	10 171,9	13 078,2	14 490,7	16 477,3	18 336,7	19 590,6
Оренбургская область	7 914,3	10 508,3	12 008,1	13 557,1	14 892,0	15 952,7

окончание табл. 8

Пензенская область	7 908,4	10 043,5	11 415,5	12 920,4	14 171,5	15 359,4
Пермский край	13 691,1	16 398,0	17 975,0	19 834,3	21 307,3	21 718,8
Самарская область	13 779,3	15 564,2	18 021,0	20 223,1	21 756,1	23 143,1
Саратовская область	7 320,3	9 155,7	10 485,5	12 146,6	13 097,3	12 783,1
Ульяновская область	7 761,7	9 727,8	10 762,7	13 132,4	14 312,1	15 391,1

Разрыв в уровне среднедушевых денежных доходов по регионам ПФО в 2013 г. составил 2,2 раза. Наиболее высокие значения данного показателя были зафиксированы в Самарской области и Республике Татарстан (23,1 и 22,5 тыс. руб. соответственно). Самые низкие – в Марий-Эл и Мордовии (11,6 и 12,1 тыс. руб. соответственно). Последняя занимает 12 место среди регионов ПФО по уровню среднедушевых денежных доходов.

На развитие сферы общественного питания в республике влияет ряд внутренних и внешних факторов: уровень развития потребительского рынка, его инфраструктура, численность населения, экономическая и социальная политика государства, наличие благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата и т. д.

Согласно статистическим данным, объем инвестиций в сфере общественного питания на 01.01.2012 г. составил всего 1,2 млн руб.; по сравнению с 2010 г. этот показатель снизился на 13,7 млн руб. (табл. 9).

Таблица 9

Инвестиции в развитие общественного питания в Республике Мордовия, млн руб.

№ п/п		Год			
		2009	2011	2012	2013
1	Всего	14,9	4,4	19,7	1,2

Это обусловливает отсутствие доступных сетевых представителей в регионе. В настоящее время (2014 г.) в РМ действуют всего 5 таких представителей: «Макдональдс», «Сабвей», «БаскинРобинс», «Автосуши» и «Крошка-картошка», предлагающих услуги общественного питания по оптимальному соотношению качества и цены. Это самый низкий показатель среди регионов ПФО. Открытие сетевых точек питания в Мордовии сопряжено с рядом проблем: недостаточное развитие франчайзинга, дефицит квалифицированного персонала, рост цен на сырье, высокая арендная плата в местах с высокой проходимостью, низкий уровень доходов населения и инвестиционная непривлекательность региона. Фактором, сдерживающим повышение инвестиционной активности территории, является наличие значительных административных барьеров.

Таким образом, рынок общественного питания республики развивается, однако еще не находится в стадии насыщения. Заметно изменилась материально-техническая база отрасли, повысился уровень ее оснащения. В настоящее время улучшается обслуживание посетителей, внедряются прогрессивные формы продажи продукции собственного производства; некоторые предприятия общественного питания специализируются на выпуске фирменных блюд.

Однако в индустрии общественного питания Мордовии не используется

франчайзинг и слабо внедряются сетевые формы организации для населения со средним уровнем доходов.

Также существует нехватка точек общественного питания, предлагающих услуги с учетом интересов потребителей: кафе-мороженое, детские кафе, семейные кафе, спорт-кафе и т. д. Кроме того, организации общественного питания недостаточно внедряют в производство блюда национальной кухни; является низкой доступность точек питания для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями.

Развитие общественного питания в республике сдерживается уровнем образования работников; текучестью кадров, обусловленной низкой заработной платой и недостаточной правовой защищенностью работников этой сферы; отсутствием в большинстве организаций общественных объединений (профсоюзов, советов и т. д.), призванных защищать интересы работников; недостаточным вниманием к повышению квалификации работников со стороны руководства общественного питания. Для решения этих проблем необходимо разработать комплекс мероприятий, направленных в том числе на подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров.

В целях улучшения ситуации в сфере общественного питания РМ необходимо развитие предприятий демократичных форматов, предлагающих услуги средней ценовой категории. Особого внимания заслуживает организация производства качественных полуфабрикатов и готовых блюд низкой ценовой категории.

Также нуждаются в оснащении современным торгово-технологическим и холодильным оборудованием студенческие и школьные столовые. Кроме того, следует обеспечить доступ к точкам общественного питания инвалидам и другим маломобильным группам граждан, оборудовав их пандусами, лифтами и т. д.

Для сохранения национальных традиций разных народов необходимо увеличить количество точек общественного питания, предлагающи блюда национальной кухни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ждакаев, И.** Радости простого блюда [Электронный ресурс] / И. Ждакаев, О. Зотикова. – URL: http://www.sostav.ru/articles/2009/04/13/ko2.

2. Мордовия : стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2012. – 472 с.

3. Общественное питание : классификация предприятий : ГОСТ Р 50762-95 (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 05.04.1995 № 198) (ред. от 15.05.1996) [Электронный ресурс]. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=371067.

Поступила 20.03.2014 г.

Об авторе:

Колчина Наталья Олеговна, доцент кафедры маркетинга экономического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат социологических наук, ch.marketing@econom.mrsu.ru

Для цитирования: Колчина, Н. О. Тенденции развития сферы общественного питания Республики Мордовия за 2008–2013 гг. / Н. О. Колчина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 162–173. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.162

REFERENCES

1. Zhdakaev I., Zotikova O. Radosti prostogo bljuda [Pleasures of a simple dish]. Available at: http://www.sostav.ru/articles/2009/04/13/ko2.

2. Mordovija: stat. ezhegodnik / Mordovijastat [Mordovia: statistic yearbook / Mordoviastat]. Saransk, 2012, 472 p.

3. Obshhestvennoe pitanie: klassifikacija predprijatij: GOST R 50762-95 (utv. Postanovleniem Gosstandarta RF ot 05.04.1995 № 198) (red. ot 15.05.1996) [Food services: classification of enterprises: GOST R 50762-95 (enacted by decision of GosStandart of Russia from 05.04.1995, no. 198) (ed. 15.05.1996)]. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=371067.

About the author:

Kolchina Natal'ja Olegovna, Associate professor of Marketing chair of Economics faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Sociology, ch.marketing@econom.mrsu.ru

For citation: Kolchina N. O. Tendencii razvitija obshhestvennogo pitanija Respubliki Mordovija za 2008–2013 gg. [Trends in the catering industry development in the Republic of Mordovia over the period of 2008–2013]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 162–173. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.162

УДК 648(470.345) “20” DOI: 10.15507/VMU.024.201403.174

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ НА 2013–2018 гг.

Н. О. Колчина

В статье представлена прогнозная оценка развития отрасли общественного питания в перспективе, исходя из будущих доходов населения, увеличения числа общедоступных точек питания за счет появления новых сетевых компаний и стоимости среднего чека одного посещения предприятия питания. Необходимость повышения качества предлагаемых услуг организациями общественного питания, по нашему мнению, потребует привлечения в эту сферу высококвалифицированного персонала, а также приведения имеющихся объектов общественного питания к уровню европейских стандартов в городах Республики Мордовия. Это окажет значительное влияние на рост конкуренции на рынке услуг общественного питания республики, что отразится на качестве конечного продукта и соответствии величины среднего чека величине среднего дохода населения. Кроме этого, в статье предложены мероприятия по усовершенствованию функционирования системы общепита РМ с учетом предстоящего чемпионата мира по футболу.

Ключевые слова: доходы, общественное питание, прогноз, прогнозная оценка, потребитель, расходы, средний чек.

FORECAST FOR THE FOODSERVICE INDUSTRY IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA FOR THE PERIOD OF 2013–2018

N. O. Kolchina

The article presents long-term foodservice industry forecasts based on the future income of the population, increasing the number of public food outlets through entering new network companies upon the catering business of the Republic, and the average catering cop. The author emphasizes the need to improve the quality of services in catering organizations through involving highly qualified staff, and developing catering facilities in the cities of the Republic to the level of European standards. This will have a significant impact on improvement of competition on the Mordovia Republic’s market of catering services that affect the quality of the final product and the balance between the average catering cost and average income of the population.

This paper describes the steps to improve the functioning of the system of foodservice industry in the Republic of Mordovia in the context of the 2014 FIFA World Cup.

Keywords: income, food, forecast, consumers, costs, average bill.

Согласно прогнозу, развитие общественного питания в РМ будет направлено на более полное удовлетворение спроса населения на услуги общественного питания, обеспечение их качества, безопасности и доступности. Темпы развития данной сферы в 2013–2018 гг. будут определяться численностью и плотностью населения, его денежными доходами и ценовой доступностью (табл. 1). Кроме того, они будут зависеть от структуры потребительского спроса, ожиданий и предпочтений потребителей.

© Колчина Н. О., 2014

Таблица 1

Прогнозная оценка численности населения РМ в 2013–2018 гг.

Год	Численность населения в течение года, тыс. чел.
2013	814,7
2014	807,6
2015	800,5
2016	794,1
2017	787,8
2018	781,2

*Согласно данным Министерства экономики РМ

Снижение численности населения в прогнозируемом периоде не окажет существенного влияния на уровень потребления услуг. Рост доходов населения привлечет дополнительных их потребителей, что особенно актуально в условиях снижения численности населения Мордовии в прогнозном периоде.

Согласно прогнозной оценке, в 2013–2018 гг. повышение реальных располагаемых денежных доходов в РМ будет соответствовать росту потребительских расходов населения. В связи с этим оборот общественного питания увеличится на 1 520 млн руб. в сравнении с 2013 г. и в 2018 г. составит 3 750 млн руб. (табл. 2).

Таблица 2

Прогнозная оценка оборота общественного питания в РМ на 2013–2018 гг.*

Год	Млн руб.	Индекс физического объема, % в процентах к предыдущему году (без учета влияния цен)
2013	2 230	101,9
2014	2 583	110,0
2015	2 850	104,7
2016	3 150	104,9
2017	3 356	106,5
2018	3 650	108,7

*Согласно данным Министерства экономики РМ

В прогнозируемый период сохранится тенденция опережающей динамики роста общественного питания в сравнении с прошлым периодом, что будет соответствовать общему направлению развития потребительского рынка. Увеличение среднемесячной заработной платы в прогнозируемом периоде будет способствовать росту потребности в услугах питания в основном в среднем ценовом сегменте (табл. 3).

Таблица 3

Прогнозная оценка среднемесячной заработной платы в РМ на 2013–2018 гг.*

Год	Руб.	В % к предыдущему году
2013	17 686,4	115,2
2014	20 299,4	114,8
2015	23 428,3	115,4
2016	27 130,0	115,8
2017	31 525,1	116,2
2018	36 726,7	116,5

*Согласно данным Министерства экономики РМ

Однако удовлетворить растущие потребности в услугах питания представляется затруднительным, поскольку в настоящее время в Мордовии не достигнута нормативная обеспеченность потребителей общедоступными предприятиями (поскольку 40 посадочных мест на 1 000 чел.). В 2012 г. данный показатель имел значение 22 ед. Из 836 (в 2012 г.) предприятий общественного питания только 330 ед. относятся к общедоступным. Такими предприятиями не считаются столовые, находящиеся на балансе каких-либо организаций и школ. Для активизации спроса в прогнозируемый период необходимо прежде всего увеличить количество общедоступных точек питания в районах республики. Это будет способствовать привлечению новых потребителей и развитию отрасли общественного питания в целом (табл. 4).

Таблица 4

Прогноз развития сети предприятий общественного питания в РМ в 2013–2018 гг.

Тип предприятия	Количество предприятий					
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Общедоступные столовые, закусочные, рестораны, кафе, бары	333	341	354	362	390	394
Столовые на балансе учеб. завед., организ., предпр.	515	525	543	562	584	700
Всего по РМ	848	866	897	927	974	996

В настоящее время центр Саранска не располагает достаточным количеством мест общественного питания. Большинство из имеющихся предприятий представляют собой ночные клубы (совмещенные с рестораном) или дорогие рестораны. Места современного формата, рассчитанные на молодежь, семьи, население со средним достатком (фастфуд, кофейни, чайные дома и т. д., в том числе детские кафе или кафе с детскими зонами) практически отсутствуют.

Наряду с увеличением числа общедоступных точек питания основным

фактором, влияющим на выбор потребителей, является величина среднего чека одного посещения предприятия питания. Согласно данным Министерства торговли, на предприятиях питания в Мордовии размер составляет 447 руб. (694 руб. в городском округе Саранск и 200 – в районах), что превышает средний российский уровень. (табл. 5).

Таблица 5

Прогнозная оценка стоимости среднего чека на предприятиях питания в РМ в 2013–2018 гг.*

Год	Цена чека (среднее значение), руб.
2013	447
2014	469
2015	492
2016	516
2017	531
2018	587

*Данные согласованы с Министерством экономики РМ

В прогнозируемом периоде необходимость развития сетевых форм организации питания обусловлена предстоящим чемпионатом мира по футболу в 2018 г. Это событие будет способствовать также притоку туристов в республику.

Увеличение количества общедоступных предприятий питания за счет появления новых сетевых компаний окажет значительное влияние на рост конкуренции на рынке услуг общественного питания республики. В связи с этим предприятия общественного питания Мордовии будут вынуждены обратить особое внимание на качество предлагаемой продукции и соответствие уровню среднего чека величине среднего дохода населения.

Необходимость решения поставленных задач потребует привлечения в сферу общественного питания высококвалифицированного персонала, а также приведения имеющихся в городах республики объектов к европейским стандартам.

Таким образом, рынок общественного питания республики развивается, однако он еще не насыщен в полной мере и на нем достаточно места для сетевых представителей. Успех предприятий общественного питания в конкурентной борьбе во многом зависит от административных барьеров, местоположения региона, его ценовой политики и инвестиционной привлекательности.

В результате анализа развития отрасли общественного питания РМ были выявлены следующие проблемы: недостаточное количество общедоступных предприятий питания; отсутствие желания сетевых представителей питания (особенно зарубежных) работать в Мордовии; практически полное отсутствие контроля за качеством и безопасностью продукции предприятий питания; отсутствие единой кадровой службы специалистов ресторанного бизнеса.

Для решения этих проблем целесообразно:

1. Привлекать сетевых представителей отрасли адекватной арендной платой, предложением выгодного места расположения предприятия сетевого представителя, налоговыми льготами.

2. Контролировать уровень цен на услуги предприятий питания, в зависимости от его статуса (кафе, бар, ресторан, столовая).

3. Усилить контроль за качеством и безопасностью изготовляемой продукции надзорным органом; разработать систему штрафов за несоблюдение норм гигиены и безопасности пищи (существующие допустимые нормы имеют большой диапазон, что позволяет предпринимателям, достигая нижней границы, избегать наказания).

4. Создать единый логистический центр для поставок сырья предприятиям питания, что позволит снизить себестоимость блюд.

5. Создать кадровую службу рестораторов Мордовии для обеспечения отрасли квалифицированными специалистами, а также подготовки и переподготовки кадров, повышения их квалификации.

6. Проводить курсы повышения квалификации руководителей и специалистов предприятий по вопросам улучшения качества обслуживания и предоставляемых услуг.

7. К чемпионату мира по футболу 2018 г. все доступные предприятия общественного питания должны иметь электронную страницу, на которой необходимо представить меню на нескольких языках, а также цены в соответствующей денежной единице.

8. Проводить курсы по изучению английского языка для руководителей и специалистов предприятий общественного питания.

9. Обеспечить закупку торгового оборудования (палаток, шатров, холодильного оборудования, тентовых конструкций и т. д.) для создания единого стиля при выездной организации питания в местах проведения мероприятий ЧМ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ждакаев, И.** Радости простого блюда [Электронный ресурс] / И. Ждакаев, О. Зотикова. – URL: http://www.sostav.ru/articles/2009/04/13/ko2.

2. Мордовия : стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2012. – 472 с.

3. Общественное питание : классификация предприятий : ГОСТ Р 50762-95 (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 05.04.1995 № 198) (ред. от 15.05.1996) [Электронный ресурс]. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=371067.

Поступила 20.03.2014 г.

Об авторе:

Колчина Наталья Олеговна, доцент кафедры маркетинга экономического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат социологических наук, ch.marketing@econom.mrsu.ru

Для цитирования: Колчина, Н. О. Тенденции развития общественного питания Республики Мордовия за 2008–2013 гг. / Н. О. Колчина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 174–179. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.174

REFERENCES

1. Zhdakaev I., Zotikova O. Radosti prostogo bljuda [Pleasures of a simple dish]. Available at: http://www.sostav.ru/articles/2009/04/13/ko2.

2. Mordovija: stat. ezhegodnik / Mordovijastat [Mordovia: statistic yearbook / Mordoviastat]. Saransk, 2012, 472 p.

3. Obshhestvennoe pitanie: klassifikacija predprijatij: GOST R 50762-95 (utv. Postanovleniem Gosstandarta RF ot 05.04.1995 № 198) (red. ot 15.05.1996) [Food services: classification of enterprises: GOST R

50762-95 (enacted by decision of GosStandart of Russia from 05.04.1995, no. 198) (ed. 15.05.1996)]. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=371067.

About the author:

Kolchina Natal'ja Olegovna, Associate professor of Marketing chair of Economics faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Sociology, ch.marketing@econom.mrsu.ru

For citation: Kolchina N. O. Prognoz razvitija sistemy obshhestvennogo pitanija Respubliki Mordovija na 2013–2018 gg [Forecast for the foodservice industry in the Republic of Mordovia for the period of 2013–2018]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 174–179. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.174

УДК 339.137.2:338.46:656.2/.4 DOI: 10.15507/VMU.024.201403.180

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОУСТОЙЧИВОСТИ УСЛУГ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Д. И. Долгов

Актуальность темы статьи заключается в том, что конкурентоустойчивость – это способность организации сохранять свою конкурентоспособность (то есть реальная и потенциальная возможность превосходить своих соперников в различных условиях, постоянно совершенствуя ключевые бизнес-процессы). Применительно к предприятию категория «конкурентоустойчивость» рассматривается как возможность эффективной хозяйственной деятельности, обеспечивающей прибыльную реализацию товаров и услуг в условиях конкурентного рынка. Она обеспечивается всем комплексом имеющихся у предприятия средств. Производство и реализация конкурентоустойчивых товаров и услуг – обобщающий показатель жизнестойкости предприятия, а также его умения эффективно использовать организационный, производственный, финансовый, социальный потенциалы. Таким образом, конкурентоустойчивое предприятие имеет особые преимущества перед своими конкурентами.

Конкурентоустойчивость товара – 1) свойство продукта, имеющего определенную долю соответствующего рынка, которое характеризует степень соответствия технико-функциональных, экономических и других характеристик требованиям потребителей, а также определяет долю рынка, принадлежащую данному товару, и препятствует перераспределению этого рынка в пользу других; 2) совокупность технических, качественных и стоимостных характеристик изделия, обеспечивающих удовлетворение конкретной потребности покупателя. Конкурентоустойчивым является тот товар, комплекс потребительских и стоимостных свойств которого обеспечивает ему коммерческий успех, т. е. позволяет быть прибыльно обмененным на денежные и иные средства в условиях широкого предложения и наличия аналогов.

В настоящее время методика представляет собой логический набор взаимосвязанных формул и графиков, которые применяются для решения тех или иных вопросов. В данной статье представлена методика оценки конкурентоустойчивости предприятий железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: методика, оценка, конкурентоустойчивость, предприятие, вагон-цистерна.

METHODS OF EVALUATION OF COMPETITIVE RESILIENCE IN RAIL TRANSPORT SECTOR

D. I. Dolgov

Relevance of the topic lies in the fact that concept organization is the ability to reliably maintain their competitiveness, i.e. it is real and potential surpass their rivals in a variety of settings, constantly improving key business processes. The category of «concept» in relation to the company can be defined as the possibility of effective economic activity, providing a profitable sale of goods and services in a competitive market. This implementation provides the whole complex of existing enterprise assets. Production and sales of goods and services concept – a general indicator of the viability of the company, its ability to effectively use organizational, industrial, financial, social potentials. As a consequence, concept company has special advantages over their competitors.

Concept product – 1) characteristic of a product having a certain share of the relevant market, which characterizes the degree of compliance with the technical and functional,

© Долгов Д. И., 2014

economic and other characteristics of goods to the requirements of consumers, determines the market share of this product, and prevents the redistribution of the market in favor of other goods; 2) a set of technical, quality and cost performance products to address the specific needs of buyer. Concept is the product range of consumer and value properties which gives it a commercial success, thus it provides it means to be profitably exchanged for cash or other assets in the context of widespread supply and availability of countertypes.

Currently technique is a logical set of formulas and graphs that are interconnected and used to solve certain issues.

The paper presents a method of estimating concept railway enterprises.

Keywords: methodology, evaluation, concept, enterprise, tank wagon.

Оценка конкурентоустойчивости оказания услуг по ремонту вагонов будет, по нашему мнению, включать в себя несколько этапов:

1. Сбор информации по вопросам конкурентоустойчивости в сфере ремонта вагонов.

Отметим, что информация должна исходить из различных источников. Для ее получения должны использоваться законы, указы, постановления органов государственной власти, выступления государственных, политических и общественных деятелей, данные статистики и печати. Этой информацией располагают промышленные предприятия, осуществляющие ремонт вагонов.

2. Оценка перспективности рынка услуг по ремонту вагон-цистерн.

Оценка должна базироваться на изучении факторов понимания организациями и персоналом разницы между прибылью и удовлетворенностью покупателей, а также изучении способов, средств, которые напрямую касаются восприятия и поведения потребителя [1, с. 55].

3. Оценка положения на рынке услуг (прибыльность, преданность сервисной организации).

Имеется в виду необходимость оценить данную величину на предмет адекватности политике предприятия в отношении послепродажного обслуживания.

4. Оценка степени влияния факторов на конкурентоустойчивость предприятий по ремонту вагонов.

К главным факторам относится влияние потребителя на производство железнодорожных цистерн через услуги по их ремонту, пассажирских вагонов – через сервис при переезде, а также влияние потребителя, арендодателя, владельца и арендатора на производство вагонов через услуги по их ремонту.

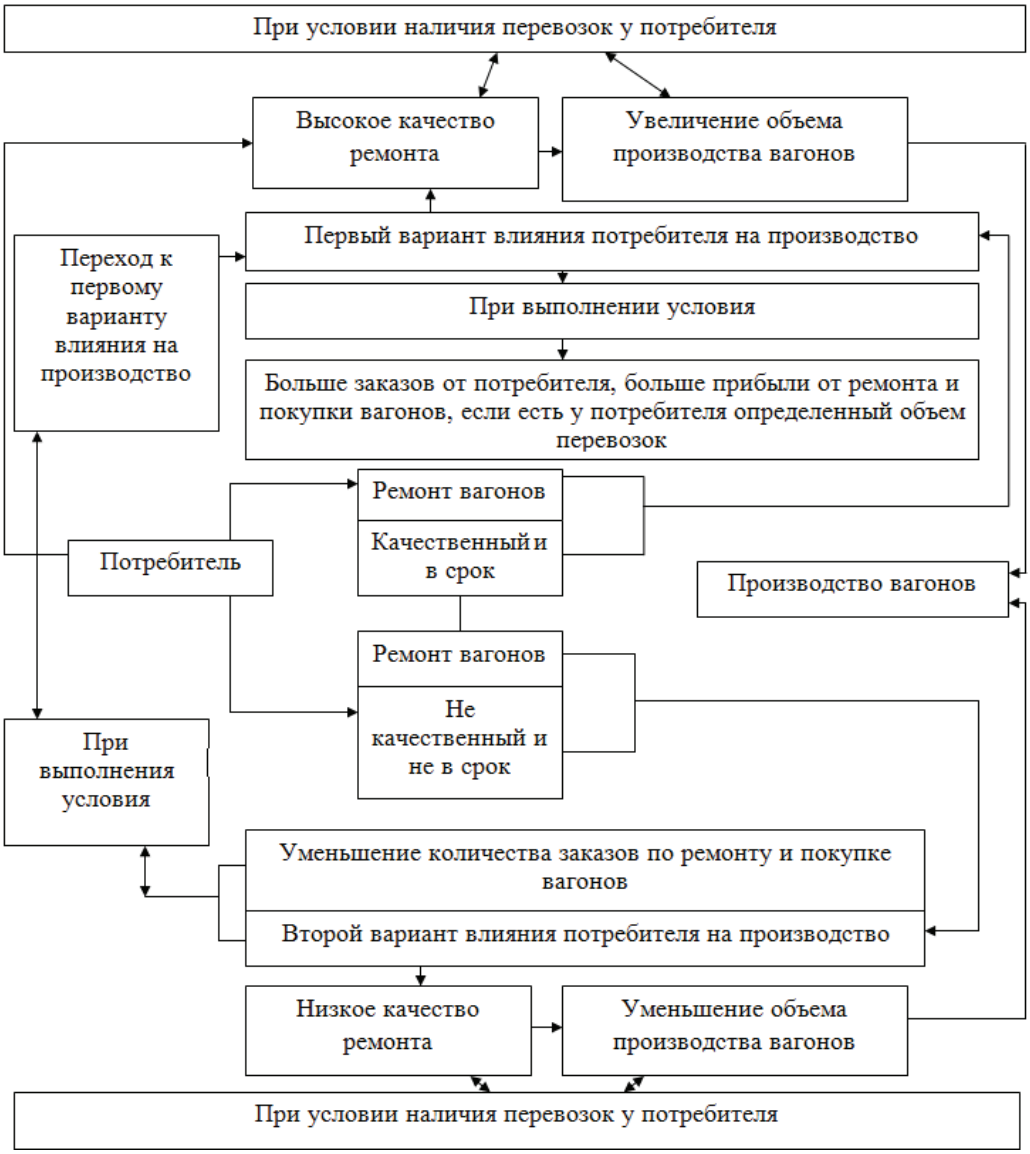
С точки зрения теоретического аспекта, влияние качества ремонта на потребителей выражается простой формулой: «Чем быстрее и качественнее произведен ремонт, тем быстрее разовый клиент становится постоянным». Схема влияния потребителей на производства представлена на рис. 1.

Из него видно, что качественный и своевременно оказанный капитальный и текущий ремонт вагонов оказывает положительное влияние потребителей на производство, результатом которого является рост прибыли от изготовления вагонов и их ремонта при условии наличия заказов на перевозки у потребителя. Благодаря этому повышается конкурентоустойчивость предприятий по производству и ремонту вагонов.

В обратной ситуации потребитель оказывает отрицательное влияние, уменьшая объем производства вагонов и, таким образом, уменьшая прибыль как предприятиям, производящим вагоны, так и оказывающим услуги по ремонту, благодаря чему снижается их конкурентоустойчивость.

Удовлетворенность сервисом при переездах пассажиров положительно влияет на увеличение объема производства пассажирских вагонов, а неудовлетворенность – отрицательно.

Влияние потребителя, арендодателя, владельца, арендатора на производство вагонов через услуги по их ремонту представлено на рис. 3.



Р и с. 1. Влияние потребителей вагонов на их производство через услуги по ремонту

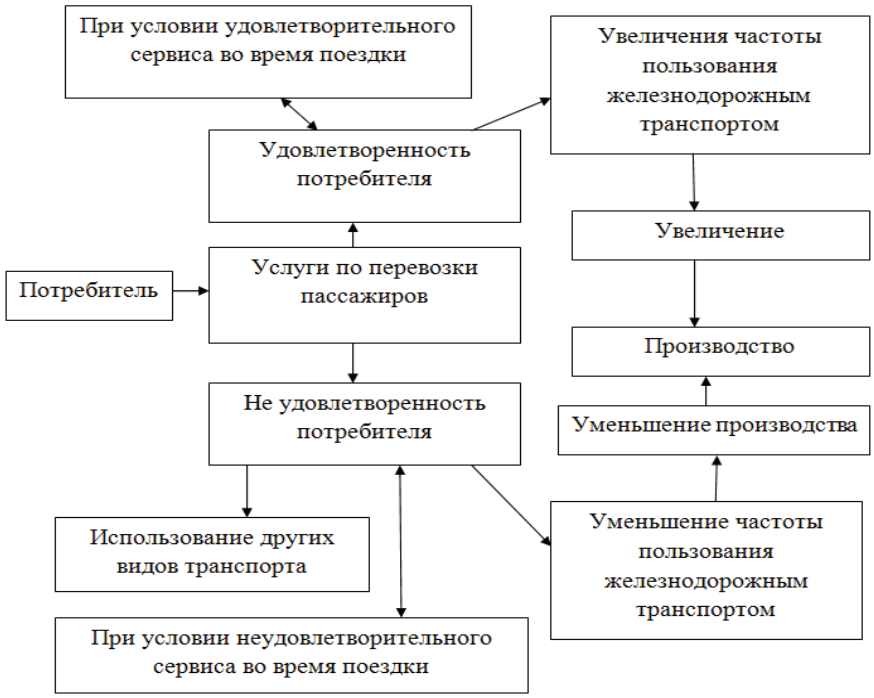
Согласно рис. 3, цена аренды вагонов увеличится в том случае, если они были куплены через посредника, и останется на прежнем уровне, если напрямую.

В данном случае владелец, арендодатель, потребитель и арендатор могут влиять на производство вагонов через цену в зависимости от качества услуг. Арендатор не отправляет их в ремонт – это делает владелец или арендодатель.

5. Оценка устойчивости систем управления предприятий.

Одним из вопросов, возникающих при исследовании систем управления, является вопрос об их устойчивости.

6. Оценка инвестиционной привлекательности ремонтных предприятий.



Р и с. 2. Влияние потребителя на производство пассажирских вагонов

Р и с. 3. Влияние потребителя, арендодателя, владельца, арендатора на производство вагонов через услуги по их ремонту

Инвестиционная привлекательность должна включать в себя:

– общую характеристику технической базы предприятия (наличие современного оборудования, складского хозяйства, собственного транспорта, географическое положение, приближенность к транспортным коммуникациям, состояние технологии, стоимость основных фондов, коэффициент физического и морального износа основных фондов, средства по ремонту вагонов);

– производственную мощность;

– место предприятия в отрасли;

– характеристику системы управления;

– уставной фонд;

– структуру затрат;

– объем прибыли и направления ее использования [2, с. 35].

8. Оценка финансовой устойчивости предприятий.

При анализе финансового состояния применяют комплекс следующих коэффициентов:

– финансового риска;

– долга (индекс финансовой напряженности);

– автономии (финансовой независимости) ;

– финансовой устойчивости;

– маневренности собственных источников;

– устойчивости структуры мобильных средств;

– обеспеченности оборотного капитала собственными источниками (отношение собственных оборотных средств к оборотным активам).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Асмус, В. Ф.** Античная философия / В. Ф. Асмус – Москва, 2003. – 691 с.

2. **Бляхман, Л. С.** Экономика фирмы / Л. С. Бляхман. – Москва, 2001. – 386 с.

Поступила 24.02.2014 г.

Об авторе:

Долгов Дмитрий Иванович, доцент кафедры менеджмента и экономики образования ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» (Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11 а), кандидат экономических наук, dolgov_dmitry@mail.ru

Для цитирования: Долгов, Д. И. Методика оценки конкурентоустойчивости услуг в сфере железнодорожного транспорта / Д. И. Долгов. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 180–184. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.180

REFERENCES

1. Asmus V. F. Antichnaja filosofija [Ancient Philosophy] . Moscow, 2003, 691 p.

2.Blyakhman L. S. Jekonomika firmy [Economics of an enterprise]. Moscow, 2001, 386 p.

About the author:

Dolgov Dmitrij Ivanovich, Associate professor of Prodaction management chair of Economics faculty, Evsev'jev Mordovia State Pedagogical Institute (Russia, Saransk, 11 a Studencheskaja Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Economics, dolgov_dmitry@mail.ru

For citation: Dolgov D. I. Metodika ocenki konkurentoustojchivosti uslug v sfere zheleznodorozhnogo transporta [Methods of evaluation of competitive resilience in rail transport sector]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 180–184. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.180

УДК 303.4 DOI: 10.15507/VMU.024.201403.185

ПРИМЕНЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Н. М. Куляшова, И. А. Карпюк

В статье рассматривается широкий спектр экономических задач, при решении которых акцент был сделан на построении математических моделей и применении методов, позволяющих проникнуть в суть изучаемых процессов, вскрыть логику их развития; указывается, что при построении идеальных моделей экономических процессов нередко используются функциональные зависимостеи между факторами; приводятся предельные экономические показатели. Кроме этого, в работе представлены математические модели закономерностей общественно-экономических процессов, основанные на дифференциальных уравнениях; особое внимание уделено математическому аппарату теории вероятностей, теории случайных функций и математической статистике как инструменту моделирования процессов, протекающих в условиях некоторой неопределенности. Также в статье рассмотрено применение основных разделов математического программирования в качестве методов оптимизации экономических показателей.

Сделан вывод о том, что математика является инструментом количественного расчета в современной экономике, средством формулировки и методом решения исследовательских задач. Математический аппарат позволяет корректно излагать и научно обосновывать положения экономической теории.

Ключевые слова: математика, экономика, экономическая система, моделирование, экономико-математический метод.

APPLICATION OF MATHEMATICAL THEORY IN THE ECONOMIC PRACTICE

N. M. Kuljashova, I. A. Karpjuk

The article considers a wide range of economic problems, and the solution for them is made on the basis on the construction of mathematical models and the application of mathematical methods allowing to penetrate into the essence of the studied processes, to reveal the logic of their development. The authors pointed out that the building of an ideal model of economic process is quite often based on usage of functional relationships between factors. The paper considers the marginal economic indicators, presents mathematical models, which are based on the differential equations, which leads to the study of the regularities of social-economic processes. Special attention is paid to the mathematical apparatus of the theory of probability, theory of random functions and mathematical statistics as a tool for modeling of processes in the conditions of some uncertainty. The article considers application of the main topics of mathematical programming methods of optimization of economic indicators.

The authors draw the conclusion that mathematics for a modern economics is the instrument of quantitative calculation, means of formulation and method of decision of research tasks. A mathematical framework allows the correct expounding and scientific explanation from the positions of economic theory.

Keywords: mathematics, economic systems, modeling, economic-mathematical methods.

Экономическая наука об объективных причинах функционирования и развития общества использует различные количественные характеристики, математические модели и методы как необходимые, естественные элементы. С одной стороны, использование математики в экономике позволяет выделить и формально описать наиболее существенные связи; из четко сформулированных исходных

© Куляшова Н. М., Карпюк И. А., 2014

данных и соотношений сделать адекватные изучаемому объекту выводы. С другой, методы математики позволяют индуктивным путем оценить вид и параметры зависимостей, адекватно отображающих данные наблюдений. Кроме того, абстрактный характер математического языка позволяет корректно и сжато формулировать экономические понятия и теоретические положения.

В экономической практике широко используется аппарат элементарной математики: определение долей и процентов материальных ресурсов; размещение производства, вычисление прибыли, налогов, рентабельности и т. д.

Многие экономические явления представляют собой устойчивые количественные закономерности, которые можно описать в виде экономико-математических моделей при помощи понятия функции. В качестве примеров таких зависимостей приведем спрос y от цены x товара; предложение некоторого товара от его цены, полезности; суммарную выручку z, равную произведению количества x проданного товара на его цену y, если цена представляет собой функцию спроса; выпуск y продукции от затрат x ресурсов.

При построении идеальных моделей экономических процессов нередко используется линейная зависимость факторов. Так, для расчетов межотраслевого баланса, как правило, предполагается, что выпуск продукции пропорционален прямым затратам труда. Если в производстве определенной продукции участвует несколько отраслей, то ее выпуск является линейной функцией всех прямых затрат (линейность принимается условно для упрощения расчетов).

Учитывая, что большинство экономических объектов подвержены действию разнообразных факторов, для их изучения широко применяются функции многих переменных $y = f(x_1, x_2, ..., x_n)$: производственная функция, связывающая объемы затрачиваемых ресурсов и выпуска продукции; функция полезности набора из нескольких товаров и т. п. Отметим также мультипликативные функции, зависимая переменная которых является произведением факторных переменных, обращающих ее в нуль при отсутствии воздействия хотя бы одного фактора. Это, например, производственная функция вида $y = a_0 x_1^{a_1} x_2^{a_2}$, частным случаем которой является функция Кобба-Дугласа $y = a_0 x_1^{a} x_2^{1-a}$.

Значимые утверждения экономики основаны на том, что многие функции, описывающие экономические показатели, являются непрерывными. В частности, основываясь на понятии непрерывности, можно сделать вывод, что величина подоходного налога граждан с мало отличающимися доходами будет отличаться незначительно. Так же зависят от цены функции спроса и предложения: при небольших изменениях цен они колеблятся незначительно, хотя в финансовом анализе можно встретить ситуацию скачкообразного изменения спроса.

Однако в рамки элементарной математики не укладываются кредитные операции, банковская деятельность, долговременное прогнозирование, инвестиции и оценка рисков. При решении подобных задач требуется не только эффективное экономическое мышление, но и привлечение специальных математических методов.

В экономике нередко приходится иметь дело с понятиями и методами математического анализа. При исследовании зависимости спроса от цены товара, установлении характера изменения уровня потребления согласно уровню доходов и других факторов используются предельные показатели (вычисляется предельный эффект) и производная. Повышение цены на 1 ед. товара при уменьшении спроса со стороны потребителей характеризует производная соответствующей функции. Увеличение предложения товара со стороны производителей при увеличении цены на ≈ 1 ед. описывается производной функции предложения. Приблизительную оценку полезности от приобретения дополнительной

одной единицы товара дает производная функции полезности. Производная производственной функции – добавочная продукция, которую будет производить новый сотрудник в единицу времени (если аргумент функции – это число работников фирмы). Указанные функции могут быть как одномерными, так и многомерными.

Рассмотрим дифференцируемую однофакторную производственную функцию $y = f(x)$, которая выражает зависимость объема производимой продукции за единицу времени от объема затраченного ресурса x, например, количества человеческого труда, выраженного в виде человеко-часов или числа работников. Поскольку $f(a+1) \approx f(a) + f'(a)$, где a – число работников фирмы на текущий момент, то $f'(a)$ – добавочная продукция, производимая новым сотрудником предприятия за единицу времени.

Если c – цена единицы продукции, а p – зарплата работника за единицу времени и $c \cdot f'(a) > p$, то фирма может нанять еще одного сотрудника, который принесет больше прибыли, чем фирма затратит на него средств. Это называется *золотым правилом экономики,* которое имеет универсальный характер.

В качестве примера многофакторных функций рассмотрим функцию прибыли:

$$\Pi = \sum_{i=1}^{m} P_i x_i - S(x_1, x_2, ..., x_m),$$

где $x_1, x_2, ..., x_m$ – количества производимых разновидностей товара m, $P_1, P_2, ..., P_m$ – цены соответствующих товаров (все P_i – постоянные величины), $C = S(x_1, x_2, ..., x_m)$ – затраты на производство товаров (функция издержек).

Максимум прибыли целесообразно искать как условие локального экстремума функции многих переменных, если $x_i \geq 0$ (при отсутствии других ограничений). Это условие приводит к системе алгебраических уравнений относительно переменных x_i:

$$P_i - \frac{\partial S}{\partial x_i} = 0, \; i = \overline{1, m}.$$

Полученная система уравнений реализует известное правило экономики: предельная стоимость (цена) товара равна предельным издержкам на его производство.

В экономической практике аппарат дифференциального исчисления применяется также для определения мгновенных расхода воды, энергопотребления, производственной мощности. А при определении дневной выработки по функции производительности труда, объема производства, экономической эффективности капитальных вложений, суммарного количества оборудования, выпущенного за промежуток времени и т. д. используются элементы интегрального исчисления. При этом для применения определенного интеграла составляют идеализированную модель, использующую непрерывные функции.

Исследование закономерностей долговременных социально-экономических процессов не представляется возможным без построения математических моделей, базирующихся на дифференциальных уравнениях. Подобные модели эффективно используются в экономической динамике.

Так, модель естественного роста выпуска некоторой продукции представляет собой дифференциальное уравнение первого порядка с разделяющимися переменными:

$$Q' = kQ,$$

где $k = lmP$, $Q(t)$ – количество продукции, реализованной в момент времени t, $\frac{1}{l}$ – норма акселерации, m – норма инвестиции, P – фиксированная цена.

Рост выпуска в условиях конкуренции определяется нелинейным дифференциальным уравнением первого порядка относительно Q с разделяющимися переменными: $Q' = \alpha P(Q)Q$, где $\alpha = lm$.

Балансовая модель, включающая в себя основные компоненты динамики расходной и доходной частей экономики, которые зависят от времени t (наци-

ональный доход $Y(t)$, государственные расходы $E(t)$, потребление $S(t)$ и инвестиции $I(t)$) представляет собой систему уравнений. Она отражает балансы расходов и национального дохода, общего потребления части национального дохода с потреблением и внутренним, а также зависимость размера инвестиций от произведения нормы акселерации, характеризуемой уровнем технологии и инфраструктуры государства, на предельный национальный доход:

$$\begin{cases} Y(t) = S(t) + I(t) + E(t), \\ S(t) = a(t)Y(t) + b(t), \\ I(t) = k(t)Y'(t), \end{cases}$$

где $a(t)$ – коэффициент склонности к потреблению ($0 < a(t) < 1$), $b(t)$ – автономное (конечное) потребление, $k(t)$ – норма акселерации. При этом функционирование и развитие государства характеризуются известными величинами $a(t)$, $b(t)$, $k(t)$ и $E(t)$. В этом случае динамика национального дохода определяется линейным неоднородным дифференциальным уравнением первого порядка [1, с. 114–115]:

$$Y' = \frac{1 - a(t)}{k(t)} Y - \frac{b(t) + E(t)}{k(t)}.$$

Изучение модели рынка с прогнозируемыми ценами приводит к дифференциальному уравнению второго порядка, поскольку спрос и предложение в реальных ситуациях зависят не только от текущей цены на товар, но и тенденции ценообразования, а также темпов изменения цены (первая и вторая производные функции цены сооответственно).

Вероятностный характер изменения некоторых объектов экономики, изучение их по ограниченному объему наблюдений предопределили применение математического аппарата и методов теории вероятностей, теории случайных функций и математической статистики при их исследовании.

Вероятностно-статистические методы описания экономических явлений и процессов являются инструментом построения соответствующих моделей в условиях неопределенности, позволяя определить закономерности их протекания, выявить главные факторы и установить влияние искажающих обстоятельств на результаты статистических наблюдений.

Значительное число факторов, изменяющих поведение экономического объекта, оценивается только с качественной стороны. Это обстоятельство оправдывает применение методов экспертных оценок, дисперсионного и ковариационного анализа при исследовании реальных объектов. При изучении явлений, имеющих случайный характер, например, в теории принятия решений или в портфельном анализе, используется метод статистических испытаний (метод Монте-Карло).

Разработка эффективных рекомендаций по организации работы систем обслуживания и расчеты оптимальных производственно-экономических показателей являются предметами изучения теории массового обслуживания.

Изучение более глубоких экономических проблем определяет необходимость введения новых понятий и усложняет исследовательский аппарат.

Множественность возможных решений при определении объемов производства в зависимости от выбора технологии, оборудования, сырья и организации производственного процесса является одной из особенностей задач плановой экономики. Для эффективного управления требуется минимальное количество наилучших вариантов, учитывающих ограничения, налагаемые на использование однородных ресурсов. В итоге, приходим к оптимизационным задачам, суть методов решения которых заключается в выборе способа использования ресурсов, обеспечивающего максимум (или минимум) интересующего показателя. Для решения задач, в которых или нет неконтролируемых факторов, или имеются только фиксированные применяются основные мето-

ды математического программирования (планирования).

Для выработки оптимального решения экономической задачи, условия и ограничения которой описываются уравнениями или неравенствами первой степени, предназначены методы линейного программирования. К таким задачам относятся: составление плана работы станков, обеспечивающего минимальные затраты на производство всей продукции; определение наилучшего плана распределения ограниченных однородных ресурсов в целях решения поставленной задачи; составление дневного рациона с минимальной стоимостью и ограниченным содержанием питательных веществ и т. п.

Математическая модель задачи имеет вид:

$$F(x) = \sum_{j=1}^{n} c_j x_j \to \max \quad (\min)$$

при следующих условиях:

$$\sum_{j=1}^{n} a_{ij} x_j \le b_i, \quad i = \overline{1,k}; \quad k \le m,$$

$$\sum_{j=1}^{n} a_{ij} x_j = b_i, \quad i = \overline{k+1,m},$$

$$x_j \ge 0, \quad j = \overline{1,s}; \quad s \le n .$$

Содержательный смысл некоторых экономических задач линейного программирования приводит к задачам, решения которых должны быть целыми числами, то есть они относятся к целочисленному программированию. Например, это задачи об оптимальном распределении судов по навигационным линиям; станочном парке предприятия; числе турбин в энергосистеме, и многие другие, в которых переменные описывают количество единиц неделимой продукции. Задачами целочисленного программирования являются также транспортная задача и ее модификации (задачи о назначениях, о потоках в сетях); задача нахождения минимального порожнего пробега автомобилей; об оптимизации машинного парка и его оптимального распределения по указанным работам. Экстремальные комбинаторные задачи (календарное планирование и теория расписания; об оптимальном назначении; задача коммивояжера также решаются методами целочисленного программирования.

В реальных условиях производства такие показатели как капитальные затраты, себестоимость, прибыль и другие показатели нелинейно зависят от расхода ресурсов и объема производства, то есть решение оптимизационных задач в этом случае приводит к нелинейному программированию. Математическая модель таких задач имеет вид:

$$f\left(x_1, x_2, ..., x_n\right) \to \max \quad (\min)$$

при условии, что

$$\left.\begin{aligned} g_i\left(x_1, x_2, ..., x_n\right) \le b_i, \quad i = \overline{1,k}, \\ g_i\left(x_1, x_2, ..., x_n\right) = b_i, \quad i = \overline{k+1,m}, \end{aligned}\right\},$$

где f 8 g_i – некоторые известные функции n переменных, хотя бы одна из которых нелинейна, а b_i – заданные числа. Если f – квадратичная функция, а g_i – линейные функции, то задача относится к квадратичному программированию; если f – отношение двух линейных функций, а g_i – линейные, то к дробно-линейному; если f – вогнутая (выпуклая) функция, область допустимых решений является выпуклым множеством – выпуклому програмированию.

В отличие от линейного программирования для задач нелинейного програмирования отсутствуют универсальные методы решения. Задачи распределения неоднородных ресурсов, планирования производства с учетом издержек, максимизации функции полезности инвестора и минимизации риска при формировании инвестиционного портфеля и т. д. Можно решать графическим методом, классическим дифференциальным исчислением (в частности, методом Лагранжа), градиентными методами (например Франка-Вульфа, штрафных функций и Эрроу-Гурвица).

В экономической практике нередко возникают задачи, содержащие некото-

рые параметры. Их наличие свидетельствует, например, о сезонном характере прибыли от реализации некоторой продукции; о том, что объем запасов, нормы их затрат и технология производства могут изменяться с течением времени и т. д. Такие задачи являются предметом изучения параметрического программирования. Если указанные параметры – случайные величины, более полно отображающие экономическую действительность, то перечисленные выше задачи решаются методами стохастического программирования.

Модели линейного и нелинейного программирования, как правило, применяются для принятия плановых крупномасштабных решений. Для менее масштабных задач, например, при распределении дефицитных капитальных вложений между возможными новыми направлениями их использования, разработке правил управления запасами, устанавливающими размер пополняющего заказа и момент пополнения запасов, разработке долгосрочных правил замены выбывающих из эксплуатации основных фондов, определении принципов календарного планирования производства и выравнивания занятости в условиях колеблющегося спроса на продукцию, составлении календарных планов текущего и капитального ремонта, замены сложного оборудования и т. д. применяются модели динамического программирования.

Для рационального ведения хозяйственной деятельности (достижения наилучших результатов в кратчайший срок) используются математические методы сетевого планирования.

В условиях рыночной экономики и жесткой конкуренции производителей товаров и услуг необходимо уметь вырабатывать эффективные решения, а также быть готовым к действиям конкурентов, или неосознанному влиянию «природы». Для решения подобных задач в математике сформировался раздел, называемый теорией игр, в котором рассматриваютсяметоды решения задач с конфликтными ситуациями.

Резюмируя сказанное выше, отметим, что современная математика является для экономики, управления и финансов не только инструментом количественного расчета, но и методом исследования, а также средством формулировки задач исследования. Кроме того, она позволяет точно определять понятия экономической теории, корректно излагать ее положения и делать обоснованные выводы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Красс, М. С.** Основы математики и ее приложения в экономическом образовании / М. С. Красс, Б. П. Чупрынов. – Москва : Дело, 2001. – 688 с.

Поступила 18.03.2014 г.

Об авторах:

Куляшова Наталья Михайловна, доцент кафедры фундаментальной информатики факультета математики и информационных технологий ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат физико-математических наук, kafivt@mail.ru

Карпюк Ирина Алексеевна, доцент кафедры фундаментальной информатики факультета математики и информационных технологий ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат педагогических наук, kafivt@mail.ru

Для цитирования: Куляшова, Н. М. Применение математической теории в экономической практике / Н. М. Куляшова, И. А. Карпюк. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 184–191. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.185

REFERENCES

1. Krass M. S., Chuprynov B. P. Osnovy matematiki i ee prilozhenija v jekonomicheskom obrazovanii [Beginnings of mathematics and its application in economic education]. Moscow, Delo Publ., 2001, 688 p.

About the authors:

Kuljashova Natal'ja Mihajlovna, Associate professor of Fundamental Informatics chair of Mathetatics and Information Technology faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Physical and Mathematical Sciences, kafivt@mail.ru

Karpjuk Irina Alekseevna, Associate professor of Fundamental Informatics chair of Mathetatics and Information Technology faculty, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Science (PhD) degree holder in Pedagogy, kafivt@mail.ru

For citation: Kuljashova N. M., Karpjuk I. A. Primenenie matematicheskoj teorii v jekonomicheskoj praktike [Application of mathematical theory in the economic practice]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 184–191. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.185

УДК 008:32 DOI: 10.15507/VMU.024.201404.192

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОВИНЦИИ*

Н. И. Воронина

В статье рассматриваются основные понятия, связанные с культурной политикой в провинции, а также проблемы достижения согласия между официальными, творческими, общественными силами в отношении приоритетности целей культурного развития в пространстве России. Культурная политика предполагает действия по материально-техническому и творческому обеспечению функционирования культуры, наличие которого в провинции в разы отличается от центров и мегаполисов. Распределение ресурсов, как финансовых, так и административных, структурных, человеческих и творческих происходит неравномерно и планирование в провинции также отличается своими масштабами, хотя и представляет собой процесс подготовки государства к участию в культурной деятельности провинции. «Полиэтничность» и «переплетение культур» в провинции становятся смыслопорождающей деятельностью в регионе, поиском культурной идентичности, типов деятельности и форм креативности. В данном ракурсе материал статьи новый.

Ключевые слова: культура, политика, провинция, пространство, власть, субъект культурной политики, этнос, личность

CULTURAL POLICY IN THE SPACE OF MODERN PROVINCE

N. I. Voronina

The main notions connected with cultural provincial policy and also aspects leading to agreement between official, artistic and social powers in respect of cultural development goals priority in Russia space are considered in the article. Cultural policy implies actions aimed at logistical and creative functioning of the culture, the presence of which in the province is significantly different from centers and cities. The allocation of resources, financial and administrative, structural, human and creative is uneven and planning in the province also differs in its scope, even though it is actually the process of preparing the state to participate in cultural activities in the province.

«Polyethnics» and «cultures interweaving» in province have become the sense giving activity in the region, the search for cultural identity, the types of activity and creativity forms. From this point of view *information of the article is new.*

Keywords: culture, policy, province, space, power, cultural policy subject, ethnic, personality.

В процессе своего развития российская провинция понесла большие потери. Повсеместная гибель русских усадеб с их неповторимым обликом и судьбой – одна из тяжелых трагедий русской культуры. Статистики этих потерь не существует. Политический миф о второстепенности всего провинциального (науки, искусства, образа жизни) привел к разорению и вывозу в XX в. уникальных икон, северных и среднерусских, драгоценных камней с Урала, палехских работ, хохломских изделий, перемещению талантливых певцов, танцоров, ар-

* Статья выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 12-03-00095а

© Воронина Н. И., 2014

хитекторов, спортсменов в столицу. Эти меры привели провинцию к лишению особого духовного импульса, самобытных этических, эстетических, гражданственных основ, ее универсальных гуманистических традиций.

На современном этапе очевидно, что мировая культура настолько же немыслима без провинциальной, насколько Россия XXI в. – без провинции. Чтобы понять россиянина, недостаточно оценивать только столичный менталитет. Российская культура прирастает за счет провинции, завоевывает умы, синтезируя социальность и гуманизм в биосоциальной природе человека. При этом термин провинция в лексиконе российской культуры имеет целый спектр отрицательных значений. С одной стороны, это официальное признание вторичности, второсортности, отдаленности от центров культуры. С другой – «негативное переживание» непосредственного провинциального существования на границе между культурой и ее отсутствием [7, с. 38].

Отметим, что это является результатом отсутствия положительной культурной политики и наличие отрицательной. Мы не считаем целесообразной точку зрения о том, что вестернизация духовной жизни России осуществлялась посредством действия отдельных лиц и организаций. Американизация телевидения, радио, книгоиздательской деятельности, образования, языка, одежды, по нашему мнению, скорее всего, направлена на преодоление в россиянине носителя национальной культурной традиции, устранение духовных и психологических препятствий капитализации страны и т. д. Именно поэтому речь может идти как о кризисе культуры, так и о ее **возрождении или, точнее, модернизации** (поскольку именно она предполагает изживание этих болезненных процессов).

Культурный кризис – понятие историческое. Проверяя его историей, сравнивая современную эпоху с прошлым, придадим этому понятию определенную объективную форму, поскольку известны не только обстоятельства возникновения и развития культурных кризисов прошлого, но и их завершающая стадия. Несмотря на то, что историческое вскрытие такого рода не всегда предоставляет необходимый прогноз, мы считаем неразумным игнорировать накопленный опыт прошлого.

Например, М. С. Каган отмечал, что «обнаружение переходных фаз в историческом процессе позволяет, во-первых, с предельной наглядностью выявить динамизм развития и его направленность, его внутреннюю логику, во-вторых, данные этапы исторического движения интереснее тем, что отличаются особой сложностью: сравнительно с однозначными качественно-определенными стадиями переходные фазы двузначны, внутренне противоречивы и синтетичны, амбивалентны и диалогичны» [5, с.180–181], в них одновременно присутствует и прошлое, и будущее, причем то в остром противоборстве, то в причудливых «противоестественных» сочетаниях, то в удивительных, тяготеющих к гармонии синтезах.

В провинции культурная политика также представляет собой систему взаимосвязанных целей, практических задач и средств, направленных на определенную группу: этнос, субэтносы, а также малые города, районы, села. Культурная политика может осуществляться в рамках объединения, партии, образовательного движения, организации, предприятия, города, правительства. При этом независимо от субъекта политики она предполагает «существование долгосрочных целей, измеряемых задач и средств (человеческих ресурсов, финансов и законодательной базы), объединенных в чрезвычайно сложную систему» [4].

Культурная политика предполагает действия по материально-техническому и творческому обеспечению функционирования культуры, наличие которого в провинции сильно отличается от центров и мегаполисов. Распределение

ресурсов (финансовых, административных, структурных, человеческих и творческих) происходит неравномерно; планирование также отличается своими масштабами, хотя и представляет собой процесс подготовки государства к участию в культурной деятельности провинции.

Это позволяет, во-первых, констатировать наличие определенного разрыва между определениями культурной политики, даваемыми культурологами-теоретиками и теми, кто решает задачи реального управления в сфере культуры; во-вторых, разделяет эти процессы на столичные и провинциальные.

«Нельзя отрицать, что центры всегда и везде жили более или менее заимствованной жизнью <…> не сами создавали свою силу, а при помощи того материала и тех рабочих сил, как в физическом, так и в духовном смысле, которые к ним приливали больше извне, из "глуши", из "Саратова". И Вавилон, и Ниневия, и Афины, и Рим – все эти города-чудовища питались соками своих провинций, и когда эти соки иссякли, иссякла и жизнь самих чудовищ <…> Поэтому лишь при известном равновесии между центрами и провинцией возможна жизнь и тех, и других, и развитие или упадок последних неизбежно должны отражаться самым роковым образом на первых», – констатировал нижегородский историк А. С. Гацисский [2, с. 50].

Отметим, что постиндустриальная экономика – это экономика переживаний, впечатлений, творчества, и очевидно, что под влиянием научно-технической революции и повышения уровня жизни постиндустриальные страны перешли от преимущественного производства товаров к производству услуг. Основные ресурсы, обеспечивающие благополучие экономических регионов – информация, знания и творческая способность, то есть способность порождать новое. Это требует работы на опережение, вхождение территории в постиндустриальное пространство. Следует отметить, что культурное поле России остается узким, консервативным и в значительной мере идеологизированным, и именно этим объясняется «сопротивление» не только культурным, но и другим изменениям: политическим, экономическим, социальным.

Тем не менее «сознание определяет бытие никак не меньше, чем бытие определяет сознание. Без высокой культуры невозможна сильная экономика. Одна из важнейших причин нынешнего кризиса – многолетнее «выпалывание» плодоносных культур и торжество сорняка. Рекультивация сегодня также необходима, как экономические реформы. Требуется кардинальный пересмотр отношения к человеческой сокровенности, субъективности, к вестничеству, визионерству, к идеализму, декаденству, модернизму, ибо, как выясняется, между количеством хлеба и стихами Малларме или джойсизмами существует отнюдь не мистическая связь» [1, с. 5].

Соглашаясь с И. И. Гариным, отметим, что исходное условие разработки политики в сфере культуры – это достижение понимания между официальными, творческими, общественными силами в отношении приоритетности целей культурного развития. Культурная политика является сознательным регулированием в при принятии необходимых решений по всем вопросам, относящимся к культурному развитию общества в целом.

Необходимым условием разработки культурной политики является наличие политического пространства. В данном случае политика рассматривается как сфера управления государством и его регионами, а как дискуссионная среда (***пространство дискуссий***), в которой различные социальные группы столиц и провинций могут представлять, обсуждать и согласовывать свои интересы. По нашему мнению, культурная политика должна быть предметом общественного обсуждения, критики и поправок. Именно появление оппонентов и учет их мнения делают реализацию социально-культурной программы *куль-*

турной политикой как в стране в целом, так и в каждом субъекте государства.

Одна из наиболее важных проблем – несоответствие системы расселения и пространственного развития актуальным задачам инновационного развития. Россия – централизованная страна, где ядром все финансовых, транспортных, миграционных и культурных потоков является Москва (в меньшей степени – Санкт-Петербург). Причина этого не только в особенностях устройства транспортной или финансовой системы: централизация обусловлена системой государственного управления, которая неуклонно стремится к выводу из-под влияния региональных властей экономически успешных секторов (промышленность, добыча полезных ископаемых, ведущие образовательные учреждения). В результате в компетенции регионов остаются наиболее проблемные сектора (социальная сфера, культура) и отсутствует накопление достаточных ресурсов для развития.

Названные выше факторы приводят к катастрофическому сокращениию человеческих ресурсов, вплоть до их исчезновения на отдельных территориях. Категория *субъекта культурной политики* в предлагаемых определениях или отсутствует, или присутствует неявно. Однако чем в большей степени расширяется субъектное поле культурной политики, тем более значительную роль в ней начинает играть субъект, или актор. Все это предполагает необходимость выработки в перспективе такой категории культурной политики, где субъектная составляющая была бы представлена в достаточном объеме. Это тем более оправданный шаг, что в других сферах научного знания (социология, психология, политология и др.) разработка категории актора проводится интенсивно и дает позитивные результаты.

Рассмотрим в качестве примера г. Саранск – столицу Республики Мордовия, провинциальный город, являющийся в то же время университетским, обладающий богатыми традициями естественно-научного, инженерного и гуманитарного образования. Отметим, что ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» получил статус национального исследовательского университета (НИУ). Также пользуются авторитетом саранская культурологическая школа Н. И. Ворониной, социологическая – А. И. Сухарева, политологическая – Д. В. Доленко, а также работы их представителей в области провинциальной, этнической и региональной культуры и политики. Исследования такого рода создают предпосылки для выбора устойчивого «регионоцентричного» пути для Мордовии. На современном этапе это особенно важно в области формирования «республиканской идентичности» в связи с существенным оттоком населения.

Как научно-исследовательский центр университет является ведущим в двух перспективных направлениях: ПНР-1 (нанотехнологическое, связанное с прорывом в светотехнической, полупроводниковой и оптоволоконной промышленности) и ПНР-2 (гуманитарное, связанное с исследованиями традиций и инноваций в финно-угорской культуре).

В Саранске работают ведущие культурные центры, сохраняющие и популяризирующие наследие выдающихся деятелей культуры и науки – Мордовский театр оперы и балета им. И. М. Яушева, Музей изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи, Институт национальной культуры, Этнографический музей народного мордовского искусства и др.; кроме этого, были открыты центры и подворья русской, мокшанской и эрзянской культуры. Однако следует отметить, что все это редко становится достоянием россиян, а также в большинстве своем пока еще закрыто и для активного международного общения.

В последние годы провинциальный Саранск стал спортивной столицей, создал идеальные условия для, школы спортивной ходьбы В. М. Чегина международного класса для развития биатлона, тяжелой атлетики и фигур-

ного катания. Также были построены Центр Олимпийской подготовки, биатлонный центр, десятки ледовых и водных дворцов, множество ФОКов. Этот «спортивный ландшафт», безусловно, является фактором продуманной культурной политики правительства республики, не только о спортивных достижениях, которые растут с каждым годом, но и заботой о здоровом образе жизни населения.

Заметим, что для изменения ситуации в культуре недостаточно развития физической инфраструктуры, на создание которой могут уйти десятилетия и сотни миллиардов долларов. «Решение должно быть найдено в области развития так называемых “мягких инфраструктур”: нового образа жизни, комфортной атмосферы и среды, современных гуманитарных технологий, малого предпринимательства, инноваций в культуре и образовании, а также реализации крупных культурных проектов, позволяющих единовременно повысить уровень “капитализации” региона на глобальном рынке, в том числе недвижимости и культурно-бытовых ландшафтов. Региональное развитие должно идти в ногу с культурной и образовательной политикой», - так определено в «Концепции культурной политики Пермского края» [6].

В этом отношении Саранск за последние 5 лет изменился до неузнаваемости. В инфраструктуре появились значительные градообразующие объекты: величественные храмы, здания двух театров и филармонии, новые площади с фонтанами, монументальная, городская и парковая скульптура, благоустроенная набережная р. Саранки, множество новых скверов, парков и др. Современная городская среда форматируется под различные группы интересов (детские, молодежные, семейные, для пожилых людей), а любая коммуникационная площадка – это сфера культурного креатива. Современная комфортная среда обитания подразумевает практичность, эстетику и благоприятные экологические условия. Участие дизайнеров и архитекторов в создании жилья нового типа делает городскую среду более антропоцентричной; новые арт-объекты обогащают визуальное и расширяют смысловое и символическое пространство.

Активно развивается также инфраструктура внутригородского туризма, обеспечивающая жителям республики доступ к разнообразным и разноплановым событиям, происходящим в Саранске.

Таким образом, намечается ясная тенденция к реабилитации культурной роли провинции, «явно обозначается поворот сознания к местной, локальной культуре, генетической основе всех русских культурных традиций, ни в коей мере не отменявшей единства русской культуры как целого» [3, с. 171–172]. Именно поэтому полиэтничность и переплетение культур в провинции становятся не только смыслопорождающей деятельностью, поиском культурной идентичности, типов деятельности и форм креативности, но и в ряде случаев создает большие трудности для совместимости различных традиций и верований.

Очевидно, что социальный кризис обернулся для россиян кризисом идентичности. Сложившаяся в российском обществе сложная ролевая и статусная диспозиция актуализирует проблему **различения**, поскольку решение ежедневных обыденных вопросов и успешная коммуникация субъектов требуют, с одной стороны, узнавания или друг друга, а с другой – корректного разграничения «своих» и «чужих».

Процесс идентификации с новым жизненным стилем протекает далеко не так, как подразумевает его идеальная теоретическая модель: скорее, это процесс, осуществляемый в противоположном направлении. С одной стороны, происходит переход из теоретической модели стиля жизни в реальный, практический способ самовыражения личности. С другой – человек всячески стремится преодолеть свое нынешнее неопределенное положение, освои-

вая выбранный им новый стиль жизни. Осознав свое место в социальной иерархии, он, как правило, выбирает стиль, соответствующий своему социальному статусу.

Сначала происходит освоение **внешних признаков** идентификации (поведение, одежда, лексика…). Потом, в результате освоения личностью той или иной теории (нередко – с научной точки зрения), в обыденной жизни появляется то, что в социологии повседневности получило название **повседневных теорий**. Как правило, это некоторая совокупность высказываний, иногда даже просто носящих характер предрассудков, – представлений о человеке, мире или какой-то его части, которые могут не иметь системного характера.

Процесс идентификации завершается оформлением нового, соответствующего данным стилю и культуре, образа жизни. Внешняя индикация личности заполняет собой все сферы жизни человека: так или иначе строить свое жилище, заботится о здоровье, питаться и отдыхать становится не просто возможным, а необходимым, благодаря особенному и характерному мировоззрению, а не требованиям престижа, имиджа или веяниям моды.

Заметим, что в России в начале XXI в. продолжается переходный период, в котором остро ощущается кризис культуры и идентичности. Под воздействием социально-экономических и политических катаклизмов образ человека часто разрушается, поскольку как в столице, так и в провинции происходят изменения на всех уровнях повседневного бытия: во взаимоотношениях с близким и дальним окружением, самоопределении человека в жизненном пространстве, семье, культуре, образовании, информационных технологиях, языке и речи, рекламе и т. д.

Однако именно в это время складывается новая школа – воспитание «человека культуры», в которой акцентируется внимание не только на образовании, но и на вхождении в мир культуры. Образование рассматривается как творческий акт (гуманизирующий, гуманитарный, человекообразующий подход), стремление к междисциплинарному синтезу науки, образования и культуры, целостной модели развивающейся личности (на психологическом, социальном и культурном уровнях). При этом культурный тип – это многомерная личность с «диалогом разных культур, разных сознаний» (М. М. Бахтин).

Метод бахтинского диалога стал основой технологических идей школы воспитания «человека культуры». Однако его не достаточно, поскольку на современном этапе особо значимым является полезное знание, приносящее экономическую выгоду с наименьшей затратой времени и сил. Таким образом, современный, конкурентноспособный, человек – это прагматик и романтик, художник и предприниматель, эстетик и практик.

Современная социокультурная ситуация в стране является достаточно сложной. Без активной государственной поддержки разрушается материальная база сферы культуры, закрываются культурно-просветительские учреждения, сокращается прием в государственные вузы, на «голодном пайке» многие НИИ не получают достаточного финансирования и т. д. Происходит не только стихийное (через кинопродукцию и др. каналы), но и вполне сознательное (через спонсорскую помощь, обучение наших студентов за рубежом и т. д.), освоение российского интеллектуального пространства западной культурой.

Неравномерное развитие провинциальной культуры до настоящего времени остается естественным явлением. Непрерывное возвышение возможно только в центре, поскольку именно он обеспечивает приток лучших кадров провинции. Очевидно, что для последней это является пагубным в связи с чем нельзя не отметить новые тенденции, появившиеся в культурной политике локальных территорий. Например, выявление специфических черт местной культуры

и помещение их в совокупность российского многообразия, а также выделение черт, присущих провинции как центру разнообразных культурных явлений, к которому тяготеют собственные провинции (Пермь – центр российского балета; Суздаль – уникальное пространство храмовой архитектуры; Палех, Жестково, Гжель, Вологда, Оренбург, Архангельск и многие другие – центры художественных промыслов; Казань – светомузыки и т. д.). В настоящее время Россия переходит к формированию основы другой культуры и культурной политики, направленной не на создание готовых продуктов и услуг, а на запуск процессов, актуализирующих культурные ресурсы самих территорий, что является способом поиска человеческой идентичности и формирования особого образа и стиля жизни на территории. Подчеркнем, что в основе организации подобной культурной политики стоит человек как ее создатель, актор, исполнитель, хранитель и субъект. Именно такая деятельность человека является основной составляющей и движущей силой культуры, предоставляющей возможности для осуществления динамичной и выверенной культурной политики в пространстве, как провинции, так и всей Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Гарин, И. И.** Вступление / И. И. Гарин // Поэты и пророки : в 7 т. – Москва, 1992. – Т. 2. – С. 5.
2. **Гацисский, А. С.** Печать в провинции // Дело. – 1875. – № 9. – С. 50–53.
3. **Girard, A.** Cultural Development : experiences and policies, 2nd ed. / A. Girard, G. Gentil. – Paris : UNESCO, 1983. – P. 171–172.
4. **Дергачева-Скоп, Е. И.** Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири [Электронный ресурс] / Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев. – URL: http://referat.atlant.ws/?Cm=6101.
5. **Каган, М. С.** Системный подход и гуманитарное знание / М. С. Каган // Избранные статьи. – Ленинград, 1991. – С. 170–181.
6. Концепция культурной политики Пермского края : Пермский проект [Электронный ресурс]. – URL: http://vsesvoi.ru/data/addons/Konsept-Perm-20_09_2010.pdf.
7. **Скоробагацкий, В. В.** Провинция как феномен русской культуры / В. В. Скорогабарицкий // Социемы, 1994. – С.35–39.

Поступила 16.09.2014 г.

Об авторе:

Воронина Наталья Ивановна, заведующий кафедрой культурологии и этнокультуры Института национальной культуры ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор философских наук, профессор kafkmgu@mail.ru

Для цитирования: Воронина Н. И. Культурная политика в пространстве современной провинции / Н. И. Воронина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 189–196. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.192

REFERENCES

1. Garin I. I. Vstuplenie // Pojety i proroki [Introduction // Poets and Prophets] in 7 volumes. Moscow, 1992, vol. 2, p. 5.
2. Gatsisskiy A. S. Pechat' v provincii [Printing in the Province]. *Delo* – Business, 1875, no. 9, pp. 50–53.
3. Girard A., Gentil G. Cultural Development: Experiences and Policies, 2nd ed. Paris, UNESCO, 1983, pp. 171–172.

4. Dergacheva-Skop Ye. I., Alekseev V. N. Koncept «kul'turnoe gnezdo» i regional'nye aspekty izuchenija duhovnoj kul'tury Sibiri [The concept of «cultural nests» and the regional aspects of the study of Siberian spiritual culture]. Available at: http://referat.atlant.ws/?cm=6101.

5. Kagan M. S. Sistemnyj podhod i gumanitarnoe znanie // Izbr. stat'i [System Approach and Humanities // Selected articles]. L'vov, pp. 170–181.

6. Koncepcija kul'turnoj politiki Permskogo kraja. Permskij proekt [The Concept of Cultural Policy of Perm Krai. Perm Project]. Available at: http://vsesvoi.ru/data/addons/Konsept-Perm-20_09_2010.pdf.

7. Skorobogatskiy V. V. Provincija kak fenomen russkoj kul'tury [Province as a phenomenon of Russian culture]. *Sociemy* – Sociems. 1994, no. 3, pp. 35–39.

About the author:

Voronina Natal'ja Ivanovna, head of Culturology and Ethnic Cultural chair of Institute of National and Folk Culture, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Doctor of Sciences degree holder in Philosophy, professor kafkmgu@mail.ru

For citation: Voronina N. I. Kul'turnaja politika v prostranstve sovremennoj provincii [Cultural policy in the space of modern province]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 189–196. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.192

УДК 78(470+571)“18” DOI: 10.15507/VMU.024.201403.200

РОССИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: РОМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

С. А. Исаева

В статье определяются культурологические факторы, обусловившие особенности развития русской музыки и ее восприятия в первой половине XIX в.; освещается реконструкция восприятия музыки в русской эстетической мысли обозначенного периода (А. Д. Улыбышев, М. Д. Резвой, В. Ф. Одоевский, В. П. Боткин, А. П. Серебрянский); рассматривается проблема самобытности русской мысли в восприятии музыки, с одной стороны, и ее парадоксальной восприимчивости к европейским направлениям – с другой; исследуется проблема соотношения романтико-идеалистического и реалистического восприятия музыкального искусства как стихии человеческих чувств, как «языка души», способного выразить «неизъяснимое», «непостижимое», приобретающего первостепенную роль в процессе художественно-интуитивного познания мира; выделяется эмоциональная содержательность и действенная сила музыки, подчеркивается активная роль ассоциаций при ее восприятии; развивается мысль о подражательной природе музыки; определяется социальная обусловленность музыкального искусства.

Ключевые слова: русское музыкальное искусство XIX в., музыкально-эстетические представления, эмоциональная содержательность, подражание, социальная обусловленность музыки, субъективно-романтическое восприятие.

RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: ROMANTIC CONCEPT OF MUSICAL ARTS

S. A. Isaeva

The article defines cultural factors which affect properties of Russian music and its perception in the first half of the XIX century; presents reconstruction of music perception in Russian esthetic thought the indicated period (A. D. Ulybyshev, M. D. Rezvoy, V. F. Odoyevski, V. P. Botkin, A. P. Serebryansky). The paper examines the problem of the identity of Russian thought about the perception of music, which is coupled with the paradoxical susceptibility to European destinations. The author considers the problem of correlation of romantic-idealistic perception with realistic perception of musical art as elements of human emotions as “language of the soul” capable of expressing “inexplicable”, “incomprehensible”, acquiring a leading role in the process of artistic and intuitive knowledge of the world; highlights the emotional content and effective power of music emphasizes the active role of associations in its perception; develops the idea of the imitative nature of music; determines socially insured conditionality of music.

Keywords: Russian musical art of the XIXth century, music and aesthetic ideas, emotional richness, imitation, social conditionality of music, subjective perception of romantic music.

Русское музыкальное искусство XIX в. чутко воспринимало лучшие прогрессивные устремления национальной культуры, а также идеи освободительной борьбы. В начале этого периода произошел отход от штампов пасторальной и сентиментальной чувствительности, свойственной музыкальному искусству XVIII в; сложился реалистический метод, опирающийся на достижения психологической достоверности в воплощении человеческого характера. На новых идейно-эстетических основах в неразрывной связи с музыкально-на-

© Исаева С. А., 2014

учной и музыкально-критической мыслью этого периода развивались русская национальная опера, бытовой романс, хоровая и камерно-инструментальная музыка. С 1830–40-х гг. возрастает общественный резонанс музыки, которая активно проникает в демократические слои общества. «Процесс приобщения нового социально-разнокачественного слоя людей к духовной культуре другого класса и внесения в эту культуру “своих поправок” – процесс сложный и длительный <…>. Он уже стал выкристаллизовываться к концу 1830-х гг. и шел чем дальше, тем интенсивнее <…>. Вместе с борьбой воззрений и идей происходили сложные видоизменения в звучавших искусствах выражения мыслей и чувств – в человеческой речи и музыке, в характере их интонаций и их эмоциональной динамике», – писал Б. В. Асафьев [1, с. 21].

Характеризуя общее состояние музыкальной эстетики в России в начале XIX в., Н. И. Воронина отмечает, что она «<…> к целому ряду проблем подходила вполне оригинально. Сказывалось расширение информации о музыкальной деятельности в центре страны и западноевропейских городах, публикуемой в газетах и журналах. Предметом внимания и острых споров становилось множество основных и частных вопросов, имеющих значение для развития музыкального искусства, музыковедческой и музыкально-критической мысли: шло оживленное обсуждение концертной практики <…>, анализировались оперные спектакли (либретто, музыка, отдельные номера, интерпретации разными актерами одной роли). Поднимались архивные воспоминания, печатались впечатления слушателей <…>. Ставились проблемы восприятия музыки: как слушают; что больше нравится; как инструментовано, исполнено произведение; как оно живет на сцене и вне ее» [2, с. 17].

Музыкально-эстетическая мысль этого периода испытывала на себе влияние классицизма и романтизма, которые существовали и развивались в постоянной полемике друг с другом. Закономерно, что господствующие эстетические воззрения оказали соответствующее влияние на трактовки восприятия музыки.

В начале XIX в. характерным являлось сочетание рационального и чувственного элементов в восприятии музыкального искусства, ярко проявившиеся, например, в «Теории музыки» (1818 г.) Г. Гесс де Кальве. По его мнению, музыка «есть согласование разных звуков, по известным правилам, в один общий приятный звук, или ряд звуков, произведенных страстным чувствованием и, следовательно, живописующих, могущих поддержать и укрепить сие чувствование. Чтобы иметь правильное понятие о сем приятном искусстве, должны мы искать его происхождение в человеческом сердце…» [6, с. 62]. Из его слов очевидно, что музыка трактовалась скорее как выразительница чувств, движений души человека. Подобное ее восприятие, ставящее в центр внимания не объект (действительность), а субъект (духовный мир) и чуждое подлинного понимания единства субъекта и объекта носило романтический характер. Таким образом, как указывает Ю. А. Кремлев, «совершенно очевиден конфликт между старыми “изобразительными” теориями XVIII в. и созревающими теориями романтической “выразительности”. Последние надолго оказываются определяющими» [Там же, с. 53].

Постепенное утверждение романтических взглядов на искусство обусловило значимость музыки в эстетических теориях. Она воспринимается романтиками как внутренний язык человеческой души, приобретающий первостепенную роль в процессе художественно-интуитивного познания мира.

Романтическая концепция музыкального искусства последовательно излагается в статье неизвестного автора «О новейшей музыке», напечатанной в 1820 г. в журнале «Невский зритель». В ней отмечается, что сила воздействия музыки обусловлена ее способностью

«возбуждать в нас ощущения непостижимые, заключающиеся вне пределов умственного мира». Это единственное искусство, которое носит характер «чистый романтический», поскольку музыка «не имеет никакой связи с существующим, но стремится к неизвестному, тому, что заключается в одном предчувствии человека» [5, с. 290]. И если музыка «древних» была «рабою поэзии», то в XIX в. она выступила как «самодержавное, могучее искусство, область которого неизмерима». Суть романтической музыки заключалась в том, что она «независимо от поэзии и человеческого голоса может столь же сильно действовать на наше чувство посредством одних инструментов <…>. Чистая инструментальная музыка, не встречая никаких препон своему полету, как бы волшебною силою мгновенно увлекает нас в области беспредельного, таинственного царства фантазии. Там нет ничего вещественного, определенного <…>» [Там же].

Сторонники романтизма, полемизируя с классицистской концепцией подражания, абсолютизировали выразительную сторону музыки и считали звукоподражание «мелочным», «унизительным» для самого духовного из всех искусств. Утверждая, что истинное музыкальное произведение должно быть наполнено глубоким внутренним содержанием, романтики развивают представление о восприятии музыкального искусства в направлении, предсказанном А. Н. Радищевым. Так, «высшая степень совершенства» в искусстве, по мнению философа, писателя и основоположника научного музыковедения в России В. Ф. Одоевского, достигается только в том случае, если «поэзия сливается с философиею» [9, с. 161].

В 1820-х гг. появляются первые музыкально-критические выступления А. Д. Улыбышева, которому также было присуще романтическое восприятие музыкального искусства. В своей известной социально-политической утопии «Сон» (1819 г.) он провозглашает музыку искусством идеального общества будущего, которое «заставляет предчувствовать то, чего ни одно наречие не может выразить и даже воображение не умеет создать» [12, с. 289]. Статьи об опере К. М. Вебера «Фрейшюц» (1825 г.) развивают романтическую концепцию музыкального искусства, которое не имеет «никакой связи с нашим нынешним существованием» и выражает «на языке, не передаваемом словами, все самое таинственное и наименее поддающееся определению, что заключено в человеческом сердце» [13, с. 320].

Следует отметить, что в рассуждениях А. Д. Улыбышева музыка трактуется как выражение только человеческой души, чувств, а не очеловеченного отражения действительности. Подобное романтико-идеалистическое восприятие музыкального искусства определило основное направление русской эстетической мысли периода декабризма, а отчасти и более позднего.

Именно с идеалистических позиций решает проблему восприятия музыки В. Ф. Одоевский, эстетические взгляды которого сложились под влиянием немецкой классической философии и прежде всего Ф. Шеллинга. Для В. Ф. Одоевского областью музыки являлось невыразимое, таящееся в глубинах человеческого духа. «<…> Музыка составляет истинно духовную сущность искусства»; представляет собой момент, «где определенное погружается в неопределенное, где конечное становится бесконечным», – писал Одоевский в набросках трактата по эстетике, над которым работал в середине 1820-х гг. [7, с. 175]. Он воспринимал музыку как чисто духовное искусство, освобожденное от всего предметного, на основании чего ставит ее выше не только живописи, но и поэзии. В одном из сохранившихся рукописных фрагментов В. Ф. Одоевский прибегнул к следующему образному сравнению: «<…> Всякое выражение есть выражение той или другой степени глубины духовной <…>. Так солнце является или в виде

ослепительного блеска, или в тихом отражении луны, или в грубых радужных цветах. Радужные цвета – живопись, луна – поэзия, солнце в чистом своем виде – музыка. Ни радужными цветами, ни луною не выражается солнце; ни живописью, ни поэзией вы не выразите музыки; она неопределенна потому, что есть выражение души в степени ее дальнейшей глубины» [8, с. 183].

Идеалистическое восприятие музыки как особого тайного языка человеческих чувств, сферы чистой духовности, не соприкасающейся с образами реального мира, господствовало в русской музыкальной эстетике вплоть до середины XIX в. М. Д. Резвой в статье «О сущности музыки» (1839 г.) вслед за В. Ф. Одоевским отводит музыке первое место в ряду искусств именно благодаря ее беспредметности и неопределенности выражения. М. Д. Резвой отмечает: «Язык музыкальный, без всякого сомнения, существует; он выше языка стихотворческого <…>. Он не может выражать предметов земных, не может с грамматическою и логическою ясностью излагать мысли поэта-музыканта; но чувства высокие, сильные страсти, душевные ощущения им выражаются правильнее, сильнее и даже как бы понятнее, нежели языком стихотворческим» [6, с. 152–153].

Подобное противопоставление чувства и мысли, эмоционального и интеллектуального мы находим у В. П. Боткина. В работе «Итальянская и германская музыка» (1839 г.) он пишет: «Музыка есть выражение чувства, одного чувства, без участия мысли, прямое проявление жизни души. Мысль, особенно как мысль, как сознание сущего, здесь совершенно не имеет места. Что такое всякая, так называемая музыкальная мысль, как не выражение моментального состояния души? <…> Чувство и мысль, в сущности своей составляя единое и целое, в проявлении своем различны, как плод от цвета» [2, с. 116]. Данное высказывание выявляет противоречивость взглядов В. П. Боткина. С одной стороны, он трактует музыку как «выражение чувств», с другой – говорит о том, что «чувство и мысль – единое». Это объясняется тем, что эмоциональный образ, заложенный в музыке, является в то же время и содержательным началом, которое, однако, не может быть выражено предметно. В. П. Боткин, в соответствии с требованиями романтической эстетики, характерными для того времени, акцентирует внимание на субъекте искусства. Чувственное выражение является для него только основанием для эстетического анализа. Например, особенность итальянской музыки, по мнению В. П. Боткина, заключается в ее земном характере, а ее успех он связывает с пением, поскольку только голос способен передать «задушевность», «упоение», «негу», «страсть», «меланхоличность».

В своих рассуждениях В. П. Боткин, косвенно указывает на способность человека воспринимать через музыку эмоциональные состояния души, то есть подчеркивает особое свойство данного искусства – выражать известные чувства и страсти, а через них и всю психическую жизнь человека. Таким образом, он выделяет эмоциональную природу музыкального восприятия, что впоследствии находит отражение в исследованиях ряда ученых XX в., в частности, Л. С. Выготского, Л. Я. Дорфмана, С. Х. Раппопорта, Б. М. Теплова и др. [3–4; 10–11].

Интерес представляет также позиция В. П. Боткина по отношению к инструментальной музыке, преобразование которой он объясняет изобретением музыкальных инструментов, что содействовало совершенствованию исполнительского искусства, способного более тонко передавать жизненные впечатления. Исследователь проявляет наблюдательность, подмечая тенденции сближения музыки с жизнью, однако остается в рамках идеалистического восприятия музыки. Например, В. П. Боткин далек от материалистического взгляда на объективную содержательность музыкаль-

ных интонаций и даже склонен считать музыку в какой-то степени непознаваемой, в связи с чем отмечает: «Нам невозможно определить свои музыкальные ощущения иначе как посредством сравнений, уподобления, намека, потому что чувство не имеет своего непосредственного языка» [6, с. 148].

Среди литературных документов 1830-х гг., отражающих господствующие музыкально-эстетические представления рассматриваемого периода заслуживают отдельного внимания «Мысли о музыке» А. П. Серебрянского. Опубликованные в 1838 г. в «Московском наблюдателе», они вызвали положительную оценку В. Г. Белинского. В работе А. П. Серебрянского присутствует немало идеалистических элементов. Так, в духе идей романтизма он говорит о музыке как об «идеальном языке природы», который способен выразить все, что существует в мире, – «от текущих по своим путям светил неба до полевой травы». Музыка для него – это откровение души человека и «мировой души», проявляющееся во всем, что доступно его восприятию.

Наряду с идеалистическими воззрениями, А. П. Серебрянский высказывает мысль о восприятии музыки как отражении действительности. Он пишет: «Признайся ж мне, гений-музыкант, ты у природы подслушал гармонические звуки свои! Ты только собрал тоны, рассеянные в беспредельном пространстве, и приблизил к нашему духу? Ты создал из этих тонов общий поэтический язык жизни, воодушевил их жизнью собственного сердца и фантазии?» [6, с. 154]. В этих словах присутствует стремление к материалистическому пониманию музыки; причем А. П. Серебрянский разделяет момент творческого восприятия (впечатление звуков природы) и момент идейного претворения («жизнь собственного сердца и фантазии»).

Рассматривая основные положения «Мыслей о музыке», необходимо отметить, что в ряде воззрений А. П. Серебрянский был близок реалистическим принципам французских музыкальных эстетиков XVIII в. (Д'Аламбера, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо). Поддерживая их идеи, А. П. Серебрянский излагает мнение о возможностях музыки передавать звуками ощущения различных чувств, а также о том, что при ее восприятии возникают условные аналогии между звуками и эмоциями. Он пишет: «Сдается, будто и то, что молчаливо живет, что сказывается сознанию только цветом, вкусом или без того и другого, существует только, как осязаемое, – даже все это вошло в состав, вошло в смысл той оратории, которую создает музыкант. Нижние октавы, если следить их в некоторых изменениях, дают идею чего-то мрачного, горького, тяжелого; высокие тоны, напротив, более или менее приятны: они заключают в себе какую-то сладость, что-то легкое и светлое. Так все откликается на свой родимый звук <…>» [Там же, с. 155]. По нашему мнению, эти аналогии несколько наивны, однако уже в них у А. П. Серебрянского подчеркивается действительная роль ассоциаций при восприятии музыки.

Наряду с изложенными положениями исследователь развивает мысль о подражательной природе музыки, отмечая при этом единство объекта и субъекта искусства: «Не теряет ли своей высокой цены искусство гения музыки через подражание природе, через такое, хотя неумышленное, заимствование?.. Нет!.. в человеке те же стихии, те же силы духовные и недуховные, какие видим в целой природе <…>. Мы находим и себя в природе, и природу в себе <…>. Мы только малая часть, сжатое отражение того целого, в котором совершается жизнь во всем бесконечном размере <…>» [Там же].

В ходе своих рассуждений А. П. Серебрянский также приходит к заключению о социальной обусловленности музыки и ее восприятия. Он отмечает: «Различие напевов двух, трех соседей, например, финна и малоросса, хотя слух их <…> воспитывается под влиянием почти одной и той же природы, не дает повода к недоумению. Узнаем

только судьбу семейств, составляющих села, города, страны, – и причины различия их напевов откроются в их жизни, склонностях, в степени образования и гражданственности» [Там же]. Таким образом, в «Мыслях о музыке» присутствует ряд прогрессивных идей, которые в дальнейшем имели существенное значение в исследовании проблемы восприятия музыки. И если в своих суждениях А. П. Серебрянский все же не преодолел колебаний между материалистическими и идеалистическими тенденциями, то это объяснялось общим состоянием музыкально-эстетической мысли рассматриваемого периода.

Подводя итоги, следует отметить, что для первой половины XIX в. наиболее характерным являлось субъективно-романтическое восприятие музыкального искусства как стихии человеческих чувств. В рамках подобного определения музыки многие представители русской романтической эстетики (А. Д. Улыбышев, М. Д. Резвой, В. Ф. Одоевский, В. П. Боткин, А. П. Серебрянский) выделяли ее эмоциональную содержательность, действенную силу. Однако они также указывали, что музыке недоступно отражение реальных процессов действительности. Важным является тот факт, что при всей своей исторической ограниченности данное понимание музыки, особенно акцент на содержательности и действенности чувства, побуждало исследователей задуматься об идейных возможностях музыки и логически подводило к формированию во второй половине XIX в. новой концепции музыкального реализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Асафьев, Б. В.** Глинка и развитие русской оперы / Б. В. Асафьев // Русская музыка : XIX и начало XX века (2-е изд.). – Ленинград., 1979. – С. 11–27.

2. **Воронина, Н. И.** Музыкально-эстетическая мысль середины XIX века (А. И. Герцен, Н. П. Огарев, В. П. Боткин) / Н. И. Воронина : под ред. И. В. Нестьева, В. М. Борискина. – Саранск : Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1989. – 152 с.

3. **Выготский, Л. С.** Психология искусства / Л. С. Выготский. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 416 с.

4. **Дорфман, Л. Я.** Эмоции в искусстве : теоретические подходы и эмпирические исследования / Л. Я. Дорфман. – Москва : Смысл, 1997. – 424 с.

5. **Корженьянц, Т. В.** Мысль о музыке / Т. В. Корженьянц // История русской музыки : в 10 т. – Москва, 1986. – Т. 4. – С. 281–305.

6. **Кремлев, Ю. А.** Русская мысль о музыке : в 3 т. / Ю. А. Кремлев. – Ленинград : Гос. муз. изд-во, 1954. – Т. 1. – 287 с.

7. **Одоевский, В. Ф.** Гномы XIX столетия / В. Ф. Одоевский ; сост., вступ. сл. и прим. З. А. Каменского // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т. – Москва, 1974. – Т. 2. – С. 171–176.

8. **Одоевский, В. Ф.** Из записной книжки / В. Ф. Одоевский, сост., вступ. сл. и прим. З. А. Каменского // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т.. – Москва, 1974. – Т. 2. – С. 177–186.

9. **Одоевский, В. Ф.** Опыт теории изящных искусств с особенным применением оной к музыке / В. Ф. Одоевский, сост., вступ. сл. и прим. З. А. Каменского // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т. – Москва, 1974. – Т. 2. – С. 156–168.

10. **Раппопорт, С. Х.** Искусство и эмоции / С. Х. Раппопорт. – Москва : Музыка, 1972. – 166 с.

11. **Теплов, Б. М.** Психология музыкальных способностей / Б. М. Теплов. – Москва; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1947. – 335 с.

12. **Улыбышев, А. Д.** Сон / А. Д. Улыбышев ; общ. ред. и вступ. сл. И. Я. Щипанова // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов : в 3 т. / – Москва, 1951. – Т. 1. – С. 286–292.

13. **Улыбышев, А. Д.** Фрейшюц / А. Д. Улыбышев // Ливанова, Т. Н. Оперная критика в России / Т. Н. Ливанова, В. В. Протопопов. – Москва, 1966. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 313–326.

Поступила 16.09.2014 г.

Об авторе:

Исаева Светлана Александровна, заведующий кафедрой народной музыки Института национальной культуры ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат культурологии, svetais13@rambler.ru

Для цитирования: Исаева, С. А. Россия первой половины XIX в. : романтическая концепция музыкального искусства / С. А. Исаева. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 200–206. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.200

REFERENCES

1. Asafev B. V. Glinka i razvitie russkoj opery // Russkaja muzyka: XIX i nachalo XX veka [Glinka and development of Russian opera. // Russian music: XIXth and beginning of XXth century]. 2nd ed., Leningrad, 1979, pp. 11–27.

2. Voronina N. I. Muzykal'no-jesteticheskaja mysl' serediny XIX veka (A. I. Gercen, N. P. Ogarev, V. P. Botkin) [Musical aesthetic thought the middle of the XIXth century (Alexander Herzen, N.P. Ogarev, V. P. Botkin)], ed. by I. V. Nestev, V. M. Boriskin. Saransk, Modrovia University Press Publ., 1989. 152 p.

3. Vygotsky L. S. Psihologija iskusstva [Psychology of Art]. St. Petersburg, ABC Publ., 2000, 416 p.

4. Dorfman L. Ya. Jemocii v iskusstve: teoreticheskie podhody i jempiricheskie issledovanija [Emotions in art: theoretical approaches and empirical research]. Moscow, Meaning Publ., 1997, 424 p.

5. Korzhenyants T. Mysl' o muzyke // Istorija russkoj muzyki [Thought on music // History of Russian music] in 10 volumes , vol. 4: 1800–1825. Moscow, 1986, pp. 281–305.

6. Kremlev Y. A. Russkaja mysl' o muzyke [Russian thought on music] in 3 volumes, vol. 1. Leningrad, Gos. muses. Publ., 1954, 287 p.

7. Odoyevski V. F. Gnomy XIX stoletija // Russkie jesteticheskie traktaty pervoj treti XIX veka [Gnomes of the XIX century // Russian aesthetic treatises of the first third of the XIXth century : in 2 volumes, vol. 2]. Compiled by Z. A. Kamensky. Moscow, 1974, pp. 171–176.

8. Odoyevski V. F. Iz zapisnoj knizhki // Russkie jesteticheskie traktaty pervoj treti XIX veka [From the notebook. Russian aesthetic treatises of the first third of the XIXth century] in 2 volumes, vol. 2. Compiled by Z. A. Kamensky. Moscow, 1974, pp. 177–186.

9. Odoyevski V. F. Opyt teorii izjashhnyh iskusstv s osobennym primeneniem onoj k muzyke // Russkie jesteticheskie traktaty pervoj treti XIX veka [Experience of the theory of Fine Arts with a special application thereof to the music. Russian aesthetic treatises of the first third of the XIX century], in 2 volumes, vol. 2. Compiled by Z. A. Kamensky. Moscow, 1974, pp. 156–168.

10. Rappaport S. H. Iskusstvo i jemocii [Art and emotions]. Moscow, Music Publ., 1972. 166 p.

11. Teplov B. M. Psihologija muzykal'nyh sposobnostej [Psychology musical abilities]. Moscow, Leningrad, APN RSFSR Publ., 1947, 335 p.

12. Ulybyshev A. D. Son // Izbrannye social'no-politicheskie i filosofskie proizvedenija dekabristov [Sleep. Selected socio-political and philosophical works of the Decembrists] in 3 volumes, vol. 1. ed. by I. Y. Shchipanov. Moscow, 1951, pp. 286–292.

13. Ulybyshev A. D., Livanova T. N., Protopopov V. V. Frejshjuc // Opernaja kritika v Rossii [Freyshyuts. // Opera critic in Russia]. Moscow, 1966, vol. 1, no. 1, pp. 313–326.

About the author:

Isaeva Svetlana Aleksandrovna, head of Folk Music chair of Institute of National and Folk Culture, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Culturology, svetais13@rambler.ru

For citation: Isaeva S. A. Rossija pervoj poloviny XIX v.: romanticheskaja koncepcija muzykal'nogo iskusstva [Russia in the first half of the XIXth century: Romantic concept of musical arts]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 200–206. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.200

УДК 327(470+571) “1990” DOI: 10.15507/VMU.024.201403.207

ОНТОЛОГИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ ФОРМ В КУЛЬТУРЕ

М. В. Логинова

В статье исследуется проблема онтологии выразительных форм в культуре и искусстве, которые организуют человеческое бытие; определяется их культурологическое значение; обосновываются в историко-культурологическом плане эволюционные моменты соотношения выразительных форм и содержания (классицизм, немецкие романтики, «теория вчувствования», концепции Б. Кроче, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина); интерпретируется соотношение категории «выразительность» с формой и содержанием в искусстве; дается содержательный анализ выразительных форм в культуре через диалектику категорий «витальность» и «интенциональность», «открытой» и «закрытой» форм.

Выразительные формы в культуре определяются как состояние события, достижение тождества между субъектом и объектом культуры и искусства, замыслом художника и его воплощением, которые служат границей между миром художественного произведения и миром реальности и «делают» художественное произведение социально-культурной вещью.

Делается вывод, что выразительные формы являются механизмами образования специфического художественного содержания (посредством художественной условности). Сущность выразительных форм обнаруживается в диалектике субъективного и объективного выразительной формы. За выразительными формами признается не только экстериоризация смысла, но динамика становления смысла и выразительности через соотнесенность с «другим».

Ключевые слова: выразительность, форма, культура, смысл, интенциональность, витальность.

ONTOLOGY OF EXPRESSIVE FORMS IN CULTURE

M. V. Loginova

The paper investigates the problem of ontology of expressive forms in art and culture, which organize a human existence. The author determines their cultural significance, justifies the ratio of expressive forms and content in terms of the historical-cultural evolution moments (classicism, the German Romantics, “the theory of empathy”, the concept of Benedetto Croce, Losev, Bakhtin); interprets the value category “expression” with the form and content in art; give the substantial analysis of expressive forms in culture through the dialectic of the categories of “vitality” and “intentionality”, “open” and “closed” forms.

Expressive forms of culture are defined as the state of the event, the achievement of identity between subject and object of culture and art, the artist’s conception and its implementation, which serve as a boundary between the world of art and the world of reality and “make” artwork socio-cultural thing.

The article contains a conclusion that expressive forms are mechanisms for formation of a specific artistic content (by artistic convention). The essence of expressive forms can be found in the dialectic of subjective and objective expressive form. For expressive forms the author recognize not only externalization of meaning, but the dynamics of the formation of meaning and expression through correlation with the “other”.

Keywords: expressiveness, form, culture, sense, intentionality, vitality.

Проблема выразительности ярко проявляется в эстетической теории и практике. Выразительность следует понимать не только как категорию искусства, но и как культурологическую категорию, специфической чертой кото-

© Логинова М. В., 2014

рой является обнаружение человеческого в мире [6–10].

Выразительность исторически толковалась как выявление глубинных смыслов или скрытых элементов и не рассматривалась как самостоятельная категория искусства и эстетики, что было связано с господством принципов классицизма.

Эстетика классицизма ориентирована на создание произведений искусства, отличающихся ясностью, логичностью, строгой уравновешенностью и гармонией. Данная традиция абсолютизировала значение содержания в художественном произведении, что привело к трактовке выразительности как «обнаружения внутреннего содержания», движения изнутри вовне.

Критику классицизма впервые предприняли романтики. Представления об искусстве античности как эталоне привели к тому, что «на место природы заступили возвышенные произведения древности, внешнюю форму которых тщились отразить ученические умы, несмотря ни на что неспособные постигнуть дух, исполняющий эти образцы искусства. А тогда последние становились столь же далекими для нашего понимания, как и произведения природы, пропасть здесь была даже еще большей, ибо искусство оставляет нас более равнодушными, нежели природа, если мы не прибегнем к духовному видению» [5, 294]. Ф. Шеллинг подверг критике художников, которые восприняли представление о красоте, возвышающейся над материей: «Если раньше в обычай искусства вошло порождение тел без души, то это новое учение возвещало лишь тайны душевности, не касаясь тайн телесности <...> Жизненная средняя линия пока еще и не была найдена» [Там же].

Романтики, по нашему мнению, были правы, подчеркивая бессознательный характер художественного творчества. «Произведения, не отмеченные печатью такого бессознательного знания, узнаются по явному отсутствию самостоятельной, независимой от творца жизненности, тогда как, наоборот, где есть, искусство наряду с высочайшей ясностью, свойственной рассудку, придает своему произведению также ту неисчерпаемую реальность, которая ставит его наравне с произведением природы» [Там же, 298]. Ф. Шеллинг считал, что сознательное творчество одухотворяет природу, что художник должен даже превзойти ее: «Вещи живы одним только понятием, все остальное в них одна только тень, лишенная сущности» [Там же].

Современный французский исследователь театра П. Пави отмечает, что в данной традиции выразительность – не более чем вторичный процесс «извлечения» готовых смыслов, которые уже существуют в тексте. «Эта “экспрессия” значения лучше всего реализуется на сцене (в соответствии с классицистической догмой) в выразительности жестов и тела актеров <…>. Она придает фундаментальное значение эстетическому опыту автора, частички которого позволяет разглядеть актер; эта позиция подразумевает завышенную оценку *идеи* в ущерб выразительной *материи*, веру в смысл, предвосхищающий выразительность» [12, с.47].

В продолжение этого направления философская мысль рубежа Х1Х–ХХ вв. выдвинула *теорию* вчувствования. Ее основная мысль заключается в следующем: предмет эстетической деятельности (произведения искусства, явления природы и жизни) представляет собой выражение некоторого внутреннего состояния, а его эстетическое познание является сопереживанием внутреннего состояния. Необходимо отметить, что выражаемое – это внутренняя жизнь выражающего себя субъекта, а не нечто объективно значимое. Однако в рамках данного направления оказалось невозможным объяснить целостность художественного произведения.

Теория вчувствования объясняется гносеологизмом философской культуры Х1Х–ХХ в., когда теория познания стала образцом для всех областей куль-

туры. С этой точки зрения предметом исследования является не факт эстетического выражения, а его осознание. Именно поэтому субъект-участник творческого акта – только субъект безучастного, чисто теоретического познания эстетического события. Основная тенденция экспрессивной эстетики – независимость «я» и «другого», поскольку эстетический объект является субъектом своей внутренней жизни, представляя эстетическую ценность в сфере сознания.

Традицию гносеологической интерпретации выразительности продолжает в самом начале XX в. итальянский философ Б. Кроче: «Каждая подлинная интуиция или каждое подлинное представление есть в то же время и выражение <…>. Интуитивная деятельность столько же интуирует, сколько и выражает» [4, с. 18]. Выражение, согласно Б. Кроче, – это специальная «теоретическая» (именно интуитивная) деятельность духа, которая отождествляется им также с формой и искусством. С другой стороны, выражение является предметом той области лингвистики, которая обращается к философии языка. Следовательно, эстетика и лингвистика, по мнению Б. Кроче, не отдельные науки, поскольку имеют один предмет изучения – выражение, вследствие чего должны объединиться.

Принцип тождества интуиции и выражения аналогичен принципу тождества формы и содержания, который был подвергнут критике многими исследователями. Предваряя структурно-семиотическую концепцию искусства, Б. Кроче отстаивал единство выражения и содержания, которое он видел в метафоре, утверждал самоценность искусства и, следовательно, отвергал аллегорию – знак его телеологичности.

Слияние философии языка и эстетики присутствует в учении русского философа А. Ф. Лосева, который был хорошо знаком с концепцией Б. Кроче. Следует отметьть, что в понимании сущности выразительности их пути расходятся. Характерный для А. Ф. Лосева онтологизм приводит его к созданию понятий выразительного ряда, который разворачивается почти по принципу неоплатонической эманации из точки, или первоначала. Общая концепция ученого как теория выражения имеет своей основой философию имени, в которой слово или имя играют роль методологического принципа для других способов выражения. Таким образом, исследователю удается поднять лингвистику до уровня философии. Для решения данной проблемы важно было не только противопоставить интуицию и мысль, художественный факт и смысл, что характерно для концепции Б. Кроче, но и отметить сложнейшую диалектику этих понятий.

В учении А. Ф. Лосева в качестве выразительности признается не только экстериоризация смысла, но и динамика его становления и выразительности через соотнесенность с «другим». Примененная ученым феноменолого-диалектическая методология выделяет ступени развития логического построения выразительного ряда – систему категорий, которые имеют общефилософское и культурологическое значение.

Это позволяет раскрыть не только смысловую наполненность выразительности, но и показать значение этого понятия в культурном пространстве. На протяжении долгого времени выразительность рассматривалась исключительно как категория искусствознания. Работа над выразительностью в эстетической традиции была сопряжена с поисками в области формы. В эпоху классической эстетики красота определялась как выражение бесконечного содержания в конечной форме (Ф. Шеллинг), как явление духа в чувственных образах (Г. Гегель). Однако в интуиции воплощения «духа в материю» не было ничего проблемного.

Работы М. М. Бахтина открыли новый этап в понимании сущности выразительности не только в сфере искусства, но и вопросах формирования новой

философской системы [1–2]. Предметом «философии выражения» как области гуманитарного мышления становится «*выразительное* и *говорящее* бытие» [2, с. 430]. Это положение позволило пересмотреть взгляды не только на предмет гуманитарного знания, но и раскрыть сущностные характеристики выразительности. М. М. Бахтин определял проблему следующим образом: «<…> как может быть оформлен, изображен дух, если он трансцендентен пространству и времени, чужд всяческой предметности и вещественности? <...> А потому в своей эстетике он берется за труднейшее – за решение вопроса об оформлении того, что в принципе не может быть оформлено, об изображении существенно безобразного, о завершении бесконечного» [3, с. 53].

Эстетика М. М. Бахтина интересна с точки зрения логики формы: он философски преодолевает то, что считалось «трагедией творчества». Становление формы в эстетике ученого осуществлялось в направлении все большего одухотворения формы, сближения искусства с жизнью, что объединяет его с поисками в рамках классической традиции. Заметим, что для М. М. Бахтина не характерна идея творения формы из ничего. По его словам, не герой творится автором, а авторская деятельность является завершением содержания, присутствующего в жизни. Отличие полифонического романа состоит в том, что он выходит за пределы литературы, становится самостоятельным событием. Идея романного диалога как динамического становления смысла, наслоения множества текстов, оказала существенное влияние на становление интертекстуального анализа.

Однако следует иметь в виду, что М. М. Бахтин, говоря о росте поэтического значения, соотносил его с предельно объемным ценностным контекстом. Если же богатство отношений художественного произведения сводится только к «трансформации самого теста», то диалог является формальным. При таком подходе литература приобретает статус самодостаточности, но бытие начинает трактоваться как производное от системы литературы.

Значение логики формы в концепции М. М. Бахтина, на наш взгляд, состоит в переводе ее в новое проблемное поле понимания. Принцип искусства и формы в нем всегда представлялся противоречивым. Специфика исследований рубежа XIX–XX вв. состоит только в том, что в сознании мыслителей этого времени противоречие формы заострилось до неразрешимой антиномии. Появление новых тем, связанных с изменяющимся образом мира, привело к ее разрушению в классическом понимании.

Классическая, или закрытая, форма оппонирует форме открытой, хотя это противопоставление не является абсолютным. Данное различие, на наш взгляд, имеет смысл только в том случае, если возможно установление соответствия каждой формы определенным характеристикам художественного видения и концепции человека, на которую оно опирается. Критерий открытость/закрытость появляется в процессе изучения художественных форм и был направлен на выявление смысла. Если закрытая форма ориентирована только на саму себя и тот смысл, который содержится в ней, открытая форма отсылает за свои пределы, создавая ощущение безграничности смыслов. Особенность авангардистского дискурса состоит в поиске и открытых форм работе с ними.

Вопрос о форме долгое время является актуальным. В самом абстрактном смысле форма – это структура, способ создания целого. В искусстве форма, с одной стороны, обусловлена природой материала, а с другой – выходит за ее пределы, становится активной, начинает творить. В данном случае художественное содержание нуждается в форме, поскольку только через нее может быть выражено. В искусстве не только преодолевается «вещность» формы, но также акт ее творения делает возможным су-

ществование содержания. Содержание является не первичным по отношению к форме, а творится через нее, то есть через выражение.

Таким образом форма отделяет реальный мир от художественного, создавая опосредования представленности реального мира в мире художественного произведения. Рассмотрим подробнее выявление специфики выразительной формы. Обратим внимание на подход семиотиков, который предполагает наличие у знаковой системы материальной и идеальной стороны. Согласно этой точке зрения, форма представляет собой материальную сторону художественного произведения, а в качестве идеальной выступает значение. При таком подходе можно постичь содержательность отдельных структур, но не произведения в целом.

На наш взгляд, единство художественному произведению придают не связи между отдельными составляющими (материальными и идеальными), а смысл. Единство смысловой структуры является закономерным следствием единства (целостности) авторской личности. Для того чтобы творить форму, автору необходимо занять позицию «вненаходимости» по отношению к жизненному материалу. Структура этого опосредования получила название художественной условности. С ее помощью вычленяется аспект существования уже созданного произведения, после чего углубляется, то есть произведение рассматривается как нечто самостоятельное по отношению к объективной реальности. Однако оно выступает не изолированно, а в единстве с социокультурным контекстом, в котором находится.

Условность, присутствующая в выразительной форме, заставляет смотреть на привычные вещи по-другому, видеть их глубинные смыслы. Во всех случаях, благодаря связи, создается нечто новое и устанавливается как нечто (идеально) для себя существующее. Форма, являясь способом связи между жизнью и искусством, в ряде случаев понимается как разновидность художественного мышления. М. К. Мамардашвили, анализируя сущность мышления как такового, пришел к выводу, что «структура знания со всеми ее особыми средствами соотносится в сознании с конкретным ее предметом через форму мышления и ее абстрактным содержанием, то есть через связь последних в качестве единого целого» [11, с. 30]. С этой точки зрения, отношение формы и содержания – способ, каким в сознании устанавливается связь между структурой художественного сознания и отражением реального мира.

Таким образом, выразительная форма является механизмом образования специфического художественного содержания посредством условности. Сущность данного механизма обнаруживается в диалектике субъективного и объективного выразительной формы. Форма и содержание представляют собой единое образование, «но внутренне они различны по типам связей: содержание, абстрагируемое познание из предметов действительности и зависимое от характера их свойств и отношений, составляет формальную основу процесса мысли, а этот процесс является в понятии формой уже со всеми субъективными свойствами» [11, с. 30].

Анализируя выразительную форму, отметим ее характеристики: она служит границей между миром художественного произведения и миром реальности; является механизмом образования специфического художественного содержания; представляет художественное произведение в качестве социально-культурного явления.

Выразительная форма предполагаетналичие разных смыслов, но в то же время представляет собой целое, и какие бы различия ни возникли в ней, она сама их координирует. Несмотря на разнообразие трактовок художественного произведения, всегда существует семантический центр, являющийся условием его осмысления. Обладая ценностью для другого, выразительная форма всегда имеет собственную бытийную ценность. Материальное и духовное существует в ней в нерасторжимом единстве.

Выразительная форма – это не просто отражение реального мира, а всегда результат встречи с внутренним миром художника-творца. Несмотря на это, собственно смысл выразительной формы не сводится только к одухотворенной материальности, самоценности ее вещественной стороны. В форме проявляются не только мысли художника, но и их существование в других художественных произведениях, функционирующих в рамках культурной традиции. Таким образом, смысл выразительной формы не сводится к единому акту освещения уникального художественного взгляда, но и несет на себе груз прошлого общекультурного опыта художественного осмысления мира.

Выразительная форма, рассматриваемая нами как событие, предстает в виде полярной структуры витальности и интенциональности. Эти термины нуждаются в пояснении. Витальность (жизненный порыв) – это созидательный порыв живой субстанции в направлении поиска новых форм. Однако этот термин употребляется в более узком смысле, поскольку, как правило, имеют в виду витальность людей, а не животных или растений. В смысл этого слова заключено определение контраст. Витальность (в широком смысле) человечна потому, что человек наделен интенциональностью. Человек способен творить мир внутри существующего, создавая духовную сферу.

На человеческом уровне форма – это рационализированная структура разума, актуализированная в процессе жизни. В этой связи интенциональность означает соотнесенность с имеющимся смысловыми структурами, существование в универсалиях, овладение реальностью и ее формирование. В этом контексте интенция означает не волю действовать во имя некоей цели, а напряженное отношение между жизнью человека и действительностью. Человек использует данный природой материал, чтобы создавать формы, обладающие смыслом. Существуя в этих формах, человек в процессе их создания преобразовывает самого себя.

Нам важно продемонстрировать изменяющийся характер выразительности, поэтому рассмотрим подробнее понятие интенциональности. Однако перед этим осветим некоторые историко-философские моменты, связанные с данным понятием.

Интенциональность – центральное понятие феноменологической гносеологии, анализ ее в концепции Э. Гуссерля сложен и разветвлен, однако, в ней присутствует четкая главная мысль: интенциональность означает нацеленную направленность на умственный предмет, фиксирование его в фокусе сознания, а также постепенное постижение очевидности, полного и ясного различения всей смысловой структуры предмета. Когда Э. Гуссерль говорит об интенциях сознания как стартовой позиции феноменологии, то есть свойстве сознания быть направленным на какой-либо объект или быть сознанием чего-либо, в поле зрения нет непосредсвенно сознания. Для того чтобы «ничего-не-говорение» приобрело смысл, Э. Гуссерлю было необходимо дополнить интенцию сознания целой феноменологической системой. Человек вносит интенциональность в окружающий мир, делает его интенциональным. Но что же значит это понятие? Интенциональность не есть данность наряду с другими данностями, которая может быть зафиксирована и определена изначально «зримым образом». Человек как экзистирующее существо не дан как результат или как «стартовая позиция». Он «всегда в пути», и интенциональность человеческой экзистенции как раз и говорит о том, что он находится в постоянном креативном процессе, охватывающим через него весь мир. Сама же интенциональность должна быть также конституирована, то есть фактически иметь опору и оправдание в более глубинных «данностях». Кроме этого, интенциональность связана с событийностью. Событие дает возможность

конституироваться бытию и сущему, сохраняя свою открытость; именно она является той «опорой», которая позволяет нам онтологически допустить генезис интенциональности.

Проблема интенциональности в XX в. ассоциируется с именем Э. Гуссерля, однако возникновение осмысления человеческого сознания, а значит, и человека, через интенциональность во многом тождественна «воли к власти» Ф. Ницше и жизненному порыву А. Бергсона.

Ф. Ницше говорит о том, что человек становится человеком (или путем к сверхчеловеку) только в том случае, если он имеет цель, то есть когда в нем присутствует интенциональность цели. Но одного этого не достаточно, поскольку начало движения происходит как очищение от любой привязанности, кроме воли к власти, или волящей воли, преодолевающей другую волю и саму себя. Человек обладает смыслом этого движения только как постоянным превосхождением. Иначе говоря, он продуцирует смысл, который понимается как интенциональное движение к цели.

В отличие от Ф. Ницше, А. Бергсон удаляет из постижения жизни ее цель как нечто, не соответствующее реальности. Единство идет из начала, общего стремления и жизненного порыва. Этот жизненный порыв представляет собой сущностное свойство жизни вообще и является постоянным творчеством новых форм. Формирующее начало живого, таким образом, связано с прошлым, но постоянно восстанавливается каждым живым существом. Однако самое главное для нашего исследования – это та дистинкция между рациональностью и инстинктивной составляющей человека как живого существа. Сознание, рациональность не может охватить сущность живого, поскольку ориентировано на конечный результат, застывшую и совершенную форму. Наконец, в процессе постижения живого существа как творца новых форм, каждый шаг которого направлен именно на это.

Две концепции, на первый взгляд, обладают противоречивыми составляющими. Однако как взаимодополняющие они дают представление о сущности интенциональности. В концепции Ф. Ницше значимым является постоянное превосхождение, которое вызвано направленностью на цель, а человек – это путь, а не результат. В системе А. Бергсона – это становление и творение человеком новых форм при каждом своем шаге.

Понятие интенциональности применительно к выразительной форме показывает нацеленность на осуществление, которое всегда впереди, в будущем. При этом прошлое так же проективно или направлено к определенности в будущее и не только потому, что оно является основанием для будущего, но и потому, что человеческая экзистенция есть прежде всего конституирование смысла, которое захватывает открытостью, незавершенностью. Завершенность человека относится к будущему, а не настоящему. Определенность же в будущем представлена в модусе свободы и творчества как творение выразительных форм.

Для последних характерно то, что в них, объективируется сам человек в его отношении к сообщаемому. Выразительные формы погружены в культурное бытие, сами себя организуют и поэтому являются посредниками между объективным и субъективным. Выразительная форма есть состояние события, достижение некоего тождества между субъектом и объектом, между замыслом художника и его воплощением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бахтин, М. М.** Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1986. – 543 с.

2. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.

3. **Бонецкая, Н. К.** Эстетика М. Бахтина как логика формы / Н. К. Бонецкая // Бахтинология : Исследования, переводы, публикации. К столетию рождения М.М. Бахтина. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1995. – С. 51–80.

4. **Кроче, Б.** Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика / Б. Кроче. – Москва : Intrada, 2000. – 160 с.

5. Литературная теория немецкого романтизма. – Ленинград : Изд-во писателей, 1934.– 333 с.

6. **Логинова, М. В.** Бытие выразительности в неклассической культуре / М. В. Логинова. – Рузаевка : Рузаев. печатник, 2010. – 268 с.

7. **Логинова, М. В.** Выразительность молчания в культуре / М. В. Логинова // Обсерватория культуры : журнал-обозрение. – 2006. – № 5. – С. 28–34

8. **Логинова, М. В.** Выразительность молчания как проблема эстетической онтологии / М. В. Логинова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 168 с.

9. **Логинова, М. В.** Проблема молчания в культуре / М. В. Логинова // Фундаментальные проблемы культурологии. : Культурная динамика. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. – С. 309–320.

10. **Логинова, М. В.** Становление выразительности современного искусства / М. В. Логинова // Фундаментальные проблемы культурологии : Теория и методология современной культурологии. – Москва, Санкт-Петербург. : Новый хронограф ; Эйдос, 2009. – С.487–490.

11. **Мамардашвили, М. К.** Формы и содержание мышления (к критике гегелевского учения о формах познания) / М. К. Мамардашвили. – Москва : Высш. шк., 1968. – 192 с.

12. **Пави, П.** Словарь театра / П. Пави. – Москва : Прогресс, 1991. – 504 с.

Поступила 16.09.2014 г.

Об авторе:

Логинова Марина Васильевна, профессор кафедры культурологии, этнокультуры и театрального искусства Института национальной культуры ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор философских наук, marina919@mail.ru

Для цитирования: Логинова М. В. Онтология выразительных форм в культуре / М. В. Логинова. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 207–215. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.207

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i [The literary articles]. Moscow, 1986, 543 p.

2. Bakhtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Arts Publ., 1986, 445 p.

3. Bonetskaya N. K. Jestetika M. Bahtina kak logika formy // Bahtinologija: Issledovanija, perevody, publikacii. K stoletiju rozhdenija M. M. Bakhtina [Aesthetics of Bakhtin as logic of form // Bakhtinologiya: Research, translations, publications. On the centenary of the birth of M. M. Bakhtin]. St Petersburg, Aletheia Publ., 1995, pp. 51–80.

4. Croce B. Jestetika kak nauka o vyrazhenii i kak obshhaja lingvistika [Aesthetic as the science of expression and as general linguistics]. Moscow, Intrada Publ., 2000, 160 p.

5. Literaturnaja teorija nemeckogo romantizma [Literary Theory of German Romanticism]. Leningrad, Writers Press Publ., 1934, 333 p.

6. Loginova M. V. Bytie vyrazitel'nosti v neklassicheskoj kul'ture [Genesis of expression in non-classical culture]. Ruzaevka, Ruzaevsky Pechatnik Publ., 2010, 268 p.

7. Loginova M. V. Vyrazitel'nost' molchanija v kul'ture [Emphasis of silence in the culture]. *Observatorija kul'tury. Zhurnal-obozrenie* – Observatory of Culture. Review Magazine. 2006, no. 5, pp. 28–34.

8. Loginova M. V. Expression of silence as a problem of aesthetic ontology / M. V. Loginova. Saransk, Mordovia University Press, Publ. 2003, 168 p.

9. Loginova M. V. Problema molchanija v kul'ture // Fundamental'nye problemy kul'turologii: Kul'turnaja dinamika [Problem of silence in culture // Fundamental problems of cultural studies. Cultural dynamics]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2009, pp. 309–320.

10. Loginova M. V. Stanovlenie vyrazitel'nosti sovremennogo iskusstva // Fundamental'nye problemy kul'turologii : Teorija i metodologija sovremennoj kul'turologii [Formation of expression of contemporary art // Fundamental Problems of Cultural Studies: Theory and methodology of contemporary culture]. Moscow, St. Petersburg, The New Chronograph Publ., Eidos Publ., 2009, pp. 487–490.

11. Mamardashvili M. K. Formy i soderzhanie myshlenija (k kritike gegelevskogo uchenija o formah poznanija) [Form and content of thought (to the critique of Hegel's doctrine of the forms of knowledge)]. Moscow, Higher School Publ., 1968, 192 p.

12. Pavie P. Slovar' teatra [Dictionary of Theatre]. Moscow, Progress Publ., 1991, 504 p.

About the author:

Loginova Marina Vasil'evna, professor of Culturology, Ethnic and Cultural Studies chair of Institute of National and Folk Culture, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Doctor of Sciences degree holder in Philosophy, marina919@mail.ru

For citation: Loginova M. V. Ontologija vyrazitel'nyh form v kul'ture [Ontology of expressive forms in culture]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 207–215. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.207

УДК 130.2:159.923.2 DOI: 10.15507/VMU.024.201404.216

ПОНИМАНИЕ СВОЕГО «Я» В ОБЩЕНИИ С ДРУГИМИ*

Н. Л. Новикова

Действительность не есть нечто прочное и инвариантное; ее самодостаточности противостоит текучий саморазвивающийся процесс, заключающийся в сознании субъекта. Человек не сторонний наблюдатель происходящего – он непосредственно включен в существующую действительность, поэтому одновременно изменяет как действительность, так и себя. Поскольку становление новой цивилизации затрагивает изменения самого человека, его мировоззрения, системы ценностей, одним из наиболее значимых последствий современных социальных процессов (глобализация, информатизация, визуализация, виртуализация) является актуализация проблемы сохранения людьми своей идентичности. Находясь в культурном пространстве, согласно В. С. Степину, человек аккумулирует его в своем внутреннем мире, при этом идентичность выступает как способ и механизм «структурации» и «дешифровки бытия» универсалий культуры и «транслятор» знаний в культуру и социальную практику.

В современной культуре особую ценность приобретает идея постоянного изменения действительности, поэтому предпочтение отдается не общим принципам, не застывшему и отвлеченному знанию, а конкретному опыту. Силой своего воображения индивид конструирует свою жизнь, создавая свой контекст мира, который зависит от других контекстов. Уникальный путь к себе, открывающийся человеку через «другого» (диалог), исходное осмысление «я» происходит в повседневности, выступающей базисной реальностью, пространством решения жизненных задач.

Ключевые слова: культурное пространство, повседневная культура, человек, идентичность, кризис идентичности, диалог, диалог смыслов, самоидентификация.

PERSON'S SENSE OF "SELF" IN HIS RELATIONS TO OTHERS

N. L. Novikova

Our reality is not something solid and invariant; a fluid self-developing process opening in human consciousness resists its self-sufficiency. A human being is not an observer of what is happening – he is a part of the whole, so he is directly involved in the present reality. He experiences his thoughts and feelings, changing at the same time the reality and himself. Since the establishment of the new civilization affects a human being, his world perception, a personal value system, one of the most significant consequences of contemporary social processes (globalization, informatization, visualization and virtualization) is the actualization of the problem of preservation of individual identity. Located in the cultural space, a person accumulates it in his inner world, the identity herewith is a method and mechanism of "structuration" and "decryption of existence" of cultural universals and the "translator" of knowledge in the culture and social practices (V. S. Stepin).

The idea of constantly changing reality becomes particularly valuable in the contemporary culture, thus preference is given not to the general principles, stagnation and abstract knowledge, but to concrete experiences. Using the power of his imagination an individual constructs his life, creating the context of his world, which depends on other contexts. A unique way of finding you self through the dialogue between "self" and other takes place in everyday life, serving the basic reality, the cultural communicative space.

Keywords: cultural space, everyday culture, person, identity, identity crisis, dialogue, dialogue of meanings, self-identification.

* Статья выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 14-03-00099а

© Новикова Л. Н., 2014

В начале XXI в., когда стала актуальной проблема кризиса культуры как всеобъемлющего явления, вновь произашел отказ от существовавшей долгое время формы культуры, начала нарастать потребность в реконструировании связи человека с Целым. Одна из трактовок причин культурного кризиса принадлежит Н. Я. Данилевскому и О. Шпенглеру, подчеркнувшим уникальность, самотождественность и замкнутость культурных типов, содержание, форма и стиль которых не могут быть переданы по наследству другому, поскольку каждая культура вырабатывает и реализовывает их самостоятельно.

Развивая эту точку зрения, современный философ В. Н. Порус рассуждает о смене устаревающих культурных форм другими, более актуальными. Не отрицая динамичности культуры, ученый отмечает, что ее изменения направлены на восстановление всеобщности, утрачиваемой в результате влияния конкретной жизненной действительности – до тех пор, «пока на это хватает “духовных сил”», то есть пока речь вообще идет о культуре [13, с. 411, 414].

Таким образом, формулы новой культуры, абсурдные с точки зрения старой, функционируют, сообщения новой культуры понимаются и принимаются. Находясь в культурном пространстве, человек аккумулирует его в своем внутреннем мире. Процесс восприятия смыслообраза включает в себя «потребление» пространства, поскольку именно оно является основой мировоззрения. Из этого утверждения следует одно из основных противоречий современной цивилизации – между постоянно увеличивающимся числом воображаемых пространств как порождением мировых телекоммуникационных систем (виртуальные реальности) и катастрофическим уменьшением эмпирического жизненного пространства индивида (вследствие миграции, демографического взрыва, урбанизации и т. д.). Именно поэтому, как справедливо отмечает современный французский социолог М. Оже, «весь смысл модернизации сводится к тенденции оторвать человека от того культурного единства, в котором его жизнь черпала смысл в становлении и через него» [12, с. 139].

Человек, полагает Б. Марков, стал стремительно «закатываться за горизонт и взамен его взошло нечто новое, что уже и светилом назвать нельзя, ибо это нечто аморфное, незаметное и всепроникающее как сама повседневность». Именно в этом исследователь видит причину кризиса ориентирования и как общее следствие <…> – кризиса культуры» [7, с. 133]. Человеку просто не на что опереться (деградация религиозных, национальных ценностей), и в новых условиях существования он, с точки зрения философа, начинает «стремительно маргинализироваться». Б. Марков абсолютно прав, утверждая, что нежелание посвятить себя служению чему-то возвышенному делает человека пассивным, заставляет утратить критическую способность разума. К сожалению, заключает К. Ясперс, люди в такой ситуации «смело отказываются от всякого смысла и объявляют смыслом намеренную бессмыслицу» [17, с. 449].

Находясь в состоянии неопределенности, современный человек мысленно пытается найти ответ на вопрос о своем месте в жизни, создавая «всеобъемлющую глобальную ментальную картину мира», которая может служить ему так называемой «системой координат». Без «внутреннего дела души» не обойтись, говорил Н. В. Гоголь. Даже Н. Бонапарт высоко оценивал роль духовной силы человека для любых свершений, отмечая, что она относится к физической как 3 к 1. Добавим, что именно из человеческой сущности проистекает его активность, а активная жизнь, по мнению Б. Спинозы, означает «быть», то есть является тождественной самореализации.

Человек как социальный субъект во взаимоотношениях с окружающим миром придает последнему соотносимую с собственными потребностями организованность, структурирует про-

странственно. Это явление представляет собой интерсубъективный мир культуры. Он возможен, поскольку каждый человек, живя среди других людей в одном пространственно-временном поле, создает и накладывает на мир фактов и процессов свой смысловой и ценностно-символический порядок. Используя термин *интерсубъективный* для описания аспектов взаимной связи людей в жизненном мире (Э. Гуссерль), или в мире повседневной жизни, А. Щютц указывает на характерное для человека переживание мира как общего для него и других: «Мы не могли бы быть личностями не только для других, но даже и для самих себя, если бы не обнаруживали общей для нас и других людей среды, выступающей в качестве коррелята интенциональной взаимосвязи наших сознаваемых жизней. Эта общая сфера формируется путем взаимного понимания, которое в свою очередь основывается на том, что субъекты взаимно мотивируют друг друга в своих духовных проявлениях. Социальность конституируется как результат коммуникативных актов, в которых "я" обращается к "другому", постигая его как личность, которая обращена к нему самому, причем оба понимают это» [18, с. 28–29].

О необходимости услышать и понять «другого» пишет также Н. И. Воронина, замечая, что «проблематика диалога – это, может быть, самая универсальная и одновременно самая интимная проблематика человеческого бытия» [4, с. 29]. Подтверждение этому мы находим у М. М. Бахтина, считавшего, что «один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим, смыслом: между ними как бы начинается *диалог,* который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов…» [2, с. 354]. Уверены, что феномен диалога смыслов кроется в возможности найти ответы на волнующие наших современников вопросы, поскольку «при такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [Там же].

Основой подобного диалога может служить творчество конкретной личности, например, Н. П. Огарева, обрастающее «в процессе своей посмертной жизни» «новыми значениями, новыми смыслами» [Там же, с. 350]. «Просвещеннейший человек своего времени, обладающий энциклопедической образованностью», Н. П. Огарев явился «характерной фигурой тех лет», сумев отразить в своей деятельности «передовые художественно-эстетические воззрения, а в музыкальном творчестве – основные тенденции бытовой музыки XIX в.». Творческий процесс этой уникальной личности, пишет Н. И. Воронина, занимающаяся изучением «духовной реальности» Н. П. Огарева, протекал при активном участии не только мысли и чувства, фантазии и эмоций, но, что особенно ценно, «исторической памяти, которая основывается на прошлом культурном опыте» [3, с. 151–152]. Все это еще раз доказывает мысль М. М. Бахтина, что «произведение не может жить в будущих веках, если оно не вобрало в себя как-то прошлых веков».

О том же, по сути, говорит М. Хайдеггер указывая на «взаимопринадлежность поэзии и мысли», чье «схождение» имеет «давнее происхождение», это то «предписание, в которое издревле вписаны судьбы нашего исторического бытия» [15, с. 312]. Любое произведение «*чревато* смыслами» (не только «историческими», но и «трансисторическими»), сорассуждает Р. Барт именно «*уклончивостью*» и «неухватностью» смысла он объясняет способность произведения, с одной стороны, «задавать миру вопросы (подвергая сомнению устойчивые смыслы, опирающиеся на верования, идеологию и здравый смысл людей) и при этом не отвечать на них (поскольку ни одно произведение не является догматическим), а с другой стороны, оно бесконечно открыто для новых расшифровок». Через произведение, подчеркивает Р. Барт, завязывается

диалог исторических эпох, в котором необходимо «чтить» истину прошлого или истину «другого», а не заниматься «созиданием мыслительного пространства настоящих дней» [1, с. 250–251].

Поскольку тексты Н. П. Огарева (литературные, художественные, музыкальные и др.) «при их философичности, сосредоточенности на осмыслении драматизма бытия очень конкретны, богаты зримыми, подчас неожиданными деталями», это «редкостный материал для постижения российской ментальности, образа жизни, духовности, творчества» [3, с. 5].

Размышляя о новой культуре общения, формирующейся «в глубинной идее диалога», Ю. В. Вострякова настаивает, что «мышление и бытие другого человека не только углублено в каждом из нас, оно – это иное мышление, иное сознание, внутренне насущное для нашего бытия» [15]. Решая задачу индивидуального и «вместе с тем общительного *присвоения* культурного опыта, человек превращает любые формы своей детерминации в *самодетерминацию»,* в которой всегда присутствует «другой». Эта «общительная природа освоения в культуре представленной истории настолько существенна, объясняет А. Ю. Шеманов, что индивид уже внутри себя несет ориентацию на другого. Он внутренне открыт к нему, внутренне общителен, и поэтому обнаруживает и себя самого». Именно «другой», согласно утверждению ученого, «открывает человеку уникальный путь к себе, реализуемый лишь в диалоге» [16, с. 122]. Вот почему, на наш взгляд, важно уметь раскрыть и использовать в повседневной жизни огромные смысловые возможности, заложенные в каждой культурной эпохе.

Одним из направлений бегства от культурных универсалий, по мнению В. Н. Поруса, является поворот в научных кругах к речевой, поведенческой и духовной «повседневности». С легкой руки А. Щютца, констатирует ученый, начали писать *Повседневность* с заглавной буквы, объявив повседневность высшей реальностью. Комментируя слова А. И. Лучанкина о смысле всех слов (в первую очередь тех, уточняет В. Н. Порус, которые выражают универсалии культуры), отданных на суд индивидуальному сознанию, философ объясняет, что суд этот окончательный, поскольку «над *индивидуальностью* с ее *обыденностью* никакой высшей инстанции нет». Отвечая на вопрос А. И. Лучанкина, возможен ли неуединенный человек в общественном месте и без маски (для уединенного человека общество везде и всегда является чужим), В. Н. Порус пишет, что «уединенная в своей обыденности "духовность" чужого всем и каждому человека – это уже не гордая в своей возвышенной обреченности духовность бунтаря, это безнадежность иного рода – "сингулярность", отринувшая даже возможность надежды на понимание "другого" за рамками пустых, как выеденное яйцо, "событий" повседневности" [13, с. 422]. Однако ученый признает, что не все «разделяют подобные оценки повседневности», и в подтверждение этой мысли приводит точку зрения И. Т. Касавина, согласно которой повседневность образует «безусловные предпосылки и во многом конечную сферу приложения всех остальных форм существования и деятельности людей. Однако и по форме, и по содержанию обыденность отличается от разных, но по сравнению с нею одинаково манящих/пугающих порывов человека к свободе (выбора, творчества, самовоплощения или (и) саморазрушения) <…> [13, с. 424]. Никому не удается надолго покинуть свою бытийную «родину»-повседневность, но ограничиваясь ее пределами (по собственной или чужой воле), уверен И. Т. Касавин, личность «примитивизируется».

К счастью, по справедливому замечанию В. Н. Поруса, резко отгородить повседневность от культуры невозможно. Он глубоко убежден, что повседневность, взбунтовавшаяся против культурных универсалий, – это «самодовольное и часто свинское *пребывание* либо раз-

рушительное, уничтожающее личность *самоотречение*, растворенное в череде происшествий, столь же бессмысленных, как и их отсутствие» [Там же, с. 426].

Исследуя обыденную жизнь как «человеческий мир» или «один из человеческих миров», которые могут быть нам актуально даны, современный философ Е. В. Золотухина-Аболина констатирует, что повседневность поглощает нас, «проникает в каждое движение, неприметно диктует способы реагирования и действия…» [6, с. 26]. Повседневность – это бодрствующее напряженное внимание к жизни, для которого характерна деятельность по выдвижению и реализации проектов. Х. Тхагапсоев объясняет, что официальный мир – «мир идентичностей», создаваемых (конструируемых), распознаваемых и интерпретируемых в повседневной жизни в актах коммуникации, интеракции и деятельности людей. Более того, по утверждению ученого, для современного общества стала актуальной активная демонстрация всевозможными малыми группами своих идентичностей [14].

Вставая на защиту повседневности, добавим, что именно она «диктует» человеку «правила игры». От повседневности «нельзя никуда уйти, она держит всех в плену»; считаться с ней, осмысливать ее должен каждый. Именно повседневность как базисная реальность дает то исходное осмысление «я», которое затем подтверждается, трансформируется и опровергается в иных жизненных мирах. Повседневность – пространство решения жизненных задач, то есть область, в которой я действуею и осознаю себя действующим [11].

В XX в. человечество оказалось перед лицом многих проблем и противоречивых тенденций, ломающих институциональные структуры, нарушающих привычный порядок повседневности, изменяющих человеческое сознание. Естественный для человека способ устраивать свою жизнь, соотнося себя с окружающим пространством, идентифицируясь с субъективно наиболее значимыми его локусами, приводит к глубоким трансформациям внутреннего пространства субъекта.

Культура жива, если люди признают над собой власть ее «универсалий». Это также означает, что «с известных пор "культура" и "человек" – понятия соотносительные: мы люди, пока наше бытие определено культурой, но бытие культуры определено нашими духовными усилиями, и потому неправы те, кто полагают, будто культуры возникают и умирают по каким-то совершенно не зависящим от наших воль, мыслей и действий причинам» [13, с. 413]. Продолжая мысль ученого, добавим, что наша действительность на самом деле не представляет собой нечто прочное и инвариантное; ее самодостаточности противостоит текучий саморазвивающийся процесс, открывающийся в сознании субъекта. Человек создает свой контекст мира, он непосредственно включен в существующую действительность, поэтому одновременно изменяет как действительность, так и себя [10]. Единственная возможность, по мнению А. Камю, сохранить человеческое достоинство в абсурдной действительности – бунт. Однако для него бунтующий человек – это культура, сжатая до индивида, призыв найти внутри человеческого духа основания, с помощью которых можно устоять перед отчаянием.

Итак, для России начала XXI в. характерны переходный период, кризис культуры и идентичности. Под воздействием социально-экономических и политических катаклизмов у большинства россиян произошли изменения во всех сферах повседневного бытия: взаимоотношении с ближайшим и дальним окружением, самоопределении индивидов в жизненном пространстве и многом другом, что может быть определено как кризис идентичности. *Обрушение* связей между ценностями культуры и ориентациями индивидуального бытия, с точки зрения В. Н. Поруса, и есть культурная катастрофа [13, с. 426]. Распад *сущности* человека на осколоки, из которых жажда жизни, ползая на коленках, пы-

тается собрать муляжи *существования* – вот подлинная причина «смерти человека», поскольку жажда жизни, освобожденная от культурных форм, является величайшей опасностью для самой жизни. Но С. С. Неретина объясняет, что сегодня мы в праве поставить вопрос не о конце жизни или смерти человека, а о конце культуры «как явления, имевшего свое начало и соответственно долженствующего иметь свой конец» [8, с. 45]. Она уверена, что сейчас, в эпоху переходности, требуется критика культурного разума – «это "складка", которая еще топорщится, но, может быть, тут обнаружится новая мораль, основанная на свободной энергии жажды жизни, напрягающей все известные и неизвестные формы рефлексии [там же, с. 46]. В споре между различными культурными основаниями сама идея культуры не угаснет, заявляет В. Н. Порус. Он подчеркивает, что есть шанс хотя бы остановить деструктивные процессы и предлагает в сложившейся ситуации «обжить катастрофу»то есть «принять на себя ответственность за нее, отказаться от пошлой роли зевак или комментаторов» [13, с. 433].

Вступая в диалог с учеными, добавим, что тот, кто мыслит, кто задается вопросом, что на самом деле скрывается под обманчивым покровом современности в нашем странном мире, никогда не сможет почувствовать себя хотя бы относительно уютно, никогда не примет этот мир как «нормальный». Именно отсутствие сколько-нибудь определенной и целостной концепции бытия («картины мира»), повлекшее за собой интенсификацию интереса человека к самому себе, пересмотру собственных границ, возможностей, целей и смыслов существования привели в итоге среди прочего, к образованию нового типа индивидуальности, возникновению не существующих до этого культурных норм. Попытка искуственно создать одного-единственного субъекта культуры не удалась, поскольку, объясняют С. С. Неретина и А. П. Огурцов, в реальности он многообразен, представляет собой множество монад – от личности до этноса, «именно такой субъект и восстал против тоталитаризма и идеологичности» [9, с. 340]. Однако, убеждает Е. В. Золотухина-Аболина, к сожалению, люди никак не могут выступить в роли абсолютно свободных монад и абсолютно индивидуальных уникумов, поскольку в повседневности ориентированы на «значимых других», а значит, глубоко социальны. При этом любой субъект, не появился бы как оригинальная личность без ряда, из которого он выступает и с которым он соотнесен. Он формирует свою индивидуальность, только отождествляясь с другими и «размежеваясь с ними» [6, с. 13].

На наш взгляд, всякое проявление себя как шаг к самопознанию требует воли, усилия. Воля человека влияет на выбор цели и способы ее достижения, подавление эмоций и т. д. С одной стороны, для изменения человека недостаточно только воли и стремления к совершенству, с другой, – потребность в самоидентичности настолько важна, что человек не может чувствовать себя здоровым, если не найдет возможности ее удовлетворить. Принадлежа среде, принимая решения и действуя в рамках социума, будучи ограниченной со стороны других личностей, сама по себе она противостоит всему этому, поскольку самостоятельна в выборе занятий, принятии решений. Поддерживаем С. С. Неретину и А. П. Огурцова, утверждающих, что через свободу и можно определить того нового человека, о котором грезили многие современные философы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Барт, Р.** Нулевая степень письма / Р. Барт. – Москва : Академический Проспект, 2008. – 431 с.
2. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство. – 1979. – 424 с.

3. **Воронина, Н. И.** Н. П. Огарев : неисчерпаемость личности / Н. И.Воронина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 168 с.

4. **Воронина, Н. И.** Толерантность процесса идентификации / Н. И.Воронина // Гуманитарные науки и образование. – № 1 (1). – 2010. – С. 28–31.

5. **Вострякова, Ю. В.** Проблемы познания в диалоговом пространстве современной культуры / Ю. В. Вострякова // Философско-методологические проблемы науки и техники. – Самара, 1988. – С. 78–81.

6. **Золотухина-Аболина, Е. В.** Повседневность : философские загадки / Е. В. Золотухина-Аболина. – Киев : Ника-Центр, 2006. – 256 с.

7. **Марков, Б.** Знание, власть, капитал и либидо / Б. Марков // Парадигмы философствования : Вторые междунар. философ.-культурол. чтения (10–15 августа 1995, Санкт-Петербург). – Вып. 2. – Санкт-Петербург : ФКИЦ «Эйдос», 1995. – С. 133–139.

8. **Неретина, С. С.** Современность – это гностицизм? / С. С. Неретина // Философский факультет : ежегодник. – 2001. – № 2. – С. 36–47.

9. **Неретина, С. С.** Время культуры / С. С. Неретина, А. П. Огурцов. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 2000. – 344 с.

10. **Новикова, Н. Л.** Идентификация человека в координатах городского пространства / Н. Л. Новикова // «The city and Time»/«Город и время»: интернационал. науч. альманах «Life Sciences» : в 2 т. – Самара–Париж–Дюссельдорф : ООО «Самара», 2012. – Т. 2.– С. 69–75

11. **Новикова Н. Л.** Проблема сопряжения обыденной культуры и личности / Н. Л. Новикова // Многообразие культурных миров : Научная школа профессора Н. И. Ворониной. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – С. 101–114.

12. **Оже, М.** Криза сенсу в сучасному свуту / М. Оже // Фулософська у соцуологучна думка. – 1995. – № 6. – С. 138–141.

13. **Порус, В. Н.** У края культуры (философские очерки) / В. Н. Порус. – Москва : «Канон+» ; РООИ «Реабилитация», 2008. – 464 с.

14. **Тхагапсоев, Х.** Идентичность как философская категория и мера социального бытия / Х. Тхагапсоев // Философские науки. – 2011. – № 1. – С. 10–25.

15. **Хайдеггер, М.** Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.

16. **Шеманов, А. Ю.** Проблема самоидентификации как предмет исследования / А. Ю. Шеманов // Постижение культуры. – Москва, 1998. – С. 177–181.

17. **Ясперс, К.** Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва : Политиздат, 1991. – 527 с.

18. **Schutz, A.** The Problem of Social Reality / A. Schutz // Collected Papers. – Vol. 1. Nijnoff, The Hague. 1971. – P. 28–29.

Поступила 20.10.2014 г.

Об авторе:

Новикова Надежда Львовна, профессор кафедры философии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор философских наук, naukaink@rambler.ru

Для цитирования: Новикова, Н. Л. Понимание своего «я» в общении с другими / Н. Л. Новикова // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 216–223. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.216

REFERENCES

1. Bart R. Nulevaja stepen' pis'ma (Per. s fr.) [Zero degree of writing]. Moscow, Akademicheskij Prospekt Publ., 2008, 431 p.

2. Bakhtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva [Esthetics of written word]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, 424 p.

3. Voronina, N. I. N. P. Ogarev: neischerpaemost' lichnosti [Ogarev: inexhaustibility of personality]. Saransk, Mordovia University Press Publ., 2013, 168 p.

4. Voronina N. I. Tolerantnost' processa identifikacii [Tolerance of identification process]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* – Human Sciences and Education. 2010, no. 1, pp. 28–31.

5. Vostrjakova Ju. V. Problemy poznanija v dialogovom prostranstve sovremennoj kul'tury. Filosofsko-metodologicheskie problemy nauki i tehniki [Issues of perception in dialogue space of contemporary culture. Philosophical and methodological issues of science and technology]. Samara, 1988, pp. 78–81.

6. Zolotuhina-Abolina E. V. Povsednevnost': filosofskie zagadki [Everyday life: philosophical riddles]. Kazan, Nika-Centr Publ., 2006, 256 p.

7. Markov B. Znanie, vlast', kapital i libido. *Paradigmy filosofstvovanija: Vtorye mezhdun. filosof.-kul'turol. chtenija* [Knowledge, power, capital and libido. // Paradigms of philosophizing: second international philosophical and culturological readings]. St Petersburg, FKIC "Jejdos" Publ., 1995, vol. 2, pp. 133–139.

8. Neretina S. S. Sovremennost' – jeto gnosticizm? [Contemporaneity is Gnosticism?]. *Filosofskij fakul'tet. Ezhegodnik* – Philosophical department. Annals. Moscow, 2001, no. 2, pp. 36–47.

9. Neretina S. S., Ogurcov A. P. Vremja kul'tury [Time of culture]. St Petersburg, RHGI Publ., 2000, 344 p.

10. Novikova N. L. Identifikacija cheloveka v koordinatah gorodskogo prostranstva // «Gorod i vremja»: internacional›. nauch. al›manah "Life Sciences": v 2 t., t. 2 [Identification of a person in coordinates of city space // "City and Time": international academic anthology "Life Sciences" in 2 volumes, vol. 2]. Samara, Paris, Djussel'dorf, OOO Samara Publ., 2012, pp. 69–75.

11. Novikova N. L. Problema soprjazhenija obydennoj kul'tury i lichnosti // Mnogoobrazie kul'turnyh mirov: Nauchnaja shkola professora N. I. Voroninoj [Problem of interfacing of trivial culture and personality // Diversity of cultural worlds: N. I. Voronina's school of thought]. Saransk, Mordovia University Press Publ., 2011, pp. 101–114.

12. Ozhe M. Kriza sensu v suchasnomu svutu. *Fulosofs'ka u socuologuchna dumka*. 1995, no. 6, pp. 138–141.

13. Porus V. N. U kraja kul'tury (filosofskie ocherki) [At the brink of culture]. Moscow, «Kanon+», ROOI «Reabilitacija» Publ., 2008, 464 p.

14. Thagapsoev H. Identichnost' kak filosofskaja kategorija i mera social'nogo bytija [Identity as philosophical category and a measure of social existence]. *Filosofskie nauki* – Philosophical Sciences, 2011, no. 1, pp. 10–25.

15. Hajdegger M. Vremja i bytie [Time and Existence]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 447 p.

16. Shemanov A. Ju. Problema samoidentifikacii, kak predmet issledovanija // Postizhenie kul'tury [Problem of self-definition as a subject of research]. M., 1998, pp. 177–181.

17. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii [Meaning and purpose of history]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 527 p.

18. Schutz A. The Problem of Social Reality // Collected Papers. Vol. 1. Nijnoff, The Hague. 1971, pp. 28–29.

About the author:

Novikova Nadezhda L'vovna, Professor of the Chair of Philosophy, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Doktor Nauk degree holder in Philosophical Sciences, nadlnov@mail.ru

For citation: Novikova, N. L. Ponimanie svoego "ja" v obshhenii s drugimi [Person's sence of "self" and his relations to others]. Vestnik Mordovskogo universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014. no. 4, pp. 216–223. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.216

УДК 349.6 DOI: 10.15507/VMU.024.201404.224

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. Н. Прокаева

В статье рассматриваются статистические показатели Всероссийской переписи населения 2010 г. по самым многочисленным народам Российской Федерации; выявляются народы, обладающие наибольшей численностью (среди финно-угорских народов России – мордва, удмурты и марийцы); показывается их сокращение по сравнению с переписью 2002 г.; указываются основные факторы, способствующие значительному уменьшению численности родственных финно-угорских народов: современные демографические изменения, естественная убыль населения, урбанизация, миграционные тенденции, смешанные браки, ведущие к ассимиляции; анализируются особенно актуальные в условиях глобализации идеи мультикультурализма, являющиеся проблемой для небольших этносов; раскрывается такой способ сохранения национальной культуры в финно-угорских регионах России как этнофутуризм – направление, динамично развивающееся в современной художественной культуре финно-угорских народов и объединившее многих деятелей культуры в республиках Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия и др.; перечисляются художники Мордовии, творчество которых представлено этнофутуризмом и которые, используя огромный потенциал народной культуры, предложили своеобразное преображение действительности путем синтеза непосредственного восприятия и обращения к истокам и традициям этноса.

Ключевые слова: ассимиляция, глобализация, демография, мультикультурализм, национальная культура, национальный язык, финно-угорские народы, этнофутуризм.

EFFECT OF GLOBALIZATION ON FINNO-UGRIC PEOPLES OF RUSSIA

O. N. Prokaeva

The article describes the statistics of National Population Census 2010 and the most numerous peoples of Russia; it includes also Finno-Ugric peoples of Russia – Mordvinians, Udmurts and Mari; the article explores their reduction since the 2002 census, lists the main reasons which have led to a significant reduction in Finno-Ugric peoples: modern demographic changes – primarily the natural decline in population – urbanization, migration trends, mixed marriages, leading to assimilation; analyzes the idea of multiculturalism as relevant to the problem of small ethnic groups in the context of globalization; discloses such a method for the preservation of national culture in the Finno-Ugric regions of Russia as Ethno-futurism – dynamically evolving direction on a time-step in the artistic culture of the Finno-Ugric peoples and uniting many cultural figures in the Komi, Mari El, Mordovia, Udmurtia and others. The authors list those artists of the Republic of Mordovia who work in Ethno-futurism area and use the huge potential of popular culture, offering a kind of transformation of reality through the synthesis of immediate perception and the study of the origins and depth of traditional roots.

Keywords: assimilation, globalization, demography, multi-culturalism, national culture, national language, Finno-Ugric peoples, ethno-futurism.

Глобализация относится к числу цивилизационных процессов современности, стремительно охватывающих человечество. Благодаря этим про-

© Прокаева О. Н., 2014

цессам, происходит, с одной стороны, ослабление национальных государств и уменьшение значения национальной культуры, а с другой – активизация этносов. Большие и малые народы, находящиеся в составе многонациональных государств, обратились к своим истокам и истории как опоре и средствам противодействия глобализации.

Важность этой проблемы очевидна, поскольку более 200 государств являются многонациональными, в то время как наций более 2 000. При этом существует всего 9 стран, в которых доля представителей титульного этноса составляет 95 % и более: Албания, Венгрия, Исландия, Йемен, Мальта, Норвегия, Португалия, Ямайка, Япония.

В состав РФ входит около 200 этносов, из которых самым многочисленным является русский. Это видно из таблицы, составленной Федеральной службой государственной статистики, которая подвела итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по наиболее многочисленным национальностям России (табл. 1).

Таблица 1

Народы РФ	Млн чел.		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.
1	2	3	4
Русские	119,87	115,89	111,02
Татары	5,52	5,55	5,31
Украинцы	4,36	2,94	1,93
Башкиры	1,35	1,67	1,58
Чуваши	1,77	1,64	1,44
Чеченцы	0,90	1,36	1,43
Армяне	0,53	1,13	1,18
Аварцы	0,54	0,81	0,91
Мордва	1,07	0,84	0,74
Казахи	0,64	0,65	0,65
Азербайджанцы	0,34	0,62	0,60
Даргинцы	0,35	0,51	0,59
Удмурты	0,71	0,64	0,55
Марийцы	0,64	0,60	0,55
Осетины	0,40	0,51	0,53
Белорусы	1,21	0,81	0,52
Кабардинцы	0,39	0,52	0,52
Кумыки	0,28	0,42	0,50

окончание табл. 1

1	2	3	4
Якуты (саха)	0,38	0,44	0,48
Лезгины	0,26	0,41	0,47
Буряты	0,42	0,45	0,46
Ингуши	0,22	0,41	0,44
Все 10	147,02	145,17	142,86

Из табл. 1 видно, что в 2010 г. насчитывалось 22 наиболее многочисленных нации, численность населения которых превышала 400 тыс. чел. В 2002 г. таких национальностей было 23, а в 1989 г. – 17.

Русское население насчитывает 111 млн чел., что составляет 80,9 % общей численности [1]. Что касается финно-угорских народов России, то они представлены этносами, которые широко расселены по территории страны и имеют заметные различия в демографических показателях. Самыми многочисленными из них были и остаются мордва, удмурты и марийцы (табл. 2).

Таблица 2

Народы	Численность в 2002 г..	Численность в 2010 г.	2010 к 2002 гг, %
Бесермяне	3 122	2 201	70,5
Венгры	3 768	2 781	73,8
Вепсы	8 240	5 936	72,04
Водь	73	64	87,67
Ижорцы	327	266	81,35
Карелы	93 344	60 815	65,15
Коми (зыряне)	293 406	228 235	77,79
В том числе: коми-ижемцы	15 607	6420	41,13
Коми-пермяки	125 235	94 456	75,42
Манси	11 432	12 269	107,32
Марийцы	604 298	547 605	90,62
В том числе: лугово-восточные марийцы	56 119	218	
В том числе: горные марийцы	18 515	23 559	127,24
Мордва	843 350	744 236	88,25
В том числе: мордва-мокша	49 625	4767	
В том числе: мордва-эрзя	84 407	57 008	
Нганасаны	834	862	103,36
Ненцы	41 302	44 640	108,08

окончание табл. 2

1	2	3	4
Удмурты	636 906	552 299	86,72
Саамы	1 991	1 771	88,95
Селькупы	4 249	3 649	85,88
Финны	34 050	20 267	59,52
В том числе: финны-ингерман-ландцы	314	441	
Ханты	28 678	30 943	107,9
Энцы	237	227	95,78
Эстонцы	28 113	17 875	63,58

Следует отметить, что в 2002–2010 гг. уменьшилась численность удмуртов на 14 %, мордвы – на 12 %, марийцев – на 9,4 % [2].

Главными причинами значительного сокращения родственных финно-угорских народов являются современные демографические изменения, прежде всего естественная убыль населения, во многом обусловленная его более возрастной структурой, сложившейся к периоду социальных преобразований, и снижение рождаемости. Кроме этого, отметим урбанизацию, миграционные тенденции, а также смешанные браки, ведущие к ассимиляции.

Также нельзя не учитывать актуальные в условиях глобализации идеи мультикультурализма. Поскольку самой крупной нацией в России является русская, следовательно, мультикультурализм представляет собой проблему небольших этносов.

Существует два подхода к данной проблеме. Представители первого считают, что сосуществование и диалог различных по масштабам и качеству этнокультурных единиц являются обязательными. Сторонники второго утверждают, что данная концепция ведет к тому, что этнические меньшинства, пытаясь сохранить свои культурные ценности, не считаются с тенденциями глобализации и подвергают себя так называемой «культурной изоляции». Принадлежность к определенной этнической культуре, особенно небольших этнических единиц, считается архаизмом, из чего появилась точка зрения, что «право на отличие» надо сделать строго индивидуальным. Подобные попытки перенести вопросы сохранения этничности в русло индивидуального выбора, включая, прежде всего, выбор языка обучения, находят поддержку у значительной части малочисленных народов, в том числе финно-угорских, особенно в среде молодежи. В связи с этим становится актуальным способ поведения, определяемый теорией «рационального выбора» в сторону этнокультурной идентичности доминирующей нации для более успешного карьерного роста и минимализации морально-психологического дискомфорта от принадлежности к так называемому «меньшинству» [6].

Кроме этого, многие молодые люди считают обременительным или даже унизительным придерживаться языка и культурных традиций своих родителей и предпочитают идентифицировать себя с русскими нацией и культурой.

Таким образом, «культурный империализм» крупных наций находит поддержку в тех же этнокультурных общностях, на поглощение и интеграцию которых он направлен, а объективное воздействие глобализации успешно дополняется действием субъективного фактора.

В подобной ситуации большинство приспосабливается к глобализационным процессам, не заботясь о национальных корнях культуры и родных языках своих народов. Это вызывает беспокойство, поскольку некоторые этносы, например, водь, ижора и энцы (енисейские самодийцы) ассимилированы доминирующей русской культурой настолько, что родным языком владеют исключительно пожилые люди.

С начала 1990-х гг. предпринимаются различные меры, как правило, по поддержке национальных языков: законы о государственных языках, повышение их статуса, государственные программы развития и т. д. Все они получают официальную поддержку.

Вместе с тем финно-угры были и остаются этническими меньшинствами, воспринимая русских как референтную группу, и несмотря на стабильное повышение образовательного уровня, они отстают в образовательном плане. Исправить данную ситуацию, по мнению исследователей, возможно, путем изменения демографических пропорций этнических групп, а также отношения восприятию русского языка [7, с. 93]. Однако следует отметить, что ни первый, ни второй вариант развития событий не применимы к действительности. Именно поэтому культурная интеграция национальных меньшинств в доминантное большинство – устойчивая и долговременная тенденция.

Несмотря на это, мы считаем возможным сохранить духовную индивидуальность участников этнических общностей, их творческие силы и способности.

В современном поликультурном пространстве действенным способом сохранения национальной культуры в финно-угорских регионах, по мнению К. Н. Санукова, является динамично развивающееся направление в художественной культуре финно-угорских народов и получившее обобщающее название «этнофутуризм» [6]. Данное направление объединило творчество многих деятелей культуры финно-угорского мира, в том числе представителей республик Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия.

Для этнофутуризма характерно движение к постижению духовных основ и традиций этносов, выраженное новым языком пластики, цвета, особенной знаковой системой, а также освоением новых форм для художественного воплощения пространства и времени [5, с. 109]. Он органично соединил в себе язык и основные формы культур постмодернизма и традиционной этнической.

Термин этнофутуризм заключает в себе две составляющие: *этно* и *футуро*, что означает соединение традиций и новаторства, статики народной культуры и динамики современной, использование новых художественных средств. Главным для него стал символико-архаический язык древности, апеллирующий к подсознанию аудитории.

В РМ этнофутуризм представлен творчеством таких художников как А. С. Алешкин, Ю. А. Дырин, Л. Н. Колчанова-Нарбекова, Н. В. Рябов. Используя огромный потенциал народной культуры, они предложили своеобразное преображение действительности путем синтеза непосредственного восприятия и привлечения национальной традиционной культуры. Основывая свое творчество на глубоком изучении знаковой системы древней мордвы, художники пытаются проникнуть в семантику наиболее значимых в сакральной традиции образов-символов с помощью художественных средств. Переосмысливая духовные традиции, они преобразуют древние сюжеты в современные образно-пластические метафоры. Их картины являются своеобразным источником, раскрывающим тесную взаимосвязь искусства и истории.

Этнофутуризм стал не только каналом этнокультурной самоидентификации финно-угорских народов, но и способом диалогического соотнесения древнего и современного уровней их культуры. Интегрируя наиболее значимые смыслы этнокультурной традиции финно-угров, этнофутуризм также вступает в диалог

с культурой других народов, что имеет важное значение.

Таким образом, мы считаем, что финно-угорские народы РФ в условиях глобализации смогут сохраниться, если, уважая свои духовные богатства, овладеют современными способами самовыражения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Демографическая карта России : на основе переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1550768.html.

2. Итоги переписи-2010 : резкое сокращение финских народов, обские угры и ненцы процветают [Электронный ресурс]. – URL http://finugor.ru/node/22478.

3. **Прокаева, О. Н.** Тенденции развития финно-угорских народов России в условиях глобализации / О. Н. Прокаева // Регионология. – 2012. – № 2. С. – 183–184.

4. **Прокаева, О. Н.** Финно-угорские народы в условиях глобализации / О. Н. Прокаева // Актуальные проблемы исследования финно-угорской культуры : колл. монография. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – С. 146–165.

5. **Прокаева, О. Н.** Этнофутуризм как механизм сохранения традиционной культуры финно-угорских народов / О. Н. Прокаева // Интеграция образования. – 2013. – № 3 (72). – С. 109.

6. **Сануков, К. Н.** Финно-угорские народы России в условиях глобализации [Электронный ресурс] / К. Н. Сануков. – URL: http://www.mari-el.name/2011/11/14/finno-ugorskie-narody-rossii-v-usloviyah-globalizacii.html.

7. **Шабаев, Ю. П.** Язык и этничность : дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров / Ю. П. Шабаев, Н. В. Шилов, В. Н. Денисенко // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 92–105.

Поступила 19.09.2014 г.

Об авторе:

Прокаева Ольга Николаевна, доцент кафедры культурологии, этнокультуры и театрального искусства Института национальной культуры ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевичитская, д. 68), кандидат философских наук, naukaink@rambler.ru

Для цитирования: Прокаева, О. Н. Влияние глобализации на финно-угорские народы Российской Федерации / О. Н. Прокаева // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 1. – С. 224–230. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.224

REFERENCES

1. Demograficheskaja karta Rossii : na osnove perepisi naselenija 2010 g. [The demographic map of Russia: on the basis of the 2010 census]. Available at: http://www.regnum.ru/news/polit/1550768.html.

2. Itogi perepisi-2010: rezkoe sokrashhenie finskih narodov, obskie ugry i nency procvetajut [Results of the Census2010: a sharp reduction of the Finnish people, Ob, Ugric; Nenets people thrives]. Available at: http://finugor.ru/node/22478.

3. Prokaeva O. N. Tendencii razvitija finno-ugorskih narodov Rossii v uslovijah globalizacii [Trends in the development of the Finno-Ugric peoples of Russia in the context of globalization]. *Regionologiya* – Regionology, 2012, no. 2, pp. 183–184.

4. Prokaeva O. N. Finno-ugorskie narody v uslovijah globalizacii // Aktual'nye problemy issledovanija finno-ugorskoj kul'tury: koll. monografija [Finno-Ugric peoples in the context of globalization // Actual problems of study Finno-Ugric culture: monograph]. Saransk, 2013, pp. 146–165.

5. Prokaeva O. N. Jetnofuturizm kak mehanizm sohranenija tradicionnoj kul'tury finno-ugorskih narodov

[Ethno-futurism as a mechanism for preserving the traditional culture of Finno-Ugric peoples]. *Integracija obrazovanija* – Integration of education. 2013, no. 3 (72), p. 109.

6. Sanuki K. N. Finno-ugorskie narody Rossii v uslovijah globalizacii [Finno-Ugric peoples of Russia in the context of globalization]. Available at: http://www.mari-el.name/2011/11/14/finno-ugorskie-narody-rossii- v-usloviyah-globalizacii.html.

7. Shabayev Y. P., Shilov N. V., Denisenko V. N. Jazyk i jetnichnost' : diskussii o jazykovoj politike v regionah prozhivanija finno-ugrov [Language and ethnicity: the debate on language policy in the regions inhabited by Finno-Ugric]. *Jetnograficheskoe obozrenie* – Ethnographic Review, 2009, no. 2, pp. 92–105.

About the author:

Prokaeva Ol'ga Nikolaevna, Associate professor of Culturology, Ethnic and Cultural Studies and Dramatic Art of Institute of National and Folk Culture, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Philosophy, naukaink@rambler.ru

For citation: Prokaeva O. N. Vlijanie globalizacii na finno-ugorskie narody Rossii [Effect of globalization on Finno-Ugric peoples of Russia]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 224–230. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.224

УДК 008:39(=511.152) DOI: 10.15507/VMU.024.201403.231

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДОВСКОГО ЭТНОСА

Е. Н. Ломшина

В статье рассматриваются актуальность и значимость исследования фундаментального проекта «Нравственная культура финно-угорских народов»; приводятся особенности функционирования ценностной парадигмы культуры мордовского этноса; освещается специфика и своеобразие нравственных ценностей.

Нравственная культура мордовского этноса представлена системой ценностных отношений ко времени, пространству, человеческим качествам и позициям, фундаментальным связям между людьми и выражающим их символам. В статье приводятся результаты анализа генезиса нравственной культуры мордовского этноса, выделяются главные основы этноморали, определяются перспективы исследования нравственной культуры финно-угорских народов.

Ключевые слова: аксиология, нравственная культура, мордовский этнос, мораль, ценность, финно-угорские народы.

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF MORAL CULTURE OF MORDVINIAN ETHNOS

E. N. Lomshina

The article considers the relevance and importance of the study of the fundamental project “Moral culture of Finno-Ugric peoples”; investigates the specificity and uniqueness of moral values of Mordvinians.

In modern society there is a tendency of self-awareness, self-identity and self-affirmation. In the field of attraction are as individuals and entire peoples, ethnic groups. The study of moral culture of ethnic groups, the definition of the relation of moral universals, and nationally specific moral concepts and norms, especially in the refractive index are universal moral requirements, it seems particularly relevant and meaningful. Growth of ethnic self-activation of the processes of national revival of the peoples of Russia, the problem of inter-ethnic relations raise the question about the choice of value priorities, which in turn requires an expansion of the problem field of ethical research in morality, along with the whole complex Ethnological Sciences - ethnography, ethnic policy of ethnic psychology, ethno-ethics.

Moral culture of the Mordvinian ethnicity is represented as a system of values with respect to time, space, human qualities and positions, the fundamental relations between people and expression of their characters. The author analyzes the genesis of moral culture of Mordvinian ethnic group, identifies the major bases of ethno-morality, determines the prospects for the study of moral culture of the Finno-Ugric peoples.

Keywords: axiology, moral culture, morality, mordvinian ethnos, value, Finno-Ugric peoples.

В настоящее время на базе Научно-исследовательской лаборатории финно-угорской культуры реализуется фундаментально-поисковый проект «Нравственная культура финно-угорских народов». Исследование ориентировано, во-первых, на изучение, сохранение и трансляцию нравственных ценностей финно-угорских народов; во-вторых, на приумножение фундаментальных научных знаний в области финно-угроведения и их интеграцию в образовательное пространство; в-треть-

© Ломшина Е. Н., 2014

их, на определение общности этнических ценностей финно-угорских народов [1].

Актуальность исследования нравственной культуры финно-угорских народов заключается в необходимости сохранения и развития уникального этнокультурного наследия финно-угорских народов в аксиологическом аспекте, а также трансляции в современное социокультурное пространство духовных ценностей этносов. Кроме этого, значимость статьи обусловлена использованием результатов фундаментальных исследований в научно-образовательном процессе. Потребность в такой работе возрастает в связи с тем, что в современном обществе все более отчетливо проявляется тенденция самосознания, самоидентификации и самоутверждения этносов. Нравственная культура как существенный элемент духовной жизни общества становится объектом насущной потребности социального обновления Росси и соответствует одному из приоритетных направлений стратегии развития государственной национальной политики.

Для укрепления и развития межкультурных связей финно-угорских народов и создания условий для эффективного межэтнического диалога в пространстве финно-угорского мира, сохранения, развития и популяризация культуры финно-угорских народов России и зарубежья был проведен «Международный этнокультурный студенческий лагерь-школа “Шачема мастор” (“Родина”)» (19–21 сентября 2012 г.). Участники лагеря-школы прошли обучение по программе «Культура и искусство финно-угорских народов».

С целью изучения особенностей функционирования ценностной парадигмы культуры финно-угорских народов, выявления специфических особенностей и своеобразия нравственных ценностей были проведены Международная научная экспедиция «Традиции и обрядовая культура мордовского этноса» (июль-август 2013 г.) совместно с венгерскими учеными Университета Лоранда Этвеша, Этнографического музея г. Будапешта, Университета Хельсинки [4]; Международная научно-практическая конференция «Этнические миры и культурные универсалии» (20 сентября 2012 г.); Круглые столы «Межкультурное и межэтническое взаимодействие финно-угорских народов (Саранск, 21 марта 2012 г.), «О реализации совместных международных проектов» (г. Будапешт, г. Бадачоньтомай, 12–13 апреля 2012 г.), «Финно-угорский мир: проблемы и перспективы» (Саранск, 21 сентября 2012 г); семинар «Международное сотрудничество» (г. Будапешт, 18 апреля 2013 г.) и др.

По итогам научной экспедиции были представлены доклады на конференциях и семинарах различного уровня, опубликованы научные статьи (г. Хельсинки, г. Саранск, г. Будапешт, г. Печ); проведен совместный семинар на базе Университета Хельсинки «Язык и культура» (по материалам полевых исследований) (г. Хельсинки, 17–19 ноября 2013 г.); состоялась Международная выставка «Умарина» (Саранск, 22 июня – 30 июля 2014 г.); в настоящее время готовится к выходу совместный сборник статей в г. Хельсинки, в котором планируется отражение научных изысканий ученых финно-угроведов.

Мораль имеет общечеловеческий смысл, однако следует отметить, что существуют различные типы нравственной культуры, в рамках которых формируются этнокультурные ценности, дающие конкретное содержание моральным нормам и императивам. Одним из методологических подходов изучения нравственной культуры является аксиологический. Нравственная культура представляет собой систему ценностных отношений ко времени, пространству, человеческим качествам и позициям, фундаментальным связям между людьми и выражающим их символам.

Исторически принимаемая в обществе мораль варьировалась достаточно широко от эпохи к эпохе, однако если ее отклонение от, например, десяти заповедей было

слишком велико, это приводило к общественному упадку не только в моральной, но и экономической и политической сферах. Инвариантная часть оптимальной этики является общечеловеческой и входит неизменяемой составной частью в любую национальную. Однако степень предпочтительности различных моральных норм по сравнению друг с другом, а также оценка влияния обстоятельств на степень осуждения нарушения тех или иных норм варьируются у разных народов. Это объясняется различием их национальных характеров.

Анализ генезиса нравственной культуры мордовского этноса позволил выделить две главные основы этноморали: во-первых, традицию, во-вторых, ценностное отношение к предкам (в темпоральном плане), отечеству, земле (в локальном плане). Человеческой проекцией нравственной культуры этносов в ее истоках являются мифологические образы Тюшти, Сияжара, Дуболго, Бурная, Гамзуро, соединяющие в себе силу, необходимую для защиты родового коллектива, и постоянную готовность использовать ее в соответствующем направлении. Сила (м. – *вий, э – вий*), кренящаяся в связи со своим народом и своей землей, – вот что есть духовность в ее исходно-мифологической форме. Понятие сила *вий (э., м.)* имеет общую этимологию в финно-угорских языках. Ср: *мар. вий* – сила, мощь, усилие; *общеперм. Vij* – сила*; фин. vaki* – сила; *саам. viekka* – изрядно, порядочно; *манс. bay* – мощь, сила, *хант. иех*– сила*, коми вын* – сила, мощь [5, с. 55].

Одним из важных компонентов этнического мировоззрения являлось восприятие времени. Оно представляло собой нечто содержательное, соотнесенное с определенными ценностями и нормами, сосредоточенными в поступках и нравах предков, героев народных эпосов, мифологических персонажей. Задачей потомков было сохранить эти ценности и нормы и постоянно корректировать по ним свое поведение. Жизнь людей обладала смыслом постольку, поскольку они следовали сакральным традициям поведения. Реальное время теряло свою ценность, поскольку человек проецировал жизнь на время мифологическое. Наиболее отчетливо это проявлялось во время празднеств, занимавших заметное место в духовной культуре мордовского этноса.

Происхождение и генезис праздника связаны с поддержанием стабильности антропо-социо-культурной системы. Он являлся символическим пространством выражения общественного и индивидуального отношения к сакральным смыслам культуры; функционировал циклично, с четкой периодичностью. Очевидно, истоки происхождения праздника связаны с магическим ритуалом, в котором ярко выражена компенсаторная функция. Наибольшей оригинальностью отличался цикл народных Рождественских праздников и обрядов под названием «*Колядань шить» (м.), или «Колядань чить» (э.)* – «Коляда», или «Святки», который длился с вечера 24 декабря («сочельника») до Крещения Христа, то есть до 6 января. Этот празднично-обрядовый цикл был наполнен символизацией плодородия земли, скота, человеческого благополучия [3, с. 339].

Рождественские представления молодежи *Пивань кудо (э.)* занимали длительный период. Термин *куд (м.),* или *кудо (э.)* – «дом» – указывает на законченный цикл представлений, а также время, в течении которого они происходят. Во время праздников человек проецировался в мифологическое время, в котором снимались запреты будничной жизни. В сборниках Х. Паасонена опубликованы тексты 12 песен эротического содержания [6, с. 149–150].

В цикле земледельческих обрядов мордвы важное место занимали фаллические ритуалы: «бросание в пиво», «продажа дегтя», «продажа *сюлгамов*», «издевательство над стариком». Сведения об этом имеются в работах М. Т. Маркелова, В. Н. Майнова, И. Н. Смирнова и других исследователей. Соответствующие факты хорошо известны в этнографии.

От античных дионисий и римских сатурналий до европейских народных

праздников тянется одна линия развития. Все они характеризовались периодической отменой на некоторый срок почти всех запретов. По мнению Д. Фрезера, «у многих народов существовал ежегодный период распущенности, во время которого отбрасывались обычные ограничения закона нравственности. В такой период люди предавались непомерному веселью, и на поверхность вырывались темные страсти, которые они в обычной жизни держали в узде» [7, с. 448]. Допускаемая свобода в дни празднеств говорила не столько о безнравственности и отклоняющемся поведении, сколько о связи праздника с мифом и имела обрядово-магическое происхождение.

Значение праздников является амбивалентным. С одной стороны, праздник напрямую связан с мифом, который с помощью песен, танцев, ритуалов воплощал определенный образец поведения. С другой стороны, он был своеобразной приостановкой действия официальной системы жизни со всеми ее запретами и иерархическими барьерами. В это время она выходила из своей обычной, узаконенной и освященной колеи и вступала в сферу утопической свободы. Празднества создавали условия для творчества новых форм поведения. Праздник, как и «смеховой мир» в целом, выявляет условность и противоречивость существующего нормативного мира культуры. Нарушение обязательных во всякое другое время правил – не просто всплеск подавленных эмоций, а акт экспрессивного поведения, представляющий собой некую альтернативу общепринятым нормам.

Цикличность восприятия времени в нравственной культуре мордовского этноса представлена через жизнеорганизующий образ смерти – *кулома (м., э.)*. Она не абсолютный конец жизни (как и рождение – не абсолютное начало), а только момент ее непрерывного развития и обновления. Очевидно, в культуре мордовского этноса был создан образ «карнавальной смерти» («свадьбы по умершему» «праздник возвращения»), хотя это понятие имеет ряд значимых отличий от западноевропейской карнавальной народной жизни. Мордовская празднично-смеховая культура предполагала локально-общинную направленность, а не всенародность, чем объясняются, например, различия в сроках проведения обрядов, их названия и формы. Через обрядовый смех происходило своеобразное преодоление смерти, толчок к воскрешению. Кроме этого, он был тесно связан с идеей круговорота времени – солнечным циклом – вечным повторением и возвращением.

Противопоставление таких понятий как «жизнь» и «смерть» включается в систему круговорота в природе, умирания и воскрешения (как, например, в древнеегипетском мифе об умирающем и воскресающем Осирисе, древнегреческом мифе об Адонисе или вавилонском – о Таммузе) и замыкается идеей возрождения. Смерть воспринимается как начало жизни в новом качестве. Так, мифологические героини Литова, Сыржа, чтобы избежать замужества без любви, обращаются к божествам и умирают, чтобы затем подняться на небеса и возродиться. По своей функции обряды умирания и воскрешения тождественны, например, оргиастическому катарсису дионисии; их цель – нравственное воскрешение и перерождение индивида. Возникающие архетипы, связанные с цикличностью, незыблемостью, предполагают сохранение традиций, ритуально-моральных предписаний, нормативного поведения членов общины [2, с. 205].

Нравственная культура этноса характеризуется ценностным отношением к символам, в которых заключается обширный текст. В «рождественском доме», «доме плясок», «доме пива» бытовали игры, связанные с образами животных (медведя и коня). У финно-угорских народов конь являлся символом света, радости, удачи, а также постоянного обновления природы. В легендах удмуртов конь представляет

собой прекрасное лучезарное крылатое существо *бурдо вал*, связанное непосредственно с солнцем. Отождествление коня желтой (слоновой) масти с солнцем также наблюдалось у марийцев. В честь «солнечного коня» устраивались специальные аграрные праздники: *«гужор»* (весенняя трава) – у удмуртов, *«сюрэм»* – у марийцев, *«тундонь ильтямо»* – у мордвы.

Медведь олицетворял мудрость, представлял собой образ предка. Поскольку у мордвы, как и других финно-угорских народов, существовал культ предка, образ медведя наделялся особым ценностным значением. У некоторых финно-угорских народов (марийцев, финнов, хантов, манси) с образом медведя связано получение необходимых жизненных благ: удачной охоты, плодородия полей, многодетности. Так, у удмуртов он выступает в качестве лешего, доброго человекообразного существа, имеющего свойство распознавать людей, причиняющих зло своим сородичам, и наказывать их даже после смерти. В карельской мифологии есть сюжеты, где медведь является покровителем положительных героев. У мордвы, кроме выше указанных значений, он олицетворял собой положительные качества человека – добродушие, благоразумие, физическую и духовную силу, любовь к детям. В свадебной поэзии он олицетворял собой здоровье и семейное благополучие. Через эти и подобные им символы выражалось ценностное отношение к качествам, свойствам человека, его социокультурным связям. Являясь важным механизмом культуры, символы переносили наполненные ценностным содержанием тексты из одного пласта культуры в другой, способствовали связи времен и поколений. У мордовского этноса существовала ирреально-ценностная связь с символами.

Ценностное восприятие социокультурных связей, человеческих качеств, установок происходит через соблюдение традиций: культа предков, уважения и почитания сородичей, соседей (в рамках общины), авторитета старших в семье и роде, взаимопомощи, почтительности, гостеприимства.

Другой важнейший компонент мировоззрения – ценностное восприятие пространства. Как и время, эта категория являлась могущественной таинственной силой, управляющей всеми явлениями природы, в том числе жизнью людей и богов. Пространство эмоционально-ценностно насыщено, и топонимика географических названий указывает на наличие такого восприятия у мордовского этноса. Слово *пара (м.),* или *паро (э.),* – «добро, доброе дело», как отмечает Д. В. Цыганкин, встречается в названиях. Промзино (Паронза) – мокшанское село в Зубово-Полянском районе, Паракино (Пары зеле) – эрзянское село в Большеберезниковском районе, Парапино (Парапа) – мокшанское село в Ковылкинском районе, (Парадэле) – эрзянское село в Ичалковском районе [8, с. 65]. Мордовский этнос мыслил себя в теснейшей и священной связи с землей своего рода, она воспринималась качественно и позитивно. Отношение к земле является, безусловно, отношением ценностной взаимосвязи как в ирреальном, так и идеальном аспекте нравственного сознания.

Ценностное восприятие пространства особенно ярко проявилось во взаимоотношениях с природой, обеспечивающих поддержание телесно-духовной целостности, которая, вероятно, представляет собой один из архетипов культуры.

Ценностное восприятие природы связано прежде всего с язычеством. Этому культурному феномену, во-первых, был присущ принцип анимизма, согласно которому животный и растительный мир воспринимался в образной форме; он носил актуально-природосо-образный характер. Во-вторых, для него был характерен принцип синкретизма, согласно которому, человек мыслил себя неотъемлемой частью великой Матери-природы. В-третьих, язычество как система этико-эстетических взглядов влияло на формирование оценок, нравственного идеала, линии

поведения. Отметим, что ценностному восприятию природы также способствовала и антропоэтикоцентрическая ориентация мордовского этноса, выразившаяся, в частности, в наделении мира человеческими моральными качествами. На основе такой морально-мифологической модели, мордовская сельская община выработала экологически оптимальные способы самоорганизации, позволяющие воспроизводить равновесие с природой. Это отразилось также в устно-поэтическом творчестве различных обрядах, ритуалах, молениях, народной педагогике.

О ценностном восприятии природы говорит и существование у мордвы священных заповедных рощ, в которых деревьям придавалось особое значение. Об этом пишет Д. Фрезер: «У племен угро-финской расы языческий культ справлялся преимущественно в лесах, которые всегда были окружены оградой. В этой роще нельзя было производить порубки, а женщинам вход туда был вообще запрещен» [7, с. 138]. В Греции было запрещено рубить кипарисы; индейцы считали священным канадский тополь; у древних германцев за сдирание коры с живого дерева человек лишался жизни. Законы природы непосредственно выражают моральное долженствование.

Ценностное восприятие времени и пространства в настоящее время проявляется в позитивном отношении к традициям, праздникам, прошлому. Праздники составляют аспект духовной памяти народа. В обществе с традиционной культурой через них осуществлялось ценностное восприятие времени, закреплялись определенные нормы поведения, создавались новые. Они имели религиозное, магическое, аграрное, нравственное значение. Следует отметить довольно устойчивую тенденцию функционирования праздников в мордовском этносе на современном этапе. В последнее время к жизни возвращаются традиционные формы праздников.

Например, проведение дохристианских празднично-зрелищных действ у марийцев – *Кереметь, Шорок ел*; у мордвы – *Раськень озкс (э), Акше келу (м.);* у обских угров , как и многих народов Севера и Сибири, – «медвежьих праздников». В РМ ежегодно проводятся фестиваль народного творчества «Шумбрат, Мордовия», праздники районов, сел. Так, например, в августе 2014 г. отметили 400-летие эрзянского села Поводимова Дубенского района. Событием мирового значения стало проведение в Мордовии 19–21 июля 2007 г. первого Международного фестиваля национальных культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-угрия». Представители финно-угорских народов продемонстрировали наиболее яркие элементы своей праздничной культуры. В августе 2012 г. прошел праздник 1000-летия единения мордовского народа с народами российского государства.

Основные нравственные ценности прошлого акуальны и в наши дни. Введению утраченного в современный культурный контекст придается характер целенаправленной программы государства и гражданского общества.

Исследование своеобразия моральных идеалов, обычаев, нравов, доминирующих в культуре отдельного этноса, по нашему мнению, в перспективе позволит провести компаративистский анализ нравственной культуры финно-угорских народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Глухова, Н. Н.** Системы ценностей финно-угорского суперэтноса / Н. Н. Глухова, В. А. Глухов. – Йошкар-Ола : ООО «Спринт», 2009. – 276 с.

2. **Ломшина, Е. Н.** Понятие времени в традиционной культуре мордовского этноса / Е. Н. Ломшина // Вестник Орловского государственного университета (Серия «Новые гуманитарные исследования). – 2011. – № 2. – С. 205–207.

3. **Ломшина, Е. Н.** Праздничная культура мордвы / Е. Н. Ломшина // Регионология. – 2008. – № 2. – С. 339–341.

4. **Ломшина, Е. Н.** Международная научная экспедиция «Традиции и обрядовая культура мордовского этноса» : мат-лы круглого стола «Этномир Республики Мордовия : перспективы межэтнического и межкультурного сотрудничества» (16 мая 2014 г.) / Е. Н. Ломшина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – С 33–39.

5. **Лыткин, В. И.** Краткий этимологический словарь коми языка/ В. И. Лыткин, В. И. Гуляев. – Москва : Наука, 1970. – 386 с.

6. **Paasonen, H.** Mordvinish Voikdichtung - Heraus gegeben ungubersetzt von P. Raiila. / H. Paasonen. – Helsinki, 1939. – 574 с.

7. **Фрезер, Д.** Золотая ветвь / Д. Фрезер. – Москва : ТЕРРА ; Книжный клуб, 2001. – 528 с.

8. **Цыганкин, Д. В.** Память земли / Д. В. Цыганкин. – Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1993. 156 с.

Поступила 16.09.2014 г.

Об авторе:

Ломшина Елена Николаевна, заведующий Научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры Института национальной культуры ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат философских наук, enlomshina@mail.ru

Для цитирования: Ломшина Е. Н. Некоторые аспекты исследования нравственной культуры мордовского этноса / Е. Н. Ломшина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 231–237. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.231

REFERENCES

1. Glukhova N. N., Gluhov V. A. Sistemy cennostej finno-ugorskogo superjetnosa [Value system of the Finno-Ugric super-ethnos]. Yoshkar-Ola, LLC “Sprint” Publ., 2009, 276 p.

2. Lomshina E. N. Ponjatie vremeni v tradicionnoj kul’ture mordovskogo jetnosa [The concept of time in the traditional culture of the Mordvinian ethnos]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Oryol State University. Series: New Studies in the Humanities, 2011, no. 2, pp. 205–207.

3. Lomshina E. N. Prazdnichnaja kul’tura mordvy [Festive Culture of Mordvinians]. *Regionologija* – Regionology. 2008, no. 2, pp. 339–341.

4. Lomshina E. N. [Mezhdunarodnaja nauchnaja jekspedicija “Tradicii i obrjadovaja kul’tura mordovskogo jetnosa”, Jetnomir Respubliki Mordovija: materialy Kruglogo stola “Jetnomir Respubliki Mordovija: perspektivy mezhjetnicheskogo i mezhkul’turnogo sotrudnichestva” 16 maja 2014 g.International scientific expedition “Tradition and ritual culture Mordovian ethnos” Ethnomir Republic of Mordovia. // Proceedings of the Round Table “Ethnomir Republic of Mordovia: Prospects for inter-ethnic and inter-cultural cooperation,” May 16, 2014], Saransk, Mordovia University Press Publ., 2014, pp. 33–39.

5. Lytkin V.I., Gulyaev V. I. Kratkij jetimologicheskij slovar’ komi jazyka [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow, Science Publ., 1970, 386 p.

6. Paasonen H. Mordvinish Voikdichtung - Heraus gegeben ungubersetzt von P. Raiila. Helsinki, 574 p.

7. Frezer D. Zolotaja vetv’ [Golden Bough]. Moscow, TERRA - Book Club Publ., 2001, 528 p.

8. Tsygankin D. V. Pamjat’ zemli [Memory of land]. Saransk, Mordovia Book Publ., 1993, 156 p.

About the author:

Lomshina Elena Nikolaevna, head of Research Laboratory of Finno-Ugric Culture of Institute of National and Folk Culture, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Philosophy, enlomshina@mail.ru

For citation: Lomshina E. N. Nekotoryje aspekty issledovanija nravstvennoj kul’tury mordovskogo jetnosa [Some aspects of the study of moral culture of Mordvinian ethnos]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 231–237. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.231

УДК 391(=511.1):001.895 DOI: 10.15507/VMU.024.201404.238

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРОДНОГО ФИННО-УГОРСКОГО КОСТЮМА В СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ*

Н. Ю. Лысова, И. Л. Сиротина

В статье рассматриваются основные научные направления изучения «символического капитала» национального финно-угорского костюма, который отражает миропонимание этноса, играет важную роль в хранении и передаче информации в традиционной культуре. Предмет рассматривается с позиций семиотики и культурфилософии. В работе сопоставляются общеэтнические традиции и региональная специфика костюмов мордвы, удмуртов, меря, мурома и других народов; раскрывается смысловое наполнение символической системы национального костюма, многое из которой используется и в современном дизайне одежды; анализируются некоторые модусы ее актуализации на примере коллекций, созданных сотрудниками и студентами кафедры дизайна и рекламы Института национальной культуры. Материал статьи обладает новизной подходов и ракурсов рассмотрения проблемы.

Ключевые слова: этнос, символический капитал, национальный костюм, семиотика финно-угорского костюма, этнокультурное сознание, дизайн современной одежды, авторские коллекции этнического костюма.

ERANSFORMATION OF FOLK FINNO-UGRIC COSTUME IN CONTEMPORARY SOCIETY

N. Ju. Lysova, I. L. Sirotina

This article discusses the main research directions in the study of “symbolic capital” of Finno-Ugric national costume, which reflects the outlook of the ethnic group, plays an important role in the storage and transmission of information in the traditional culture. Object is considered from the standpoint of semiotics and philosophy of culture and appears as a multifunctional phenomenon, defined by functional, spiritual, material manifestations of the Finno-Ugric folk costumes and their importance in the cultural context of modernity. The authors compare general ethnic traditions and regional peculiarities of costumes of Mordvinians, Udmurts, Merya people, Muroma people and others. The paper also discloses the semantic content of a symbolic system of a national costume, much of ideas of which are used in the modern fashion design, analyzes some of the modes of its actualization on the example of the collections created by the staff and students of the Department of Design and Advertising Institute of National Culture. The basis of the imagery of designer collections can place elements of the sign systems of traditional Finno-Ugric clothing or particular cut, decorating, some bright details, embroidery, but the most interesting material is mythological stories, legends, beliefs. The material has the novelty of the approach and perspective on the problem.

Keywords: ethnicity, symbolic capital, national costume, semiotics of the Finno-Ugric costume, ethnic and cultural consciousness, design modern clothes, unique collections of ethnic costume.

Любой этнос в процессе своего существования создает ценности, определяющие культурный вектор его развития и отражающие семиотическую сферу этнокультурного сознания. В структуре этого сложного явления свое четкое место занимает национальный костюм, создаваемый многими поколениями народа. Кризис современной культуры, выразившийся в числе прочего, в подмене традиционных ценностей, плачевно сказывается и на их сохране-

* Статья выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 12-33-01048

© Лысова Н. Ю., Сиротина И. Л., 2014

нии. Забытыми оказываются традиции и ритуалы изготовления и ношения костюма, мотивы их появления, исчезают смыслы орнаментики, цветовой палитры, символики узоров. В условиях глобализирующегося мира остро встает проблема унификации одежды и утраты ею исконных культурных функций. Народная одежда имела обереговое, защитное, престижное, воспитательное значения; при этом главной оставалась эстетическая функция, определявшая специфику этнокультурных функций: эмотивной, познавательно-эвристической, этической, компенсаторной, суггестивной, аксиологической, гедонистической и ряда др. Эта функция обеспечивалась трансляцией опыта и взаимодействия как с современниками, так и последующими поколениями в социокультурном контексте.

Казавшаяся всегда сугубо утилитарной, работа создателей одежды сегодня становится деятельностью, решающей задачи возрождения народной памяти, культурного просвещения новых поколений. Искусство модельера, ставящего перед собой такие серьезные задачи, должно осуществляться на двух уровнях: теоретическом, способном представить философско-культурологическое измерение и ценностную шкалу феноменов, включенных в комплекс национальной одежды, и прикладном – программы и проекты сохранения и использования этнического народного костюма как «символического капитала» культурно-исторической памяти народа. Поэтому пристальный научный интерес творческой группы сотрудников кафедры дизайна и рекламы Института национальной культуры прикован не только к процессу становления финно-угорского народного костюма, но и к его ценностной трансляции в условиях социокультурной динамики современности. Особое внимание уделяется символической системе костюма, которая отражает миропонимание этноса, играет чрезвычайно важную роль в хранении и передаче информации в традиционной культуре финно-угорских народов, многое из которой может быть использовано и в современном дизайне одежды. К рассмотрению особенностей знаковой семантики костюма впервые в отечественной литературе обратился Г. С. Кнабе. Он отмечал, что знаковая система всегда исторична и возникает в определенном обществе, в рамках определенной социокультурной группы: «Знак – всегда метафора. Но в области быта эта метафора отсылает к образу, общественно-историческое содержание которого выражено, прежде всего, через эмоциональную память и образные ассоциации» [1, с. 7] .

Изучение финно-угорского народного костюма с позиций семиотики выявляет первосмыслы его символов, отражавших мировоззренческие ориентиры, сущность человеческой жизни. В многочисленных знаковых формах он закреплял и транслировал социальный и духовный опыт народа. Необходим многоаспектный анализ образно-стилистической структуры народной одежды, ее значения как памятника материальной и духовной культуры, как этнокультурного символа. Это позволит выявить семиотический «социокод» финно-угорской цивилизации, определить ее художественно-эстетическую сущность и даже показать содержание творческих взаимодействий с широким полем других этнических культур. Национальный финно-угорский костюм в заданном ракурсе рассматривается как ценностно-полифункциональный феномен духовно-практической деятельности народов этой группы, способный выразить их интересы и потребности, особенности менталитета и этносознания, ценностных и эмоциональных форм в системе соотношения коллективного и индивидуального, родового и социального, национального и общечеловеческого.

Древний костюм финно-угров представлял собой систему, состоящую из взаимосвязанных элементов, из которых до нас дошла только ее часть. Сакральных цветов в финно-угорской традиции

было четыре или пять, но они могли быть сведены к трем основным: белый, красный и черный. Все финно-угорские костюмы (особенно мордовский и марийский) отличаются обилием вышивки, которая несет основную символическую нагрузку. В ранний период аналогичные функции выполняла богатая металлическая гарнитура, большинство предметов которой изготавливалось самими носителями традиции в соответствии с их мифологическими представлениями и вкусами. Эти украшения, как правило, являлись носителями зооморфного кода, в основных своих чертах сложившегося еще на рубеже эпох мезолита-неолита и сохранившего многие элементы, единые для финно-угорских этносов. Образ каждого животного (лось/олень и медведь, сменивший их впоследствии конь, водоплавающая птица) обладает несколькими уровнями восприятия; от социального до космического. Используя только зооморфный код, финно-угры могли воплотить всю сложность окружающего мира.

Углубившись в эту тему и изучив археологические данные, профессор Л. Н. Нарбекова со своей ученицей Э. Гуськовой создали коллекцию «Кезэрень чить» («Древние времена»), явившуюся художественной реконструкцией одежды финно-угорских народов Поволжья VIII–XI вв. В ней использованы только натуральные ткани, строго выдержаны традиционные цвета и формы, но главный акцент сделан на металлические зооморфные украшения. Конечно, они в большой степени условны и смотрятся достаточно современно и легко. Авторы стремились выявить и передать тот символический смысл, который закладывали в форму, размер, цвет, звук древние мордва, меря, мещеря, мурома.

При обращении к философско-культурологической интерпретации, финно-угорский национальный костюм предстает как ценностно-культурная парадигма, ценностно-полифункциональный феномен. В таком научном ракурсе появляется возможность выявить генезис народной одежды и на конкретном культурно-эмпирическом материале осмыслить ее эволюцию, раскрыть культурную типологию и стилистику финно-угорского народного костюма в его региональных воплощениях (мордовском, удмуртском, марийском, коми-пермятском, финнском, эстонском, мансийском и др.).

Рассмотрение заявленной проблематики имеет три исследовательских вектора. *Первый* – фундаментальный, теоретический, направленный на создание понятийной базы, методологии, на выявление инновационных идей в анализе заявленного концепта, а также моделирование самого символического пространства народного костюма. Он позволит в целом более детально изучить региональную историю и содержаниерегиональной культуры, сформировать соответствующие банки данных, на базе которых возможны восстановление, реконструкция и реставрация костюмов, создание музеев, коллекций, альбомов, буклетов. *Второй* направлен на описание процесса становления финно-угорского народного костюма как ценностно-полифункционального феномена культуры, выявление его «символического капитала», определение пути его ценностно-функциональной трансляции в современную культуру. Реализация этого направления способствует сохранению и популяризации культурного наследия и позволяет определить функциональные, духовные, материальные проявления народного костюма, и их значение в культурном контексте современности. *Третье* направление – разработка концептуальных коллекций современного финно-угорского костюма, сценических костюмов для творческих коллективов и театральных постановок, создание коллекций дизайнерских кукол, выполненных в традиционных техниках и материалах, подготовка коллекций аксессуаров, содержащих знаковую символику культуры финно-угров.

В результате проделанной коллективом кафедры работы стало возможным определение функциональных, духовных, материальных проявлений финно-угорского народного костюма и их значения в культурном контексте современности, а также создание коллекций современного дизайнерского костюма с использованием элементов и знаковых систем традиционной финно-угорской одежды.

Сопоставление общеэтнических традиций и региональной специфики национальных костюмов разных финно-угорских народов – постоянная тема научного поиска Л. Н. Нарбековой, Г. В. Лосевой, Л. В. Мелешкиной, И. В. Чудайкиной. Под их руководством был разработан и выполнен в материале целый цикл коллекций, комплексно представляющих обращение к национальному «символическому капиталу». Такое обращение предполагает самые разные формы: от простого использования особенностей кроя, отдельных элементов костюма (рубаха, шубейка, жилет и др.), аксессуаров, вышивки, технологии изготовления до смыслового отражения мифологических представлений и образов, использования семантики символов, деталей, рисунка, орнамента и т. д. Обращение к традициям народного костюма и – шире – к традициям народной культуры, едва ли не самая благоприятная творческая тенденция современного дизайна модной одежды. Проверенные веками декоративные мотивы, колористические сочетания, аутентичные детали прекрасно вписываются в актуальную для нашего времени форму, делая ее яркой, позитивной и запоминающейся.

Так, коллекция «Загадочный мир Везорго» (автор – И. Паркина, руководитель – Г. В. Лосева) создана по мотивам отделки костюма финно-угорских народов. Ее составляют пять моделей, каждая из которых декорирована узором, состканными из национального орнамента одного из финно-угорских народов: мордовского, удмуртского, марийского, эстонского или финского. Особенность дизайна этой коллекции состоит в сочетании рукотворной отделки с современными формами наряда. Каждый из них строится на сочетании нескольких функциональных элементов: шубейки, расписанной в технике холодного батика и простеганной по синтепону, приталенного комбинезона из стрейч-атласа и оригинального головного убора из креп-шелка, декорированного росписью батиком. Если облегающие фигуру комбинезоны отличаются лишь по цвету, то шубейка – композиционный акцент, на котором держится весь ансамбль. Каждая имеет неповторимый крой, пластику, колорит, длину. Различные по форме, шубейки ассоциируются то с фраком, то с длинным халатом, то с мини-пальто. Главный акцент в коллекции был сделан на цвет, цветовые сочетания и фактуру, выразительность которой достигается ручной стежкой, вышивкой, роспись, которая не просто украшает каждую модель, но и делает ее раритетной вещью.

Вдохновением для создания коллекции, образно названной «Тетистерень гуляемо» («Девичьи гулянья») (автор – Ю. Сивцова, руководитель – Л. В. Мелешкина), также послужили традиционные национальные костюмы финно-угорских народов: мордовский, марийский, удмуртский, эстонский, финский. Смешение элементов традиционных костюмов, примененное создателями, воспринимается совершенно оправданным: современная мода ориентируется на образную эклектичность. Кроме этого, во всех народных костюмах финно-угорской этнической группы наблюдаются общие черты и элементы. Они прослеживаются в цветовой гамме, ношении головных уборов, конструктивных формах, декорировке вышивкой и бисероплетением. Акцент в коллекции был сделан, прежде всего, на головные уборы. Их формы и размеры несколько гиперболизированы в расчете на эффектную образную подачу; это ощущается в размерах и орнаментации. Однако в сочетании с самим платьем

они являются гармоничной деталью костюма в целом. Именно головной убор каждой модели позволяет определить, какому народу она принадлежит.

Конечно, наиболее глубокой научной проработке подвергаются все виды мордовского костюма. Дизайнеры-модельеры и их ученики в своих творческих экспериментах применяют самые различные модусы его актуализации.

Народная одежда всегда являлась сокровищницей интересных покроев и декоративной отделки. Именно в ней черпала свои идеи О. Соболева, выбрав конкретный регион – северо-западную группу Теньгушевского района, который был ей художественно интересен. Она разработала коллекцию верхней женской одежды «Сёрмав» («Шубейка») (руководитель – Г. В. Лосева) по мотивам национальной одежды мордвы-эрьзи. Она представляет собой очень тактичное ориентирование на народный костюм, далекое от прямого цитирования, но наполненное в то же время узнаваемыми художественными элементами – орнаментальными мотивами, цветовой гаммой, типовыми признаками.

Коллекция «Сёрмав» состоит из пяти экстравагантных сценических костюмов, сформированных из разнообразной длины жакетов, платьев и головных уборов. Основным компонентом костюмного народного ансамбля является рубаха панар типичного эрзянского прямого покроя, имеющая видовые отличия, по которым определялось назначение одежды. Украшающая их вышивка использованна достаточно лаконично. Интересные сами по себе, платья все же созданы как компонент единого ансамбля, в котором главный акцент сделан на верхнюю одежду – своеобразную шубейку-безрукавку. Когда-то она была любимым предметом гардероба девушек и молодых женщин-эрзянок, имела красивый женственный силуэт и обязательно оторачивалась мехом. Красота жакетного силуэта усилена декорированием. И в данном случае автор проекта осталась верна традициям народного мордовского костюма, отдав предпочтение вышивке тесьмой в красно-желтой-фуксиновой гамме. Не была забыта и одна из характерных особенностей местного декора – обильное использование серебряных блесток, нашивавшихся поверх вышивки. Интересна и такая находка как подбивка шубеек ярким шелком, то красным, то белым, то черным, придающим изделию вид дорогой изысканной вещи.

Еще одна коллекция была создана с использованием яркой, узнаваемой детали эрзянского народного костюма – пулая. Ю. Биюшкина так и назвала ее – «Мазый пулай» («Красивый пулай») (руководитель – Л. В. Мелешкина).

Для современного модельера пулай интересен, во-первых, как формообразующая конструктивная деталь, во-вторых, как эффектная декоративная составляющая, подчеркивающая в ансамбле ярко выраженное женское начало. Особенность дизайна коллекции состоит в сочетании современного кроя создающего актуальную форму и силуэт, и рукотворной отделки костюма, цитируемой по образцам традиционного декоративно-прикладного искусства. Гармоничный женственный силуэт анфас намеренно контрастирует с видом спинки, рассчитанным на визуальный неожиданный эффект, благодаря вводу пышных по форме, богато декорированных пулаев. Воспринимаясь как еще один дополнительный ряд, они апеллируют к многослойности народной одежды и подчеркивают красоту женской фигуры. Эффектны головные уборы, завершающие костюмы, формы которых заимствованы у традиционных мордовских «панго». Большое повторное поле вышивки обогащает костюмы, воспринимаясь эксклюзивным украшением.

Коллекция Е. Ключниковой «Зимушка» (руководитель – Л. Н. Нарбекова) целиком построена на использовании знаменитой мордовской (в данном случае мокшанской) вышивки и орнаментального вязания. Коллекция состоит из пяти

костюмов, разработанных в этническом стиле с включением элементов современного костюма. Все модели объединены единым образным решением, в котором народный орнамент не только задет тон в декорировке одежды, но и объективно влияет на ее формальную конструкцию. Следует отметить качественность ручного рукоделия, выполненного самим автором.

Конструктивно простая форма конкретного изделия собирается в интересную многослойную ярусную композицию, в которой один элемент дополняется другим, подчеркивая образную и функциональную незаменимость каждого в едином целом. Трикотажные шапки с забавными деталями-ушками, помпонами, косичками, расшитые валенки, узорчатые варежки, чулки, носки и лосины гармонично соединяются в костюме с накидками, платьями, облегающими брючками, рождая такое желанное и часто недосягаемое качество любого модного изделия как неповторимость. Неслучайно эта коллекция завоевала немало наград высшего достоинства на конкурсах и фестивалях разного, в том числе международного, уровня.

Совсем иной принцип заложен в основу создания коллекции «Сияжар» («Огненная птица»), выполненной студентами 4 курса (2009 г.) под руководством Г. В. Лосевой и И. В. Чудайкиной.

Источником вдохновения для создания коллекции послужил древнемордовский мифологический образ птицы, в виде которой был сделан специальный обрядовый сосуд из дерева. Художественный образ коллекции воплощается с помощью характерных форм и конструктивных особенностей. Поверхность каждого костюма украшает индивидуальная композиция ручной росписи в технике холодного батика. Колористическая гамма находится на границе древних традиций и требований современной моды. Необыкновенные накидки в виде птичьих крыльев эффектно раскрываются при поднятии рук, давая зрителю возможность рассмотреть все богатство декорировки и увидеть вплетенные в затейливые узоры древнемордовские символы.

К образам мифологии финно-угорских народов обращается и коллекция «Метаморфозы времени» (автор – А. Карпова, руководитель – Л. Н. Нарбекова). Экстравагантные модели очень сложного кроя расписаны традиционными финно-угорскими знаками и символами. Стилизованные знаки воды, земли, воздуха и огня, которые в древности использовались не только в качестве украшения, но и для защиты человека от злых духов, отображены в удмуртской мифологии. В предлагаемой коллекции образов осуществлена идея метаморфозы времени от этноса до грядущего виртуального будущего. В процессе создания коллекции вдохновением для отделки костюмов послужили картины художников А. С. Алешкина и Ю. А. Дырина.

Цвет в коллекции материализовался в традиционном колорите. Традиционные цветовые сочетания соседних этносов (мари, мордвы, татар) чем-то похожи, но отнюдь не идентичны. Кодируя представления народа об окружающем его мире, создатели национального костюма рождали особый лексикон, чья структура более древняя, чем вербальное общение, – национальное цветоведение. Цветовая гамма менялась в зависимости от области ее применения так же, как самый язык. В одеждах, одеваемых на моления, народ использовал иные цвета, чем в одежде будничной.

Объяснение символов предполагает не поиск этнографических параллелей, а выяснение древнего значения, возможно, уже забытого носителями традиции. Коллекция богато украшена росписью – стилизованными знаками национальной удмуртской и мордовской мифологии: знаки воды в форме волн, рыб, человека в лодке; знаки земли в форме холмистой поверхности, человека с луком, птицы на земле; знаки огня в виде символа огненной жрицы и «солярного» знака; знаки воздуха в форме солнечного диска, поклоняющегося богу вождя, птиц, устремленных ввысь.

Обращение к традиционному костюму в современном дизайне одежды может быть и прямым, цитатным. Такой принцип применила Е. Круглова в разработке коллекции молодежной женской одежды в стиле кэжуал «Альбом воспоминаний» (руководитель – Г. В. Лосева).

Практически всегда, в любой коллекции находится доминирующее звено, объединяющее костюмный ряд в единый ансамбль. В данном случае это использование в качестве основного декоративного элемента фото-принта на ткани, который репрезентирует главную содержательную идею о непрерывности временного потока и своеобразном продолжении прошлого в будущем. Основой для принтов послужили подлинные фотографии начала XX в., на которых были запечатлены жители мордовских деревень в праздничной одежде.

Костюмы в коллекции состоят из платьев и жилеток с удлиненной спинкой, рубах и брюк, жакетов, топов, накидных юбок, корсета и шаровар. В каждом из предложенных ансамблей сочетаются современные и ретро-формы. Удачным ходом стало соединение в коллекции разных по фактуре тканей: дорогой двусторонней шерсти с рельефной поверхностью, стрейч-атласа и толстого хлопчатобумажного материала на котором прекрасно «чувствует» себя принт. Колористически ткани подобраны в гармоничной бирюзово-коричневой гамме, служащей «правильным» фоном для старинных фотографий с эффектом сепии. Коллекция включает рукотворные аксессуары, разнообразящие облик молодежного современного ансамбля. На громоздких серьгах и брошах также воспроизведены фрагменты ретро-фотографий.

Мы представили только некоторые возможные модусы актуализации рассматриваемого концепта, которые могут быть использованы в разработке заявленного исследовательского направления, поскольку создание народного костюма – это процесс перекодирования жизненного опыта в эстетико-художественные образы. Культурная типология и стилистика финно-угорских народных костюмов связана со способностью делать человека красивым, но также и с поиском удобства, экономичности и целесообразности, творческим раскрытием возможностей и особенностей материалов. Традиционный костюм любого народа отличает гармоничность колористики и рациональность конструкций, красота силуэта, декоративное и эстетическое великолепие. Ансамбль народной одежды имеет глубокое идейно-художественное содержание и широкое положительное общечеловеческое значение. Его-то и должен выявить современный исследователь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кнабе, Г. С.** Семиотика культуры / Г. С. Кнабе. – Москва : РГГУ, 2005, 64 с.

Поступила 16.09.2013 г.

Об авторах:

Лысова Надежда Юрьевна, доцент кафедры культурологии и этнокультуры Института национальной культуры ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат философских наук, lysova-nu@mail.ru

Сиротина Ирина Львовна, заведующий кафедрой дизайна и рекламы Института национальной культуры ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор философских наук, sirotinail@mail.ru

Для цитирования: Лысова, Н. Ю. Трансформация народного финно-угорского костюма в современный социум / Н. Ю. Лысова, И. Л. Сиротина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 238–245. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.238

REFERENCES

1. Knabe G. S. Semiotics of culture. Moscow, RSUH, 2005, 64 p.

About the authors:

Lysova Nadezhda Jur'evna, Associate professor of Culturology, Ethnic and Cultural Studies of Institute of National and Folk Culture, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Philosophy, lysova-nu@mail.ru

Sirotina Irina L'vovna, head of Design and Advertising chair of Institute of National and Folk Culture, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Doctor of Sciences degree holder in Philosophy, sirotinail@mail.ru

For citation: Lysova N. Ju., Sirotina I. L. Transformacija narodnogo finno-ugorskogo kostjuma v sovremennyj socium [Eransformation of folk finno-ugric costume in contemporary society]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 238–245. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.238

УДК 929 “Огарев” DOI: 10.15507/VMU.024.201404.246

Н. П. ОГАРЕВ И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ*

Н. И. Воронина

В статье рассматриваются лучшие традиции прошлого, которые возвращают нас к опыту предшествующих поколений, становясь фактором и фактом философской мысли, прежде всего в публицистическом и литературном творчестве, приобретая колоссальный общественный резонанс. Особенности современного исторического момента, связанные с гуманизацией российского общества, обновлением духовно-нравственной сферы, выдвигают в центр внимания вопросы развития личности. Исторический философско-эстетический и музыкальный потенциал на примере российских мыслителей XIX в. является важным при осмыслении различных этапов культурной жизни нашего общества. В связи с этим духовная связь настоящего с прошлым представляется особенно интересной. Энциклопедизм знаний, высокая культура общения, неутомимость творческого поиска в любой сфере человеческого бытия и общественного сознания Н. П. Огарева и каждого из представленных в статье мыслителей продолжают вызывать интерес и в настоящее время. В статье рассматривается явление дилетантизма в музыке высшей пробы через особый «тип философствования» в музыке, анализ которого позволил нам увидеть в этом феномене музыку как богатство, благотворность, как вольную струю, как самое дорогое, что есть в жизни. Именно этим объясняется новизна и актуальность данной работы.

Ключевые слова: культура, XIX век, Н. П. Огарев, музыка, духовная связь, особый «тип философствования» в музыке.

N. P. OGAREV AND HIS CO-THINKERS

N. I. Voronina

The best traditions of the past, that return us to the experience of preceding generations, are examined in the article. They are becoming the factor and the fact of philosophical idea primarily in publicism and in literary work, acquiring huge public resonance. The features of today’s historical moment, related to humanization of our society, updating of spiritual and moral sphere, put forward the questions of the development of personality in a spotlight. Historical philosophical-aesthetic and musical potential on the example of the Russian thinkers of the XIXth century is important in the comprehension of the different stages of cultural life of our society. And here spiritual connection of the present and the past appears to be especially interesting. Knowledge encyclopaedism the highest culture of communication, indefatigability of creative search in any sphere of human being and public consciousness of N. P. Ogarev and each of presented thinkers are saved an attractive force nowadays. The article shows the phenomenon of dilettantism in music of higher test through the special “type of philosophizing” in music, the analysis of which allowed us to feel music in this phenomenon as wealth, beneficence, as a free stream, as something – the most precious in life. In this perspective the paper material is new.

Keywords: culture, XIXth century, personality, N. P. Ogarev, music, spiritual relation, special “type of philosophizing” in music.

Малые литературно-художественные группы в первой половине XIX в. представляют собой культурную константу. В Москве в этот период группы живописцев привлекали внимание к своему творчеству открытием новой галереи, музыканты – созданием новых коллективов (хоры, квартеты, квинтеты, ансамбли, ор-

* Статья выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 14-03-00099а

© Воронина Н. И., 2014

кестры). Кроме этого, был организован выпуск специализированного журнала. Статьи в нем отличались разнообразием тематики (философия, политика, литература, музыка и т. д.); приветствовалась свобода слова и печати. Постепенно писатели и художники стали стремиться к широкой известности, а затем – к возможной монополизации общественного мнения.

Это были случаи из *новой частной музыкальной жизни.* «Частной: не-светской, но и не церковной. Частной: не-публичной. Не публичной, но и не-индивидуалистической», согласно точному выражению искусствоведа Т. В. Чередниченко. Именно в 1820–30-е гг. возникло новое базовое переживание, новый тип отношения к творчеству и восприятию: не служение, не привлечение внимания, а *вовлеченность* в музыкальную стихию. И слушатель, и композитор в данном случае рассматривались как полноправные участники музыкального события.

Заметим, что в первой половине XIX в. была сформулирована концепция музыки, которая стала определяющей для развития русской музыкальной культуры в целом. В свете упрочения онтологических оснований музыки значение первой половины XIX в. было огромным. Мы не всегда признаемся в этом, описывая время до М. И. Глинки и А. Н. Серова как дилетантизм в музыке. Однако необходимо помнить, что именно на этом основании сложилась музыкальная традиция России.

Картина русской музыкальной культуры первой половины XIX в. являтся сложной и противоречивой. В этот период наблюдался разрыв между высшими достижениями и уровнем музыкального быта; значительная часть общества оставалась во власти отсталых вкусов и представлений. Кроме этого, русские композиторы не находили признания у себя на родине, европейская музыкальная классика была чуждой широким кругам общества, произведения русских композиторов не доходили до зарубежного слушателя. Также не существовало системы профессионального музыкального образования.

В повседневной жизни приобрело популярность фортепиано, на котором исполнялись небольшие и несложные по форме пьесы и танцы салонного типа. Модными были вариации на тему А. А. Алябьева и А. Е. Варламова, пьесы И. Ф. Ласковского и Дж. Фильда. Открытые публичные концерты часто включали в себя легкую развлекательную музыку, однако предпринимались попытки устраивать вечера классической и мало тогда известной западной музыки, как правило, симфонической. В музыкальных театрах ставили итальянские, французские и немецкие оперы. Таким образом, оперная и концертная жизнь в российских городах и музыкальная педагогика были ориентированы прежде всего на иностранную музыкальную культуру.

Московская литературно-художественная среда 1830–40-х гг. стремилась объективно учесть и оценить бытование городской музыки, ее эстетически контрастные слои, понять опыт существования крестьянского фольклора в русской столице. В размышлениях о судьбе просвещения и развития национальной культуры популярное искусство выступало стимулом плодотворной полемики. Накапливались разнородные материалы повседневного обихода, развивались музыкально-психологические наблюдения в художественной литературе, начала формироваться историко-стилистическая методология анализа и оценки творчества любителей [1].

Главным результатом эмпирических исследований музыкального быта рассматриваемого периода стал *контраст* двух точек зрения (этнографической и историко-критической) на судьбы и функционирование в культуре народного творчества. Этот коренящийся в иррациональной природе художественного быта контраст позиций отдельных литераторов и музыкантов развился позднее, в 1860–1870-е гг., в *конфликт* публици-

стических противостояний. Приведем несколько примеров.

В журналах «Телескоп», «Московский наблюдатель», «Молва» (1830-е гг.), «Репертуар и Пантеон» и «Современник» наряду с информацией о музыкальных событиях присутствуют «мысли о музыке», «философия и история музыки», «нечто о старинных песнях» и т. д.

Кроме этого, нам представляются интересными рецензии на оперы Г. Мейербера и Дж. Верди Ю. Арнольда, В. Дамке, Д. Струйского, в которых говорилось, что залогом успеха у широкой публики явился банальный мелос и конфликт сильных страстей. Полемика вокруг лирического «наива» затронула множество специфических музыкальных вопросов, таких как итальянская опера и романтизм, жанровая стилистика любовно-лирической драмы, вокально-исполнительская природа ее лексики, эстетические приобретения романтической оперы, механизм восприятия «поджигающего» пения и т. д.

Внутренней пружиной полемики оказались обусловленные временем проблемы музыкальной социологии. Феномен почти универсальной психологической действительности (а следовательно, и просветительских потенций) итальянской оперы оказался исследовательским, ключевым. Поиски ответов, во-первых, направляли аналитическую мысль к стилистике бытового мелоса, во-вторых, активизировали аксиологические наблюдения. Наиболее полное отражение эта группа вопросов получила в выступлениях В. Ф. Одоевского. Вопросы музыкального просвещения все чаще рассматривались им как социально насущные. Говоря о заслугах филармонического общества, критик стремился содействовать обогащению содержания и форм этой деятельности. Соотношение эстетических свойств музыки и мнений публики давало основание ставить вопрос о несоизмеримых контрастах способности *слышать музыку и судить о ней.*

Предметом саркастического отношения были меломаны, чьи суждения определяла мода: «высший круг остался тем же жалким и притом бессовестным подражателем» [11, с. 127].

Невежество слушателей и критики оценивалось как результат влияния консервативного околохудожественного сознания. Ирония по поводу музыки «с душой» («балаганный мотив Беллини и Доницетти, который преследует вас и в концерте, и в гостиной, и вариациях всех фортепианистов и скрипачей» [12, с. 177–178]) и «ученой», «без души» (например, симфонии Бетховена) помогла подчеркнуть мысль о нивелирующей силе дилетантизма, способного адаптировать множество данностей различного эстетического ранга.

Тонизирующей силой является оригинальное изобретение в сфере мелодики. «Руслан и Людмила», по мнению В. Ф. Одоевского – это стилистический антипод оскудевшей музыки Запада [13, с. 208]. Сила таланта М. И. Глинки заключается в бесконечности изобретения, слиянии достижений европейского искусства с российскими традициями. Противопоставляя «роскошный цветок» музыки Глинки миру дилетантизма, В. Ф. Одоевский углубился в вопросы философии музыки и проблемы музыкального восприятия. Он писал о труднопостижимой природе эмоции художественного наслаждения, подчеркивая эстетическую уникальность музыки, способность вызвать сложную гамму чувств.

Подчеркнем, что к 1840-м гг. все большее распространение начинает получать идея народности как проявления культуры. Проблемы народоведения стимулировали развитие интереса к фольклору в городской среде. Качественно разнородные собрания песен А. Л. Гурилева, А. Е. Варламова, П. П. Кашина, И. А. Рупина явились отзывами на растущий интерес к «природному» напеву. Причем обработки, переложения разного рода пользовались симпатиями большинства как *культура восприятия*, форма популяризации русского мелоса.

Н. Полевой приветствовал сборник П. Кашина; Д. Веневитинов утверждал,

что народность искусства «не в черевичках и не в бородах, не в картинах, принадлежащих какой-либо особенной стороне, но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, в успехах и отдельности его характера» [Цит. по: 2, с. 19]. Симптоматичны о времени и, пронизанные социальностью, суждения В. Г. Белинского о народности – «альфе» и «омеге» нового периода. Об истинной народности «литературного духа» размышлял Н. И. Надеждин: «Ни исключительная народность, ни исключительное чужеядство недостаточны для полной литературной жизни» [14, с. 96]. Бесплодным и переходящим представляется И. В. Киреевскому «странный хаос недоразвитых мнений, противоречащих стремлений» в литературе 1840-х гг. Подражательность, по его мнению, губит искусство, беспомощное перед лицом социальных проблем; «незрелость литературы отражает незрелость общественного сознания» [9, с. 372].

Другая точка зрения была представлена Киреевским в «Песенной прокламации», что свидетельствует о наличии полемики в славянофильской среде. В предисловии к собранию народных песен И. В. Киреевский писал о «мрачной истине» действительности – об уничтожении красоты крестьянской песни и падении песенного творчества в городе. «Новое поколение песен, начинающее вытеснять прежнее, в самом деле недостойно того, чтобы им дорожить <…>. Вместо прежней красоты и глубины чувства встречается безобразие нравственной порчи, выраженное в бессмысленном смешении <…>, вместо прежней благородной прямоты – ужимистый характер сословия лакейского» [10, с. 9]. Проблемы такого характера находили свое отражение также в музыкознании Н. И. Захаров, который с сожалением писал об отсутствии теоретически разработанного «кодекса русской песни» и сильном влиянии европейских обычаев. В отзыве о сборнике русских песен А. Гурилева критик выступил поборником простоты, естественности; европейские рулады, трели и двойные аподжиатуры «не дружатся с безыскусственным характером наших народных песен и не идут им вовсе, как седло корове» [7, с. 146–147].

Более исторически прозорливым оказался взгляд А. А. Григорьева. Ему близка мысль В. Г. Белинского о своеобразном переосмыслении Россией западных нововведений [4, с. 553]. «Песня не только растение: песня – сама почва, на которую ложится слой за слоем; снимая слои и посредством сличения вариантов можно иногда добраться и до первого слоя» [5, с. 122]. Вместо рассмотрения всех вариантов и слоев он призывал изучить типы народных певцов, их отношение к крестьянскому пению.

Итак, данный краткий обзор состояния музыкального искусства в России первой половины XIX в. и его эстетического осмысления позволяет сделать некоторые выводы, которые являются существенными для понимания тех оснований, на которых базировались музыкально-философские идеи московской литературно-художественной среды указанного времени.

Социальные процессы, происходившие в России и на Западе в этот период, оказали существенное влияние на складывание музыкальной традиции. Стереотип восприятия музыки как науки, как знания или как только развлечения, существовавший в общественном сознании на протяжении многих веков, носил прежде всего прикладной характер. С такой точки зрения, музыка создавалась для вполне определенной цели. Эстетическая оценка музыки также соответствовала этому распространенному заблуждению.

Перестройка искусства совершалась постепенно; процессы становления и самосознания личности отражались в музыке, но первоначально только как внутреннее накопление качества, духовного потенциала.

Осознание новых духовных возможностей музыки привело к возникнове-

нию различных форм субъективизма. Однако в его основе лежали новые объективные возможности музыки, которыми она теперь активно овладевала. 1820–40-е гг. XIX в., как мы показали, наметили новые черты восприятия музыки, принесли русскому самосознанию идею понимания музыки как содержательного и смыслового искусства.

Наряду с другими видами музыка осваивала мир в его реальности и полноте, принимала активное участие в художественном освоении действительности, становлении реализма. Этот процесс не был однозначным и получал противоречивое отражение в музыкально-эстетической мысли. Особенно острой являлась проблема понимания музыки.

Все это нашло отражение в философско-эстетических суждениях многих деятелей культуры. Например, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич и В. П. Боткин не были музыкантами, но каждый из них считал музыку первоначалом духовной жизни человека. Нас привлекла специфика их мышления, проявляющаяся в новом типе духовно-практического освоения действительности. Примером данного положения служат высказывания Н. П. Огарева и В. П. Боткина о музыкальном вкусе или А. И. Герцена и Н. П. Огарева – о прекрасном в музыке. Показательным в этом отношении является их опыт целенаправленного и сосредоточенного слушания музыки, разных ее жанров и форм, а так же отражение практического музыкального опыта в неофициальных суждениях и взглядах.

Воззрения на музыку представленных мыслителей часто не совпадали, иногда приводили к противоречиям и парадоксам. Особенно это касается суждений о сущности музыки и ее духовных возможностях.

Новые социальные формы существования музыки в середине XIX в., в частности концертная практика, сделали актуальными новые параметры осмысления музыкального творчества. Если в немецкой философии (Г. Гегель, К. Зольгер, Б. Краузе, Ф. Шеллинг, А. Шопенгауэр) музыка мыслилась как нечто всеобщее, специфический слой бытия, то в российской музыкальной практике одновременно происходил аналогичный всеобщий взрыв музыкально-стихийного. Он подрывал основы музыкального восприятия, вносил разлад в музыкальную жизнь, академические формы распространения музыки. Стихия музыки становилась фактором и фактом музыкальной эстетики. Признаки нарушения сложившихся канонов ощущались в первую очередь в литературном творчестве и публицистике. «Звучащая природа», тембры инструментов и голосов, романтизм музыкальных впечатлений, образные сравнения наполняют литературное творчество А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. В. Станкевича, В. П. Боткина в разной мере, в разных манерах, но, безусловно, музыкально-романтическое содержание в 1830–40-е гг. стало более широким, чем специфический литературно-философский романтизм.

Подчеркнем, что в сложившейся московской литературно-художественной среде не проводили границ между музыкой природы, музыкой бытия и музыкой как художественным творчеством, произведением искусства. Напротив, подчеркивали непрерывность связи между ними, генетическую зависимость музыки как искусства от звуковых проявлений природы.

Романтически переживаемая и постигаемая музыка в разных отношениях стремится за рамки слухового и звукового, за рамки музыки как искусства. Она входит в систему философской и естественнонаучной мысли. Музыка соответствует различным сторонам и явлениям мира или совпадает с ними по своей сущности; она вступает с ними во всевозможные «уравнения» (Новалис). Особого рассмотрения заслуживала в тот период природа художественного творчества, а в нашем конкретном случае – музыкального. В ранних фи-

лософско-эстетических концепциях не только А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. В. Станкевича и В. П. Боткина, но и В. Г. Белинского, М. А. Бакунина, В. Ф. Одоевского и окружавших их мыслителей в данном вопросе опора была на идеи Э. Гофмана: «<…> бессознательное – или, лучше сказать, невыразимое словами – познание и постижение тайной музыки природы» [6, с. 95]. Долгое время данная традиция существовала в русской музыкально-философской мысли. Ее настойчиво разрабатывали С. Т. Аксаков, Н. А. Мельгунов, В. Ф. Одоевский, Н. А. Полевой; музыка в их рассмотрении оставалась то чрезмерно теоретически отвлеченной, то излишне романтически приподнятой (как бы особым даром небес всему человечеству), то укорененной лишь в природе с ее внутренними закономерностями. В этих суждениях ощущалось «давление» традиции, эстетического наследия романтизма и немецкой классической философии. Тем не менее это была удивительная творческая лаборатория мысли, открывающая и осваивающая вместе с музыкой новый художественный мир.

А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич, В. П. Боткин – четыре имени круга единомышленников, не все из которых, как правило, ассоциируются с философией и музыкой. Но мы хотим обратиться к ним, подчеркнув, что именно в связи этеми людьмив середине XIX в. в России возникла проблематика философии музыки, произошло ее становление как особого феномена, который можно отнести и к разряду философии, и к разряду музыки, и к разряду культуры, и к разряду эвристики человеческого сознания вообще.

Развиваясь самостоятельно и параллельно, философия и музыка могли соединиться только в интеллектуальной среде, начинаясь как естественное бытие высокоразвитых в философском и художественном отношении людей. Взаимопроникая и обогащая философию и музыку, российская жизнь оказалась способной *творить* новые формы, разбивая сложившийся стереотип о способности русского человека лишь соединять, репродуцировать в разных комбинациях, но не создавать. Именно у этих талантливых и мудрых россиян мы обнаружили динамичный поиск музыкальных смыслов тогда, когда это еще не было профессиональным делом в России.

Интересно, что этот феномен появился в повседневной жизни названных людей (общение в кружках, эпистолярные циклы, круг общих знакомых, впечатления от прочитанного, увиденного, услышанного). Человек живет вполне реальной жизнью – рассуждает, чувствует, думает о том, как воспитывать потомство, слушает и переживает музыку. И в этой комплексности жизни может возникнуть совершенно новый феномен – *онтологический.*

К сожалению, многие годы мы занимались только общественным сознанием, наукой, искусством, то есть всеми вторичными структурами. Однако онтологический статус данного феномена не менее интересен, глубок и многогранен, он породил необходимость и причинность. Не усиление музыки за счет философии, а именно формирование нового симбиоза – *философии музыки*, в структуре которого можно выделить 2 уровня опыта – несущий и теоретический (интеллектуальный), которые и есть не что иное, как философия.

Н. П. Огарев в истории культуры традиционно определяется как революционер-демократ. Многоаспектность научных исследований его жизни, казалось бы, давно исчерпала тему. И тем не менее, обращаясь к какой-либо частной проблеме, исследователи каждый раз сталкиваются с неизведанным, открывая новые горизонты исследования.

В данном случае изучение жизни и творчества мыслителей в аспекте музыки нарушает сложившуюся традицию, разбивает стереотип восприятия этих имен.

Обратиляя к новым социальным формам существования музыки в России в 1820–40-е гг. В указанный период наметившиеся новые черты в восприя-

тии музыки принесли русскому самосознанию идею понимания музыки как содержательного и смыслового искусства (в отличие от утвердившегося – знание, наука или только развлечение!). Музыка в русском обществе становилась постепенно синтезирующим, интегрирующим началом жизни, мысли, чувства. Премьеры опер М. И. Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила», исполнение новых романсов А. А. Алябьева или А. С. Даргомыжского, песен Ф. Шуберта являлись важными событиями.

Все это подрывало старые основы музыкального восприятия, вносило сумятицу в музыкальную жизнь, академические формы распространения музыкии заставлял прибегать к новым параметрам ее осмысления. Стихия музыки становилась фактором и фактом осмысления прежде всего в публицистике и литературном творчестве, приобретая колоссальный общественный резонанс.

Мог ли А. И. Герцен оставаться в стороне от столь бурного процесса? Конечно, он не вникал в детали и подробности, как Н. П. Огарев и В. П. Боткин, но ритмы музыкальных приливов и отливов в обществе – музыка истории – вот что их волновало. Музыка, создающая в объединяющем русле и уникальное многообразие человеческой жизни в ее конкретности, и общность ее другим людям. По такому конкретному принципу – общности интересов, обращенности к одним и тем же музыкальным явлениям, совпадению идей и ходов мысли о музыке мы избрали круг мыслителей, хотя известно, что уже в молодые годы идейные убеждения В. П. Боткина не совпадали с воззрениями А. И. Герцена и Н. П. Огарева, а во второй половине 1840-х гг. весьма ощутимо обозначились их идеологические расхождения. Возникали идейные разногласия и со Станкевичем. Все четверо не были объединены и каким-либо организационным началом. Некую общность, как в основе, так и в характере осуществления – активном, преобразующем, утверждающем и в то же время универсально проявляющемся в аспекте их жизни, мы определяем через диалектику смыслополагания в музыке и ее модификаций.

Отдельные высказывания, критические замечания, наблюдения о музыке в контексте литературно-критических статей и философских обобщений, полемика о музыке в эпистолярии, документах, мемуарах, наконец, редкие случаи музыкальной публицистики в газетах и журналах говорят о том, что вокруг Н. П. Огарева существовала особая среда, в которой вырабатывалось особое отношение к жизни. Через сферу музыки высвечивалась жизнь души. Погружение в искусство, наслаждение музыкой, свобода художественно-эстетических высказываний как бы переносили их от официальной к «домашней» философии, «к особому типу философствования» [7, с. 60], который стирал между ними разнородные противоречия. Так, В. П. Боткин в своих музыкально-философских суждениях был тоньше, прозорливее, чем в политике, и это примиряло его с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Это был личностный срез жизни, потребность души, особый уровень свободы по отношению к художественной деятельности. Метод объяснения музыкальных явлений у них также отличался от олбщепринятых. Они не стремились публиковать свои мысли, поэтому были свободны от официального диктата в художественной критике. Устраиваемые ими концерты, спектакли, музицирование возвышали русскую культуру быта, резко отличались от ее традиционных форм.

Эстетические чувства, возбуждаемые произведением искусства, проявляли себя в комплексе, доходящем до гармонии. Эти чувства были связаны и с образами фантазии, и с деятельностью интеллекта («умные эмоции» – Л. С. Выготский), и с волевыми стремлениями к совершенству, воплощенному в идеалах, и с игрой духовных сил человека, вызывающей необычайное наслаждение.

Духовная связь настоящего с прошлым также представляется интересной в изучении избранных представителей России XIX в. Энциклопедизм знаний, высочайшая культура общения, неутомимость творческого поиска в любой сфере человеческого бытия и общественного сознания каждого из представленных мыслителей сохраняют притягательную силу и в наше время. «Где, в каком углу современного Запада, найдете вы такие группы отшельников мысли, схимников науки, фанатиков убеждений, у которых седеют волосы, а стремления вечно юны», – восклицал А. И. Герцен в «Былом и Думах» [3, с. 45].

Эти лучшие традиции прошлого, представленные в личности Н. П. Огарева, и его единомышленников возвращают нас к опыту предшествующих поколений. Они заставляют искать и модифицировать традиции передовых людей общества середины XIX в. Все смелее заявляют о себе, например, в современном музыкальном быту камерные общения, устные журналы, музицирование, самодеятельное творчество бардов, особым образом отражающие тенденции русской музыкальной практики XIX в. и наполняющие исследовательскую мысль плодотворным материалом.

Итак, Н. П. Огарев, которого мы чаще рассматривали как революционера-демократа, при более внимательном прочтении и снятии определенных идеологических штампов, случайностей и неопределенностей, связанных с сословными и социальными нюансами его личной и творческой жизни, открывают богатейшие пласты человеческого бытия в российской действительности середины XIX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Воронина, Н. И.** Н. П. Огарев : неисчерпаемость личности / Н. И. Воронина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 167 с.

2. **Вульфиус, П. И.** Русская мысль о музыкальном фольклоре / П. И. Вульфиус ; под общ. ред. О. И. Соколовой. – Москва, 1979. – 360 с.

3. **Герцен, А. И.** Полное собрание сочинений : в 30 т. / А. И. Герцен. – Москва, 1956. – Т. 9. – 353 с.

4. **Григорьев, А. А.** Развитие идеи народности в нашей литературе по смерти Пушкина / А. А. Григорьев // Собрание сочинений. – Санкт-Петербург, 1876. – Т. 1. – 679 с.

5. **Григорьев, А. А.** Собрание сочинений. – Санкт-Петербург, 1914. – Вып. 2. – 221 с.

6. **Гофман, Э. Т. А.** Крейслериана : Житейские воззрения кота Мурра : Дневники / Э. Т. А. Гофман. – Москва, 1972. – 433 с.

7. **Захаров, Н. И.** Кое-что по поводу русских песен, собранных и переложенных для пения и фортепиано г. Гурилевым / Н. И. Захаров // Москвитянин. – 1852. – Т. 4. – № 13. – С. 146–147.

8. **Зеньковский, В. В.** История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Ленинград, 1991. – Т. 1. – Ч. 2. – 280 с.

9. **Киреевский, И. В.** Критика и эстетика. – Москва, 1979. – 440 с.

10. **Киреевский, И. В.** Русские народные песни : в 2 ч. : Русские народные стихи / И. В. Киреевский // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – Москва, 1948. – Ч. 1. – № 9. – 396 с.

11. **Одоевский, В. Ф.** Новая русская опера «Иван Сусанин» / В. Ф. Одоевский // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». – 1837. – № 5.

12. **Одоевский, В. Ф.** Дилетанты / В. Ф. Одоевский // Санкт-петербургские ведомости. – 31 января 1839. – С. 177–178.

13. **Одоевский, В. Ф.** Записки для моего праправнука / В. Ф. Одоевский // Отечественные записки. – 1843. – № 34. – Отд. 7. – С. 208.

14. Хрестоматия по истории русской журналистики XIX в. / Сост. А. В. Западов, Н. М. Сикорский, А. П. Толстяков. – Москва, 1969. – 448 с.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Воронина Наталья Ивановна, заведующий кафедрой культурологии и этнокультуры Института национальной культуры ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор философских наук, kafkmgu@mail.ru

Для цитирования: Воронина, Н. И. Н. П. Огарев и его единомышленники / Н. И. Воронина. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 246–254. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.246

REFERENCES

1. Voronina N. I. N.P. Ogarev: neischerpaemost' lichnosti [N. P. Ogaerv: inexhaustibility of personality]. Saransk, Mordovia University Press Publ., 2013, 167 p.

2. Vulfius P. I. Russkaja mysl' o muzykal'nom fol'klore [Russian thought on musical folklore]. Moscow, 1979. – 360 p.

3. Gercen A. I. Poln. sobr. soch. [Complete works] in 30 volumes, vol. 9. Moscow, 1956, 353 p.

4. Grigor'ev A. A. Razvitie idei narodnosti v nashej literature po smerti // Sobr. soch. Pushkina [Development of ideas of nationality in Russian literature after the death of Pushkin // Collected works], vol. 1. St Petersburg, 1876, 679 p.

5. Grigor'ev A. A. Sobranije sochinenij [Collected works], vol. 2. St Petersburg, 1914, 221 p.

6. Gofman Je. T. A. Krejsleriana. Zhitejskie vozzrenija kota Mura. Dnevniki [Kreisleriana. The Life and Opinions of Tomcat Murr. Diaries]. Moscow, 1972, 433 p.

7. Zaharov N. Koe-chto po povodu russkih pesen, sobrannyh i perelozhennyh dlja penija i fortepiano g. Gurilevym [Something on Russian songs, collected and rearranged for piano and voice by Gurilev]. *Moskvitjanin* – Moscovite. 1852, vol. 4, no. 13, pp. 146–147.

8. Zen'kovskij V. V. Istorija russkoj filosofii [History of Russian philosophy] in 2 volumes, vol. 1. Leningrad, 1991, 280 p.

9. Kireevskij I. V. Kritika i jestetika [Critics and aesthetics]. Moscow, 1979, 440 p.

10. Kireevskij I. V. Russkie narodnye pesni: v 2 ch, ch.1. Russkie narodnye stihi // Chtenija v imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete [Russian folk songs: in 2 parts, chapter 1. Russian popular verses // Proceedings of Imperial Society of Russian History and Archeology, affiliated with Moscow University]. Moscow, 1948, no. 9, 396 p.

11. Odoevskij V. F. Novaja russkaja opera «Ivan Susanin» [New Russian opera "Ivan Susanin"]. *Literaturnye pribavlenija k «Russkomu invalidu»* - Literary addendum to "Russian Invelid". 1837, no. 5.

12. Odoevskij V. F. Diletanty [Diletants]. Sankt-peterburgskie vedomosti – St Petersburg Proceedings. January 31, 1839, pp. 177–178.

13. Odoevskij V. F. Zapiski dlja moego prapravnuka [Letters for my grandgrand-grandson]. *Otechestvennyje zapiski* – Fatherland letters. 1843, no. 34, chapter 7, 208 p.

14. Hrestomatija po istorii russkoj zhurnalistiki XIX veka [Anthology on history of Russian journalism of XIXth century]. Compiled by Zapadov A. V., Sikorskij N. M., Tolstjakov A. P. Moscow, 1969, 448 p.

About the author:

Voronina Natal'ja Ivanovna, head of Culturology, Ethnic and Cultural Studies chair of Institute of National and Folk Culture, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Doctor of Sciences degree holder in Philosophy, professor kafkmgu@mail.ru

For citation: Voronina N. I. N. P. Ogarev i ego edinomyshlenniki [N. P. Ogarev and his co-thinkers]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 246–254. DOI: 10.15507/VMU.024.201404.246

Редакция журнала «Вестник Мордовского университета»
объявляет о наборе научных статей

К публикации принимаются статьи, хроника, рецензии, обзоры кандидатов и докторов наук, преподавателей, аспирантов и студентов старших курсов (в соавторстве).

Материалы, выполненные в текстовом редакторе MS Word, представляются в редакцию в распечатанном и электронном вариантах.

Поля: левое – 3 см, верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см.

Гарнитура – Times New Roman, кегль всей работы, кроме аннотации и ключевых слов, 14, межстрочный интервал – 1,5. Автоматические переносы не допускаются.

Объем статей – 8–10 страниц.

Для хроник, рецензий, обзоров – до 6 страниц.

Порядок изложения материала, кроме хроники, рецензий и обзоров:

1. УДК (проставляется в левом верхнем углу первой страницы).
2. Название на русском языке (выравнивание по центру страницы, полужирным, прописными).
3. Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке (выравнивание по центру, полужирным).
4. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине страницы, кегль 12).
5. Ключевые слова на русском языке (выравнивание по ширине страницы, кегль 12).
6. Название на английском языке (выравнивание по центру страницы, полужирным, прописными).
7. Инициалы и фамилия автора (авторов) на английском языке (выравнивание по центру страницы, полужирным).
8. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине страницы, кегль 12).
9. Ключевые слова на английском языке (выравнивание по ширине страницы, кегль 12).
10. Основной текст.
11. Список использованных источников (на русском и английском языках).

Ссылки на литературу приводятся в квадратных скобках (например, [1, с. 222]). Список использованных источников сортируется по алфавиту и оформляется согласно требованиям ГОСТа 7.0.9 – 2009. Сначала указываются источники на русском языке, затем – на иностранных языках. Фамилии и инициалы авторов в библиографическом списке, а также названия источников должны быть верными, описания источников – как можно более полными.

Рисунки должны быть черно-белыми, в отдельных файлах, пронумерованы, с верными подписями, хорошего качества (не менее 600 на 600 пикселей). В формате JPEG рисунки не принимаются. Таблицы также нумеруются и подписываются.

Обязательна авторская справка (на русском и английском языках). В ней необходимо указать: фамилию, имя, отчество (полностью); должность; контактный телефон; адрес электронной почты.

Статьи, не отвечающие вышеуказанным требованиям, к публикации не принимаются. Редакция сохраняет за собой право отказать в публикации статьи с объяснением причин отказа. Плагиат недопустим.

Электронные версии статей будут размещены на сайте Научной электронной библиотеки. Журнал распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 70539), заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц, а также путем рассылки номеров наложенным платежом.

Адрес редакции: 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, 68. **E-mail:** vestnik_mrsu@mail.ru

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.